

Уильям Манчестер • Пол Рейд

A black and white portrait of Winston Churchill, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark suit, a white shirt, and a dark bow tie with white polka dots. A white pocket square is visible in his jacket. His hands are resting on a surface in front of him, with a ring visible on his left hand.

Защитник королевства
Уинстон Спенсер

ЧЕРЧИЛЬ

Вершина политической карьеры 1940—1965

Яркая, насыщенная противоречивыми фактами политическая биография лидера британского правительства, автора идеи упреждающего ядерного удара по Кремлю

Уильям Манчестер

**Уинстон Спенсер Черчилль.
Защитник королевства. Вершина
политической карьеры. 1940–1965**

«Центрполиграф»

2012

УДК 929 Черчилль
ББК 66.3(4Вел)

Манчестер У.

Уинстон Спенсер Черчилль. Защитник королевства. Вершина политической карьеры. 1940–1965 / У. Манчестер — «Центрполиграф», 2012

Сэр Уинстон Спенсер Черчилль – британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 годах, военный, журналист, писатель, почетный член Британской академии, лауреат Нобелевской премии, по данным опроса, проведенного в 2002 году компанией Би-би-си, величайший британец в истории. Черчилль, представленный Уильямом Манчестером и Полом Ридом, – это человек негибкого мужества, острого ума и невероятного стремления к действию. Эта книга – блистательный рассказ о том, как Черчилль организовал свою нацию для обороны и военного отпора нацистской Германии, вынудив Рузвельта оказать поддержку Британии поставками вооружения. Именно он настоял на оказании помощи Советскому Союзу, что не мешало ему оставаться его убежденным идейным врагом В Старики, как называли его сотрудники, уживалось несколько, иногда противоречащих друг другу личностей. Он непозволительно много работал, был эгоистичен, придирчив, вспыльчив, груб, невнимателен к людям и в то же время преисполнен сострадания к тем, кто попал в трудное положение. Но что бы ни происходило с ним и с его страной, которой он был бесконечно предан, он всегда поступал в соответствии со своим девизом: «Никогда не сдавайся!»

УДК 929 Черчилль
ББК 66.3(4Вел)

© Манчестер У., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Предисловие	8
Предыстория	35
Глава 1	47
Глава 2	192
Конец ознакомительного фрагмента.	225

**Уильям Манчестер, Пол Рейд
Уинстон Спенсер Черчилль.
Защитник королевства.
Вершина политической карьеры
1940–1965**

*Памяти
ДЖОНА КОЛВИЛЛА,
кавалера ордена Бани,
кавалера ордена Виктории (1915–1987),
воспитанника Харроу, государственного служащего,
воина, летчика, ученого
Уильям Манчестер, август 1994*

*БАРБАРЕ
Пол Рейд, август 2012*

*In freta dum fluvii current, dum montibus umbrae
Lustrabunt convexa, polus dum sidera pascet;
semper honos nomenque tuum laudesque manebunt.*

*Реки доколе бегут к морям, доколе по склонам
Горным тени скользят и сверкают в небе светила, —
Имя доколе твоё пребудет в хвале и почете.
Вергилий. Энеида. Книга I*

Copyright © 2012 by John Manchester, Julie Manchester, Laurie Manchester, and Paul Reid
© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие Преследуемый лев

21 июня 1940 года Уинстон Черчилль был самой заметной фигурой в Англии. В этот день Франция приняла гитлеровские условия капитуляции, и теперь под свастикой оказалась фактически вся Европа. Британия с доминионами были один на один с Третьим рейхом. Черчилль, всего шесть недель назад назначенный премьер-министром, защищал не только свой родной остров. Будучи первым министром короны, он также являлся центральной фигурой Британской империи, занимавшей в то время почти четверть всей суши, на которой проживала почти четверть населения Земли. Не вызывает сомнений важность его роли. Каждый, кто общался с ним, видел его по-своему. Он был многогранным человеком, в котором уживалось несколько личностей, некоторые противоречили друг другу, но все были естественные.

В доме номер 10 по Даунинг-стрит недавно назначенного шестидесятипятилетнего премьер-министра все называли Стариком. Он был во многих отношениях неудобным хозяином. Работал непозволительно много. Был эгоистичен и чрезвычайно невнимателен к людям. Трудно было понять, что Черчилль говорит, поскольку он шепелявил и часто переходил на ворчливый тон, произнося слова негромко и неотчетливо, и его помощникам приходилось помучиться, чтобы понять, кого он имел в виду, когда упоминал «этого круглолицего человека в министерстве иностранных дел» или «лорда, хромающего на левую ногу». Черчилль считался с мнением военных советников, но никогда не делегировал полномочия премьер-министра ни одному из своих сотрудников. Он хотел лично принимать все решения, поскольку, по словам сэра Йена Джейкоба¹, «был полон решимости стать номером один». Йен Джейкоб был помощником секретаря по военным вопросам в военном кабинете и об упрямстве Черчилля знал не понаслышке².

Черчилль мало того что контролировал решение стратегических вопросов, вообще вникал во все подробности. Он принял, например, решение о необходимости обеспечения солдат затычками для ушей из-за устрашающих звуков современной войны. Ему пришло в голову, что оружие, взятое в качестве трофеев по окончании Первой мировой войны, можно сделать пригодным для использования в боевых условиях. Он потребовал, чтобы ему объяснили, какие меры предусмотрены для спасения животных в зоопарке на тот случай, если зоопарк подвергнется немецкой бомбардировке. Некоторые его соображения о тонкостях ведения войны были пророческими. Он попросил своего личного представителя в Комитете начальников штабов, генерала Исмея Гастингса по прозвищу Мопс ускорить разработку «некоего снаряда для стрельбы из винтовки по танку, типа снаряда траншейного миномета».

Однако горе подчиненному, привлечшему внимание Черчилля к подробностям, которые тот считал незначительными. Когда в Рейкьявике перед ожидаемым немецким вторжением в страну министр короля Георга предложил эвакуировать гражданское население Исландии, Черчилль ответил, что это, «конечно, полная ерунда». Опасности, с которыми столкнулись исландцы, были незначительными, и, «во всяком случае, у них большой остров и множество мест, куда сбегать». Он получал огромное удовольствие, блуждая в дебрях подробностей. Как-то той весной, когда шло обсуждение операции, связанной с минированием бассейна Рейна, Черчилль сказал своему помощнику: «Это один из тех редких счастливых моментов, когда

---

¹ Джейкоб Йен – помощник секретаря военного кабинета (1939–1945), обрабатывал большую часть военной корреспонденции Черчилля. В конце войны получил звание генерал-лейтенанта. (Примеч. авт.)

² WM/Sir Ian Jacob, 11/12/80.

уважаемые люди, такие как вы и я, могут получать удовольствие, обычно предназначенное Ирландской республиканской армии»³.

Черчилль мог обмениваться шуткой с подчиненными; это случалось не так уж редко, но не носило постоянный характер. У подчиненных чаще возникала возможность испытать на себе его гнев. Светло-голубые глаза Черчилля четко сигнализировали о настроении, и если его пристальный взгляд – «такой же теплый, как летний луч солнца», когда он был доволен, – делался ледяным, сотрудники знали, что надвигается буря. Его гнев был ужасен – Черчилль наводил страх на адмиралов, генералов и, ежедневно, на своих сотрудников. «Боже мой, девочка, ты не смогла правильно напечатать даже после того, как я дважды повторил «*give*» – Р, Р», – рявкнул он на Элизабет Лейтон, новую машинистку в «номере 10»⁴, которая имела несчастье принять невнятно произнесенное слово «*give*» за «*right*».

Однако, как обычно после подобных вспышек, Черчилль принес извинения на свой манер – он «простил» Лейтон и «был весьма любезен оставшуюся часть дня». На самом деле по своей природе он был преисполнен сострадания ко всем людям, попавшим в трудное положение, включая тех англичан (он всегда предпочитал говорить «англичане и англичанин», а не «британцы и британец»), которых считал ответственными за существующее трудное положение Англии. Узнав, что толпа забросала камнями автомобиль Стэнли Болдуина, он тут же пригласил бывшего премьер-министра на Даунинг-стрит, 10 на обед (в то время, когда ему была дорога каждая минута), и когда ему сказали, что Невилл Чемберлен умирает от рака – Чемберлен не доживет до конца 1940 года, – Черчилль приказал своим сотрудникам сообщать по телефону бывшему премьер-министру, политика которого потерпела полный провал, только хорошие новости⁵.

Позже Болдуин, рассказывая об этом обеде с Черчиллем Гарольду Николсону⁶, добавил, что ушел с Даунинг-стрит «счастливым человеком», испытывая «патриотическую гордость, что моя страна в такое время нашла такого руководителя».

По мнению Болдуина, «военные испытания выявили все основные качества характера» Черчилля. Не все. В узком кругу он любил позлословить о поверженных врагах. Как-то во время завтрака они с женой Клементиной пересказали гостям слух, исходивший от домашних Болдуина, что тот «затравленный человек». По их словам, члены семьи и слуги настолько неуважительно относились к бывшему премьер-министру, что, когда он пожаловался на слишком громко звучащее радио, кто-то прибавил громкость. И когда заканчивались продукты, именно Болдуина родственники отправляли к бакалейщику, чтобы пополнить запасы в кладовой. Когда друзья Болдуина передали Черчиллю приглашение на 80-летие бывшего премьер-министра, Черчилль, через посредника, сообщил им: «Я не желаю Стэнли Болдуину зла, но лучше бы ему было вовсе не рождаться на свет». Самое известное высказывание Черчилля о Болдуине: «Он иногда падает, споткнувшись о правду, но поспешно вскакивает и бежит дальше, как будто ничего не произошло». Что касается Чемберлена, то Черчилль сказал своему новому личному секретарю Джоку Колвиллу, что бывший премьер-министр «самый ограниченный, самый невежественный, самый мелочный из людей». Однажды Черчилль в разговоре со своим врачом умудрился не переводя дыхания очернить Чемберлена и Болдуина: «Болдуин думал, что Европа – это скучно, Чемберлен думал, что это большой Бирмингем». Его

---

³ John Wheeler-Bennett, *Action This Day: Working with Churchill* (London, 1968), 140; Cv/3, 267, 387; Kay Halle, *Irrepressible Churchill: Stories, Sayings and Impressions of Sir Winston Churchill* (London, 1985), 171.

⁴ В разговорной речи Даунинг-стрит, 10 называют Номер 10. (Здесь и далее, кроме особо указанных случаев, примеч. пер.)

⁵ Wheeler-Bennett, *Action*, 53–56; PFR/Winston S. Churchill, 5/04 («summer sunshine»); GILBERT 6, 1214–15 (recollection of Elizabeth Layton).

⁶ Николсон Гарольд (1886–1968) – биограф, историк, вел дневник, был членом парламента с 1935 по 1945 год. С мая 1940 по июнь 1941 года служил под началом Даффа Купера в качестве парламентского секретаря в министерстве информации. Позже перешел на Би-би-си. (Примеч. авт.)

мелочность была столь же искренней, сколь его великодушие, сентиментальность и любовь к Англии⁷.

Члены личного секретариата (секретари, связные, машинистки) должны были беспрекословно выполнять приказы, не высказывая критических замечаний. «Да не будет у тебя иного бога, кроме меня», – говорил премьер-министр. У него был тяжелый характер. Когда Черчилль выходил из себя, под удар попадал тот, кто оказывался рядом, кем бы ни был, и, подобно людям его класса и поколения, он никогда не извинялся и не давал объяснений, хотя позже изо всех сил старался успокоить потерпевшую сторону, скажем похвалив почерк или пробормотав: «Знаете, я, возможно, могу показаться очень жестоким, но на самом деле я жесток только по отношению к одному человеку, Гитлеру».

27 июня, после капитуляции Франции, Клементина написала ему единственное по-настоящему личное письмо из тех, которыми они обменялись в тот год. Она обратила его внимание на потенциально катастрофическое положение дел, связанных с непосредственным вмешательством премьер-министра, – его отношение к сотрудникам. «Ты рискуешь, – написала она, – заслужить неприязнь всех своих коллег и подчиненных из-за твоей грубости, сарказма и властности». Вне всякого сомнения, написала она, сказывается переутомление. И отметила заметное ухудшение его характера: «Ты не так добр, как был раньше». Она предупредила мужа, что его раздражительность и грубость вызовут «неприязнь или рабское угодничество». Свое послание Клементина закончила словами: «Пожалуйста, прости свою любящую и бдительную Клемми». Под подписью она сделала набросок кошки (на протяжении почти трех десятилетий Уинстон называл ее Кошка). Нет никаких свидетельств об ответе Черчилля. Однако тот факт, что письмо сохранилось, позже написала их дочь Мэри, указывает на сдержанную реакцию⁸.

В 1940 году они не разлучались надолго, как это было во все предыдущие годы их брака, когда работа, война и праздники вынуждали одного из них уехать за границу. Его отношение к сотрудникам за ближайшие месяцы, проведенные по большей части в сыром подземном убежище, не претерпит ни малейших изменений в лучшую сторону.

Все, кто в то время были с ним, сходятся во мнении, что Старика волновали более важные вопросы, чем чувства подчиненных. Но в любом случае со временем они начинали преклоняться перед ним. Позже Джок Колвилл вспоминал: «Черчилль симпатизировал простым людям, поскольку сам имел ясное представление о том, что требовалось, и ненавидел казуистику. Вот почему его любили простые люди и не любила интеллигенция». Черчилль, в свою очередь, считал левых, присвоивших себе право судить, кто прав, а кто не прав, высокомерными; «недостаток», который, по словам Колвилла, Черчилль «не выносил в других, особенно высокомерие в интеллектуальной форме». По этой причине Черчилль испытывал «неприязнь и презрение к интеллектуальному крылу Лейбористской партии», которое отвечало ему тем же. В 1940 году левые интеллектуалы были враждебно настроены в отношении Черчилля и общего дела Британии, которое было проще некуда: одержать победу над Гитлером⁹.

Черчилль не испытывал особого интереса к социально-политическим теориям; он был человеком дела: выявить проблему, найти решение и решить проблему. Однако для человека дела он был необычайно вдумчивым и начитанным. Во время службы в Индии он, будучи молодым офицером, собрал библиотеку, в которой были «Этика и политика» Аристотеля, «Республика» Платона, сочинения Шопенгауэра о пессимизме, Мальтуса о народонаселении и «Происхождение видов» Дарвина. Для Черчилля чтение было формой деятельности. Увлекаясь чтением на протяжении всей жизни – от новелл писателя С.С. Форестера о морских приклю-

---

⁷ John Colville, *The Fringes of Power: 10 Downing Street Diaries 1939–1955* (New York, 1985), 406; Lord Moran, *Churchill: Taken from the Diaries of Lord Moran* (Boston, 1966), 451; Halle, *Irrepressible Churchill*, 133; Cv/3, 1309, 1471 (Baldwinfamily); TWY, 307.

⁸ Mary Soames, *Clementine Churchill: The Biography of a Marriage* (New York, 2003), 383.

⁹ Wheeler-Bennett, *Action*, 79, 140.

чениях Горацио Хорнблауэра до сочинений Шекспира и Маколея, – он умел выявить основные элементы сложных интеллектуальных систем, конструкций и теорий. Во время войны он однажды резко оборвал завязавшийся на обеде разговор о социализме, порекомендовав присутствовавшему прочесть энтомологическое сочинение Мориса Метерлинка «Жизнь термитов». «Социализм, – заявил Черчилль, – сделает наше общество похожим на общество термитов». И вопрос был закрыт. Спустя почти десятилетие, когда Лейбористская партия, находясь у власти, национализировала одну за другой отрасли промышленности и все еще существовала карточная система распределения мяса, бумаги, бензина и даже древесины для изготовления мебели, Черчилль заметил: «Социалистическая мечта больше не утопия, а очередитопия»¹⁰¹¹.

В конце июня личный секретарь Черчилля Эрик Сил отметил, насколько Черчилль «изменился, став премьер-министром», насколько стал «спокойнее, менее резким, менее неводержанным, менее импульсивным». Это не соответствовало действительности. Изменилось отношение Сила к Черчиллю, а не сам Черчилль. Его характер полностью сформировался на рубеже веков как офицера имперской армии Виктории, как военного корреспондента, как молодого члена парламента при старой королеве. И он это знал. Как-то вечером, слушая пластинки с записью оперы «Микадо», он сказал, что они возвращают его юность и Викторианскую эпоху, «восемьдесят лет, которые займут место в истории нашего острова вместе с эпохой Антонинов». Англичане из высшего общества, достигшие совершеннолетия в период расцвета империи, обладали непоколебимой верой в Англию, уверенностью в собственном мнении и убежденностью в том, что они знают мир и являются его хозяевами¹².

Во многом Черчилль оставался человеком XIX века, но никак не обычным человеком. Он относился к тем, кого Генри Джеймс назвал в своем документальном произведении *English Hours* («Английские часы») «людьми, на которых должен бесперебойно работать механизм удобств». Камердинер Черчилля грел бокал с виски над аккуратно обрезанной свечой, чтобы полностью раскрылся вкус и аромат напитка; его машинистки и секретари держали наготове свечи, чтобы он мог прикурить сигару. (Черчилль отдавал предпочтение кубинским сигарам *Romeo y Julieta*). Он никогда не ездил на автобусе. Черчилль единственный раз воспользовался лондонским метро в 1926 году во время всеобщей забастовки. Клементина высадила его на станции «Южный Кенсингтон», но Уинстон не сумел сориентироваться, «ходил по кругу в поисках выхода, и в конечном счете ему пришлось обращаться за помощью». Черчилль никогда не имел при себе наличные, только в казино и на дерби, чтобы помощник покупал фишки и делал ставки на фаворитов¹³.

Клементина, на десять лет младше Уинстона и гораздо более сведущая в домашней экономике, вела хозяйственные книги; она занималась закупками вместе с прислугой. Черчилль не имел привычки общаться с местными торговцами. Этот человек, воплощение духа Англии, никогда не посещал благотворительные базары и не стоял в очереди в пекарню за свежеспеченными булочками. Он никогда сам не покупал билеты на поезд. Как и подобает человеку его класса и положения, он никогда не готовил еду. Как-то он захотел провести выходные не в Лондоне, а в загородном доме в Чартвелле, и Клементина напомнила ему, что там нет кухонного персонала. «Я сам приготовлю для себя, – ответил Черчилль. – Могу сварить яйцо. Я видел, как это делают». Собираясь куда-нибудь ехать, он всегда спрашивал: «Кучер на козлах?» – что означало, на месте ли шофер. Его телохранитель, инспектор Скотленд-Ярда Уолтер Томпсон, вспоминал, что в тех редких случаях, когда Черчилль сам садился за руль, «он никого не про-

---

¹⁰ Queuetopia – очередитопия, слово, придуманное Черчиллем.

¹¹ WM/Jock Colville, 10/14/80; Colville, *Fringes*, 434; WSCCHCS, 7912; Winston Churchill, *My Early Life: 1874–1904* (New York, 1996), 112.

¹² Colville, *Fringes*, 170–71; Wheeler-Bennett, *Action*, 93.

¹³ Moran, *Diaries*, 265.

пускал, оставляя вмятины на своем и чужих автомобилях. По его теории, люди не должны были находиться на его пути»¹⁴.

Для того чтобы ехать с Черчиллем, вспоминал Томпсон, требовалось «взять ответственность за собственную жизнь в свои руки». Как-то Черчилль, тогда еще министр финансов, свернул в боковую улицу в Кройдоне и увидел автомобильный затор, который возник из-за проведения дорожно-ремонтных работ. Полицейский сделал Черчиллю сигнал остановиться, но Черчилль проигнорировал сигнал констебля и, выехав на тротуар, объехал затор. Томпсону довольно часто приходилось перехватывать у Черчилля руль, чтобы предотвратить аварии. Когда Черчилль, сидя за рулем, столкнулся с автомобилем некоего несчастного лондонца, это не произвело на него никакого впечатления, впрочем, как и частые столкновения с подчиненными, членами парламента и иностранными монархами. Роберт Бутби, один из наиболее преданных приверженцев Черчилля в «годы пустынного одиночества», период, когда Черчилль лишился власти, вспоминал, что Черчилля совершенно не заботило, что о нем думают люди, и абсолютно не интересовало, какие они испытывают чувства. «Именно это удивительное отсутствие интереса и привязанности, возможно, помогло ему стать великим лидером». Черчилль «часто бывал бессердечным», вспоминал Бутби, а потом была война, и у него не оставалось времени на нежности¹⁵.

Черчилль отказывался признавать измененные географические названия; для него Стамбул оставался Константинополем («Хотя для дураков можно в скобках написать «Стамбул»). Анкара оставалась Ангорой (он заявил в министерстве иностранных дел, что отказывается называть ангорских кошек как-то иначе). Пекин оставался Бейпином, Севастополь – Севастополем, Иран – Персией. Кроме того, он предпочитал пользоваться устаревшими военными терминами, а не современными; говорил «пушка», а не «артиллерийское орудие», «мушкет», а не «винтовка», «фрегат», а не «эсминец». Когда он составил текст телеграммы Франклину Рузвельту, в которой просил подарить или одолжить пятьдесят старых фрегатов, Джек Колвилл посоветовал заменить «фрегаты» на «эсминцы», поскольку президент может не понять, что имеет в виду премьер-министр. В юности и в молодости, особенно в компании офицеров 4-го гусарского полка, великолепных в их синей с золотом форме, с безупречной манерой поведения за столом, он на всю жизнь приобрел любовь к традициям, обычаям, пышным празднествам, официальным церемониям и соблюдению условностей. Он придавал большое значение протоколу. Черчилль говорил членам кабинета: «Господа, мы заняты очень серьезным делом. Мы должны заниматься им самым серьезным образом». Он требовал, чтобы в корреспонденции они обращались к нему «Дорогой премьер-министр», а его ответы начинались со слов «Дорогой министр иностранных дел», «Дорогой министр финансов» и т. д. Он заканчивал письма «Искренне ваш» только в тех случаях, когда считал, что на самом деле был искренним¹⁶.

Его двойственное отношение к войне сформировалось под влиянием викторианского милитаризма, когда жертвы были немногочисленными, а победы огромными. Он говорил: «Война, которая была жестокой и величественной, стала жестокой и убогой». Находясь при власти, никто из британских премьер-министров, и даже Веллингтон, не носил униформу. Черчилль носил синюю униформу (почетного) commodora Королевских ВВС Великобритании и сожалел, что британские солдаты больше не носят красную униформу¹⁷.

Позже все, кто окружал его в 1940 году, вспоминали удивительную неисчерпаемую энергию Старика. Он имел избыточный вес и был на пятнадцать лет старше Гитлера; он никогда не

---

¹⁴ Anthony Montague Browne, *Long Sunset* (London, 1996), 118; Walter H. Thompson, *Assignment: Churchill* (New York, 1953), 84.

¹⁵ Thompson, *Assignment: Churchill*, 84; WM/Sir Robert Boothby, 10/16/80.

¹⁶ WM/G.M. Thompson, 10/24/80; Colville, *Fringes*, 217; WSC 6, 752.

¹⁷ WM/G.M. Thompson, 10/24/80.

занимался спортом, и, кроме того, «он работал, – по словам Кэтлин Хилл, одной из машинисток Черчилля, – все время, в каждый момент бодрствования». Эдвард Спирс, его старый друг со времен Первой мировой войны, который увидел Черчилля весной 1940 года после долгих лет разлуки, почувствовал «удивление, какое не чувствовал прежде, относительно его силы и энергии. Я знал, что он в полной мере обладал этими качествами, но теперь он излучал силу и уверенность, излучал так, словно был их источником». Молодой Джок Колвилл был поражен «неутомимым трудолюбием Уинстона» и написал, что было «хорошо работать с тем, кто не впадал в уныние, когда невиданная до того времени опасность нависла над страной. У него неукротимый дух, и даже если Франция и Англия потерпят поражение, я полагаю, он продолжит крестовый поход с отрядом приватиров»¹⁸.

Для британцев он был стопроцентным англичанином, воплощением английского бульдога, с выступающим вперед подбородком, с зажатой в зубах сигарой, в цилиндре, с заявлением, что «иностранные названия для англичан, а не англичане для иностранных названий» (он всегда произносил последнюю букву *s* в названии города Calais – Кале) и пристрастием к мясу. В письме министру продовольствия он написал: «Почти все из тех, кого я знал, у кого определенные заскоки в отношении еды, те, кто едят орехи и т. п., умерли молодыми после длительного периода немощи. Британский солдат намного разумнее ученых. Он больше всего любит мясо... Способ проиграть войну состоит в том, чтобы попытаться заставить британцев перейти на диету, состоящую из молока, овсянки, картофеля и т. д. и т. п., запивая это, по торжественным случаям, соком лайма»¹⁹.

Сам Черчилль никогда не соблюдал никаких диет, ел что хотел и редко расплачивался за это, и пил что хотел, обычно алкогольные напитки, и когда хотел, а хотел он выпить довольно часто. Как-то утром Гарри Гопкинс (наиболее близкий и доверенный советник Франклина Рузвельта) вошел в спальню Черчилля и увидел премьер-министра, который завтракал сидя в кровати в розовом халате, и на подносе, «среди прочего, стояла бутылка вина». Когда Гопкинс удивился тому, что Черчилль пьет на завтрак, тот ответил, что не признает консервированное молоко, но «не имеет глубокого внутреннего предубеждения относительно вина, а потому сделал выбор в пользу последнего». Кроме того, сказал Старик Гопкинсу, он не обращает внимания на советы врачей, поскольку они, как правило, ошибочные, что он прожил почти семь десятилетий и у него отличное здоровье и «он не собирается бросать пить алкогольные напитки, слабые и крепкие, ни сейчас, ни потом»²⁰.

Во время войны за завтраком он обычно выпивал стакан белого вина (вместо чая, поскольку в войну было только консервированное молоко, которое он не признавал). Затем в течение утра пил сильно разбавленный виски с содовой. За ланчем мог выпить портвейн, обязательно шампанское Pol Roger (предпочитал Nine, разлитый по бутылкам в прошлом веке), иногда пиво. Немного вздремнув, он перед обедом выпивал виски, отдавая предпочтение Johnnie Walker Red Label. Во время обеда выпивал много шампанского, а под конец обеда – «несколько порций», что не мешало ему продолжать пить шампанское. Он одинаково любил поесть и выпить. Как вспоминал его внук, Уинстон С. Черчилль, обед деда начинался с мадрилена (охлажденный, желеобразный мясной бульон) и пескарей (мелкой рыбки из Норвежского моря), далее следовал ростбиф, тонко нарезанный, с йоркширским пудингом и жареной картошкой, затем шел его любимый десерт bombe glacée (мороженое в виде шара). Вечером, когда Черчилль работал в кабинете перед уходом ко сну, камердинер (во время войны это был Фрэнк Сойерс) наливал ему портвейн, а на завершающем этапе – сильно разбавленный виски.

---

¹⁸ WM/G.M. Thompson, 10/24/80; Colville, *Fringes*, 136, 142–43, 231; E.L. Spears, *Assignment to Catastrophe*, 2 vols. (New York, 1955), 1:154; WM/Kathleen Hill, 11/4/80; WM/Jock Colville, 10/14/80.

¹⁹ Wheeler-Bennett, *Action*, 153; Colville, *Fringes*, 195–96; WSC 6, 733 («foreign names were made for Englishmen...»).

²⁰ Robert E. Sherwood, *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History* (New York, 1948), 688. [Шервуд Р.Э. Рузвельт и Гопкинс: история при ближайшем рассмотрении. Изд-во иностранной литературы, 1958]

Любой другой любил выпивать в день такое количество алкогольных напитков испытывал бы отвращение к еде, но у Черчилля был прекрасный аппетит, и он почти никогда не терял контроль над собой²¹.

Понятно, что он обладал крепким организмом, который исключительно эффективно утилизировал алкоголь. Его хулители и враги намекали, что он много пьет, а некоторые, к примеру Гитлер и Геббельс, открыто заявляли, что он «болтун и пьяница». Тем не менее Роберт Э. Шервуд, спичрайтер и биограф Франклина Рузвельта, написал, что, хотя его «потребление алкоголя... продолжалось довольно регулярно во время бодрствования», оно не оказывало «видимого эффекта на его здоровье и умственную деятельность. Те, кто предполагают, что алкоголь дурманил Черчиллю голову, очевидно, никогда поздно вечером не вступали с ним в спор по какой-нибудь реальной проблеме...». Черчилль, по словам Шервуда, обладал «уникальным» пристрастием и «олимпийской» способностью к выпивке²².

Несмотря на продолжительное, постоянное, невероятное потребление алкоголя, Черчилль не был алкоголиком. Но не был и обычным пьяницей, умеренно потреблявшим алкоголь, как следует из воспоминаний и заявлений его близких друзей и личных секретарей. Его бывшие сотрудники плетут небылицы, что Черчилль весь день потягивал сильно разбавленный виски, время от времени добавляя в стакан содовую. Это так, но они умалчивают о других алкогольных напитках, которые Черчилль выпивал на протяжении дня. Порой он заходил слишком далеко, так, как это описывает Джок Колвилл, которому приходилось около трех часов ночи тащить Старика в спальню после чрезмерных возлияний. И Колвилл, и Черчилль от души веселились, когда Черчилль, собираясь сесть в кресло, чтобы снять ботинки, не рассчитал и грохнулся на пол, отчаянно размахивая руками и ногами. «Вылитый Чарли Чаплин», – заявил Черчилль, пытаясь встать на ноги и обрести равновесие. Как-то во время войны Черчилль вызвал днем фельдмаршала сэра Алана Брука, начальника имперского Генерального штаба. Брук, часто отмечавший, что Черчилль злоупотребляет алкоголем, в тот вечер написал в дневнике: «Он был в очень плохом состоянии, очевидно из-за выпитых в обед нескольких стаканов». Случаи, когда Черчилль сильно напивался, бывали крайне редки, но все-таки бывали²³.

Черчилль никуда не отправлялся без запаса виски, который держал наготове его телохранитель или камердинер. Когда во времена сухого закона он посетил Соединенные Штаты, проходя таможенную, спрятал виски (и свой револьвер Webley²⁴); таким образом, любовь к выпивке сделала из него нарушителя Закона Волстеда²⁵.

Когда в Нью-Йорке Черчилль попал под машину и получил множественные переломы, он обманным путем заставил своего лечащего врача Отто К. Пикардта выписать рецепт на алкоголь. Пикардт написал, что для лечения полученных травм «требуется использование спиртных напитков, особенно во время приема пищи». Количество точно не оговаривалось, но не менее восьми унций. Британский эссеист Чарльз Перси Сноу изложил парадокс пьянства Черчилля, заметив, что «Черчилль не может быть алкоголиком, поскольку ни один алкоголик не в состоянии столько пить». Можно, конечно, утверждать, что, будь он идеалом умеренности

---

²¹ Wheeler-Bennett, *Action*, 182–83; WM/Cecily («Chips») Gemmell, 7/10/80 (Johnnie Walker Red and daily routine); PFR/Winston S. Churchill, 3/04.

²² Colville, *Fringes*, 417; Sherwood, *Roosevelt and Hopkins*, 24; WM/Sir Ian Jacob, 11/12/80.

²³ Colville, *Fringes*, 319; Alex Danchev and Daniel Todman, eds., *Field Marshal Lord Alanbrooke: War Diaries 1939–1945* (Berkeley, 2003), 637.

²⁴ Револьвер Webley («Веблей») начала производить в 1870-х годах английская фирма Webley & Son Company. С 1887 по 1963 год находился на вооружении британской армии.

²⁵ Закон Волстеда был принят в 1919 году с целью принудительного проведения в жизнь положений 18-й поправки к Конституции США о сухом законе. Назван по имени инициатора – конгрессмена из Миннесоты Эндрю Волстеда. Закон запрещал также пиво и вино, что явилось неожиданностью для умеренных сторонников сухого закона, добивавшихся запрещения крепких алкогольных напитков. Был отменен в 1933 году после ратификации 21-й поправки к Конституции США.

– больше занимался спортом, меньше выпивал, вел себя более осмотрительно, меньше курил сигар – возможно, прожил намного дольше, чем отведенные ему девяносто лет²⁶.

Как-то Черчилль подвел итог своих отношений с выпивкой, заявив: «Я извлек из выпивки больше, чем выпивка из меня»²⁷.

Его образ жизни был не под силу молодым. Ежедневно в полночь или около полуночи на Даунинг-стрит прибывал курьер с первыми выпусками утренних газет – их было восемь или девять. Старик просматривал газеты перед сном и иногда, как позже вспоминала Кэтлин Хилл, звонил в Daily Mail, чтобы узнать о новых событиях в рассказе с продолжением.

18 июня Колвилл написал: «Уинстон был в бешенстве, поскольку не прибыли утренние газеты, которые он любил просматривать перед сном, и опрокинул виски с содовой на документы»²⁸.

День премьер-министра начинался в восемь утра, когда после пяти-шестичасового сна он звонил в звонок, чтобы ему принесли завтрак: яйца, бекон, или ветчина, или копченое мясо, иногда кусок камбалы, это все запивалось стаканом белого вина или кружкой черного индийского чая. Затем приходила машинистка в сопровождении стенографистки – обычно миссис Хилл или мисс Уотсон, которой он диктовал письма и документы, а она быстро печатала. Пишущие машинки рекламировались как «бесшумные». Но таковыми не являлись. Великий человек нервно реагировал на каждый удар клавиши и высказывал неудовольствие машинисткам. Он не выносил никакого шума (в его комнате не было даже тикающих часов), который выводил его из себя и мешал работе с ящиком²⁹.

В ящике, придуманном Черчиллем, без преувеличения можно сказать, находились все документы, связанные с войной Великобритании против Третьего рейха. В нем лежали пронумерованные папки, в которых находились документы размером приблизительно 16×13 дюймов. В первой папке, она называлась «вершиной ящика», содержались документы, которые секретари Черчилля относили к требующим «особой срочности»; по словам одного из секретарей, Джона Пека, значение имели «не только действительная степень важности, предельные конечные сроки и тому подобное, но отчасти личный интерес премьер-министра к данному вопросу в тот момент. Таким образом, мы должны были представлять и понимать, о чем он думает, и он надеялся, что нам это под силу». Ниже лежали папки, содержавшие телеграммы военного министерства и министерства иностранных дел, доклады начальников штабов (после того как они были просмотрены генералом Исмеем), ответы на вопросы, связанные с разными аспектами британской жизни, которые он поднимал, – запасы продовольствия, урожайность сельскохозяйственных культур, пропускная способность железных дорог, производство угля. Ничто не ускользало от его внимания³⁰.

Ключи от ящика хранились у личных секретарей Черчилля, Джона Пека, Эрика Сила, Джона Колвилла и Джона Мартина. Имелся еще один ящик цвета буйволовой кожи. Ключ от него хранился только у Черчилля. В этом ящике находились приказы немецкого командования – сначала люфтваффе, позже вермахта и СС и еще позже – командующего подводным флотом адмирала Карла Дёница³¹, предварительно – расшифрованные.

---

²⁶ Martin Gilbert, *Winston Churchill: The Wilderness Years* (New York, 1984), 42–44; WM/Cecily («Chips») Gemmell, 7/10/80; NYT, 5/5/09; Warren Kimball, *Finest Hour*, spring 2007, 31–33.

²⁷ WM/Oscar Nemon, 1980.

²⁸ WM/Kathleen Hill, 11/4/80; Colville, *Fringes*, 163–65.

²⁹ WM/Kathleen Hill, 11/4/80; WM/John Martin, 10/23/80; Thompson, *Assignment: Churchill*, 179; WM/Cecily («Chips») Gemmell, 7/10/80; Moran, *Diaries*, 360.

³⁰ John H. Peck, «The Working Day», *Atlantic Monthly*, 3/65.

³¹ Командующий подводным флотом (1935–1943), главнокомандующий военно-морским флотом Германии (1943–1945), глава государства и главнокомандующий вооруженными силами Германии с 30 апреля по 23 мая 1945 года.

В первые дни войны офицерам польской разведки удалось добыть немецкую шифровальную машину; польские математики изучили машину и провезли контрабандой ее копию в Британию. Британские шифровальщики, работавшие в Блетчли-Парк³², викторианском особняке из красного кирпича с белой отделкой под медной крышей, расположенном к северу от Лондона, называли машину «энигма». Противник каждый день менял шифр, и каждый день шифровальщики из Блетчли пытались взломать его, зачастую безрезультатно. Однако им удавалось достаточно часто расшифровать довольно много сообщений, что позволяло Черчиллю заглядывать в планы немецкого командования (кроме планов немецкого подводного флота, где использовалась более сложная шифровальная машина). Волшебники из Блетчли были в основном бородатыми, длинноволосыми, с грязными ногтями, неопрятными молодыми людьми. Впервые увидев их, премьер-министр сказал их руководителю: «Мензис³³, когда я сказал вам ни перед чем не останавливаться, я не хотел, чтобы вы понимали меня так буквально»³⁴.

С самого начала Черчилль предупредил секретаря военного кабинета, что «все указания, исходящие от меня, сделаны в письменном виде и должны по получении подтверждаться в письменном виде». Любое распоряжение в устной форме является недействительным. На первый взгляд требование кажется несущественным, но это не так: подобное положение дел исключало путаницу в работе, которую могли допустить подчиненные из-за искажения или неправильного понимания приказа премьер-министра. Объем бумажной работы подтвердил целесообразность требования Черчилля, что любой документ, представляемый ему, даже технический отчет об изменении объема производства танка, должен занимать не более одного листа бумаги. Во время совещания в адмиралтействе он как-то сказал: «Этот доклад, в силу своей длины, избавил себя от критического разбора». Но, в свою очередь, он способствовал увеличению объема документов, помеченных: «Сделать сегодня», «Доложить через 3 дня». Записки Черчилля получили название «просьбы Черчилля», поскольку многие из них начинались со слов: «Прошу, скажите мне...» или «Прошу, объясните...»³⁵.

Черчилль, работая за столом, часто надевал нарукавники, чтобы случайно не запачкать рукава чернилами или графитом, когда читал и подписывал официальные письма. Он напоминал наборщика в нарукавниках и зеленом козырьке для защиты глаз от резкого света. Однако, судя по предметам на столе и тумбочке – пресс-папье из золотых медалей, хрустальный чернильный прибор с серебряными крышками, множество баночек с таблетками и порошками и хрустальные графины с виски, – их хозяин был викторианский джентльмен, не стесненный в средствах³⁶.

Случались путаницы и беспорядки, и в некоторых был повинен Черчилль. Организаторский талант не входил в число его многочисленных способностей. Когда возникала важная проблема, он уделял ей все внимание, забывая о других обязанностях, которых, поскольку он принял на себя решение всех вопросов, связанных со стратегией ведения войны, было много. Он откладывал дела. В своей автобиографии «Моя молодость» он написал: «Я действительно считаю, что непунктуальность – мерзкая привычка, и всю свою жизнь я пытался избавиться от нее». Но так и не преуспел в этом. Он всегда опаздывал на поезд, хотя, являясь премьер-министром, мог приказать, чтобы поезд подождал его. «Уинстон, как истинный спортсмен, всегда оставляет поезду шанс уехать», – однажды сказала Клементина телохранителю Черчилля. В критических ситуациях он безнадежно запускал работу. Он избегал скучных тем и неделя

---

³² Блетчли-Парк – особняк, расположенный в Блетчли в историческом и церемониальном графстве Бакингемшир в центре Англии. В период Второй мировой войны в Блетчли-Парке располагалось главное шифровальное подразделение Великобритании – Правительственная школа кодов и шифров, позже получившая название Центр правительственной связи.

³³ Мензис Стюарт – один из руководителей британской разведки, рыцарь, генерал-майор.

³⁴ F. H. Hinsley et al., *British Intelligence in the Second World War*, 5 vols. (London, 1979).

³⁵ Wheeler-Bennett, *Action*, 20, 23.

³⁶ Colville, *Fringes*, 130.

за неделей откладывал рассмотрение скучных бумаг, пока, стиснув зубы, не заставлял себя взяться за них. Он строил планы, но, по словам Джона Колвилла, «мог забыть сказать о них кому-то из нас, а затем сам забыть о них». Как-то он вызвал военачальников на 16:00 на совещание на Даунинг-стрит. Они явились в назначенное время; Черчилля не было. Помощники отправились на поиски премьер-министра. Они нашли его «в палате общин, где он, сидя в курительной комнате, наслаждался виски с содовой»³⁷.

Некоторые его проблемы были связаны с людьми, которых он выбирал. Его сотрудники считали, что он плохо разбирается в людях и что иногда настаивает на неподходящих назначениях. Доблестно сражавшиеся люди вызывали у него некритическое восхищение. Он хотел назначить на высшую должность адмирала сэра Роджера Кейса, героя Первой мировой войны, хотя тому явно не хватало умственных способностей. Его внимание также привлек Орд Уингейт, который добился известности как отважный командующий бирманскими партизанами, хотя Уингейт, который, по мнению врача Черчилля, Чарльза Уилсона (с 1943 года лорд Моран), был совершенно ненормальным, доказал несостоятельность в других вопросах. И те, кто поддерживал Черчилля против Мюнхена, конечно, снискали его расположение. По его мнению, Энтони Иден, покинувший в знак протеста правительство Чемберлена, не нес ответственности. Но так считали не все; по мнению Джеймса Григга, военного министра, Иден был «полной дрянью»³⁸.

Черчилль был только частично согласен с высказыванием Бенджамина Франклина: «Лучше красиво поступать, чем красиво говорить». Ему нравились те, кто красиво поступал и красиво говорил. Возможно, потому, что сам Черчилль был весьма красноречив, он порой недооценивал тех, кто не обладал этим качеством. Главнокомандующий британскими войсками на Ближнем Востоке сэр Арчибальд Уэйвелл, несмотря на то что его поэтические произведения издавались и он свободно говорил по-русски, был человеком застенчивым и необщительным – качества, из-за которых Черчилль считал его чуть ли не дураком, – терял дар речи, когда премьер-министр пытался заставить его высказать свои соображения о войне. В отличие от Черчилля генералы считали Уэйвелла великолепным командующим, и премьер-министр с большой неохотой был вынужден согласиться с ними. Черчилль не смог оценить по достоинству способности главного маршала авиации сэра Хью Даудинга, известного героя войны, из-за молчаливости Даудинга. Как ни странно, исключительная беглость речи Старика в ходе обсуждений иногда являлась недостатком. Он мог переспорить любого, даже когда был не прав. Все, кто тесно общались с ним, помнят, что Йен Джейкоб (в то время полковник, позже генерал-лейтенант) назвал его манеру вести дискуссию «самым разрушительным способом аргументации». Джейкоб вспоминал, как Черчилль «спорит, запугивает, дразнит и умасливает тех, кто возражает ему или чья деятельность является темой обсуждения». В словесных поединках Черчилль не устраивал обмен колкостями; он знал, как нанести удар. Только позже стало ясно, что те, кто упорно не соглашались с ним и четко аргументировали свою позицию, могли завоевать его уважение. Он был строг в отношении тех, кого вызывал на ковер, но еще более строг он был к себе. «Каждый вечер, – как-то сказал Черчилль Колвиллу, – я устраиваю трибунал над собой, чтобы понять, сделал ли я за день что-то полезное. Я не имею в виду просто телодвижения – любой может притвориться, будто что-то делает – а что-то действительно полезное»³⁹.

По словам его дочери Мэри, «он не был знаком с таким понятием, как безделье». Безделье приводит к скуке, а скука – враг, которого следует победить. Когда Черчиллю было скучно, вспоминал инспектор Скотленд-Ярда Томпсон, он становился «игроком, швыряющим предметы в мусорную корзину с необузданной страстью, спровоцированной плохим настроением».

---

³⁷ Tom Hickman, *Churchill's Bodyguard* (London, 2005), 130; Colville, *Fringes*, 223.

³⁸ WM/Jock Colville, 10/14/80; WM/John Martin, 10/23/80.

³⁹ WM/Sir Ian Jacob, 11/12/80; Wheeler-Bennett, *Action*, 185.

В такие моменты, пишет Томпсон, лучше было держаться подальше от него, и «его домочадцы так и делали». Отвратительное настроение сохранялось до тех пор, пока Старик не избавлялся от того, что вызвало скуку – чем быстрее, тем лучше для всех заинтересованных сторон. Как-то вечером во время войны Черчилль, Колвилл и несколько американских гостей смотрели фильм «Гражданин Кейн». Колвилл назвал его «неудачным американским фильмом... Премьер-министру было так скучно, что он ушел, не дождавшись конца». То же самое он проделал во время просмотра фильма «Оливер Твист» в Белом доме: вышел, оставив чету Рузвельт досматривать фильм. Скука выводила Старика из равновесия. В данном случае причиной явились фильмы, которые не смогли заинтересовать его, но обычно причиной становился приглашенный к обеду гость, к которому он не испытывал особого интереса, или государственный чиновник, страдающий недержанием речи. В таких случаях, по словам его врача, Черчилль поначалу вел себя любезно. «Затем, словно устав демонстрировать любезность, он больше не предпринимал попыток вести беседу, сидел ссутулившись и хмуро глядя в свою тарелку». И наконец, *фыркнув*, уходил. Черчилль «не считал нужным разыгрывать любезность, даже в тех случаях, когда этого требовали обстоятельства, – пишет Колвилл. – Он проводил различие между теми, с кем было приятно обедать, и теми, кто... был частью сцены»⁴⁰.

Когда на него нападала скука, он мог рассчитывать избавиться от нее, «резко прервав» одно занятие ради более интересного источника времяпрепровождения. Например, диктовать письма, фальшиво напевать арии из опер Гилберта и Салливана, укладывать кирпичи с помощью мастерка в саду в Чартвелле. (Вскоре после начала войны Чартвелл закрыли; мебель зачехлили. Уволили почти всех садовников, посудомоек, горничных и шофера. Охранять поместье оставили сторожа.) Черчилль всегда имел про запас интересные занятия: чтение романа, кормежка золотых рыбок и черных лебедей, анализ газетных статей, разглагольствования о славном прошлом Англии. Рисование всегда способствовало спокойствию и сосредоточенности, урегулированию умственной энергии, но во время войны Черчилль только однажды достал мольберт, кисти и краски: в Марракеше, после конференции в Касабланке. Еще одним развлечением были азартные игры, но война положила конец такого рода развлечениям, по крайней мере походам в казино. Вскоре он рисковал уже своими армиями, танками и кораблями. Ехал ли он в поезде, обложившись газетами, или председательствовал за обеденным столом, он был «абсолютно не способен» бездействовать, вспоминал его литературный помощник сэр Уильям Дикин.

Однажды, вспоминал инспектор Томпсон, путешествуя поездом по Северной Африке, Черчилль (в то время член правительства) захотел принять ванну. Он приказал остановить поезд, вынуть ванну из багажного вагона, установить ее в песке и заполнить горячей водой из паровозного котла. Черчилль принимал ванну на глазах «изумленной половины Африки». По словам Томпсона, «он будет действовать по первому требованию. Он будет действовать без предупреждения. Он – зверь. Во время войны он особенно безжалостен»⁴¹.

Для того чтобы избавиться от скуки, Черчилль был готов предпринять практически любое действие с одним условием: оно должно быть полезным, и в этом он был непоколебим. Он не признавал никакой пользы ни от просмотра фильма «Гражданин Кейн», ни от общения со скучными гостями. В конечном счете источником избавления от скуки – единственным источником, к которому никогда не терял интерес, – был он сам. Как-то он сказал другу, что, по его мнению, восхитительный вечер – это когда можно насладиться вкусной едой в компании друзей, чтобы затем обсудить изысканные блюда, а после этого продолжить беседу «с главным собеседником – самим собой». Что может более стимулировать, чем звук собственного голоса,

---

⁴⁰ PFR/Lady Mary Soames, letter of 9/3/07; Moran, *Diaries*, 100; Colville, *Fringes*, 416.

⁴¹ WM/William Deakin, 1980; Thompson, *Assignment: Churchill*, 178.

рассуждающего на тему, вызывающую постоянный интерес, такую как Англо-бурская война или, в 1940 году, необходимость разгромить немцев?⁴²

Его любимой аудиторией был он сам. Он постоянно цитировал большие отрывки из книги стихотворений Маколея «Песни Древнего Рима» и поэмы Вальтера Скотта «Мармион»; по мнению Колвилла, это было «замечательно», но порой «довольно скучно». Скучно для Колвилла, но не для Черчилля. Его старая подруга Вайолет Бонем-Картер вспоминала, что, если ему не хватало декламации стихотворений Маколея, он переходил к другой излюбленной теме: о самом себе. Лорд Моран пишет: «Уинстон так захвачен своими идеями, что его не интересует, что думают другие». Это отчасти верно; его больше интересовало, что другие *делают*. Герберт Сэмюэл, преемник Ллойда Джорджа в качестве лидера старой Либеральной партии, считал, что Черчилля интересовали скорее не обоснованные аргументы, а «осуществимо ли это на практике?». Нельзя пройти мимо одного из высказываний Морана: «Он [Черчилль] потратит часть своей жизни на этот путь и нередко будет одинок, оторван от людей». На самом деле Черчилль испытывал подлинную радость от общения с друзьями и близкими. Он любил маленьких детей и никогда не ворчал и не сердился на них. Он окружил себя людьми, которые заботились о нем, людьми, которые ловили каждое его слово. И почему бы им не делать этого, ведь он Уинстон Черчилль. Для него не существовало людей, к которым он не испытывал интереса. Как-то Фрэнк Синатра, в то время уже один из самых известных эстрадных певцов на планете, кинулся к Черчиллю, схватил его за руку и воскликнул: «Я мечтал об этом на протяжении двадцати лет». Черчилль, не в восторге от прикосновения незнакомца, повернулся к личному секретарю и спросил: «Кто это такой, черт возьми?»⁴³

Однажды Черчилль пожаловался лорду Морану на потерю чувствительности в плече, очевидно вызванной защемлением нерва. Стоит ли ему беспокоиться по этому поводу, поинтересовался Черчилль. «Ощущение не имеет значения», – ответил врач. «Нет, – возразил Черчилль, – жизнь – это ощущение, ощущение – это жизнь». Необходимость в стимуляции роднила его с таким же умным, как он, и тоже тори, доктором Сэмюэлом Джонсоном⁴⁴, который считал *действие* необходимой предпосылкой хорошо прожитой жизни.

Он хотел установить связь между тем, что происходило у него в уме, и внешним миром. Как только у него рождалась идея, он испытывал необходимость реализовать ее. Когда он дал обещание, что бомбы Королевских ВВС уничтожат нацистскую Германию, он сказал это не ради красного словца, а потому, что собирался выполнить это обещание. «Единственный проводник для человека – его совесть; единственным щитом для его памяти является честность и искренность его действий. Крайне безрассудно ходить без этого щита, потому что мы слишком часто терпим крушение наших надежд и наших ожиданий. Но с этим щитом, как бы ни играла с нами судьба, мы всегда смело идем в строю чести»⁴⁵.

Декарт определил сущность человека известной фразой: «Cogito, ergo sum» – «Мыслю, следовательно, существую». Но Черчилль не был склонен к философствованию и, как большинство англичан, был невысокого мнения о континентальном рационализме. В Англии – эмпиризм – Локк и Хьюм. Черчиллю был намного ближе принцип: «Действую, следовательно, существую». Как-то в разговоре с лордом Мораном лорд Сэмюэл высказал предположение, что Черчилль «никогда не испытывал интереса к спекулятивному знанию, философии и религии». Это только отчасти верно. Ему нравилось размышлять на темы, связанные с научной,

⁴² Colville, *Fringes*, 416; Halle, *Irrepressible Churchill*, 263.

⁴³ Colville, *Fringes*, 481; Moran, *Diaries*, 111, 604; WM/Pamela Harriman («wolly gogs»), 8/22/80; Browne, *Long Sunset*, 220–21 (Sinatra).

⁴⁴ Джонсон Сэмюэл – английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения. Его имя, по оценке «Британники», стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII века. По своему влиянию на умы современников-англичан Джонсона можно сравнить с Вольтером и его славой в континентальной Европе.

⁴⁵ WSCHCS, 6307.

технологической и интеллектуальной сферами деятельности, когда могло парить воображение, проверялись идеи, достигались результаты и происходили улучшения в жизни людей. В 1932 году он опубликовал сборник очерков *Thoughts and Adventures* («Размышления и приключения»), в которых предсказал создание атомной бомбы и атомных электростанций (и опасность для человечества); генную инженерию растений и животных (и, вероятно, людей); телевидение (которое, когда оно стало реальностью, он терпеть не мог). «Проекты, о которых не могли мечтать прошлые поколения, поглотят наших ближайших потомков. Силы ужасающие и разрушительные попадут к ним в руки. Их будут окружать удобства, развлечения, комфорт. И с надеждой и мощью придут опасности, соизмеримые с ростом человеческого интеллекта, с силой нашего характера и с эффективностью наших учреждений. И снова встанет выбор между Благословением и Проклятием. И нет ничего труднее, чем предсказать результат выбора, который сделает человечество»⁴⁶.

В день падения Франции Черчилль вызвал на Даунинг-стрит, 10 доктора Р.В. Джонса, двадцативосьмилетнего младшего научного сотрудника отдела разведки ВВС Великобритании, чтобы обсудить его гипотезу (еретическую с точки зрения старших научных сотрудников) относительно использования немцами системы наведения по радиолучу для бомбардировок Великобритании. В октябре 1939 года начались воздушные налеты, нечастые и обычно нацеленные на северные порты. Черчилль предполагал, что теперь, когда Гитлер получил контроль над аэродромами стран Бенилюкса и Франции, увеличится частота и смертоносность налетов. Джонс, при поддержке Черчилля, за несколько месяцев придумал, как решить эту проблему, и добился одной из самых важных побед в войне. Позже Джонс написал о Черчилле: «Он понимал суть ключевых решений: да или нет, направо или налево, наступать или отступать... Он знал сильные и слабые стороны экспертов... Он понимал, как легко человеку, занимающему такое высокое положение, получить излишне радужную картину от своих военных советников... Он единственный среди политических деятелей по достоинству оценивал науку и технику, по крайней мере с точки зрения применения в войне»⁴⁷.

Черчилль приветствовал новое в науке и технике, но это не распространялось на искусство и науку управления. Сэр Исая Берлин, латвийский еврей, эмигрант, философ, большая часть жизни которого была связана с Оксфордом, в своем очерке «Черчилль и Рузвельт» написал, что Черчилль, с политической точки зрения, оставался европейцем XIX века, несмотря на его признание современных технологий и веру в то, что они обещали, несмотря на его жадный интерес к новым знаниям. Славное имперское прошлое Великобритании вдохновляло Черчилля, который предполагал, что оно будет вдохновлять и в будущем. Но Франклин Рузвельт утверждает, что Берлин понимал, – а Черчилль нет, – что для создания нового политического порядка можно отречься от прошлого и всех его традиций. Рузвельт был творческим, но осмыслительным политическим провидцем, тогда как Черчилль был творческим и неосмотрительным защитником. «Черчилль... заглядывает внутрь, – пишет Берлин, – и его самое сильное чувство связано с прошлым».

После прочтения в молодости Платона и Аристотеля Черчилль высказался в пользу агностицизма. Хотя он принял греческую философию – предшественницу христианства, но не нашел пищи для ума в духовных упражнениях. Он поддерживал христианские ценности – милосердие и прощение, но на его убеждения повлияли не доктрина и, конечно, не духовные лица, а собственный опыт солдата и журналиста, и он отвергал кнут и пряник, ад и рай. Для Черчилля вера в загробную жизнь была сродни вере в призраков и гоблинов. «Я мало верю в жизнь после смерти, особенно – в продолжение умственной деятельности», – говорил он. Его не беспокоила мысль о том, что он будет предан забвению. Если другие испытывали только

---

⁴⁶ Moran, *Diaries*, 604; Winston Churchill, *Thoughts and Adventures* (New York, 1991), 204.

⁴⁷ R. V. Jones, *The Wizard War* (New York, 1978), 106.

страх перед будущим исчезновением, то Черчилль был настроен весьма оптимистично и даже позволял себе непочтительные высказывания. Он не верил в другой мир после смерти и как-то сказал своему врачу, что верит «лишь в черный бархат – вечный сон». «Когда я попаду на небеса, значительное количество времени от своих пяти миллионов лет собираюсь провести за рисованием и глубже погрузиться в предмет. Но затем мне потребуется более радостная палитра, чем та, которая у меня здесь. Целый спектр новых изумительных цветов, которые будут радовать божественный взор». Фантастические небеса Черчилля были местом, где навсегда смешается все многообразие человечества (в отличие от созданного Черчиллем на земле частного общества «Другой клуб»): «Индусы и китайцы и люди подобные им. У всех будут равные права на небесах... которые будут настоящим государством всеобщего благоденствия... Я, конечно, признаю, что могу быть не прав. Возможно, я могу заново родиться уже как китайский кули. В таком случае я должен подать протест». Как-то, будучи в подобном озорном настроении, он заявил, что доказательством существования Бога «является существование Ленина и Троцкого, которым необходим ад»⁴⁸.

Что касается акта смерти, перехода от сознания к небытию или в некую иную форму небытия, то Черчилль согласился с доктором Джонсоном, который сказал, что угасание «длится столь незначительное время», что человеку «не пристало ныть... И важно не то, как человек умирает, а то, как он живет»⁴⁹.

Черчилль придерживался именно такого мнения по этому вопросу. В 1915 году, собираясь отправиться в запланированную поездку в Турцию (поездка не состоялась), Черчилль вручил своему адвокату письмо, которое тот должен был отдать Клементине в случае его смерти. «Смерть – всего лишь случай, и не самый важный из тех, что происходят с нами... Если там что-то есть, то я буду высматривать тебя». Он считал, что по чистой случайности его последний момент на земле будет связан с немецкой бомбой. Он процитировал Джоку Колвиллу слова французского математика Анри Пуанкаре: «Я нахожу убежище под непробиваемым сводом вероятности». Судьба, а не Бог зовет Черчилля домой, хотя однажды он скажет Колвиллу, что небеса сделаны по образцу конституционной монархии, «всегда есть вероятность, что у Всевышнего может найтись повод послать за ним»⁵⁰.

Он терпеть не мог суеверий. Как-то его внимание привлекло судебное дело, возбужденное правительством его величества. Он спросил министра внутренних дел, «почему в современном суде используется закон о колдовстве от 1735 года?». Все эти «устаревшие дурачества» затрудняют работу суда. Примерно так же он относился к посещению церкви. Он редко посещал Дом Божий. Его личный секретарь Энтони Монтегю Браун вспоминал, как Черчилль говорил, что «редко ходил в церковь. Когда зашел разговор о церкви, он [Черчилль] сказал: «Я не столп церкви, а подпорка – я поддерживаю ее извне». Если же ему приходилось присутствовать на богослужении в дни национальных и государственных праздников, вспоминал Колвилл, он предпочитал, чтобы пастор обращался к теме политики или войны, «но не христианства». Он настолько редко посещал церковь, что Колвилл был потрясен, когда в одно из воскресений во время войны Черчилль присутствовал на богослужении. На памяти Колвилла это было впервые почти за четыре года. Только к концу службы Колвилл понял, по какой причине Черчилль решил присутствовать на богослужении. По окончании проповеди Старик подошел к кафедре и произнес свою проповедь. Ему нравилось великолепие и пышность церемоний крещений, похорон и коронаций, проводимых в замшелых стенах старых деревенских церквей Великобритании и в молчаливом величии ее больших соборов, но не потому, что это приближало к Богу, а потому, что эти ритуалы способствовали связи с легендарным прошлым Англии.

---

⁴⁸ Halle, *Irrepressible Churchill*, 345, 346; Moran, *Diaries*, 444.

⁴⁹ H. Chartres Biron ed., «*Sir*», *Said Dr. Johnson* (London, 1911), 112, 213.

⁵⁰ Biron, «*Sir*», 216; Colville, *Fringes*, 341; W&C-TPL, 111, 213.

Мелодическое изящество гимнов, сила поющих голосов вызывали у него глубокое волнение. Ему нравился перезвон колоколов деревенских церквей, призывающих верующих на службу, но, пишет британский историк Рой Дженкинс, нет никаких свидетельств о том, что Черчилль когда-либо покидал Чартвелл в ответ на эти призывы. По сей день в Чартвелле на его ночном столике лежит Библия, и многие посетители приходят к выводу, что он искал указания в Священном Писании. Это не так. Когда лорд Моран, увидев Библию, спросил Черчилля, прочел ли он ее, Черчилль ответил: «Да, я прочел ее, но только из любопытства»⁵¹.

Как-то во время обеда Черчилль сказал: «Каждый народ создает бога по своему образу и подобию», и Джок Колвилл счел его слова «величайшим богохульством». Однако история подтвердила его слова; даже Гитлер утверждал, что Бог на его стороне⁵².

Ему не нравились праведники: «старый притворщик Ганди», греческий архиепископ Дамаскин («проворный священник»). Прелаты англиканской церкви не украшали своим присутствием обеда у Черчилля. Он считал англиканское духовенство самодовольным и лицемерным. Зачем обедать с теми, кто испытывает нравственные страдания, когда обед заканчивается пением и танцами, при этом сидя в вызывающих красных одеяниях, с бокалом бренди в одной руке и сигарой в другой? Смерть в конце войны Уильяма Темпла, архиепископа Кентерберийского, «не причинила горе премьер-министру», написал Колвилл. Темпл был ученым и философом, но Черчиллю не нравились «левые тенденции Темпла и его откровенные политические комментарии». Черчилль был роялистом, духовные лица были пуритане – хуже, пуритане с левым уклоном. По этой причине Черчилль не испытывал доверия к ним и их направлению христианства.

Для Черчилля важным было настоящее. Он считал, что только настоящее имеет значение, поскольку прошлое ушло, а будущее весьма неопределенно, если вообще наступит. Черчилль был старым солдатом, который, стоял ли он за мольбертом, выступал в палате общин или обедал с близкими друзьями, следовал солдатскому правилу: наслаждайся моментом, он может быть последним. Для Черчилля, если и должно было наступить будущее, то только на *его* условиях. Он был оптимистом, не детерминистом; мир действительно зачастую жесток, но не должен оставаться таким. Он придерживался монументального взгляда на историю под влиянием прочитанного в молодости Гиббона (всего) и книги Уинвуда Рида «Мученичество человека», обязательное чтение для молодых мыслителей конца XIX века. Черчилль, перефразируя Рида в письме матери, пишет: «Если человеческий род когда-нибудь достигнет стадии развития – когда религия прекратит помогать и утешать человечество, – то христианство будет отброшено как костыль, который больше не нужен, и человек будет твердо стоять на собственных ногах»⁵³.

Он обобщил представления свои, Гиббона и Рида и пришел к заключению, что величие и совершенство прошлого можно вернуть посредством тренировки воли. Бог не играет роли в саге, поскольку Бог, если, конечно, там был Бог, не хотел и не мог вмешиваться. Следуя этой логике, остается открытой возможность того, что сила зла – например, Гитлер – может навязать свою волю будущему. Черчилль использовал моменты настоящего, чтобы запланировать свое – и мира – лучшее будущее посредством *своей* воли, осуществления *своего* желания. Поступая таким образом, он стремился не позволить Гитлеру решать свою предполагаемую участь. Черчилль, а не Бог будет защищать будущее Европы и Британской империи, и он будет делать это, энергично тренируя и используя свое воображение и волю единственным известным ему способом – посредством действий, действий ежечасных и ежедневных.

---

⁵¹ WSC 5, 704; Anthony Montague Browne, speech to Churchill Society; Roy Jenkins, *Churchill: A Biography* (London, 2011), 702n; Colville, *Fringes*, 239, 578; Moran, *Diaries*, 781.

⁵² Colville, *Fringes*, 482; Richard Langworth, ed., *Churchill by Himself: The Definitive Collection of Quotations* (London, 2008), 463.

⁵³ Randolph S. Churchill, *Winston S. Churchill: Youth, 1874–1900* (Boston, 1996), 208.

Он рассматривал коммунизм не как атеистическое отрицание христианских идеалов (в отличие от Франклина Рузвельта), а как извращенное осуществление этих идеалов. Как-то на обеде в годы войны он изложил гостям советское кредо:

*Я люблю Ленина.
Ленин был беден, и поэтому я люблю бедность,
Ленин был голоден, поэтому я могу голодать...*

«Коммунизм, – подводя итог, заявил Черчилль, – это христианство с топором»⁵⁴.

Традиционные религии, по крайней мере, давали надежду на милосердие, любовь и снисходительность Бога. Но это не относилось к «не Божьим» религиям, охватившим Германию и Россию (хотя после заключения союза со Сталиным Черчилль прекратил критиковать большевизм). За три года до начала Второй мировой, в начале Гражданской войны в Испании, Черчилль информировал британцев о том, что «война между нацистами и коммунистами – война не Божьих религий, которая ведется с оружием XX века. Самый поразительный факт заключается в том, что эти новые религии сходны. Они заменяют Бога дьяволом, а любовь – ненавистью. Они набрасываются друг на друга всюду, по всему миру...» Британцев, предупредил Черчилль, «не должна ослеплять власть, которую эти новые религии имеют в современном мире. Они оснащены мощными средствами разрушения и не испытывают недостатка в сторонниках, приверженцах и даже мучениках»⁵⁵.

Чемберлен – и Франция – не обратили внимания на опасность, и в результате Гитлер и его сторонники подчинили себе сначала Польшу, а следом Голландию, Бельгию и Францию. Черчилль не хотел, чтобы это случилось с Англией.

Он верил в Добродетель и Справедливость не как в догму, а как в объективную реальность. Добродетель проявляется в поступках. По Аристотелю, основа добродетели – умеренность. Мужество, высшая добродетель, находится между трусостью и безрассудной храбростью. Перефразируя Сэмюэла Джонсона в своей книге «Великие современники» (Great Contemporaries), Черчилль пишет: «Мужество совершенно справедливо считается первейшим из человеческих качеств... ибо это такое качество, которое гарантирует наличие всех остальных». К добродетелям относится и великодушие. «В победе – великодушие», – повторял Черчилль, а ни в коем случае месть, питаемая ненавистью. Аристотель первым обозначил эту добродетель, которой Гитлер пренебрег в Польше и, тридцатью годами раньше, добрые христиане, которые составили карфагенские (по мнению Черчилля) условия сдачи, наложенные на Германию и Австрию после окончания Первой мировой войны. Черчилль считал ошибочным аргумент, что начиная с Франко-прусской войны Германия вела себя как бешеная собака и ее следует держать на коротком поводке. Это шло вразрез с его принципом: в мире – добрая воля. Он считал, что для европейской стабильности необходима экономически здоровая Германия.

Но Гунн опять развязал войну, которая может привести к уничтожению Англии. В борьбе за сохранение свободы Англии и восстановление ее в Европе не могло быть ни среднего пути, ни умеренности, и у Черчилля даже не возникало мысли об этом. Оружие и стратегии – специальные операции, убийства, покушения, саботаж, бактериальные бомбы, атомные урановые бомбы, уничтожение немецких городов с воздуха – оправдали возложенные на них надежды. Его подход к тому, как вершить правосудие, точно соответствовал Ветхому закону. Он требовал милосердия и великодушия после победы и решительности в войне⁵⁶, лежавшей в основе его философии борьбы⁵⁷.

---

⁵⁴ GILBERT 7, 348; Colville, *Fringes*, 526; Danchev and Todman, *War Diaries*, 690–91.

⁵⁵ WSCS, 5818.

⁵⁶ Черчилль предложил написать на установленном в Версале памятнике, посвященном Первой мировой войне, такие слова: «В войне – ярость; в поражении – мужество; в победе – великодушие; в мире – добрая воля». Предложение отклонили (дневник Колвилла, 24 января 1941 года). На фронтисписе военных воспоминаний Черчилль решил переделать эту фразу,

Читая в молодости Аристотеля и Платона, Черчилль нашел дохристианские философские принципы, которые католическая церковь присвоила и использовала в своем учении. Он был хорошим учеником и создал кодекс, по которому мог бы жить. Его прельстил аристотелевский принцип умеренности и платоновская аналогия с возничим, который управляет колесницей, движимой парой крылатых коней⁵⁸.

Черчиллю было одинаково трудно как установить плавное течение семейной жизни, так и научиться спокойно водить машину, но в конце концов он добился своего. Его жизненная кривая состояла из падений и подъемов, зигзагов и поворотов. Его образы в домашнем халате, с винтовкой на плече, марширующим поздним вечером, едва ли вызвали в воображении образ последователя аристотелевской умеренности. Старик обладал, согласно Джону Мартину, «зигзагообразной молнией в мозгу». Он, будучи военным лидером, принимая многие стратегические решения, шарахался из стороны в сторону, когда, пытаясь объяснить, так резко перескакивал с одной темы на другую, что никто ничего не понимал. Во всех дневниках отмечается его жизнерадостность, справедливость, сердечность и великодушие, но одновременно упоминается его грубость, сарказм, плохое настроение и агрессивность – иногда одним и тем же автором в один и тот же день. Тем не менее его жизнь могла разворачиваться именно так, а не иначе. «Если бы он не был своего рода сгустком энергии, каким он был, – вспоминал Мартин, – он никогда не довел бы машину, государственно-военную, до конца войны»⁵⁹.

Черчилль, наделенный феноменальной памятью, казалось, помнил все стихотворения, когда-либо прочитанные, слова всех песен и огромное количество отрывков из глав и стихов Библии и читал их практически в любом месте. Черчилль был неприятно удивлен, когда выяснилось, что он не слышал об «Оде соловью» Китса. Он поставил целью выучить все оды Китса и любил декламировать их, по оценке Вайолет Бонем-Картер, «немилосердно». Он мог бесконечно цитировать доктора Джонсона, и откровенно присваивал и перефразировал его остроты. Байроновское «Паломничество Чайльд Гарольда» было одной из любимых книг Черчилля, хотя он не разделял меланхолического взгляда Байрона, что самая большая трагедия человека состоит в том, что он способен осознать совершенство, которого не может достигнуть. Наоборот, Черчилль, вступая в борьбу с Гитлером, сказал соотечественникам: «Если мы сумеем противостоять ему, вся Европа может стать свободной и перед всем миром откроется широкий путь к залитым солнцем вершинам». К любимым произведениям относилось и стихотворение «Непокоренный», ода силе воли, написанная Уильямом Эрнстом Хенли.

Не важно, что врата узки,
Меня опасность не страшит.
Я – властелин своей судьбы,
Я – капитан своей души⁶⁰.

Черчилль испытывал особую любовь к американским писателям, особенно к Твену, Мелвиллу и Эмерсону. Он обладал разносторонними знаниями. Как-то, проезжая в машине по городу Фредерик, штат Мэриленд, с Франклином и Элеонорой Рузвельт и Гарри Гопкинсом,

---

заменяя слово «ярость» на более сдержанное слово «решительность». (Примеч. авт.)

⁵⁷ WM/Viscount Antony Head, 1980.

⁵⁸ Платон сравнивает человеческую душу с колесницей, в которую запряжены белый и черный кони (благородное и низменное начало в человеке), управляемые возничим (разумом). Когда возничему удастся смирить низменное начало, душа может подняться и вместе с богами созерцать подлинное бытие. Трем началам души – вождению, пылу и рассудительности соответствуют добродетели: здравомыслие, мужество и мудрость. Их согласование дает справедливость, как в отдельной человеческой душе, так и в государстве, которое устроено аналогичным образом.

⁵⁹ H.H. Asquith, *Letters to Venetia Stanley*, edited by Michael Brock and Eleanor Brock (Oxford, 1982), 267; WM/John Martin, 10/23/80.

⁶⁰ Violet Bonham Carter, *Winston Churchill: An Intimate Portrait* (New York, 1965), 4; WSHCS, 6250, 6264.

ближайшим соратником ФДР⁶¹, Черчилль увидел дорожный указатель дома Барбары Фритчи, юнионистки, которая стала размахивать флагом из окна своего дома, когда мимо проходили войска конфедератов. Рузвельт процитировал две строки из поэмы Джона Гринлифа Уиттьера о Фритчи:

Стреляй в мои седины, враг,
Но пощади союзный флаг!

Когда Рузвельт признался, что знает только эти две строки, Черчилль наизусть прочел все стихотворение целиком, все шестьдесят строк. А затем приступил к долгому и подробному рассказу о гениях стратегии Томасе Джонатане Джексоне по прозвищу Каменная Стена и Роберте Эдварде Ли. Он говорил, не обращая внимания, как попутчики реагируют на его рассказ. Через какое-то время, позже написал он, спутники затихли и задремали⁶².

Интерес к истории у Черчилля был неизменным, а знания глубокими. Запоминание дат и географических названий для школьников всегда было мучением. Однако для некоторых, и Черчилль, безусловно, в их числе, история была больше, чем временные рамки, больше, чем анализ коллективной памяти. У таких людей, как Черчилль, история, благодаря воображению и тренировке, становится частью личной памяти, такой же как детские воспоминания о первом купании в океане и первом школьном дне. Он не был наблюдателем исторического континента; он сделал себя его участником. Знаменитые места и «воспоминания» Черчилля о них – от Геркулесовых столбов и Средиземноморья до Сиракуз, Рима, Спарты, Александрии и Карфагена – формировали его личность почти так же, как воспоминания о родовом доме, Бленхеймском дворце и лондонском доме его отца, где он в детстве играл в игрушечные солдатики на персидских коврах. Черчилль, возможно, родился викторианцем, но превратил себя в человека классицизма. Он не жил в прошлом; прошлое жило в нем. Гарри Гопкинс, хорошо знавший Черчилля, отмечал мистические отношения, которые Черчилль имел с прошлым, особенно с военным прошлым: «Он был погружен не только в сражения современной войны, но и во все сражения прошлых лет, от Канн до Галлиполи». Александр Великий, Бoudicca, Адриан, король Гарольд, принц Хэл, Уильям Питт и, конечно, его выдающийся предок Мальборо играли ранее те же роли в подобной игре, какие роли теперь играли Черчилль и его враги⁶³.

Все, кто знали Черчилля, в то или иное время слышали, как он читал наизусть отрывок из книги Маколея «Песни Древнего Рима»:

Тогда сказал Гораций храбрый
Охранник у ворот:
К любому из живущих
Неумолимо смерть придет.
Достоин вечной славы тот,
Кто сам ее принять готов —
За пепел пращуров своих,
За храм своих богов.

Все, хорошо знавшие Черчилля, видели в этом герое его, поскольку ему были свойственны подобные чувства.

---

⁶¹ Сокращение от Франклин Делано Рузвельт.

⁶² Sherwood, *Roosevelt and Hopkins*, 729; WSC 4, 796—97.

⁶³ Sherwood, *Roosevelt and Hopkins*, 241.

Его наиболее привлекательная черта была к тому же наиболее известной. Он был, вероятно, самым забавным полководцем в истории. Его внешность неизменно вызывала веселье у членов семьи и сотрудников. 16 июня Колвилл вошел со срочными депешами в комнату премьер-министра, который лежал в кровати и «был удивительно похож на довольно симпатичную свинью в шелковом халате». Черчилль бродил по коридорам «Номера 10» в сопровождении кота по кличке Нельсон, в малиновом халате с золотым драконом, в домашних тапочках, украшенных монограммой и помпонами, с длинной сигарой. Время от времени он беседовал с Нельсоном (однажды призвал его быть храбрее, когда кот вздрогнул во время воздушного налета). Черчилль, предвидя, что во время воздушных налетов придется быстро одеваться, придумал специальный костюм с многочисленными застёжками-молниями. Все его сотрудники, включая стенографисток, называли этот костюм «детским комбинезоном». Черчилль назвал его «костюм сирены», поскольку натягивал его, едва заслышав завывание сирен воздушной тревоги. Черчилль придумал комбинезон, а сшили его в ателье Henry Poole & Co⁶⁴, расположенном на улице Севил-Роу⁶⁵. Любой случай мог вызвать у Черчилля неожиданную реакцию. Однажды, после выступления в парламенте по поводу американской помощи, он ехал домой на Даунинг-стрит и, сидя на заднем сиденье лимузина, распевал во все горло Old Man River («Старик-река»). Когда его врач однажды процитировал строки из элегии «Люсидас» Джона Мильтона – «Пока спускался день, огнем объят, в сандалях серых по дуге небесной...», Черчилль неожиданно заявил, «он занял не ту сторону в гражданской войне». Во время посещения Рима у Черчилля состоялась встреча с лидерами итальянских политических партий. Обменявшись приветствиями с одной группой, Черчилль спросил: «Какую вы представляете партию?» – «Мы – христианские коммунисты». Черчилль не смог удержаться, чтобы не заметить: «Вашей партии, вероятно, очень удобно иметь под рукой катакомбы». Однажды на заседании в парламенте ему пришлось слушать длинный, утомительный доклад, изобилующий статистическими данными. Он заметил пожилого члена парламента, который, прижав к уху старинную слуховую трубку, напряженно пытался расслышать, что говорит оратор. Черчилль повернулся к соседу и спросил: «Кто этот идиот, отказывающийся от предоставленного ему преимущества?»⁶⁶

Чекерс – загородный дом в графстве Бакингемшир, ставший официальной загородной резиденцией премьер-министров в 1917 году, – охраняли бдительные часовые; войти могли только знавшие пароль, который менялся каждый день. В один из дней в начале лета пароль был «Тофрек», место в Судане, где в 1855 году произошло сражение между британскими войсками под руководством генерала Джеральда Грэхэма и генерала Джона Макнила с одной стороны и силами махдистов во главе с Османом Дигна с другой. Вечером этого дня Черчилль, услышав гул самолета в небе, выскочил из дома с криками: «Друг! Тофрек! Премьер-министр!» Находясь в Чекерсе, вечерами Черчилль читал вслух из Гамлета или Байрона или пел народные баллады, которые не слышал с 1890-х годов. Иногда, поставив пластинку с вальсом «Голубой Дунай», он вальсировал в одиночку, держа согнутую правую руку на уровне груди и отставив в сторону левую руку, словно поддерживая руку партнерши. Клементина, если была в это время в Чекерсе, скорее всего не присоединялась к мужу. Она понимала, что он зачастую одновре-

---

⁶⁴ Основателем ателье был Джеймс Пул. Начало его карьеры совпало со знаменитой битвой при Ватерлоо, и Пул постепенно переквалифицировался в военного портного. В 1822 году он открыл магазин, чтобы посетители могли купить одежду, не теряя времени на примерки. После смерти Джеймса Пула в 1846 году дело продолжил его сын Генрих. Он расширил помещение и построил роскошный салон на улице Севил-Роу, положив начало традиции Savile, которую подхватят другие ателье. После смерти Генри за совершенствование дела взялся его двоюродный брат Сэмюэл. Он открыл филиалы фирмы в Париже, Вене и Берлине. В начале 1900 года на процветание бренда работали 300 портных. В ателье шили костюмы для Эдуарда VII, Александра II, Александра III, Наполеона, Черчилля и де Голля. Среди клиентов фирмы – более пятидесяти европейских монархов и членов их семей, а также главы почти всех государств Старого Света.

⁶⁵ Colville, *Fringes*, 158; WM/Jock Colville, 10/14/80; WM/John Martin, 10/23/80.

⁶⁶ Moran, *Diaries*, 158; WSC 6, 115; Halle, *Irrepressible Churchill*, 257.

менно играет и работает. Скользя по комнате, Черчилль часто обдумывал фразы, которые войдут в его предстоящие выступления, и остановить его не представлялось возможным. Тем не менее как-то два члена кабинета министров решили, что их дело важнее, чем подготовка речей. Поднявшись по лестнице, они направились к его спальне, где он диктовал заметки. Секретарь доложил Старику, что они дожидаются за дверью. «Пусть уходят и займутся содомией, – гаркнул Черчилль и, выдержав паузу, добавил: «Объясни им, что нет необходимости буквально понимать этот приказ»⁶⁷.

Для подготовки к выступлению в палате общин лучше всего подходило определение *комическая опера*. Черчилль готовился не в тишине за письменным столом в окружении справочников, а во время телефонных переговоров, или вальсируя в большом зале в Чекерсе, или сидя в постели, или склонившись над картой военных действий. Он лично продумывал каждое слово в каждой речи; в «номере 10» не было никаких спичрайтеров. Ванна была излюбленным местом для подготовки к выступлениям (он гордился умением открывать и закрывать краны с помощью пальцев ног, не прерывая диктовку). В процессе диктовки он бормотал себе под нос: «К воротам Индии», «Этот кровожадный беспризорник», «Эта звезда Англии». Когда член кабинета министров назвал немцев «овцами», Черчилль сердито заметил, что это «плотоядные овцы». Двумя словами он точнее выразил суть противников, чем это смогли сделать Болдуин и Чемберлен после двухчасовых разглагольствований. С каждым разом, говоря о Гитлере, Черчилль находил новые, более резкие слова. «Этот злодей, это чудовищное порождение прошлых извращений и позора теперь решил попытаться сломить нашу великую островную нацию, прибегнув к беспорядочным убийствам и разрушению». Он оттачивал каждую фразу, выбрасывая лишние слова, не дополняющие того, что уже было сказано. Он проверял их во время обедов с коллегами, делая разные акценты, меняя прилагательные, чтобы понять, как они звучат. Он мог сделать паузу, чтобы взять щепотку табака из золотой табакерки (когда-то принадлежавшей адмиралу Нельсону), засунуть в ноздрю и с большим удовольствием чихнуть. Иногда он предлагал табак своим молоденьким машинисткам, но те вежливо отказывались. Его настолько захватывал творческий процесс, что он часто не замечал, что происходит вокруг. Однажды пепел от сигары упал на его пижамную куртку, и один из личных секретарей, заметив, что от куртки поднимается дымок, сказал: «Вы горите, сэр. Разрешите вас потушить?» Премьер-министр, не поднимая головы, равнодушно ответил: «Да, пожалуйста, потушите». Черчилль ни на секунду не прервал работу⁶⁸.

Кульминационный момент размышлений приходился на день выступления. Он всегда опаздывал по крайней мере на пятнадцать минут. Он мог, лежа в кровати, диктовать машинистке окончательный вариант речи или вносить изменения ручкой, хотя в это время уже должен был ехать в парламент. Раздавались тревожные звонки из парламента, его сотрудники просили поторопиться, камердинер помогал ему одеться и стряхивал сигарный пепел с его рубашки (деликатное дело, поскольку Черчилль не любил, когда к нему прикасались). Дверцы лифта были уже открыты, и шофер уже сидел за рулем. Наконец он медленно выходил, засовывая на ходу очки, портсигар, сигары и табакерку в карманы жилета, и проверяя пронумерованные страницы, чтобы убедиться, что они лежат в нужном порядке⁶⁹.

Когда Черчилль вставал с передней скамьи, чтобы обратиться к палате, в зале и на галерее для прессы устанавливалась почтительная тишина; журналисты и иностранные послы замирали в ожидании. Если его выступление затрагивало секретные вопросы, то, подняв голову и пристально оглядев посетителей на Галерее незнакомцев⁷⁰, он заявлял: «Вижу незнакомцев».

---

⁶⁷ WM/Jock Colville, 10/14/80; WM/John Martin, 10/23/80; Browne, *Long Sunset*, 114.

⁶⁸ M. GILBERT 7, 1322 («This wicked man...»); WSCHCS, 6277; Langworth, *Churchill by Himself*, 137.

⁶⁹ WM/William Deakin, 1980; WM/Jane (Portal) Williams, 1980.

⁷⁰ При проектировании зала палаты общин за основу было взято помещение часовни Святого Стефана, поскольку изначально там проходили заседания членов палаты. В северном углу зала находится кресло спикера палаты. Прямо перед ним

Таким образом, закрытые заседания создавали для Черчилля небольшую проблему, поскольку его самые остроумные высказывания оставались недоступными для прессы и иностранных дипломатов и, следовательно, для внешнего мира. Черчилль поступал очень просто; он повторял наиболее удачные фразы за обедом или в курительной комнате палаты, и они гарантированно попадали в газеты Макса Бивербрука⁷¹ *Evening Standard* и *Daily Express*.

И если Черчилль хотел, чтобы ежедневный секретный отчет герцога Альбы Франко содержал крупницы дезинформации от самого Старика, то мог повторить фразу некоему сотруднику министерства иностранных дел, который, как было известно, обедал с испанцем. Таким образом, было заседание закрытым или нет, но, если Черчилль хотел что-то рассказать, он делал это. Только слова могут жить вечно, любил он повторять; трудно было дать умереть его словам в зале палаты общин.

Черчилль, как Сэмюэл Джонсон и Шекспир, умел строить фразы таким образом, что они были понятны постоянным посетителям пабов в Глазго, валлийским шахтерам, лондонским прачкам Ист-Энда и в то же время таким людям, как Гарольд Николсон и леди Астор. За обеденным столом или в палате общин, отвечая на вопросы, он обстреливал помещение залпами острот. Но его выступления по радио и речи носили стратегический, а не тактический характер и были тщательно выверены. Его выступления по радио кажутся такими английскими, но на самом деле их структурное построение восходит к Цицерону. Чувствовалось влияние Гиббона и Шекспира, прочитанных Черчиллем. Гиббон, при чтении вслух, медленно горит, взрывается сильнее, чем фейерверк, однако его проза превосходно обдумана и упорядочена; каждая фраза доведена до такого состояния, когда из нее можно сделать единственный вывод. Обороты Гиббона проникли в речи Черчилля, которые по своей структуре и силе воздействия напоминали требушет⁷².

Речь Черчилля, как эта метательная машина, медленно и уверенно разгонялась до тех пор, пока не достигала максимального напряжения, и в этот момент он выпускал словесную ракету. Затем, переведя дыхание, перевооружал свое осадное орудие и готовился к следующему выстрелу.

Хотя в алфавитном указателе его четырехтомного сочинения «История англоязычных народов» не упоминается Шекспир, Черчилль на протяжении всей жизни читал и заучивал наизусть отрывки из его произведений, и ритмизированные отрывки в его речах – дань уважения Великому Барду. Он воплотил представление Шекспира о том, что сущность человека в его действиях и словах, подлинность и ценность которых подтверждают или опровергают последующие действия. Он не так много говорил с англичанами, как Рузвельт с американцами в своих «беседах у камина». При этом Черчилль объяснял их роль в современной борьбе, которая могла закончиться либо победой, либо уничтожением народа Великобритании. Гитлер, оппортунист и нигилист-романтик, то же самое говорил своему народу.

Черчилль диктовал речи, записки и письма машинисткам; это, как правило, были молодые женщины. Машинистка сидела за машинкой, а он ходил взад-вперед по комнате, обдумывал мысли и облекал их в слова. Но вот он начинал диктовать, и машинистка, когда ей требовалось вынуть заполненный лист из машинки и вложить чистый, вызывала его «первобытный гнев». «Давай, давай! – рычал он. – Сколько можно ждать! Оставь в покое эту бумагу!» Он воспринимал любую паузу, которая требовалась этой адской машине, как личное оскорбление.

стоит большой стол с установленным на нем скипетром. За столом во время заседаний находятся секретарь палаты общин и его помощники. Скамьи для членов палаты располагаются возле кресла спикера: справа сидят представители правительственных фракций, слева – оппозиция. По периметру зала располагаются галереи: Галерея прессы – для стенографов и журналистов, Галерея незнакомцев – для всех желающих.

⁷¹ Эйткен, Уильям Максвелл, 1-й барон Бивербрук – английский и канадский политический деятель, министр, издатель, предприниматель и меценат. Член Тайного совета Великобритании. В период между мировыми войнами достиг большого влияния в британской политике благодаря принадлежавшей ему газетно-информационной империи.

⁷² Требушет, или требюше – средневековая метательная машина гравитационного действия для осады городов.

Он проявлял, пишет его телохранитель, «невероятное, практически, ребяческое» нежелание понять принцип действия пишущей машинки. Ни один из его сотрудников не видел, чтобы он когда-нибудь прикасался пальцем к клавиатуре. При этом он никогда не писал записки. Черчилль только ставил свою подпись, вспоминал Уильям Дикин, и «за всю жизнь не написал ни строчки. Я никогда не видел, чтобы он брался за перо». На самом деле первые книги Черчилля были написаны от руки, как и корреспонденции с Кубы и из Южной Африки. Но после избрания в палату общин он уже не брался за перо, потакая своей любви к диктовке машинисткам⁷³.

Ему не нравилось диктовать стенографисткам, поскольку приходилось их все время подгонять и разрешать печатать, когда его не было рядом. Он считал, что стенография только добавляет еще один этап в процесс перенесения его мыслей на бумагу. Он делал исключения только для случаев, когда находился в движении – в машине, на борту корабля или с важным видом шествуя по залам Чекерса или парламента: даже ему было понятно, что в этих условиях невозможно воспользоваться пишущей машинкой. Молодой Патрик Кинна, младший капрал и опытный стенограф, работавший у герцога Виндзорского, сразу понял, что машинистки ни секунды не тратят впустую, когда впервые вошел в кабинет премьер-министра. Черчилль, никак не отреагировавший на появление Кинна, расхаживал по комнате. «Эта печальная история...» – начал премьер-министр. Кинна, решивший, что Черчилль хочет что-то рассказать, отложил карандаш и блокнот и сказал: «Боже мой, какая жалость!» – «Не сожалею, а записывай», – буркнул Черчилль. Это была записка в адмиралтейство, в которой выражалось сожаление по поводу недостаточного количества авианосцев. Кинна пережил первый день⁷⁴ и работал с Черчиллем до конца войны⁷⁵.

Нелегко приходилось машинистке, которая просила Великого человека повторить фразу. Его сотрудники знали, что предпочтительнее предположить, что Черчилль сказал, чем просить, чтобы он повторил.

Машинисткам часто приходилось заниматься отгадыванием того, что говорит Черчилль, поскольку он мало того что неожиданно начинал бормотать себе под нос, так еще любил диктовать, расхаживая по комнате, за спиной машинистки. Если, прекратив бормотать, он начал диктовать в полный голос, машинисткам опять приходилось сильно напрягаться. Когда он диктовал сидя в кровати, облокотившись на подушки, было трудно разобрать его слова из-за шелеста газет, которые он бросал на пол, телефонных звонков, появления камердинера, приносившего Черчиллю очередную порцию выпивки. Он любил под музыку обдумывать план выступлений и диктовать письма и записки; камердинер заводил граммофон и ставил его любимые пластинки – *After the Ball*, *Goodbye, My Love*, *Keep Right On Till the End of the Road*, скорее всего в исполнении Гарри Лодера. Непонятно, как машинисткам удавалось разобрать слова Черчилля, если учесть, что он часто просил камердинера увеличить звук. Наконец, закончив диктовать, Черчилль, протянув руку, отрывисто произносил: «Дай мне». Машинистка вынимала лист из машинки и протягивала ему⁷⁶.

Машинистки получили примерно 2 фунта в неделю, около 40 долларов в месяц, меньше заработной платы капрала армии США. Кроме того, они должны были оставаться на своих местах даже в тех случаях, когда немецкие бомбы попадали в соседние дворы⁷⁷.

---

⁷³ WM/William Deakin, 1980; WM/Jane (Portal) Williams, 1980.

⁷⁴ Черчилль по достоинству оценил скорость и мастерство Патрика Кинна, для которого заказали особую пишущую машинку, которая не заедала на больших скоростях. Кинна стал постоянным спутником Черчилля во время международных встреч с президентом США Рузвельтом, маршалом Тито и генералиссимусом Сталиным. Кинна вел запись Ялтинской конференции в феврале 1945 года.

⁷⁵ WM/Jane (Portal) Williams, 1980; GILBERT 6, 1156; Thompson, *Assignment: Churchill*, 183; *Daily Telegraph*, 3/18/09.

⁷⁶ WM/Jane (Portal) Williams, 1980; WM/Jock Colville, 10/14/80; Colville, *Fringes*, 285.

⁷⁷ WM/Cecily («Chips») Gemmell, 7/10/80.

Черчилль, до того как стал государственным деятелем, был профессиональным писателем; он выпустил много книг и статей. Его любовь к языку была глубокой и прочной; он мастерски владел словом и не задумываясь исправлял любого, кто неправильно употреблял слова, особенно тех, кто пытался скрыть неграмотные суждения за многословной трескотней, используя военный и бюрократический жаргон. Он, как и Ф.Г. Фаулер, считал, что английские слова всегда предпочтительнее иностранных слов и следует расширять словарный запас. По его приказу «центры общественного питания» были переименованы в «Британские рестораны», а «Добровольцы местной обороны» в «родную гвардию». И почему «prefabricated» предпочтительнее «ready-made»?⁷⁸

«Appreciate that» («Оцените, что») было для него словно красная тряпка для быка; он всегда вычеркивал это слово и заменял на «recognize that», «признайте, что». Как-то Джон Мартин, проезжая с Черчиллем на машине по набережной, назвал извилистость Темзы extraordinary. Черчилль поправил его: «He extraordinary. Все реки извилистые. Скорее remarkable»⁷⁹.

На полях официальных документов он часто ссылался на A Dictionary of Modern English Usage («Словарь современного использования английского языка») Генри Фаулера, экземпляр которого послал в Букингемский дворец в свое первое Рождество в качестве премьер-министра⁸⁰.

Джон Мартин полагал, что «политика, а не лингвистика явилась причиной интереса [премьер-министра] к бейсик-инглиш, который способствовал организации Англоязычного клуба». Это, конечно, была не единственная причина. Черчилль считал, что все страны, в которых говорили на английском языке, включая Америку, должны объединиться. В этом заключалось глубокое различие с внешней политикой его предшественников с Даунинг-стрит. Их внимание было обращено на континент и разные комбинации великих держав, расположенных на континенте. Невилл Чемберлен отзывался о Соединенных Штатах со смехом и презрением и называл американцев «существами». Но Черчилль, хотя ратовал за объединение Европы, смотрел на Запад, и не только потому, что понимал, что Гитлера не одолеть без американских войск. Британец до мозга костей, он был сыном американки и задолго до войны планировал создание союза англоговорящих стран: Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Канады, Австралии, Южной Африки и обширных колоний Британской империи⁸¹.

В его парламентских выступлениях и, особенно, в радиообращениях к осажденному острову соединился талант к языку с идеализированным образом Англии и англичан, или «британского народа», сформировавшимся в последней четверти XIX века, – людей, на деленных бесстрашием, храбростью, благородством, невероятным чувством собственного достоинства и неукротимостью. Он по-прежнему бурно радовался, вспоминая колониальные завоевания, когда королевская армия была вооружена винтовками Enfield и пулеметами Максима⁸², гордо реяли имперские знамена и даже во время восстания сипаев в Индии британцы понесли незначительные потери.

Бойня войны 1914–1918 годов потрясла британцев, включая Черчилля, и многих лишила иллюзий, но не Черчилля. Теперь, вызывая на себя огонь страшного внушающего ужас красного пожара, он испытывал подъем энергии. Первые четыреста дней в должности пре-

---

⁷⁸ Оба слова означают «готовый».

⁷⁹ Оба слова переводятся как «удивительный».

⁸⁰ Vincent Sheean, *Between the Thunder and the Sun* (New York, 1943), 260; Wheeler-Bennett, *Action*, 146–47.

⁸¹ WM/John Martin, 10/23/80.

⁸² Ли-Энфилд – семейство британских винтовок. Первая модель появилась в 1895 году. Ли – имя изобретателя Джеймса Париса Ли, Энфилд – название города, в котором располагалась производившая винтовку The Royal Small Arms Factory (Королевская фабрика стрелкового оружия). Пулемет Максима («Максим») создан Хайремом Стивенсом Максимом, британским изобретателем и оружейником американского происхождения.

мьер-министра – с начала мая 1940 до середины июня 1941 года, страшное время для миллионов европейцев, – были решающей главой в его жизни. Позже он написал, что это был «самый блестящий, но и самый ужасный год в нашей долгой британо-английской истории». Он считал, что 1940 год был тем временем, «когда в равной мере было хорошо и жить и умереть». Спустя годы после войны Джон Мартин сказал ему, что жизнь перестала быть такой захватывающей, как прежде. Черчилль, смеясь, ответил: «Вы не можете требовать, чтобы постоянно шла война»⁸³.

Выдающийся британский психиатр Энтони Сторр, основываясь на воспоминаниях лорда Морана, считал, что источник силы Черчилля во «внутреннем воображаемом мире», своего рода фантазиях, которые время от времени возникают у творческих людей от тоски и разочарований. На протяжении большей части 1930-х годов Черчилль испытывал и то и другое. В июне 1940 года, по мнению Сторра, «события в его воображаемом мире совпали с фактами объективной реальности так, как это редко бывает в жизни людей». После падения Франции Черчилль стал героем, о чем он всегда мечтал. Сторр сравнивает это со страстной любовью, «когда объект желания мужчины на некоторое время, очевидно, точно совпадает с образом женщины, который он носит в себе». В тот тяжелый момент, считает Сторр, «Англия нуждалась не в проницательном, уравновешенном лидере. Ей нужен был пророк, героический провидец, человек, который мог провидеть победу, когда сама надежда на нее, казалось, потеряна, человек, который мог вдохновить не только британцев, но и американцев. Будь Черчилль уравновешенным человеком, он, вероятно, не смог бы вдохновить народ. В 1940 году, когда все обстоятельства были против Великобритании, трезвомыслящий лидер, скорее всего, мог прийти к выводу, что нам конец»⁸⁴.

И все же, несмотря на то что Черчилль был склонен к сентиментальности, переменчив и временами ему недоставало стратегического мышления как военному лидеру, он, благодаря интуиции и тщательному анализу в течение 1930-х годов, сделал удивительно точный прогноз относительно бедствия, которое постигнет Европу и Англию. Сентябрьские события 1939 года доказали, что он *наиболее* здравомыслящий государственный деятель Англии и наилучший предсказатель. Остальные трезвомыслящие и уравновешенные люди, которым не хватало воображения и проницательности, позволили Великобритании вступить неподготовленной в эту войну.

По мнению Сторра, Черчилль сложная натура, таким он, конечно, и был и всю жизнь страдал от приступов депрессии, что, вероятно, не совсем так. Широко распространенное мнение, что Черчилль боролся с приступами депрессии на протяжении всей взрослой жизни, обязано своему появлению, в значительной степени, рассуждениям Сторра и воспоминаниям лорда Морана, в которых он подробно рассказывает о своей деятельности в качестве личного врача Черчилля. В последнее десятилетие Черчилля Моран задавал ему наводящие вопросы о его «черной собаке» – так Черчилль называл приступы депрессии – и изобразил восьмидесятилетнего государственного деятеля одряхлевшим и подавленным. Основанная на сочинениях Морана и Сторра идея, что Черчилль был личностью депрессивного типа, а скорее всего, маниакально-депрессивного типа, утвердилась в психиатрических кругах и продолжает удерживаться в народном сознании (но не у членов семьи Черчилля, его друзей и его официального биографа сэра Мартина Гилберта). Однако Черчилль, скорее всего, не страдал психическим заболеванием. История «черной собаки» началась в 1911 году, когда в письме Клементине Уинстон высказывает восхищение немецким врачом, который, говорят, способен излечить от депрессии: «Я думаю, что этот человек может быть мне полезен – если возвращается моя чер-

---

⁸³ Wheeler-Bennett, *Action*, 139.

⁸⁴ Anthony Storr, *Churchill's Black Dog, Kafka's Mice, and Other Phenomena of the Human Mind* (New York, 1973), 5, 27, 49–50.

ная собака» (Сэмюэл Джонсон называл свои приступы меланхолии «черной собакой»). Далее Черчилль пишет Клементине, что, когда собака уходит, «в жизнь возвращаются все краски». В письме он описывает то, что современные психиатры называют умеренным депрессивным эпизодом. «Из жизни исчезает свет», – написал Черчилль. Когда в 1944 году Моран своими вопросами подтолкнул Черчилля к воспоминаниям, тот рассказал об этом эпизоде и об ощущениях головокружения, давно его беспокоивших: «Я не люблю стоять у края платформы, когда мимо проходит поезд. Я предпочитаю стоять спиной, а лучше всего – за колонной. Я не люблю стоять у борта судна и смотреть вниз. И все же я не хочу покидать мир, даже в такие моменты». Но даже в периоды депрессии Черчиллю не были присущи отчаяние и мысли о самоубийстве. После 1911 года он больше не писал о черной собаке⁸⁵.

С тех пор диагноз, поставленный Черчиллю Сторром, был заменен более точными диагностическими протоколами. События значительные и менее значительные действительно могли ввергнуть Черчилля в тоску – огромные потери британского флота, смерть любимого домашнего животного, упоминание имени давно умершего товарища по оружию. Его было легко растрогать до слез. «Я очень много плачу», – сказал он как-то личному секретарю, и он никогда не извинялся за свои слезы. Черчилль очень раздражался из-за неоправданных задержек, из-за секретарей, устраивавших путаницу, и генералов, которые демонстрировали нежелание или неумение воевать. С такой же легкостью он мог изменить настроение и избавиться от тревоги. У него не было симптомов, которые теперь считаются основными симптомами депрессии у взрослых: длительные (две недели и более) и регулярные (по крайней мере, ежегодно) периоды потери интереса к работе и семье, потери интереса к социальным ценностям, трудности в принятии решений, бессонница, заниженная самооценка, ощущение себя нелюбимым и не достойным быть любимым, иногда сопровождаемое чувством безутешности. Не было у него и признаков, связанных с манией: *уменьшение* потребности во сне, повышенная разговорчивость, скачки мыслей, эйфория, чрезмерный оптимизм, повышенная сексуальная активность, безудержная веселость и неспособность сконцентрироваться⁸⁶.

Черчилль действительно зачастую неоправданно рисковал за игорным столом и на поле боя (которым большую часть 1940 года был Лондон) и много пил, но никогда не утрачивал способность выполнять свои обязанности. Он волновался, раздражался, уставал, но никогда не отчаивался. Тот факт, что у него проявлялись различные признаки депрессии – чрезмерное употребление алкоголя, перепады настроения, – не периодически, а регулярно, даже ежедневно и на протяжении всей его жизни, на самом деле часть противоречивой человеческой природы.

Хотя психиатры в случае с «черной собакой» Черчилля предостерегают против попыток опровергнуть сделанные выводы, но они также предостерегают против диагнозов, поставленных задним числом, как это сделал Сторр. Джок Колвилл и Фицрой Маклин, один из военных советников Черчилля, вспоминали редкие случаи, когда Черчилль говорил о «черной собаке». Он имел в виду не депрессию в клиническом смысле, а только то, что у него выдался плохой день. И Колвилл, и Маклин помнили из своего детства, что английские няни называли «черной собакой» капризы и эмоциональные вспышки у маленьких детей. Черчилль, понимая, что мрачный внешний вид не вселяет уверенности в тех, в ком он нуждается, чтобы выиграть войну, не позволял себе впадать в уныние. Когда посетители Чекерса или «номера 10» поражались хорошему настроению Черчилля, он озвучил вариацию мысли, высказанной как-то Колвиллу, что черпает силу из «удивительного самообладания и морального духа британского народа». Как-то Мопс Исмей, прогуливаясь с Черчиллем по саду в Чекерсе, предположил, что,

---

⁸⁵ W&C-TPL, 53; Moran, *Diaries*, 179.

⁸⁶ Moran, *Diaries*, 112; PFR/Dr. Ron Pies (clinical psychiatrist, professor, Tufts University School of Medicine), 2007; PFR/Dr. David Armitage (Col. U.S. Army, ret.), 2007; Dr. Michael First (editor, *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 4th ed., text rev. [DSM-IV-TR], lead author, *Structured Clinical Interview for DSM-IV-TR [SCID]*, electronic and telephone communications, 3/07, 10/08; Browne, *Long Sunset*, 119.

«каким бы ни было будущее, ничто не сможет лишить его [Черчилля] заслуги в том, что он вдохновлял страну...». На это Черчилль ответил: «Мне было дано выразить то, что есть в сердцах британцев. Если бы я говорил что-нибудь еще, они бы вышвырнули меня с должности»⁸⁷.

Ничто – ни настроение, ни поражения Великобритании, ни генералы, действовавшие с неохотой, – не могло помешать Черчиллю вдохновлять соотечественников и бороться за их спасение. Ничто не ослабляло его любовь к семье. Ничто не ослабляло его любовь к жизни. Если верить заявлению Фрейда, что «психическое здоровье – это способность любить и работать», то Черчилль обладал абсолютным психическим здоровьем.

Если Черчилль чего-то и достиг, то того, что американский психолог, основатель гуманистической психологии Абрахам Маслоу назвал «самоактуализацией», дошел до вершины «иерархии потребностей»; человек, достигший этого высшего уровня, добивается полного использования своих талантов, способностей и потенциала личности.

Черчилль никогда не страдал от скромности, однако его возмутило предположение, что он изменил британцев. Он считал, что у британцев «львиные сердца», а он только обеспечивает рычание. По его мнению, британцы всегда были героями. Позже он сказал примерно то же, что в свое время сказал Мопсу Исмею: «Мне выпало выразить чувства и намерения британского народа в тот критический момент его жизни. Это было для меня честью, о которой я никогда не мог и мечтать, и это то, что нельзя отнять». Однако далее он сказал: «Это судьба. Судьба поставила меня сюда, сейчас и с этой целью». Однако «судьба» для Черчилля означала только то, что он оказался в этом месте в это время; судьба не гарантировала успех его миссии. Это могли сделать только его свободно предпринятые действия. Он признавал возможность того, что за людскими делами следят и руководят ими, что это часть «замысла Всевышнего, согласно которому все наши действия считаются правильными, если мы выполняем свои обязанности». Будучи агностиком, он исключал возможность божественного влияния, но не в том, что касалось его обязанностей. Судьба – это все, что происходит с каждым человеком. В данном случае может рассматриваться как динамическая сила Черчилля, которая, во взаимодействии с его волей, изменила историю летом 1940 года. Европа была под гитлеровским сапогом, от Пиренеев до Северного полярного круга, от берегов Вислы до Ла-Манша, через который тремя неделями раньше бежала британская армия, оставив французское побережье, усеянное брошенными танками, автомашинами, орудиями, винтовками, боеприпасами и телами погибших томми⁸⁸.

Одержавшие победу генералы фюрера расхаживали по французскому берегу и внимательно разглядывали английские белые меловые скалы, расположенные на берегу Дуврского пролива, в самом узком месте Ла Манша⁸⁹.

Было бы ошибкой представлять Гитлера в 1940 году безумцем, брызжущим слюной на мундиры ошеломленных прусских подчиненных во время произнесения тирад. Весной 1940 года на начальном этапе своего рискованного предприятия Гитлер полностью владел собой. Он провел Первую мировую войну на фронте и был награжден Железным крестом за храбрость. Он был трижды ранен – дважды шрапнелью и временно ослеп после отравления хлором во время газовой атаки. Он принимал участие в двенадцати сражениях. Гитлер провозгласил себя, пишет военный историк сэр Джон Киган, «первым солдатом рейха»; он заслужил так называться благодаря своей храбрости в годы Первой мировой войны. Его полк – 16-й баварский

---

⁸⁷ Hastings Lionel Ismay, *The Memoirs of General Lord Ismay* (London, 1960), 155; Colville, *Fringes*, 215.

⁸⁸ Томми – прозвище солдат вооруженных сил Великобритании.

⁸⁹ WM/Jock Colville, 10/14/80; Colville, *Fringes*, 578; Moran, *Diaries*, 827; Langworth, *Churchill by Himself*, 58.

резервный полк – понес более чем стопроцентные потери (военные статистики при расчете потерь учитывают первоначальную численность подразделения и количество пополнения)⁹⁰.

В 1940 году Гитлер лучше многих своих генералов знал о тяготах войны, однако он считал, что Первая мировая война была «величайшим из всех событий». Вот только итог оказался неудовлетворительным. Тогда Германия не заслужила победы. Теперь было другое время. Ситуация изменилась. Гитлер одерживал победы⁹¹.

На тот момент Адольф Гитлер был величайшим завоевателем в истории Германии, судьба сложилась по *его* желанию. Война, какой она была, должна была вот-вот закончиться. Британцы, безусловно, должны требовать мира, и Гитлер был готов предложить великодушные условия из уважения к этому народу. «Ему нравились англичане, – вспоминал несколько лет спустя один из его телохранителей, – за исключением Черчилля». Рейх фюрера грелся теперь в лучах сияющего альпийского рассвета, порожденного варварством, обманом и тевтонской волей. Великобритания одиноко стояла в сумерках, ожидая, казалось, неизбежного наступления темноты. Перед бывшим капралом, несостоявшимся художником – «маляром», как называл Гитлера Черчилль, – стояла задача занять место Черчилля во главе нового европейского порядка, отделив голову Британской империи от ее тела⁹².

Таким было положение Черчилля, Лондона, Великобритании и Британской империи в самый длинный день 1940 года.

Гитлер и его генералы знали, что могут уничтожить остатки британской армии в считанные дни, если сумеют добраться до них через проливы. Но холодная вода Ла-Манша, хлюпающая в сапогах завоевателей, только подчеркнула давно известную истину: они были воинами, способными сражаться на суше. В отличие от английских генералов они не были «морскими генералами». У них не было планов по пересечению моря, они ничего не понимали в море, и на самом деле Гитлер и его генералы боялись моря. Что касается Черчилля, Ла-Манш был его рвом, Англия – двором замка. Он собирался сражаться у зубчатых стен своего замка до тех пор, пока не сумеет собрать воинов и оружие, необходимых для того, чтобы перейти Ла-Манш, двинуться по Европе и наконец, в один прекрасный день, а он наступит не скоро, пересечь Рейн, войти в Германию, в Берлин, для достижения поставленной цели: окончательной и полной победы над гитлеризмом. Откажут ли ему в этом Гитлер и судьба, сказал он членам кабинета, но он ждет от каждого, включая себя, что умрут, упав на землю, «захлебнувшись собственной кровью»⁹³.

---

⁹⁰ Первоначальная численность 16-го полка составляла 3500 человек. Всего за войну 16-й полк потерял погибшими 3754 человека.

⁹¹ John Keegan, *The Mask of Command* (New York, 1987), 236—38.

⁹² David Rising «Hitler's Final Days Described by Bodyguard», AP, 4/24/05.

⁹³ Hugh Dalton, *Memoirs 1931–1945: The Fateful Years* (London, 1957), 335—36.

Предыстория Сентябрь 1939 – май 1940 года

Немезида Черчилля, Адольф Гитлер, был злым политическим гением, который пришел к власти благодаря тому, что нашел, а затем занял темные уголки в душах немецкого народа. Однако влияние фюрера не ограничивалось рейхом. Хотя Гитлер не знал ни одного иностранного языка и никогда не бывал за границей, он обладал интуитивной способностью использовать слабости *das Ausland* – всеобъемлющее слово, означающее все государства за пределами рейха. Снова и снова в 1930-х годах он заставлял правительства Великобритании и Франции выносить его акты агрессии. Напуганные перспективой новой европейской войны, они не принимали никаких мер, жертвуя своей гордостью, своей честью, даже будущим нации. Тем временем росли и крепили его вооруженные силы. И наконец, после шестилетней подготовки, в конце десятилетия, он был готов. На рассвете в пятницу, 1 сентября 1939 года, он направил пятьдесят шесть дивизий вермахта на восток, в Польшу. Теперь у Лондона и Парижа не осталось выбора. Они были связаны с Варшавой военными союзами и были вынуждены объявить войну, что сделали весьма неохотно.

В Генеральном штабе верховного командования вермахта, ОКВ (*Oberkommando der Wehrmacht*), располагавшемся в Цоссене, в пригороде Берлина, полевые командиры фюрера тоже пребывали в смятении. Повернув на восток, игнорируя армии Англии и Франции, фюрер пренебрег основным стратегическим принципом ОКВ и повел войну на два фронта. Хуже того, он оголил Западный фронт рейха, оставив там всего двадцать три дивизии против восьмидесяти пяти хорошо вооруженных дивизий противника. История предоставила шанс французскому генералу Морису Гюставу Гамелену, главнокомандующему союзными войсками. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии, генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель позже заявит, что «атака французов должна была столкнуться всего лишь с немецким заслоном, а не с реальной обороной». Гамелену, чтобы выиграть войну, требовалось отдать один приказ: «*En avant!*» («Вперед!») Его войска могли войти в Рурский район, немецкий центр промышленности, и война была бы закончена.

Но он не сделал этого. За исключением символической вылазки в направлении Саара, к его угольным шахтам и металлургическим заводам – бессмысленный жест, цель которого была поддержать поляков, – союзные войска оставались на прежнем месте. Затем, после пятидневного блицкрига, или молниеносной войны, безжалостная нацистская сила сокрушила Польшу, освободив вермахту путь на запад. Момент был упущен. Французские и британские войска подготовились к немецкому наступлению, но все было тихо. Они ждали.

На Западном фронте в течение восьми месяцев, до мая 1940 года, сохранялось затишье. Борьба, которая велась, ограничивалась в основном открытым морем, сферой господства Королевского флота, и побережьем Норвегии. На суше неделя за неделей огромные армии сидели без дела в неестественной тишине.

Берлинцы называли это удивительное затишье, небывалое в истории современной войны, *der Sitzkrieg* (сидячая война). В Париже его называли *la drôle de guerre* (странная война), а в Лондоне – скучная война. Черчилль назвал эту ситуацию сумерками войны; американский сенатор Уильям Бора – странной войной. В Англии и Франции народ, испытывая эмоциональное опустошение после того, как заранее готовился к худшему, вернулся к развлечениям мирного времени. Шел девятый месяц странной войны, и жизнь продолжалась в этих условиях. Величайшая из войн собиралась только разразиться приступами насилия, кровопролития и террора.

* * *

Позже все вспоминали, какой тогда была погода. Зима 1939/40 года была белым кошмаром, самой жестокой зимой в Европе с 1895 года (единственная причина, по которой Гитлер не пошел в наступление, хотя об этом не знали ни Париж, ни Лондон), но весна наконец наступила. В марте установилась непривычно теплая погода. На Европейском континенте зацвели первоцветы, следом и фруктовые деревья. 3 апреля сэр Александр Кадоган, британский дипломат, написал в дневнике: «Кажется, ожили все травянистые растения... зазеленели луга и рощи»⁹⁴.

В течение двух недель установилась изумительная погода. Воздух был столь чистым и прозрачным, что казалось, будто увеличилась дальность обзора. Буйство магнолий, подснежников и ярких азалий как в Кенсингтоне, так и в Уайтчепеле. Молли Пэнтер-Доунес написала в *The New Yorker*, что цветочные композиции в лондонских парках «великолепны, и как жаль, что любящие парки британцы не спешат пойти и посмотреть на них». Она пишет, что, судя по всему, с каждым днем будет все теплее, весна будет изумительной, какой давно не было в Англии, а дальше замечает: «Тюльпаны на клумбах у Букингемского дворца цвета крови»⁹⁵.

В Нидерландах с XVIII века основной отраслью экономики являлось выращивание и продажа знаменитых на весь мир сортов тюльпанов: «Мендель», «Дарвин», «Коттедж», «Попугай». Пик цветения этих сортов всегда приходится на конец апреля, а позже к ним присоединяются изящные белые тюльпаны, самые нежные и восхитительные. В крошечном Люксембурге расцвели невиданные по красоте гладиолусы. О бельгийской весне всегда объявляют высокие, стройные платаны и тополя, тянущиеся вдоль широких улиц Брюсселя, и в конце апреля 1940 года они тоже покрылись нежно-зеленой молодой листвой.

Это была столь редкая, подлинная идиллия, благословенное время кристально-чистого воздуха, солнечных восходов, нежных сумерек и теплых, наполненных ароматом вечеров в садах и парках. В конце апреля облака, словно взбитые сливки, неподвижно висели на небе, затем небо очистилось. В течение шести недель не упало ни капли дождя. Солнечная погода поднимала настроение; люди радовались, просто глядя в безоблачное небо, которое, казалось, стало еще бескрайнее, выше и более глубокого синего цвета, чем когда-либо прежде.

Алек Кадоган восторженно написал: «Восхитительная весна, искрящийся воздух, изумительные цветы, и мир вокруг напоминает рай». Подобные строки восхищения можно найти во многих дневниковых записях, письмах, газетах и журналах. Энтони Иден упомянул «продолжительный период хорошей, солнечной погоды». В доме номер 10 по Даунинг-стрит Джок Колвилл ежедневно рано утром ехал в Ричмонд-парк, чтобы насладиться «теплой летней погодой». Сэр Раймунд Айронсайд, генерал, начальник имперского Генерального штаба, написал о «великолепнейшей погоде» и спустя неделю отметил, что «погода по-прежнему великолепнейшая». Герцогиня Виндзорская, в форме *Union des Femmes de France* (Союз женщин Франции), руководившая работой солдатской столовой в Париже на рю де ла Пэ, написала своей тете Бесси: «У нас никогда не было такой прекрасной весны». Позже американский военный корреспондент Винсент Шиан отметил, что «Париж еще никогда не знал более прекрасной весны», а затем добавил, что «погода явилась частью человеческой драмы». В рейхе некоторые вспоминали август 1914 года, когда германские пехотинцы в остроконечных шлемах писали домой о *Kaiserwetter* (императорская погода). Теперь их сыновья называли эту погоду *Hitlerwetter* (гитлеровская погода). Нацистский генерал Гейнц Гудериан, командующий танковым корпусом,

---

⁹⁴ David Dilks, ed., *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945* (New York, 1972), 267.

⁹⁵ Mollie Panter-Downes, *London War Notes, 1939–1945* (London, 1972), 62.

охарактеризовал погоду соответствующим образом, назвав ее «völlig Panzerwetter» (исключительно танковая погода)⁹⁶.

Париж, самый красочный город в Европе, присоединился к этому великолепию, радуя взор каннами, георгинами, нарциссами и фрезиями, особенно в садах Тюильри. Вдоль Сены и широких столичных бульваров расцвели столь любимые парижанами каштаны с их цветами, стоящими на ветках, как розовые свечи, и темно-зелеными матовыми листьями, такие утонченные, такие изысканные, что, по мнению *Paris Soir*, они словно сошли с полотна Ренуара. Клэр Бут⁹⁷, совершая поездку по Западной Европе в тот четвертый месяц 1940 года, написала:

«Сейчас, в апреле, на прекрасных парижских улицах зеленеют каштаны, в солнечных лучах дома переливаются всем многообразием жемчужно-серых тонов, и от зрелища заходящего золотого солнца, мелькнувшего в Триумфальной арке, возвышающейся в конце Елисейских Полей, на мгновение перехватывает дыхание от боли и восторга. Вот такой Париж в апреле!»⁹⁸

Париж был gai⁹⁹ – веселость, которая при взгляде назад кажется жестокой иронией судьбы.

Сразу после объявления войны закрылись все театры, но теперь они вновь открылись и были заполнены до отказа. Это в равной степени относилось к кинотеатрам, ресторанам и ночным клубам; скачкам на ипподроме Отей, цветочному рынку на площади Мадлен; весенней художественной выставке в Большом дворце; автомобильным гонкам в Булонском лесу, организованным «Ситроеном» и «Рено» – даже к залу в здании на Левом берегу, под крышей которого собрались пять академий, куда приходили желающие послушать лекцию Поля Валери о французском искусстве, лекцию, которой на той неделе парижские ежедневные газеты уделили больше внимания, чем войне на всех фронтах.

В тот год поля во Франции вспахивали солдаты. Странная работа для солдат в военное время, но тогда и война была странной; в отдельных перестрелках французские потери составили всего 2 тысячи человек, треть приходилась на Королевский флот. Но даже в этом случае Высший военный совет (*Conseil Supérieur de la Guerre*), возмущенный идеей использовать солдат на сельскохозяйственных работах, утверждал, что эти работы унижительны для их профессии. Тем не менее правительство, по настоянию депутатов от сельскохозяйственных округов, отметило, что, хотя кадровые офицеры являются профессиональными солдатами, их рядовые таковыми не являются; люди, которыми они командуют, в мирное время были гражданскими лицами, многие из них – фермерами, и если никто не будет вспахивать и засеивать землю, то Франция проиграет войну из-за голода.

Когда генералы были вынуждены отступить, некоторые офицеры, и среди них полковник Шарль де Голль, продолжали сопротивляться. Французская армия имела хорошую репутацию, даже в Берлине, но бездействие войск вызывало тревогу. В течение зимы британские экспедиционные силы (*British Expeditionary Force, BEF*) столкнулись с проблемой бездеятельности. Хотя на континенте было менее 400 тысяч британских солдат – всего 18 процентов союзнических сухопутных войск, – они имели высокий уровень боевой подготовки, частично благодаря офицерам, не прекращавшим проводить занятия по физической и психологической подготовке. Французы этого не делали. Война длилась уже восемь месяцев, и французская армия застоялась, даже начала разлагаться.

Следует принимать в расчет все обстоятельства и относиться к французскому солдату 1940 года с большим состраданием. Ни одна страна, за исключением Сербии, не подверглась

---

⁹⁶ Dilks, *Diaries*, 267, 272, 283; WM/Jock Colville, 10/14/80.

⁹⁷ Бут Люс, Клэр – американский драматург, редактор, журналист, посол, конгрессмен от штата Коннектикут.

⁹⁸ Clare Boothe, *Europe in the Spring* (New York, 1941), 127.

⁹⁹ Веселый (*фр.*).

таким ужасным испытаниям в Первой мировой войне. Поколение Второй мировой войны, в отличие от поколения 1914 года, хотело, чтобы его просто оставили в покое.

В то время не придали особого значения этой атрофии духа. В 1938 году Черчилль назвал французскую армию «самой хорошо обученной и мобильной силой в Европе». В январе 1940 года он, к своему ужасу, понял, что нельзя сказать, будто «Франция смотрела на войну с воодушевлением или хотя бы с большой надеждой». Он винил в этом долгие месяцы ожидания, последовавшие за крахом Польши. По его мнению, «долгие зимние месяцы ожидания предоставили время и возможности для действия яда» коммунизма и фашизма¹⁰⁰.

Восьмимесячное затишье на фронте оценивали по-разному. По мнению Винсента Шиана, не было сомнений, что в ближайшее время затишье закончится, «когда серые потоки немецкого наводнения хлынут на запад в Голландию, Бельгию, Францию... и я думаю, что мы только наполовину верим в неизбежность, пока она не наступила»¹⁰¹.

Многие, среди них некоторые более осведомленные, были настроены оптимистично, поскольку ожидаемая прелюдия привела бы к страшному кровопролитию. Генерал Андре Бофр назвал эту ситуацию «фарсом, разыгрываемым по обоюдному согласию», который не приведет ни к чему серьезному, «если мы правильно сыграем свою роль». Альфред Дафф Купер, ушедший в отставку с поста первого лорда адмиралтейства в знак протеста против Мюнхенского сговора, выступая перед американской аудиторией в Париже, необдуманно заявил, что союзники «нашли новый способ ведения войны, не жертвуя человеческими жизнями»¹⁰².

Многие заявляли, что все это скоро закончится, что это не может продолжаться, что в этом нет никакого смысла. Премьер-министр Невилл Чемберлен в частной беседе сказал, что он «предчувствует», что к лету война закончится. Другие думали иначе; в Париже и Лондоне люди, занимавшие высокое положение, были убеждены, что война будет продолжаться в том же духе и морская блокада медленно задушит рейх фюрера. Это, конечно, займет пару лет, но к тому времени у британцев будет пятьдесят дивизий, и вместе с сотней американских дивизий, они нанесут Гитлеру смертельный удар.

По мнению выдающегося французского ученого Альфреда Сови, французский народ согласился участвовать в войне, хотя и неохотно. Французы верили, что Франция победит. Они были уверены, отметил Уильям Лоуренс Ширер, корреспондент Си-би-эс в Берлине, что для победы демократии следует объявить войну, что, если «свободный народ» объединится в желании победить, никакая «управляемая сила», подобная гитлеровской, не сможет победить... они рассказывают о гигантских военных усилиях и объясняют, что благодаря демократии военные усилия, безусловно, значительнее, чем в Германии, поскольку на добровольных началах». Ширер также отметил растущее убеждение, что «в этой странной войне нет никакой необходимости страдать, лишать себя хорошей, легкой жизни. На этот раз в жертве нет необходимости».

Французское правительство поощряло подобные настроения. Депутаты наделили премьер-министра Эдуарда Даладье диктаторскими полномочиями в сфере промышленности, включая право мобилизовать рабочую силу, но он не воспользовался ими. Предприятия, которые можно было переоборудовать для выпуска боеприпасов, продолжали выпускать гражданскую продукцию. Парижские фирмы «Лелонг», «Баленсиага» и «Молинье» экспортировали шелка, из которого, как позже узнали французы, немцы шили парашюты. Не вводилось нормирование продуктов, как и бензина, хотя приходилось импортировать каждый галлон. Депутаты рекомендовали вновь открыть лыжные трассы и курорты Лазурного Берега.

---

¹⁰⁰ WSC 1, 558—59.

¹⁰¹ Vincent Sheean, *Thunder*, 83.

¹⁰² General Andre Beaufre, *Le Drame de 1940* (Paris, 1965).

Де Голль, одинокая Кассандра, написал Полю Рейно, в то время еще министру финансов Франции: «Сейчас, как мне видится, враг не будет нападать на нас какое-то время... Затем, когда он решит, что мы устали, растеряны, недовольны собственным бездействием, он наконец перейдет в наступление, имея абсолютно другие козыри, психологические и материальные, чем имеет в настоящее время». Он был прав, но, когда самонадеянный полковник сказал Пьеру Бриссону, редактору «Фигаро», что его тревожит пассивность врага, Бриссон высмеял его: «Разве вы не видите, что мы уже одержали бескровную победу на Марне?»¹⁰³

Британцы, обладая в целом лучшей информацией о европейских полях сражения, должны были быть более реалистичными. Но не были. Остров казался прекрасным, значит, остров *был* прекрасным. Осенью Times сообщила, что Англия приняла «непреклонное решение» твердо держаться до конца, но спустя девять месяцев после начала войны жизнь Англии вернулась в нормальное русло. Праздные жители города дремали в шезлонгах в Гайд-парке; люди попусту транжирили время в лондонских парках и с интересом наблюдали за плавающими в прудах утками.

В 1940 году в городском пейзаже доминировали собор Святого Павла, шпили пятидесяти церквей Рена¹⁰⁴ в стиле барокко, здание парламента в стиле неоготики и Биг-Бен.

Теперь, затемненные, залитые лунным светом, они вызывали воспоминания об имперской столице до появления электричества. Ночная жизнь, как всегда, была насыщенной и интересной: Джон Гилгуд в «Короле Лире»; пьеса *Light of Heart* Эмлина Уильямса, собиравшая полные залы; в Вест-Энде самой популярной танцевальной мелодией была американская песня *Somewhere over the Rainbow*¹⁰⁵.

Понятно, что лондонцев больше интересовали события мирной жизни, чем война. Times, постоянно ведущая наблюдения за орнитологической обстановкой, сообщила о возвращении ласточек, кукушек и даже соловьев.

Черчилль пытался разбудить народ. Выступая в марте по Би-би-си, первый лорд адмиралтейства предупредил соотечественников, что «более миллиона немецких солдат, включая все танковые дивизии, выстроились в готовности перейти в наступление вдоль границ Люксембурга, Бельгии и Голландии. В любой момент на эти нейтральные страны может обрушиться шквал стали и огня, и решение зависит от безумного, патологического существа, которому, к их вечному позору, немцы поклоняются, как богу». Он отметил, что в Великобритании «есть беспечные дилетанты и недальновидные люди, поглощенные земными проблемами, которые иногда спрашивают нас: «За что это воюют Великобритания и Франция?» Я на это отвечаю: «Если мы перестанем воевать, то вы скоро узнаете»¹⁰⁶.

Однако лорд Гав-Гав, прозвище Уильяма Джойса, предателя-англичанина, который занимался нацистской пропагандой на Великобританию из Берлина – за что он будет повешен, – еще не вызывал возмущения; большинство британцев считали его даже забавным. Джок Колвилл, находясь на Даунинг-стрит, 10, написал в дневнике: «Война на Западном фронте словно замерла». Проведя вечер в городе, Колвилл написал, что видел «группу интеллигентов в очках, которые сидели во время исполнения «Боже, храни короля». Он отметил: «Все это видели, но никто ничего не сказал, что свидетельствует о том, что война еще не заставила нас утратить

---

¹⁰³ Charles de Gaulle, *Lettres, Notes et Carnets*, vol. 2: 1942 May 1958 (Paris, 1980), 486.

¹⁰⁴ Рен Кристофер – английский архитектор и математик, который перестроил центр Лондона после Великого пожара 1666 года. Из сгоревших 87 церквей города Рену удалось восстановить в новом барочном виде 51, в том числе собор Святого Павла. Похоронен в соборе Святого Павла. Надпись на его надгробии гласит: «Se monumentum requies, circumspice» – «Если ты ищешь памятник – оглядись вокруг».

¹⁰⁵ «Где-то над радугой» – классическая песня-баллада, музыка Гарольда Арлена, слова Эдгара Харбурга. Написана специально для мюзикла 1939 года «Волшебник страны Оз».

¹⁰⁶ BBC broadcast, 3/30/40; WSHCS, 6201.

чувство меры и впасть в ура-патриотизм». Ему еще предстояло узнать, что толерантность – это слабость страны в состоянии войны и что в военное время ура-патриотизм становится патриотизмом. Немцы уже понимали это. Если бы берлинцы неподобающе вели себя во время исполнения *Deutschland Uber Alles* (Германия превыше всего) или сидели во время исполнения *Horst Wessel Lied* («Песня Хорста Веселя»), то им бы еще повезло, если бы их просто арестовали¹⁰⁷.

Весной выявился постыдный факт. В мешках с песком, сложенных у входа в правительственные здания на Уайтхолле, проросли сорняки, явное доказательство, что мешки были заполнены не песком, как предусматривалось договором, а землей, которая стоила намного дешевле. Вопрос был поднят в палате общин, но ответа на него не последовало, главным образом по той причине, что никого это особо не волновало. Мешки с песком и другие атрибуты войны – аэростаты заграждения, траншеи в городских парках, в которых жители должны были укрываться от воздушных налетов, уполномоченные по гражданской обороне, противогазы, которые, как сообщил журнал *Punch*¹⁰⁸, носили только офицеры и высшие государственные служащие, – как и истории об эвакуации детей и шутки о женщинах в форме – стали обыденностью.

Война фактически превратилась в утомительную обязанность. В первую неделю мая это настроение стало меняться. У общественности, введенной в заблуждение прессой, которую, в свою очередь, ввело в заблуждение правительство, создалось впечатление, что их войска изгнали немцев из Норвегии. На самом деле все было наоборот. В четверг, 2 мая, премьер-министр Невилл Чемберлен появился в палате общин, чтобы объявить о том, что британские войска, потерпев сокрушительное поражение, были вынуждены эвакуироваться. По данным опроса общественного мнения, проведенного в те выходные Институтом Гэллага, Чемберлен лишился поддержки более двух третей населения.

В следующий вторник в палате общин состоялось обсуждение потерь в Норвегии. В среду Лейбористская партия добилась голосования – вотум доверия – и более ста членов партии Чемберлена покинули ее ряды. Язвительный упрек в провале операции в Норвегии привел к падению правительства Чемберлена. Цепляясь за должность, премьер-министр потратил вечер того дня на то, чтобы предпринять некий политический маневр, который позволил бы ему остаться на занимаемой должности. Его надеждам было не суждено сбыться.

В тот же день в Берлине – в среду 8 мая 1940 года – Уильям Л. Ширер отметил, что на «Вильгельмштрассе сегодня ощущается напряженность», и добавил: «Я слышу, что голландцы и бельгийцы нервничают. В этом нет ничего странного». По сообщению агентства *Associated Press*, две немецкие армии, одна из Бремена, а другая из Дюссельдорфа, двигаются к голландской границе. Это разозлило немцев, но, по словам Ширера, его цензоры «позволили ему открыто намекнуть, что следующий удар немцы нанесут на западе – Голландия, Бельгия, линия Мажино, Швейцария»¹⁰⁹.

В Брюсселе папский нунций попросил аудиенцию у короля Леопольда, чтобы передать предостережение из Ватикана. Папа узнал, что немецкого вторжения в Бельгию «не избежать». Это подтверждали два зашифрованных донесения в Брюссель из бельгийского посольства в Берлине. Голландский военный атташе в Берлине предупредил Гаагу.

Гитлер пребывал в состоянии крайнего возбуждения. В *Mein Kampf* он поклялся уничтожить Францию в «последнем, решающем бою (*Entscheidungskampf*)». Теперь этот час приблизился. Генерал Йодль написал в дневнике: «Фюрер больше не хочет ждать. Геринг просит отодвинуть начало наступления хотя бы до 10-го... Фюрер крайне обеспокоен; он соглашается

---

¹⁰⁷ Colville, *Fringes*, 25–26.

¹⁰⁸ Журнал был задуман как своеобразная пародия на расплодившиеся газеты и журналы, как такое кривое зеркало, в котором в перевернутом виде отражаются методы и приемы, используемые в журналистике. Журнал ставил перед собой цель защищать читателя от недобросовестных журналистов.

¹⁰⁹ William L. Shirer, *Berlin Diary (The Journal of a Foreign Correspondent 1934–1941)* (New York, 1941), 329–30.

передвинуть дату наступления на 10 мая, по его словам, вопреки интуиции. И ни на один день дальше»¹¹⁰.

В Венсенском замке генерал Гюстав Морис Гамелен объявил о восстановлении во французской армии обычного отпуска, как в мирное время. Четырьмя днями ранее генерал Андре-Жорж Корал, командующий 9-й французской армией, сказал своим солдатам: «До 1941 года ничего не будет происходить». В преддверии выходных заголовок парижской газеты гласил: «DETENTE AU HOLLANDE» («Отдых в Голландии»).

Адмиралтейство на Уайт-Холле, поскольку Британия правила морями, определяло морскую политику в период войны, но с учетом британских экспедиционных сил, численностью 400 тысяч человек, тогда как численность французских войск составляла 2 миллиона 100 тысяч человек. Командование союзными войсками Франции и Англии осуществлял генерал Гамелен, который был уверен, что может остановить врага, поскольку считал, что точно знает, откуда следует ждать нападения. Немцы будут наступать через Бельгию, как они это сделали в августе 1914 года, когда, достигнув эффекта стратегической внезапности, серый поток огромного правого крыла рейха, снеся оборону французов, окружил их левый фланг. Это был один из последних изобретательных маневров на Западном фронте в ходе Первой мировой войны. Французы избежали катастрофы, отступив к Марне. Затем армии противников попытались охватить друг друга с фланга. Это не удалось ни тем ни другим. В результате создалось безвыходное положение. В течение четырех лет союзники удерживали сплошную линию фронта, протяженностью 566 миль, от границ Швейцарии до Ла-Манша. Прорвать линию фронта не представлялось возможным, поскольку всякий раз, когда в каком-то месте создавалась опасность, оно срочно укреплялась; воинские эшелоны направлялись в зону риска и успевали добраться до места раньше наступающих пехотинцев, которые медленно двигались вперед со скоростью передвижения наполеоновских солдат, делавших 3 мили в час.

Гамелен предвидел точное повторение ситуации. Но на этот раз, заверил он соотечественников, война не будет вестись на «священной земле» Франции. Согласно его плану «Д», войска выдвигаются на восток в Бельгию и встречаются противника на рубеже реки Диль. Куда еще, спросил он, могут прийти нацисты? По общему мнению, невозможно было представить, чтобы немцы решили вторгнуться через Швейцарию. Французская линия обороны включала бельгийскую равнину (Фландрию) слева, в центре Арденнский лес, протянувшийся через Люксембург, Бельгию и Северную Францию, и 87-мильную границу Франции и Германии, где стояли лицом друг к другу огромные армии противников.

Последний участок линии обороны не вызывал беспокойства, поскольку считался неприступным. Каждый его дюйм был защищен самой дорогостоящей в истории системой фортификационных сооружений, мощной линией Мажино из стали и бетона, которую обороняла сорок одна дивизия. Когда лорд Горт, командующий британскими экспедиционными силами, и группа британских генералов совершали поездку по линии Мажино, они спросили своего сопровождающего, Рене де Шамбрена¹¹¹, во что обошлось ее строительство.

55 миллиардов франков, ответил Шамбрен, более чем за десять лет. Затем, сообразив, что его английские гости из морской державы, и ведут расчеты в фунтах стерлингов, Шамбрен предложил более привычный для них расчет: если бы Франция потратила эту сумму на строительство самого большого, мощного и быстроходного линкора, которых во всем мире насчитывалось порядка двадцати пяти, то французский флот на данный момент состоял бы из *пятидесяти* таких гигантов. Таким образом, объяснил Шамбрен, форты и артиллерийские батареи

---

¹¹⁰ Adolf Hitler, *Mein Kampf*, edited by John Chamberlain et al. (New York, 1939), 766.

¹¹¹ Шамбрен Ренеде, потомок маркиза де Лафайета, адвокат, служил в качестве связного между французами и англичанами. После падения Франции он был приглашен на борт президентской яхты Sequoia, где рассказал Франклину Рузвельту о сражении. (Примеч. авт.)

линии Мажино могут рассматриваться как строй «сухопутных линкоров». Горт, написал Шамбрен, «не смог скрыть удивления». Шамбрен не сказал гостям, что расходы на строительство линии привели к сокращению производства бронетехники. Но они не приняли во внимание, что линкоры мобильны и быстро реагируют на изменение тактической обстановки. Форты – «сухопутные линкоры» – не обладают ни тем ни другим.

Линия Мажино, известная всем французам, была названа в честь Андре Мажино, политического и военного деятеля, который, как премьер-министр Эдуард Даладье, провел четыре года в траншеях Первой мировой войны и поклялся, что больше это не повторится. Линия доходила до бельгийской границы. Обсуждался вопрос строительства линии до северного побережья Франции, но французы считают, что бельгийцы могут решить, что их французские войска даже не подумают вступать в бой, пока немцы не доберутся до французской границы. Некоторые члены Высшего военного совета (*Conseil Supérieur de la Guerre*) настаивали на том, чтобы дотянуть линию до реки Мез (Маас), на территории Бельгии, но маршал Анри-Филипп Петен, главнокомандующий французской армией в 1918 году, отверг это предложение. Для того чтобы подойти к Мезу, немцам предстояло пройти через Арденны – дремучий лес Ганса Христиана Андерсена, глубокие ущелья и испарения с торфяных болот – «непроходимые», по заявлению Петена, тем самым он исключил его как возможный путь вторжения. Таким образом, рассудил Гамелен, единственным возможным полем битвы остается бельгийская равнина¹¹².

В результате он столкнулся с серьезными проблемами. Наполеон предупреждал своих командующих, чтобы они не решали заранее, что собирается делать противник. Но Гамелен все решил за противника. Ему не пришло в голову, что после провала одного замечательного плана в 1914 году немцы смогут разработать другой план. Кроме того, Гамелен не придавал значения смене монархов в Бельгии. Во время последней войны король Альберт был могущественным союзником, но в 1936 году его сын, Леопольд III, удивил Европу, отказавшись от военного союза с Францией и Великобританией. Во время любой следующей войны между Германией и Францией, заявил король, Бельгия будет сохранять нейтралитет. Он дошел до того, что укрепил границу с Францией и заявил французам, что строительство линии Мажино до Северного моря будет рассматриваться Бельгией как недружественный жест¹¹³.

Но самая большая ошибка Гамелена заключалась в том, что он исходил из предположения, что война не изменилась с перемирия 1918 года. Его Высший совет исходил из тех же соображений, хотя было несколько человек, и среди них полковник де Голль, выражавших несогласие с этим мнением. Де Голль, действуя во вред себе, настаивал, чтобы французы изучили быстрый захват нацистами Польши с помощью танков. Танки, сказал он, изменили ход сражения; необходимы новые стратегии, чтобы заставить их отступить. 11 ноября 1939 года он направил в Генеральный штаб памятную записку с учетом уроков Польской кампании, в которой основной упор делался на необходимости обретения мобильности на поле боя, формирования ударного механизированного корпуса, специально отобранных и обученных солдат, которые возглавят наступление. Если Франция не последует примеру Германии, предупредил он, то бензиновый двигатель уничтожит французские военные доктрины, как сносил укрепления.

Но начальники сочли его высказывания нелепыми. Предположим, сказал один из них, что танки бошей прорвут оборону. Где они будут заправляться? Ни один из них не задумался о том, что с момента окончания Первой мировой войны в Северной Франции появились тысячи бензозаправочных станций. Они не приняли их в расчет. Эти бензозаправочные станции – которых, как и 91 процента автомобилей в стране, не было в 1918 году, – должны были обслу-

---

¹¹² Rene de Chambrun, *I Saw France Fall* (New York, 1940), 54–55.

¹¹³ De Chambrun, *France*, 54–55.

живать гражданские машины, а не немецкие танки. Тот факт, что в автомобилях и танках использовалось одно и то же топливо, не приняли во внимание.

Несколько военных корреспондентов, находившихся под впечатлением от зрелища танковых колонн фюрера, давящих храбрых поляков, выразили серьезное беспокойство, но в ставке главнокомандующего Гамелена им резко ответили, что повторение блицкрига невозможно. Генерал Дюфье, командир танкового подразделения в отставке, заявил, что нацистские танковые подразделения не могут «без поддержки прорвать наши линии и проникнуть глубоко в тыл, не столкнувшись с полным уничтожением». Другой высокопоставленный офицер упрекнул зарубежных журналистов за высказанные сомнения: «Ах, друзья, как же вы наивны!» Да, война прошла по польским равнинам. Но ей не пройти через Арденны, голландские разливы, бельгийские оборонительные сооружения, линию Мажино – танковые ловушки, колючую проволоку, казематы, наши мощные воздушные силы¹¹⁴.

Высшее командование Франции, принимая решение о стратегической обороне, учитывало тот факт, что страна еще не до конца залечила раны, полученные в Первой мировой войне. Все крупные бои велись на территории Франции и Бельгии, и было убито 1 миллион 315 тысяч *poilus*¹¹⁵ – 27 процентов мужчин в возрасте от 18 до 27 лет, без учета раненых – тех, кто ослеп, оглох, потерял конечности.

Оставшиеся в живых не имели достаточно сил и желания вновь поднять триколор. В отличие от многих предыдущих поколений французов они, по понятным причинам, не испытывали стремления ни к величию, ни к достижению господства в Европе. Им не хотелось проиграть войну, но при этом они не слишком жаждали победить. На самом деле им даже *не нужна* была победа. У Франции не было военных целей. У Франции, как это виделось им, уже было все, что требовалось. Они ничего не просили у немцев, кроме мира.

Таким образом, решение отдать инициативу немцам было больше политическим, чем военным. Линия Мажино была не просто укрепленной линией, она влияла на душевное состояние народа. Когда в марте 1940 года пало правительство Даладье, Полю Рейно было поручено вести войну после того, как он обещал не переходить в наступление. Идея атаковать Германию, по мнению депутатов, была нелепой. После краха Польши пали духом даже самые воинственные. В палате депутатов все политические партии превратились в партии капитулянтов. Еще до того как Гитлер, поработив следующую страну, произнес очередную речь, призывая западных союзников положить конец войне, – на протяжении семи лет он мнил себя владыкой мира, – коммунистическая фракция палаты депутатов потребовала, чтобы депутаты обсудили «предложения по будущему мирному договору». Алексис Леже, генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции, сказал американскому послу Уильяму Буллитту: «Игра проиграна. Франция одна против трех диктатур. Великобритания не готова. Соединенные Штаты даже не изменили закон о нейтралитете. Демократические государства снова опоздали». Альфред Сови сделал вывод, что страна просто «отказалась от войны»¹¹⁶.

Но ведь это была не шахматная партия, в которой можно отказаться от гамбита. И Гитлер не выдвигал предложений о мире в ближайшие выходные, 10 мая. Он намеревался сделать нечто совсем иное.

С первых дней войны Черчилля раздражала робость французского высшего командования. Французы отклоняли все его инициативы – к примеру, бомбардировку Рура и минирова-

---

¹¹⁴ Alphonse Goutard, *1940: La Guerre des Occasions Perdues* (Paris, 1956), 131; Boothe, *Europe*, 1941.

¹¹⁵ *Poilu* – пулю («волосатый») – прозвище французского солдата-фронтовика в Первую мировую войну.

¹¹⁶ William Bullitt, *Foreign Relations of the United States, vol. 1: 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment* (Washington, DC, n.d.), 469.

ние Рейна – на том основании, что это могло вызвать ответные действия со стороны нацистов. «Эта идея – не раздражать врага – мне не нравилась, – написал он позже. – По-видимому, хорошие, порядочные, цивилизованные люди могут сами наносить удары только после того, как им нанесут смертельный удар». Французы даже отказались от воздушной разведки, что не поддавалось пониманию, поскольку немецкие самолеты ежедневно пересекали границы Франции. Если бы в начале мая самолеты союзников делали то же самое, на них бы произвела неизгладимое впечатление подготовка, которую вел противник. Через Рейн было переброшено восемь понтонных мостов, и от реки на сотню миль растянулись три танковые колонны¹¹⁷.

Один французский летчик действительно видел вечером 8 мая ведущиеся приготовления. Он возвращался с Рура, где разбрасывал листовки, убеждающие немцев скинуть Гитлера и, следовательно, установить мир. Пролетая над Дюссельдорфом, он посмотрел вниз и увидел растянувшуюся на 60 миль колонну танков и грузовиков, двигавшуюся к Арденнам. Они ехали с включенным светом. Летчик немедленно сообщил об этом в штаб. Но от его информации отмахнулись, как от недостоверной.

Это был не первый случай, когда подобную информацию не брали в расчет, но он стал последним. Пятью месяцами ранее, когда Европа была погружена в зимний сон, немецкий самолет с двумя штабными офицерами сбился с курса и совершил вынужденную посадку в Бельгии. Офицерам не удалось уничтожить все документы, среди которых был утвержденный ОКВ план вторжения в Нидерланды, в том числе прорыв через Арденны. Британская разведка тщательно изучила эти документы. Учитывая высокий уровень искусства обмана и хитростей, каким в равной степени владели и немцы и британцы, был сделан вывод, что документы – специально подброшенная фальшивка, и, следовательно, их не надо брать в расчет¹¹⁸.

Утром в четверг, 9 мая, на 250-й день войны, Чемберлен столкнулся с горькой правдой: его карьера закончилась. Фиаско в Норвегии сломило его. Не вызвало сомнений, что Великобритания нуждается в правительстве национального согласия, состоящем из представителей всех партий, а Лейбористская партия – работать под его началом. Учитывая огромное большинство тори в палате общин, наследие всеобщих выборов 1935 года, новым премьер-министром должен был стать консерватор. Руководство партии хотело видеть на этой должности лорда Галифакса, министра иностранных дел. Этого же хотел король. Однако заднескамеечники-тори и члены парламента от Лейбористской партии были за назначение Уинстона Черчилля, первого лорда адмиралтейства. Галифакс отказался от должности. Рэндольф Черчилль позвонил в Лондон, чтобы узнать новости. Отец сказал ему: «Думаю, что завтра стану премьер-министром»¹¹⁹.

В 21:00 того же дня Гитлер передал в войска кодовое слово «Данциг».

Самая мощная в истории армия была приведена в боевую готовность, и 10 мая 1940 года, в пятницу, в 4:19 более 2 миллионов немецких солдат в «ведерках для угля» (так англичане называли стальные немецкие каски) двинулись вперед. Вермахт перешел границы Бельгии, Голландии и Люксембурга, наступая по всей линии фронта от Северного моря до швейцарской границы. Гитлер неоднократно заверял, что гарантирует их нейтралитет, но он хотел завоевать Францию, а Нидерланды находились на его пути¹²⁰.

В 5:30 Бельгия обратилась за помощью к союзникам. Гамелен позвонил генералу Альфонсу Жоржу, командующему Северо-Восточным фронтом.

Жорж спросил:

---

¹¹⁷ WSC 1, 454.

¹¹⁸ F.W. Winterbotham, *The Ultra Secret* (New York, 1974), 50.

¹¹⁹ GILBERT 6, 305.

¹²⁰ Len Deighton, *Blitzkrieg: From the Rise of Hitler to the Fall of Dunkirk* (New York, 1979), 191.

– Приступаем к операции «Диль»?

Гамелен сказал:

– К нам обратились бельгийцы. У вас есть какое-то другое предложение?

Жорж ответил:

– Конечно нет.

– Выдвигаемся в Бельгию! – распорядился Гамелен. Спустя пять минут Жорж отдал приказ пересечь границу пяти французским армиям и британскому экспедиционному корпусу. Возникла небольшая проблема с бельгийскими пограничниками, которым не сообщили о решении, принятом в Брюсселе. Один офицер потребовал, чтобы 3-я британская дивизия предъявила визы, – командир дивизии, генерал-майор Бернард Монтгомери, поместил его под арест; на нескольких бельгийских дорогах были установлены преграды, чтобы воспрепятствовать вторжению французов. Но ничто не смогло помешать войскам союзников, стремительно продвигавшимся вперед¹²¹.

В британском экспедиционном корпусе царило приподнятое настроение. Томми посылали воздушные поцелуи, проходя мимо улыбающихся женщин и, как пишет Клэр Бут, «вскидывали вверх руки с соединенными кольцом большим и указательным пальцами, в жесте, означавшем «О'кей, все хорошо». Они пели Roll Out the Barrel, чешскую застольную песню, которая обрела популярность в 1939 году, и балладу, основанную на австралийской народной песне:

Run, Adolf, run Adolf, run, run, run!

Here comes a Tommy with his gun, gun, gun!

(Беги, Адольф, беги, Адольф, беги, беги, беги!

Сюда идет Томми со своим ружьем, ружьем, ружьем!)

Еще они пели песни своих отцов: Tipperary, Keep the Home Fires Burning и Pack Up Your Troubles in Your Old Kit Bag – песни времен Первой мировой войны. Офицеры старшего возраста, пребывая в прекрасном настроении, испытывали состояние дежавю. Дрю Миддлтон написал в New York Times: «Они словно возвращались той же дорогой, которая снилась им ночами, снова видели лица давно умерших друзей и слышали полужабытые названия городов и деревень»¹²².

К вечеру отборные союзные войска углубились на территорию Бельгии и Голландии. Здесь, как заверил всех Гамелен, произойдет решающая битва.

Гамелен совершил фатальную ошибку.

В своем «Орлином гнезде» в Баварских Альпах фюрер танцевал от радости. Его генералы с трудом могли поверить своей удаче. Генерал Адольф Хойзингер написал в дневнике: «Они хлынули в Бельгию и попали в ловушку»¹²³.

На ближайшее воскресенье выпадал День Святой Троицы, который традиционно являлся частью длинных выходных для англичан и праздновался христианами как День сошествия Святого Духа на апостолов. Лондонцы были поражены, когда в пятницу, узнав о нападении на Нидерланды, правительство отменило выходной день; это означает, написала Молли Пэнтер-Доунес в The New Yorker, что «правительство действительно начинает шевелиться». Из Нидерландов не поступало достоверной информации, и это было плохо. Однако британцы сохраняли спокойствие; на улицах не собирались взволнованные толпы людей. «Хорошая,

---

¹²¹ General Maurice Gustav Gamelin, *Servir*, 3 vols. (Paris, 1947), 3:389.

¹²² Boothe, *Europe*, 241–42.

¹²³ Adolf Heusinger, *Befehl im Widerstreit: Schicksalsstunden der deutschen Armee 1923–1945* (Tubingen, 1950), 88.

большая доза несчастья, чтобы выпустить огромную силу. К этому добавляется осознание, что они сражаются за свою жизнь», – написала Пэнтер-Доунес¹²⁴.

В течение почти десяти лет Черчилль вдальблывал в головы соотечественников, что этот день наступит. Триста лет назад, во время гражданской войны в Англии, и в армии роялистов, и в парламентской армии были барабанщики. Во время боя они отбивали приказы командиров, которые были слышны сквозь грохот мушкетов и пушек: строиться, направо, налево, огонь. Перед барабанщиками не стояла задача вдохновлять и успокаивать товарищей, вносить сумятицу в ряды врагов, но их постоянный, ритмичный бой делал свое дело. Редьярд Киплинг прославил их в рассказе *The Drums of the Fore and Aft* («Барабанщики Передового и Тыльного»). Храбрость двух молодых полковых барабанщиков вдохновляет полк, который, находясь на грани уничтожения, перегруппируется, атакует афганцев и выигрывает битву – «...говорили, что она была выиграна благодаря Лью и Джекину, чьи маленькие тела были погребены в приспособленные для них маленькие ямки, в изголовье громадной братской могилы на высотах Джегая».

Герои Черчилля – Питт, Мальборо, Нельсон – не только командовали, они вдохновляли. Уинстон Черчилль был готов сделать шаг вперед как руководитель и командующий и как барабанщик. Но готовы ли были король и соотечественники? Присоединятся ли к нему британцы, когда придет Гунн, и останутся ли рядом с ним до конца? Готовы ли они умереть, защищая семью, дом, короля и отечество? Черчилль был готов. Он готовил себя к этому моменту каждый час, каждый день на протяжении шести десятилетий, с того времени, когда играл в солдатики в отцовском доме в Лондоне.

Стояла великолепная погода. Сирень – вестница весны – цвела по всей стране. «Чудесный день» – написал в дневнике Александр Кадоган за несколько часов до того, как Гитлер отдал приказ о нападении. – Тюльпаны – изумительны, все радуется, кроме людских дел».

К тому времени Кадоган, приверженец Чемберлена, начал понимать, что с правительством Чемберлена покончено. «Но *чем* мы заменим его? Кто встанет во главе? Эттли? Синклер? Сэм Хоар?»

Недолго думая он исключил одного кандидата: «Никчемный Уинстон»¹²⁵.

---

¹²⁴ Panter-Downes, *War Notes*, 56–57.

¹²⁵ Dilks, *Diaries*, 277.

Глава 1

Циклон

Май – декабрь 1940 года

Сразу после вечернего чая в пятницу, 10 мая, спустя пятнадцать часов после вторжения Гитлера в Нидерланды, Невилл Чемберлен неохотно подал прошение об отставке королю Георгу VI, который столь же неохотно его принял. «Я принял его отставку, – написал в тот вечер в дневнике король, – и сказал ему, как грубо, несправедливо, по моему мнению, с ним обошлись». Вскоре после шести король назначил премьер-министром плотного, сутулого шестидесятипятилетнего первого лорда адмиралтейства, Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля. Позже король Георг стал одним из самых горячих поклонников Черчилля, но в то время он испытывал смешанные чувства. В этот день Джок Колвилл написал в дневнике, что король «(вспомнив, вероятно, об отречении, против которого выступал Черчилль) не хотел посылать за Уинстоном». Однако было важно, чтобы правительство состояло из представителей всех партий, а Лейбористская партия была непреклонна: они не собирались работать под началом Чемберлена¹²⁶.

Защита Великобритании и ее империи были обязанностью нового премьер-министра на ближайшие пять лет или до тех пор, пока его не скинут с должности парламент или Гитлер. Но когда он ехал из Букингемского дворца, ни он сам, ни кто-либо еще в Лондоне не был всерьез встревожен ходом войны. За Ла-Маншем в тот вечер было известно совсем немного о том, как разворачивались события в течение дня. Люфтваффе бомбили аэродромы в Бельгии и Голландии; в Бельгии высадились немецкие парашютисты, и бельгийцы, говорят, сражаются хорошо; голландцы, по слухам, «упорно» сопротивляются; союзники заняли прочные позиции на линии Антверпен – Намюр и готовятся оборонять канал Альберта. Все шло как ожидалось, или так казалось в этот час¹²⁷.

Вечером Би-би-си объявила о назначении Черчилля. Его семнадцатилетняя дочь Мэри в это время находилась в Чартвелле, в доме, в котором жила ее гувернантка. Прослушав сообщение, Мэри выключила радио и помолилась за отца¹²⁸.

И на Даунинг-стрит, 10, и в подземном убежище с Черчиллем были члены его семьи. Из старших детей Черчилля только Сара, актриса, жившая с мужем, была еще гражданским лицом, но спустя какое-то время она поступила в Женскую вспомогательную службу военно-воздушных сил (Women's Auxiliary Air Force, WAAF). Муж Сары, Вик Оливер, австриец, сын барона Виктора Оливера фон Замека, отказался от титула, сократил имя и стал американским гражданином. При первой встрече с Оливером в 1936 году Черчилль испытал к нему неприязнь и в письме Клементине дал выход своим чувствам. Оливер, по его словам, «самый заурядный», «бродяга» и говорит с «протяжным австро-американским акцентом». Однако он не упомянул одно обстоятельство, которое многие английские аристократы сочли бы достаточным, чтобы не иметь с Виком Оливером никаких дел: он был евреем. Это мог быть кто угодно, но только не Черчилль. Он оценивал человека по его моральным качествам, а не по национальному признаку¹²⁹.

Двое других старших детей уже были офицерами: Диана в Женской королевской военно-морской службе, Рэндольф в бывшем полку отца, 4-м гусарском. Мэри работала в солдатской

---

¹²⁶ GILBERT 6, 313; John Colville, *The Fringes of Power: 10 Downing Street Diaries 1939–1955* (New York, 1985), 121–22.

¹²⁷ John W. Wheeler-Bennett, *King George VI: His Life and Reign, 1865–1936* (New York, 1958), 443; GILBERT 6, 307, 317.

¹²⁸ WM/Lady Mary Soames, 10/27/80.

¹²⁹ W&C-TPL, 412; Ernst Hanfstaengl, *Hitler: The Missing Years* (London, 1957), 193–96.

столовой и в Красном Кресте; она жила с родителями. Тем же занималась Памела, двадцатилетняя жена Рэндольфа, беременная первым ребенком, рождение которого ожидалось в октябре. Когда в июне, в период полнолуния, начались воздушные налеты, Памела с тестем спали на двухъярусной кровати в подвале «номера 10». Она была беременной, поэтому спала внизу и всегда просыпалась очень рано утром, когда Черчилль тяжело поднимался по лесенке на свою полку. Клементина спала в другой спальне¹³⁰.

Будучи премьер-министром, Черчилль, помимо семьи, был окружен многочисленными сотрудниками, «тайным кругом», как он их называл. Рядом всегда находились Джон (Джок) Колвилл, который остался в «номере 10» после отставки Чемберлена, Эрик Сил и Джон Мартин, которых Черчилль взял с собой из адмиралтейства. В пределах слышимости находились машинистки, Кэтлин Хилл, Грейс Хэмблин и Эдин Уотсон, которая работала со всеми премьер-министрами начиная с Ллойд Джорджа. Мопс Исмей был на связи с начальниками штабов, располагавшихся на Ричмонд-Террас: адмиралом сэром Альфредом Дадли Паундом, генералом сэром Джоном Диллом и маршалом авиации сэром Сирилом Ньюоллом. Колвилл написал в дневнике, что Черчилль считал этих троих «разумными, но старыми и медлительными». В октябре 1940 года Ньюолл вышел в отставку, и на его место был назначен маршал авиации сэр Чарльз Портал¹³¹.

Вновь прибывшим в «номер 10» был Чарльз Уилсон, личный врач премьер-министра, который вел дневник с первого дня назначения на эту должность. При первой встрече Черчилль обращался с доктором, как он это проделывал со всеми подчиненными, с грубоватой нетерпеливостью. В полдень доктор вошел в спальню, где Черчилль, лежа в кровати, читал газеты. Уилсон молча стоял, ожидая, когда Черчилль обратит на него внимание. Наконец Черчилль оторвался от чтения и раздраженно сказал: «Не понимаю, почему они так суетятся. Я абсолютно здоров». Так оно и было, судя по тому, что до конца года доктор не делал записей в дневнике¹³².

Черчилль не хотел, чтобы к нему приглашали врача; он утверждал, что абсолютно здоров. Однако на этом настоял старый друг Черчилля, Макс Бивербрук; никто не был так настойчив, как Бивер (Бобр) – так все его называли. Вот почему Черчилль назначил его министром авиационной промышленности. Англии требовались самолеты для приближающихся воздушных боев. Решая ряд жизненно важных вопросов, Бивербрук мог быть безжалостным, беспринципным и даже действовать в нарушение всяких правил. Он захватывал заводы, врвался на склады и отправлял в тюрьму тех, кто пытался его остановить. Но все в пределах закона. 22 мая парламент принял закон о чрезвычайных полномочиях, согласно которому prerogatives правительства резко возросли. В частности, Государственному секретарю было предоставлено право издавать постановления «об аресте, суде и наказании лиц, нарушающих... предписания, и о задержании лиц, задержание которых представляется Государственному секретарю соответствующим интересам общественной безопасности или защиты государства». В законе было положение, которое предоставляло представителям власти право входа и обыска любого помещения без судебной санкции. Кроме того, правительству давалось право устанавливать государственный контроль «над любой собственностью или предприятием». Согласно этому закону, все граждане Британии должны были «предоставлять себя, свои услуги и свою собственность в распоряжение Его Величества», а именно министра обороны, который одновременно был премьер-министром. Черчилль мог стать диктатором, если бы захотел. Вместо этого он стал одержим навязчивой идеей, что палата общин должна быть в курсе всех событий¹³³.

---

¹³⁰ WM/Lady Mary Soames, 10/27/80; Brian Roberts, *Randolph: A Study of Churchill's Son* (London, 1984), 181.

¹³¹ Colville, *Fringes*, 256.

¹³² Lord Moran, *Churchill: Taken from the Diaries of Lord Moran* (Boston, 1966), 5.

¹³³ Mollie Panter-Downes, *London War Notes, 1939–1945* (London, 1972), 61.

Среди новых членов правительства были три человека – «внушающий ужас триумвират», называл их Колвилл, – которых государственные служащие ждали со страхом: Брэнден Брекен, член парламента, Фредерик Линдеман («профессор») и майор Десмонд Мортон, который играл важную роль в довоенной разведывательной сети Черчилля, собирая доказательства того, что Англия не готова к войне. Но Мортон имел ограниченный доступ к самой важной информации, из Блетчли. С течением времени звезда Мортон начала заходить, поскольку Черчилль, получая информацию из Блетчли, больше не нуждался в собственной секретной службе и Мортон, очевидно, был не слишком интересным собеседником, чтобы регулярно получать приглашение на обед в выходные дни. Дружба Черчилля была в какой-то мере утилитарной, хотя тогда бывшая преданность Мортон превзошла его убывающую полезность. Брекен долгое время был самым искренним сторонником Черчилля в палате общин. Кроме того, он был очень странным молодым человеком, который, к досаде Клементины, в 1920-х годах поддерживал слухи, что является внебрачным сыном Черчилля (он прекратил эти разговоры по просьбе Черчилля). Профессор был еще более странным. Немец по происхождению, получивший образование в Берлинском университете, имевший степень бакалавра, вегетарианец, который считал, что все женщины рассматривают его в качестве сексуального объекта. Но он был блестящим физиком и непревзойденным интерпретатором науки для непрофессионалов. Он станет самым ярким сторонником ковровой бомбардировки и уничтожения городов своей родины¹³⁴.

Черчилль, его семья, его коллеги и близкие друзья были готовы встретить все, что может преподнести Берлин. Черчилль считал, что если британцы еще не готовы, то скоро будут готовы.

Невозможно преувеличить влияние Первой мировой войны на первые сражения Второй мировой войны. Позже Черчилль написал, что «в Англии шутят, что наше военное министерство всегда готовится к прошлой войне». Это в равной степени относилось и к солдатам, и к государственным деятелям – даже фюрера не оставляли мысли о траншейной войне 1914–1918 годов. Черчилль не являлся исключением. Во время Первой мировой войны он усвоил некоторые правила современной войны, в том числе одно, имеющее огромное значение: тактические прорывы невозможны, поскольку всякий раз, когда позиция в опасности, ее можно мгновенно укрепить. Непрерывный фронт не должен нарушаться. И еще один важный урок: во время той войны ничего не происходило быстро¹³⁵.

В этой войне *все* происходило быстро, – слишком быстро – и в этом не было ничего хорошего. Немецкие танковые войска разбили все стратегические и тактические системы. Жизнь Великобритании зависела от нахождения слабостей в нацистской стратегии, а затем использования их. Это станет основной проблемой Черчилля. А на данный момент перед ним стояла политическая проблема: члены парламента от партии консерваторов, у которой было 432 из 607 мест в палате, имели большинство в парламенте. Источником проблемы были последние всеобщие выборы, которые состоялись в 1935 году. Введенная в заблуждение премьер-министром Стэнли Болдуином, заверившим парламент, что обороноспособность страны на должном уровне, избранная палата общин была перенасыщена непримиримыми пацифистами и твердолобыми миротворцами. С тех пор настроение в стране повернулось на 180 градусов, но в глубине души консервативное большинство оставалось верным памяти Болдуина и пагубной политике Невилла Чемберлена, даже несмотря на то, что из-за них Англия оказалась в таком ужасном положении.

Новый премьер-министр, хотя и был тори, на протяжении 1930-х годов был их мучителем, ярким противником их политики «блестящей изоляции», которая выражалась в отказе

---

¹³⁴ Colville, *Fringes*, 736.

¹³⁵ WSC 1, 475.

от заключения длительных международных союзов. Он неоднократно предупреждал о нацистской угрозе, требуя увеличения бюджета на оборону. Понятно, что последующие события, доказавшие, что он был прав, а они не правы, не внушили им любовь к нему. Озлобленный Ричард Остин Батлер (Рэб) (миротворец и приверженец Чемберлена) назвал Черчилля «американцем-полукровкой» и «величайшим авантюристом в современной политической истории». В пятницу, 10 мая 1940 года, Батлер осудил «этот внезапный успех Уинстона и его толпы». Другой член парламента от партии консерваторов написал Стэнли Болдуину – который назвал Черчилля частью «обломков политического бездействия, выброшенных на берег», – что «тори не доверяют Уинстону». Государственный служащий отметил, что, «похоже, на Уайтхолле некоторые склонны считать, что Уинстона ждет полный провал и вернется Невилл». Писатель и пацифист Макс Плауман написал: «Возможно, Уинстон выиграет войну. Может, нет. Я не знаю, что можно ожидать от него, учитывая его беспрецедентную способность терять все, к чему он прикладывает руку»¹³⁶.

Члены постоянного секретариата на Даунинг-стрит, 10, которые знали Черчилля только как критика своих предшественников, испытывали отчаяние. Они были личными секретарями при Болдуине и Чемберлене. Молодые люди, в большинстве тори, работали до появления Черчилля в удобном частном доме, где все шло гладко и спокойно, с посыльными, вызываемыми по звонку, чистыми полотенцами и щетками из слоновой кости в туалетной комнате, и все, как выразился один из них, «напоминало жителям, что они работали в самом сердце огромной империи, в которой спешить было несолидно и неприемлемым было дрожание губ». Они были в ужасе от всего, что знали о Черчилле. Джек Колвилл написал в дневнике, что назначение Черчилля «страшный риск и я не могу отделаться от ощущения, что страна может оказаться в опаснейшем положении, в каком еще никогда не была». Позже Колвилл вспоминал, что «в мае одна мысль о Черчилле как о премьер-министре приводила в дрожь сотрудников на Даунинг-стрит, 10... Редко какой премьер-министр занимал свой пост с истеблишментом, так сомневающимся в своем выборе и так готовым оправдать свои сомнения». Не говоря уже о превратностях войны, омрачающих надежды на выживание страны, правительство Черчилля было брошено в бурные политические воды¹³⁷.

Волнение быстро улеглось. «Все изменилось за две недели», – написал Колвилл. Черчилль появился на сцене подобно летнему шквалу во время парусной регаты. В Уайтхолле царил возбуждение, в «номере 10» было столпотворение. В каждом углу «номера 10» были установлены телефоны разных цветов, которые звонили не переставая; новый премьер-министр прикреплял красные ярлыки, означавшие «Сделать сегодня», и зеленые – «Доложить через три дня», к директивам, идущим бесконечным потоком, которые диктовались машинисткам в кабинете, спальне премьер-министра и даже в ванной комнате, вместе с ответами, которые требовалось дать в течение минуты. Вереницей, не задерживаясь, шли министры, генералы, высокопоставленные чиновники. Работа начиналась ранним утром и заканчивалась после полуночи. «Темп стал бешеный, – вспоминал другой личный секретарь, Джон Мартин. – Мы поняли, что находимся в состоянии войны»¹³⁸.

Чемберлен был спокойным и сдержанным; Черчилль, по словам Джона Мартина, был «человеком-генератором», а по мнению Йена Джейкоба, «его боевой дух требовал постоянного действия».

Врага следует непрерывно атаковать; надо заставить немцев «проливать кровь». Черчилль назначил себя министром обороны, благодаря чему сам, через генерал-майора Исмея,

---

¹³⁶ Brian Gardner, *Churchill in Power: As Seen by His Contemporaries* (Boston, 1970), 6; Colville, *Fringes*, 121–22; Max Plowman, *Bridge into the Future: Letters of Max Plowman* (London, 1944), 710.

¹³⁷ John Wheeler-Bennett, *Action This Day: Working with Churchill* (London, 1968), 48; WM/Jock Colville, 10/14/80.

¹³⁸ Wheeler-Bennett, *Action*, 51–53; WM/Jock Colville, 10/14/80; WM/John Martin, 10/23/80; WSC 2, 17.

руководил начальниками штабов, ведя войну день за днем, час за часом. Черчилль всегда передавал свои приказания через Исмея, чья «преданность была абсолютной» настолько, что он, в свою очередь, всегда сообщал Черчиллю то, что генералы и Объединенный штаб планирования думают о его указаниях, – это приводило к тому, что Черчилль иногда называл Объединенный штаб планирования «механизмом отрицания». Преданность Черчиллю ограждала Исмея от вспышек премьер-министра не больше, чем преданность других сотрудников из штаба Старика. После одного совещания с начальниками штабов Черчилль дал волю негодованию, заявив, что начальники продемонстрировали «малодушное и негативное отношение», а «вы были одним из худших», заявил он возмущенному Исмею. После другого неудовлетворительного совещания с начальниками штабов и Исмеем Черчилль сказал Колвиллу, что «вынужден вести современную войну древним оружием»¹³⁹.

Сэр Йен Джейкоб вспоминал, что Исмей одинаково почтительно относился к Черчиллю и начальникам штабов, и Черчилль быстро понял, что Исмей никогда не позволит обычным чувствам встать на пути скорости и эффективности работы. «Он не был тщеславен и вселял во всех, с кем работал, такой же дух преданности, каким в значительной мере обладал сам», – позже вспоминал Джейкоб. Ежедневно приблизительно в 9:30 утра (если Черчилль не заставлял Исмея бодрствовать большую часть ночи) Исмей встречался с Черчиллем. Старик обычно лежал в кровати, повсюду были разбросаны утренние выпуски газет, и в воздухе висел тяжелый запах от сигар. На этих совещаниях Черчилль передавал записки, надиктованные вечером. Большинство из них были короткими вопросами и предложениями; некоторые – мнением, выраженным в категоричной форме. Записка, подписанная красными чернилами, означала, что Черчилль хочет, чтобы были приняты действия. Записка, подписанная красными чернилами, с красным ярлыком «Сделать сегодня», по шкале премьер-министра соответствовала пятому уровню пожарной опасности¹⁴⁰.

Как позже заметил Йен Джейкоб, Черчилль «решил быть первым номером и использовать все политические полномочия первого номера». В кабинете напротив своего стола он повесил лист картона с высказыванием королевы Виктории в период Англо-бурской войны: «Поймите, нас не интересуют возможности поражения. Их не существует»¹⁴¹.

Все это оказывало огромное влияние на гражданских служащих его секретариата. Журналистка Вирджиния Коулз написала: «Весь Даунинг-стрит, 10 бурлил энергией, какой здесь не видели со времен Ллойда Джорджа»¹⁴².

С парламентом была связана еще одна проблема. На третий день после назначения Черчилль впервые появился в палате общин в качестве премьер-министра и попросил выразить доверие новому правительству. Гарольд Николсон написал в дневнике: «Когда Чемберлен вошел в палату, ему оказали потрясающий прием, а аплодисменты, адресованные Черчиллю, звучали тише». Выступление премьер-министра было кратким, но выразительным; во время этого выступления он сказал: «Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота». Его эффектная концовка речи была, как обычно, взятием неприступной обороны одними словами, и, как обычно, его критики в палате общин отмахнулись от его слов, а его враги в Берлине сочли эти слова преувеличением. На самом деле это была торжественная клятва, заявление о намерениях, в котором не было никакой двусмысленности: «Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь; потому что без победы

---

¹³⁹ Wheeler-Bennett, *Action*, 161, 195–97; Colville, *Fringes*, 289, 436.

¹⁴⁰ Wheeler-Bennett, *Action*, 193–96; WM/Sir Ian Jacob, 11/12/80.

¹⁴¹ John Rupert Colville, *Footprints in Time* (London, 1976), 75–76; Wheeler-Bennett, *Action*, 147; Ian Jacob, «His Finest Hour», *Atlantic Monthly*, 3/65.

¹⁴² WSC 2, 28; GILBERT 6, 325; WM/Sir Ian Jacob, 11/12/80; Virginia Cowles, *Winston Churchill: The Era and the Man* (New York, 1953), 317.

не будет жизни. Это важно осознать: если не выживет Британская империя, то не выживет все то, за что мы боролись, не выживет ничто из того, за что человечество борется в течение многих веков». Ему аплодировали члены парламента от Лейбористской партии, члены парламента от Либеральной партии и незначительная часть тори. Большинство тори все еще не могли простить Черчиллю его водворения в «номер 10». Историк Лоуренс Томпсон заметил: «Гнев консерваторов, что не того человека наказали за Норвегию, не утихал в течение многих месяцев»¹⁴³.

Норвежская кампания длилась два месяца, с начала апреля до начала июня. К концу мая британские и норвежские войска потерпели поражение в Южной и Центральной Норвегии, но, оттеснив немцев на восток, захватили Нарвик, незамерзающий порт Северной Норвегии, связанный железной дорогой со шведскими месторождениями железной руды, имевшими жизненно важное значение для Гитлера. Для того чтобы перерезать морские пути доставки шведской руды из Нарвика в Германию, в марте была разработана операция (кодовое название «Уилфред») по минированию норвежских территориальных вод. Но Чемберлен и Галифакс не спешили начинать операцию «Уилфред» из опасения вызвать недовольство Норвегии и Дании. В самом начале Нарвик был главной целью Черчилля, но к началу июня события во Франции заставили премьер-министра пересмотреть свою точку зрения. Эвакуация была не слишком успешной. Днем 8 июня 1940 года британский авианосец *Glorious* вместе со своим эскортом – эскадренными миноносцами *Acasta* и *Ardent* – были перехвачены в Норвежском море немецкими линейными крейсерами *Gneisenau* и *Scharnhorst*. Уже через два с небольшим часа немецкая артиллерия потопила *Glorious* и оба эскадренных миноносца; погибли свыше полутора тысяч человек из состава Королевского флота, морской пехоты и Королевских Военно-воздушных сил. Черчилль, Первый лорд адмиралтейства, когда началась Норвежская кампания, и премьер-министр, когда она закончилась, взял на себя ответственность за катастрофические последствия. До конца войны Черчилля не оставляли воспоминания о потере *Glorious* и нападении *Gneisenau* и *Scharnhorst*, и порой его военно-морская стратегия была сомнительной. Он все еще приспособливался к условиям современной войны, и у него это не всегда получалось; успех немецких линейных крейсеров и уязвимость *Glorious*, по-видимому, доказывали, что на море правят быстрые, тяжелые корабли. На самом деле авианосцы, если использовать их должным образом, представляют смертельную угрозу линейным крейсерам.

Гитлер получил норвежскую и шведскую руду, но этот трофей ему дорого обошелся; в течение следующих четырех лет более 160 тысяч солдат из его лучших войск оставались в Норвегии в ожидании возвращения англичан. Не считая расстрелов норвежских патриотов и упорных поисков британских коммандос, более двенадцати первоклассных дивизий вермахта пропустили войну. Черчилль, в свою очередь, был одержим идеей возвращения в Норвегию и в течение следующих четырех лет сводил с ума своих военачальников тем, что сэр Алан Брук назвал «его безумными норвежскими планами». Гитлер, получается, разгадал планы Черчилля¹⁴⁴.

Черчилль, хорошо понимая, что критика в его адрес основывается на его прежних сомнительных стратегических решениях и дурной славе, которую он завоевал переходом из одной партии в другую, был озабочен урегулированием отношений с палатой общин и предпринял серьезные шаги в этом направлении. Он пригласил Чемберлена в свое правительство в качестве лорда – президента Совета и лидера Консервативной партии и отправил ему записку: «Никаких изменений в палатах в течение месяца». Начиная с 13 мая, своего третьего дня в должно-

---

¹⁴³ TWY, 85, 99; Hansard 5/13/40 (WSC statement to House).

¹⁴⁴ Arthur Bryant, *The Turn of the Tide: A History of the War Years Based on the Diaries of Field-Marshal Lord Alanbrooke, 1939–1943* (New York, 1957), 21.

сти премьер-министра, Черчилль начинал работать в «номере 10» во второй половине дня, но в первые недели после назначения он проводил большую часть времени в Адмиралтейском доме¹⁴⁵, используя гостиную, в которой стояла мебель, украшенная резными изображениями дельфинов (он называл ее «рыбной комнатой»), для заседаний кабинета.

Он едва ли мог игнорировать проблемы, которые на протяжении семи лет являлись причиной разногласий между ним и миротворцами, но спокойно упоминал о них, даже с легкой иронией. Представляя одного миротворца жене, он с улыбкой сказал: «О да, моя дорогая, у него есть медаль с мюнхенским баром». Он был бы рад больше не видеть своего министра иностранных дел и главного миротворца лорда Галифакса, но пока оставил его в министерстве иностранных дел. Черчилль попал в затруднительное положение: те, кто поддерживали его в трудные годы, теперь хотели, чтобы он вышвырнул всю «старую гвардию», но у него было на этот счет собственное мнение. «Если мы затеем ссору между прошлым и настоящим, то пойдем, что потеряли будущее», – сказал он, а позже добавил: «Никто не имеет больше прав, чем я, предавать прошлое забвению. Вот почему я боролся с этими вредными тенденциями»¹⁴⁶.

В формировании кабинета решающую роль играла политика. Черчиллю требовалось сформировать правительство из представителей всех партий, и он был ограничен временем. К 13 мая были сделаны назначения на большинство ключевых постов. Клемент Эттли (лорд-хранитель печати), Артур Гринвуд (министр без портфеля) и Эрнест Бевин (министр труда) были членами Лейбористской партии. Включение Бевина в состав кабинета свидетельствовало об истинном характере коалиции; его мать была прислугой, отец – неизвестен, в прошлом сам он был водителем грузовика и, уж конечно, не входил в окружение Черчилля. От либералов вошел сэр Арчибальд Синклер, давний друг Черчилля, заместитель командира батальона, когда им командовал Черчилль; он получил должность министра авиации. Из лагеря Черчилля сэр Джон Андерсон, назначенец Чемберлена, остался министром внутренних дел. Лео Эмери, старый товарищ Черчилля по Харроу (и временами его критик), один из руководителей консервативной группы, наиболее резко критиковавшей деятельность правительства Чемберлена, стал Государственным секретарем по делам Индии. Энтони Иден возглавил военное министерство. Только одно назначение вызвало возражение. Проблема не относилась к разряду политических. Черчилль хотел назначить лорда Бивербрука министром авиационной промышленности. Король был против. Это и понятно: Бивербрук был весьма неоднозначной фигурой, нежелательной по разным причинам. Но Черчилль нуждался в большом количестве самолетов и понимал, что никто лучше Бивербрука не решит эту задачу. Бивербрук, сказал он Джоку Колвиллу, «на двадцать пять процентов бандит, на пятнадцать процентов обманщик, а остаток – сочетание гениальности и истинной сердечной доброты»¹⁴⁷.

Король все-таки согласился с его решением. Черчилль сумел отплатить и за старые обиды. Сэр Джон Рейт, министр информации и создатель Би-би-си, не позволял Черчиллю появляться на Би-би-си в 1930-х годах, почти десять лет, и с начала войны интриговал против него. 12 мая Черчилль отправил его в отставку с поста министра информации и назначил на его место Альфреда Даффа Купера, который вышел из правительства Чемберлена в знак протеста против Мюнхенского сговора. Вскоре Черчилль нашел новую должность для миротворца Рейта, назначив его министром транспорта. При формировании правительства он создал военный кабинет, состоявший из пяти членов: кроме самого Черчилля, в него вошли Чемберлен,

¹⁴⁵ Адмиралтейский дом, постройка конца XVIII века, до 1964 года служил резиденцией Первого лорда Адмиралтейства. Этот трехэтажный дом не имеет собственного входа с Уайтхолла, доступ в него возможен через Рипли-Билдинг (часть Старого адмиралтейства). Используется под министерские квартиры.

¹⁴⁶ WSCHCS, 6232; Henry Pelling, *Winston Churchill* (Conshohocken, PA, 1999), 437; WSC 2, 10–11; Wheeler-Bennett, *Action*, 49.

¹⁴⁷ Colville, *Fringes*, 196.

Эттли, Галифакс и Гринвуд – «единственные, кто имел право на то, чтобы им отрубили головы на Тауэр-Хилл, если мы проиграем войну»¹⁴⁸.

Его популярность в стране росла благодаря его примиренческой политике в отношении тех, кто относился к нему с презрением; это обсуждалось и ставилось ему в заслугу. Очень немногие заметили, как он незаметно дистанцировался от наиболее нежелательных из них. Сэра Сэмюэла Хора направили послом в Испанию, лорда Харлика – в Южную Африку, лорда Суинтона – на Золотой Берег (британская колония на побережье Гвинейского залива в Западной Африке), Малькольма Макдональда – в Канаду и, в самом конце года, Галифакса – послом в Соединенные Штаты. Вскоре Черчилль предпримет весьма эффективный маневр по высылке герцога Виндзорского, восхищавшегося Третьим рейхом; его восхищение было столь же ограниченным и незначительным, как он сам. Но Черчилль не мог высказать их сомнения в его способности. В тот день, когда Черчилль сказал Галифаксу, что он остается в министерстве иностранных дел, Галифакс написал в дневнике: «Мне редко встречались люди с такими странными пробелами в знаниях и чей ум работал такими рывками. Удастся ли заставить его работать в обычном режиме?» Действительно ли он осознает, задается вопросом Галифакс, насколько тяжелым является положение Британии, ведь «от этого многое зависит»¹⁴⁹.

Вначале, позже написал Черчилль, «от меня и моих коллег не требовалось новых решений». План «Д» введен в действие, британские войска подошли к реке Диль, и, написал новый премьер-министр, «поэтому я не имел ни малейшего желания вмешиваться в военные планы и с надеждой ожидал предстоящего удара». Военный кабинет санкционировал задержание граждан неприятельских государств, проживающих в Великобритании, обсудил бомбардировки немецкой территории с точки зрения морали и одобрил послания премьер-министра президенту Рузвельту и Муссолини. Ответ Рузвельта был сердечным, но неутешительным. Черчилль просил предоставить «взаимы 50 или 40 ваших устаревших эсминцев»; Рузвельт объяснил, что это «потребуется утверждения в конгрессе, а момент является неподходящим». Дуче грубо отреагировал на предложение Черчилля не ввязываться в драку. Италия, заявил он, является союзником нацистской Германии¹⁵⁰.

Мир не спускал глаз с Нидерландов. Британцы следили за этим фронтом с особым беспокойством, понимая, какая угроза нависнет над их страной в случае создания нацистами баз в такой близости от Британии. Победы врага были впечатляющими, но не вызвали особой тревоги. В Нидерландах 4 тысячи нацистских парашютистов и немецких пехотинцев захватили ключевые мосты через Мез; Голландия капитулировала после бомбардировки Роттердама, которая привела к уничтожению 25 000 домов и гибели более тысячи человек (а не 30 тысяч, как объявило правительство Голландии, цифра, которая привела в ужас британцев). Тем временем в Бельгии немецкие воздушно-десантные войска и парашютисты захватили самый укрепленный бельгийский форт Эбен-Эмаэль. Затем немецкая пехота двинулась на юг, чтобы взять Льеж¹⁵¹.

Однако бельгийские, французские и британские войска отчаянно сражались. Несмотря на яростные атаки, немцам не удалось прорвать оборонительную линию вдоль реки Диль. Две вражеские дивизии проникли на сортировочную станцию рядом с Левеном, но томми 3-й дивизии генерала Бернарда Монтгомери быстро расправились с ними.

К югу от Левена две танковые дивизии при поддержке «Юнкерсов» Ю-87, пикирующих бомбардировщиков «Штука», которые налетали волна за волной, предприняли еще более мощную атаку на землях сельскохозяйственной школы в Жамблу. Генерал Жан-Жорж-Морис Блан-

---

¹⁴⁸ GILBERT 6, 328—29; WSC 2, 13.

¹⁴⁹ Laurence Thompson, *1940* (New York, 1966), 94.

¹⁵⁰ GILBERT 6, 342; C&R-TCC, 1:38.

¹⁵¹ Thompson, *1940*, 118.

шар мгновенно отдал приказ 1-й французской армии контратаковать противника. Это были отличные солдаты, потомки пуалю, чья храбрость внушала страх Европе в течение полутора веков, с Великой французской революции.

Они оттесняли немцев все дальше и дальше, и Гамелен решил, что был прав. Нацисты появились там, где он ожидал их появление, и не смогли нарушить оборонительную линию союзников. Британцы не испытывали такой уверенности. Немцам не удалось уничтожить самолеты ВВС Великобритании на земле, но они понесли потери в воздухе. В воскресенье, 12 мая, маршал авиации сэр Сирил Ньюолл сообщил о «неоправданных, относительно достигнутых результатах потерях средних бомбардировщиков», а в понедельник, когда в Адмиралтейском доме состоялось совещание Комитета начальников штабов под председательством Черчилля, впервые в качестве министра обороны, все пришли к выводу, что «еще не известно», где враг нанесет главный удар. Генерал Айронсайд, начальник имперского Генерального штаба, считал, что немцы могут укрепить свою позицию на этом фронте прежде, чем организовывать наступление в другом месте, возможно, «воздушное нападение на Великобританию». По мнению Черчилля, ситуация была «далеко не удовлетворительной». Один офицер обратил внимание присутствующих на зловещий знак. Бомбардировщики люфтваффе, подчеркнул он, достигли превосходства в воздухе над северным полем битвы, однако они не трогают французское подкрепление, движущееся на фронт. Почему немцы хотят, чтобы на этом фронте было больше войск союзников?¹⁵²

Никто, даже Петен, не говорил, что Арденнский лес *совершенно* непроходимый, хотя его заблуждение было столь же вопиющим. Он сказал, что Арденны «непроходимы для крупных механизированных сил». На самом деле это была местность, пригодная для использования танков. Французы должны были знать об этом – они проводили там маневры в 1939 году. Деревья служили в качестве маскировочных средств – самолеты-разведчики не могли засечь движение танков и воинских подразделений.

О немецкой стратегии в 1940 году можно составить мнение по операции, которой Генеральный штаб вермахта присвоил кодовое название «Удар серпом» (Sichelschnitt). Здесь, как в Польше, рейх применил новую концепцию ведения войны: глубокое проникновение мобильных бронетанковых войск на вражескую территорию, за которыми следует пехота. Планируя наступление, Гитлер разделил свои армии на три группы. Группа армий, которая наносила удар по Нидерландам, состояла из тридцати дивизий, включавших три танковые дивизии. Девятнадцать дивизий второй группы были связаны с линией Мажино. Основной удар в центр наносила третья группа армий: сорок пять дивизий, включая семь танковых дивизий, под командованием Герда фон Рундштедта. Эта безжалостная сила стремительно продвинулась через Люксембург и Арденны, форсировала реку Мез севернее и южнее Седана, приблизительно в 70 милях к юго-западу от Льежа, и вторглась на территорию Франции. Немцы сосредоточили главные силы приблизительно в 125 милях от Парижа и в 175 милях от портовых городов Кале, Гравлина и Дюнкерка. Немецкое Верховное командование знало, что сектор Седана является наиболее уязвимым местом обороны союзников: две французские армии, плохо вооруженные, плохо обученные и плохо экипированные.

По оценке французского верховного командования, любой мощной вражеской силе потребуется по крайней мере пятнадцать дней, чтобы преодолеть чащи и глубокие лесистые ущелья Арденн. Немцы проделали это за два дня, смяв позиции бельгийских пехотинцев. В воскресенье, 12 мая, к ужасу французских защитников вблизи Седана, на восточном берегу Меза появился механизированный клин семи бронетанковых дивизий Рундштедта – 1800 танков, 17 тысяч других транспортных средств и 98 тысяч солдат. Теперь был получен ответ на

---

¹⁵² САВ 65/7.

вопрос, почему люфтваффе позволили французскому подкреплению двигаться на север в сторону Голландии: главный удар немцев был направлен на Седан.

Нацисты понимали, что Мез будет для них самым сложным препятствием. В этом месте река узкая с быстрым течением; на противоположном берегу занимали хорошее положение батареи тяжелой артиллерии. Этого было бы достаточно в 1918 году, но тогда была другая война. В понедельник Рундштедт заставил замолчать все французские полевые орудия, каждую гаубицу, мастерски используя тактическую авиацию, – «Штуки» и другие бомбардировщики, атакующие с бреющего полета, – которая навела такой ужас на стрелков, что они бросили свои орудия. Штурмовые группы нацистов без проблем переправились на надувных лодках на противоположный берег; к югу и северу от Седана были созданы два плацдарма; затем наведены понтонные мосты, и наконец утром во вторник, 14 мая, с грохотом и рычанием появились танки. К середине дня немцы захватили значительный участок на французской территории, 3 мили в ширину и 2 мили в глубину.

Пришло и прошло время для французской контратаки. 13 мая в 17:30 был отдан приказ, и французский мотомеханизированный корпус, обладавший значительной ударной мощью, за которым следовала 55-я пехотная дивизия, перешел в наступление. Приближалось первое крупное танковое сражение в истории Второй мировой войны. Положение французов было далеко не безнадежным. Немецкий фланг подвергся атаке французских танков, а через Мез переправились еще не все танки, артиллерия и пехота. У французов были тяжелые танки; многие были вооружены 75-мм орудиями, более мощными, чем орудия на многих немецких танках. К сожалению, французы, вместо того чтобы собрать танки в единый мощный кулак для нанесения удара, рассредоточили их вдоль слишком широкого фронта. К еще большему сожалению, Высший военный совет принял решение использовать танки только для поддержки пехоты и запретил оснащать их радиосвязью. Французские механики-водители, не имея возможности общаться друг с другом, не могли скоординировать свои действия. Это привело к пагубным последствиям. За два часа с начала сражения немецкие танки уничтожили пятьдесят французских танков; оставшиеся несколько десятков бежали с поля боя.

Это была небольшая беда. Настоящая беда началась где-то между 18:00 и 19:00, когда, по словам французского командующего корпусом, «ситуация с приводившей в замешательство быстротой приближалась к катастрофической». Откровенно говоря, защитников охватила паника. Солдаты побросали винтовки и бросились бежать, и они бежали, запрудив дороги, 60 миль, пока не достигли Реймса. Некоторые офицеры пытались их остановить. Один из них позже вспоминал, что ему сказали солдаты: «Полковник, мы хотим домой, хотим вернуться к нашим обычным делам. Бессмысленно пытаться воевать. Мы ничего не можем сделать. Мы проиграли! Нас предали!»¹⁵³

В хорошо организованной армии их бы расстреляли на месте. Но все, офицеры и солдаты, казалось, заразились быстро распространявшимся страхом. По образному выражению Уильяма Л. Ширера, «обвалилась крыша». Распадался полк за полком, пока вся 9-я армия – порядка 200 тысяч солдат – не прекратила существование. По трясинный командир дивизии отправился в штаб армии, чтобы доложить: «Боюсь, что из моей дивизии остался только я». Отступила 2-я армия, находившаяся на правом фланге 9-й армии. Тем временем немцы, пребывавшие в огромном количестве, начали брать их в плен. Шарль де Голль, принявший командование бригадой, был потрясен, увидев, как солдаты бросали свое оружие. «По пути их нагнали механизированные отряды врага и приказали бросить винтовки и двигаться на юг, чтобы не загромождать дороги. «У нас нет времени брать вас в плен!» – говорили им»¹⁵⁴.

---

¹⁵³ General C. Gransard, *Le 10e Corps d'armee dans la bataille* (Paris, 1949), 141.

¹⁵⁴ William L. Shirer, *The Collapse of the Third Republic* (New York, 1969), 664; Charles de Gaulle, *The Complete War Memoirs of Charles de Gaulle* (New York, 1964), 39.

Теперь во французской оборонительной линии образовалась брешь шириной 60 миль, и в нее хлынули немецкие танки в сопровождении пехоты. Невероятно, но никто в Париже не знал о том, что происходит. Полевые командиры, стыдясь сообщить правду, преуменьшали масштабы катастрофы, докладывая в штаб генерала Жоржа, что все находится под контролем, а Жорж час за часом передавал их оптимистичные заверения в Венсенн, Гамелену. В среду, когда закончилась битва при Мезе и французы потерпели поражение, в коммюнике Гамелена говорилось: «Подводя итоги дня, 15 мая показывает ослабление активности в действиях противника... Наш фронт, получивший «встряску» между Намюром и областью к западу от Монмеди, постепенно восстанавливается».

Но был человек, который лучше владел информацией. Это многое говорит о военном истеблишменте Франции, если первым парижанином, узнавшим правду, было гражданское лицо: Поль Рейно. Премьер-министр изучил возможности танковой войны, и у него были агенты в армии, информаторы, которые сообщали ему, что происходит на самом деле. Во вторник, 14 мая, в 17:45, на пятый день наступления противника, Рейно телеграфировал Черчиллю: «На самом деле положение очень серьезное. Германия пытается нанести нам сокрушительный удар в направлении Парижа. Немецкая армия прорвала наши укрепленные линии к югу от Седана. Между Седаном и Парижем нет оборонительных сооружений, сопоставимых с теми, которые мы должны восстановить любой ценой». Кроме того, он попросил «незамедлительно» прислать десять эскадрилий английских истребителей¹⁵⁵.

Премьер-министр поручил Айронсайду проверить эту информацию. Начальник имперского Генерального штаба отправил офицера связи «узнать реальное положение дел». Позже в тот же день Айронсайд доложил Черчиллю, что «мы ничего не смогли выяснить ни у Гамелена, ни у Жоржа». Айронсайд высказал предположение, что Рейно пребывает в «слегка истеричном состоянии». Но французский премьер-министр знал, что не ошибается. На следующий день в семь утра он разбудил Черчилля телефонным звонком. «Мы потерпели поражение, – кричал он по-английски. – Мы разбиты! Мы проиграли сражение!» Премьер-министр, который все еще мыслил категориями траншейной войны 1914–1918 годов, сказал: «Но ведь это не могло случиться так быстро!» Позже Черчилль вспоминал, что Рейно ответил: «Фронт у Седана прорван; они устремляются в прорыв в огромном количестве с танками и бронемашинами». На это Черчилль ответил: «Опыт показывает, что наступление должно прекратиться через некоторое время». Через пять-шесть дней, сказал Черчилль, противник будет вынужден остановить продвижение для пополнения ресурсов; это удачный момент для контрнаступления. Но французский премьер-министр снова повторил фразу, с которой он начал: «Мы разбиты; мы проиграли сражение». И тогда Черчилль сказал, что «готов приехать к нему для переговоров»¹⁵⁶.

Черчилль позвонил Айронсайду и пересказал разговор, заметив, что Рейно, похоже, «полностью деморализован». Айронсайд сообщил Черчиллю, что «у нас нет никаких дополнительных требований от Гамелена и Жоржа; оба спокойны, хотя считают положение серьезным». Тогда премьер-министр позвонил Жоржу, старому другу. Жорж, довольно спокойно, доложил, что брешь в Седане «заделана». Но позже, в тот же день, Рейно прислал новое сообщение: «На прошлой неделе мы проиграли сражение. Путь к Парижу открыт. Отправьте все войска и самолеты, какие можете». Черчилль направил четыре эскадрильи истребителей, а затем решил, что следует «срочно лететь в Париж». 16 мая в 15:00 он вылетел на «фламинго», пассажирском самолете, в сопровождении генерала Исмея, заместителя начальника Имперского Генерального штаба генерала Джона Дилла и инспектора Скотленд-Ярда Уолтера Томпсона, пятидесятилетнего бывшего полицейского, десятью годами ранее служившего телохранителем Черчилля и отозванного из отставки для того, чтобы снова охранять Великого человека.

---

¹⁵⁵ Alistair Horne, *Seven Ages of Paris* (New York, 2002), 381–402.

¹⁵⁶ WSC 2, 42.

Премьер-министр разглядывал французское побережье, и Томпсон заметил, как посередело его лицо. Черчилль впервые увидел военных беженцев. Свыше 7 миллионов человек бежали от немцев; дороги были заполнены толпами измученных людей, еле передвигавших ноги под тяжестью ноши. Амбары, сараи, гаражи извергли на автострасы невероятную коллекцию транспортных средств: телеги, грузовики, конные повозки, прицепы для перевозки сена и старые автомобили, просевшие под матрацами, кухонной посудой, семейными реликвиями и старинными безделушками. Горели машины, тут и там лежали трупы детей и стариков, расстрелянных из пулеметов нацистскими летчиками, которые рассматривали панику как союзника своих товарищей, солдат вермахта¹⁵⁷.

В своих воспоминаниях генералы обеих сторон жаловались на препятствия, которые чинили эти люди, но беженцы смотрели на это иначе, и Черчилль понимал их. Величайшая трагедия приковала к себе внимание Черчилля. Он начал проникаться тревогой Рейно. Позже он написал: «Не имея доступа к официальной информации в течение многих лет, я не понимал, какой переворот со времени последней войны произвело вторжение огромного количества скоростных тяжелых танков». Этому нацистскому двигателю не требовалось остановок в ожидании пополнения ресурсов; как предвидел де Голль, танки заправлялись на бензозаправочных станциях в северной Франции¹⁵⁸.

«Фламинго» премьер-министра приземлился в Ле-Бурже, и, когда они вышли из самолета, Исмей почувствовал «явную депрессивную атмосферу». События стремительно перемещались в Париж. Гамелен предвидел конец. Уильям Буллит, американский посол во Франции, был с Даладье, когда le généralissime позвонил, чтобы сообщить новости. Он сказал: «Это означает гибель французской армии. Между Лионом и Парижем в моем распоряжении нет ни одного корпуса». Паника докатилась до французской столицы. Парижане увидели на улицах невероятное количество машин с бельгийскими номерными знаками; водители объясняли: «Боши следуют за нами». Всем, похоже, было известно, что Гамелен заявил высшим чиновникам республики: «Je ne réponds plus de rien» («Я больше ни за что не отвечаю»)¹⁵⁹.

Рейно, Даладье и Гамелен ждали британцев на набережной Д'Орсэ, в большой комнате, выходящей окнами в парк, который, написал Исмей, «выглядел таким прекрасным и ухоженным при моем последнем посещении, но теперь был изуродован кострами». Французы сжигали документы. Это была первая встреча Черчилля в качестве члена высшего военного совета союзников, и Исмею было «интересно посмотреть, как он поведет себя в данной ситуации».

Черчилль занял главенствующее положение с того момента, как вошел в комнату. Переводчика не было, и он говорил по-французски. Он не всегда говорил правильно, и у него не хватало словарного запаса, но, похоже, всем было понятно, что он хотел сказать¹⁶⁰.

Хотя положение очень серьезное, сказал Черчилль, но это не впервые, когда они оказываются вместе в критический момент; наступление Людендорфа в начале 1918 года едва не уничтожило их самих и их союзника, Соединенные Штаты. Он уверен, что они переживут это. Затем он попросил Гамелена коротко обрисовать положение. Гамелен подошел к карте, стоявшей на мольберте, и, уложившись в пять минут, рассказал о прорыве немцев. Они двигались с неслыханной скоростью, объяснил он. Ничего не было известно об их намерениях; они могли двинуться к побережью и повернуть к Парижу. Когда Гамелен закончил, Черчилль дружески хлопнул его по плечу – генерал вздрогнул – и рассказал ему о том, что станет известно как «битва за выступ» (на карте черной чернильной чертой была изображена линия союзного

---

¹⁵⁷ Antoine de Saint-Exupéry, *Flight from Arras* (New York, 1942), 116—33 passim.

¹⁵⁸ WSC 2, 43; de Saint-Exupéry, *Flight*, 120.

¹⁵⁹ Hastings Lionel Ismay, *The Memoirs of General Lord Ismay* (London, 1960), 127; Horne, *Seven Ages*, 381; Vincent Sheean, *Between the Thunder and the Sun* (New York, 1943), 142.

¹⁶⁰ Ismay, *Memoirs*, 128.

фронта. Эта линия показывала небольшой, но зловещий выступ Седана). Затем Черчилль спросил: «Где стратегический резерв?» Гамелен, покачивая головой, ответил: «Его нет».

Последовала долгая пауза, во время которой Черчилль, глядя в окно, смотрел, как пожилые мужчины подвозили на тачках к кострам, разложенным в парке министерства, документы. *Нет стратегических резервов.* Ему никогда не приходило в голову, что командующие, обороняющие фронт протяженностью 500 миль, оставят себя без резервов; никто не мог быть уверен, что способен удержать такой широкий фронт, но, когда противник прорвал линию, должно было иметься большое количество дивизий, готовых контратаковать. Он написал, что был «ошеломлен»¹⁶¹.

После войны Черчилль вспоминал, и его слова подтвердил Исмей, что не обсуждал стратегию с Рейно, Даладье и Гамеленом. «Никто не приводил никаких доводов, в них не было необходимости, – вспоминал он. – А мы были недостаточно осведомлены о ситуации, чтобы не соглашаться». Однако у французов остались подробные воспоминания об этой встрече. Черчилль, по их словам, был категорически против приказа об общем отступлении союзных войск в Бельгии. Время «держаться стойко», сказал премьер-министр. Он не считал танковый прорыв «реальным вторжением». Пока танки «не поддерживаются пехотными подразделениями», они просто «флажки, воткнутые в карту», поскольку «не могут обеспечивать себя и нуждаются в дозаправке». В отчетах французов приводятся слова Черчилля: «Я отказываюсь видеть в этом впечатляющем набеге немецких танков реальное вторжение»¹⁶².

В тот день Черчилль, возможно, *не обсуждал* стратегию, но внес одно предложение – держаться стойко, – и оно было нереальным. Он отличался тем, что всегда одобрял наступление и редко соглашался на отступление, даже если, как в данном случае, отказ отступать означал окружение и уничтожение. Рейно заставил его замолчать, сказав, что все полевые командиры, включая лорда Горта, считают, что французы должны отступить¹⁶³.

Однако Черчилль был абсолютно прав, когда спросил Гамелена, когда и где он предполагает атаковать фланги немецкого клина. На что генералиссимус, безнадежно пожав плечами, ответил: «Мы слабее в численности, слабее в снаряжении, слабее в методах». Он видел единственную надежду на спасение в обещанных англичанами эскадрильях. Это, сказал он, единственный способ остановить немецкие танки.

«Нет, – решительно ответил Черчилль. – Останавливать танки – дело артиллерии. Задачей истребителей является очищать небо над полем битвы». Бомбежка мостов через Мез – неподходящая работа для ВВС Великобритании, но, несмотря на огромный риск, они занимались этим и в результате потеряли тридцать шесть самолетов. «Можно восстановить мосты, – сказал Черчилль, – но не истребители». Он только что отправил четыре эскадрильи истребителей во Францию, напомнил Черчилль, но «для нас жизненно важно, чтобы наша островная истребительная авиация оставалась на Британских островах. От этого зависит наше существование». У Великобритании ограниченное количество эскадрилий, сказал он, и «мы должны сохранить их». По его мнению, дополнительные шесть эскадрилий, которые просили французы, не решат проблему.

«Франция думает иначе», – возразил Даладье. Спор стал более ожесточенным. Гамелен был задет за живое. Обе стороны в значительной степени лукавили. В действительности французы считали, что британцы должны бросить все силы на борьбу за Францию и если союзники потерпят поражение, то проиграть должны обе страны. Британцы считали, что, если Франция потерпит поражение – а они рассматривали такую возможность, – Великобритания должна

---

¹⁶¹ WSC 2, 47.

¹⁶² Paul Reynaud, *In the Thick of the Fight* (New York, 1940), 323–24.

¹⁶³ WSC 2, 42–43; de Saint-Exupery, *Flight*, 120.

одна продолжить войну. Вот почему главный маршал авиации сэр Хью Даудинг был категорически против отправки каких-либо дополнительных английских самолетов во Францию.

Вернувшись в посольство, премьер-министр тщательно взвесил просьбу французов. Ему следовало отказать в просьбе, но сочувствие к ним пересилило мотивы отказа, и в телеграмме военному кабинету он высказал мнение, что они должны дать «последний шанс французской армии собраться с силами. Будет не слишком хорошо, если, получив отказ в просьбе, они в результате будут уничтожены». Военный кабинет предчувствовал опасность, но было трудно сказать «нет» премьер-министру. Они неохотно согласились, но с условием, что «Харрикейны» будут каждую ночь возвращаться на базы в Британию. В интересах безопасности ответ отправили Исмею, ветерану индийской армии, на хинди – «Нап», то есть «Да»¹⁶⁴.

Сотрудники британского посольства в Париже считали, что хорошие новости можно сообщить французам по телефону. Черчилль настоял на том, что лично сообщит их Рейно. По мнению Исмея, «это было ему свойственно». Черчилль напомнил ему того, кто, вручая подарки детям, хочет увидеть выражение на их лицах, когда они откроют коробки с подарками. «Он собирался передать Рейно бесценную жемчужину и хотел увидеть выражение его лица». К удивлению Черчилля, премьер-министр покинул свой кабинет – была полночь, – и Черчилль решил отправиться к нему домой. Как оказалось, Рейно с любовницей, графиней Элен де Порт, скрываясь от жены Рейно, жили в небольшой квартире на площади Палас-Бурбон. Рейно встретил Черчилля с Исмеем в купальном халате и горячо поблагодарил за хорошие новости. Затем Черчилль настоял, чтобы Рейно вызвал Даладье, с которым у Рейно были натянутые отношения. Военный министр оставил *свою* любовницу, маркизу де Круссоль, чтобы приехать и молча пожать им руки в знак благодарности¹⁶⁵.

По возвращении в Лондон премьер-министр не нашел ничего, кроме неразрешимых проблем. Еще 100 тысяч бельгийцев прибыли в Великобританию с просьбой предоставить убежище, и в каждом донесении с Европейского континента говорилось о продолжающемся немецком наступлении. Рузвельт подтвердил невозможность передать Великобритании во временное пользование американские истребители. Кроме того, Рузвельт, сославшись на закон о нейтралитете 1939 года, был вынужден отказать Черчиллю в просьбе направить в Америку авианосец, чтобы забрать истребители «Кёртис» Р-40, ждущие отгрузки. В течение этих месяцев американские самолеты, заказанные Великобританией, должны были долететь до канадской границы, затем, в соблюдение американских законов, запрещающих перегрузку, их должны были протащить (часто с помощью лошадей) через границу, а затем морем доставить в Англию. Р-40, объяснили Черчиллю, будут готовы через два-три месяца. Переважив решения Рузвельта, Черчилль написал ответ и, отдав его Колвиллу, буркнул: «Телеграмма этим чертовым янки. Отправьте ее сегодня вечером». Это был День Святой Троицы. Клементина пошла на службу в церковь Святого Мартина в полях и вернулась, кипя от возмущения. Приходской священник читал пацифистскую проповедь, и она ушла, не дождавшись окончания службы. Черчилль сказал: «Ты должна была крикнуть: «Позор! Осквернение ложью Дома Божьего!»¹⁶⁶

В тот вечер – 19 мая – он должен был выступить с радиообращением к народу. Днем Черчилль съездил в Чартвелл. Он сходил посмотреть на золотых рыбок, посидел на солнце, поразмышлял, но не обрел там покоя. Он хотел покормить своих черных лебедей, но, к своему ужасу, узнал, что всех, кроме одного, съели лисицы. Затем позвонил Энтони Иден. Вопрос был срочный и станет еще более срочным в следующие дни. Только что позвонил лорд Горт. Французская армия, находившаяся к югу от британских экспедиционных сил, рассеялась, оставив

---

¹⁶⁴ Len Deighton, *Fighter* (New York, 1977), 58; Ismay, *Memoirs*, 128.

¹⁶⁵ Ismay, *Memoirs*, 128–29.

¹⁶⁶ GILBERT 6, 334, 358; Colville, *Fringes*, 135.

огромную брешь на правом фланге британцев. Горт оказался в трудном положении. Он мог пробиваться на юг, вместе с французами и бельгийцами или без них, или отойти к Дюнкерку. Горт сообщил, что «изучает возможность отхода к Дюнкерку, если будет вынужден это сделать». Айронсайд сказал Горту, что не может согласиться с его решением. Черчилль, противник отступления, поддержал его. В Дюнкерке, сказал премьер-министр, они попадут в западню, и «общие потери будут всего лишь вопросом времени»¹⁶⁷.

После сорока лет в палате общин Черчилль инстинктивно качал головой слева направо. Так нельзя было делать на Би-би-си, поэтому за спиной Черчилля стоял Тирон Гатри из театра «Олд Вик» и крепко держал его за голову, когда Черчилль сидел в небольшой комнате за столом с зеленой лампой, освещавшей текст его выступления. Обращаясь к стране, он сказал: «Я впервые обращаюсь к вам как премьер-министр в ответственный час для жизни нашей страны, нашей империи, наших союзников, и, самое важное, для Свободы. Ужасная битва бушует во Франции и во Фландрии. Немцы, с помощью сокрушительной комбинации воздушных бомбардировок и тяжелых танков прорвали французскую оборону к северу от линии Мажино, и мощные колонны бронированной техники разоряют страну, которая в течение дня-двух оставалась без защитников... бок о бок народы Британии и Франции начали борьбу во имя освобождения не только Европы, но и всего человечества от самой грязной и разрушающей души людей тирании, которая когда-либо омрачала и позорила страницы истории. За ними – за нами – за армией и флотом Британии и Франции – должны объединиться разбитые государства и разбитые народы: чехи, поляки, норвежцы, датчане, голландцы, бельгийцы – все, на кого опустилась тьма варварства, не развеянная даже звездой надежды, пока мы не победим, а мы должны этого добиться и мы этого добьемся»¹⁶⁸.

«Наконец страна не спит, а работает», – написал твердолобый тори Том Джонс.

«Час пробил, – написал командующий морской базой в Портсмуте, адмирал Уильям Милборн Джеймс, – и человек появился»¹⁶⁹.

Черчилль упомянул французскую «гениальную способность восстанавливаться и контратаковать, которой они давно славятся», добавив, что «у меня есть непоколебимая уверенность во французской армии и ее лидерах». Возможно, он верил в это. Он всю жизнь был франкофилом; в 1916 году, командуя батальоном, он носил шлем пуалю, чтобы продемонстрировать уверенность в союзнике Англии. До сих пор Флит-стрит¹⁷⁰ поддерживала это мнение: «Слышны только слова восхищения, – написала Молли Пэнтер-Доунес в *The New Yorker*, – героическим французским сопротивлением».

Но Гамелен не был Фошем, и его солдаты были не теми солдатами, что воевали в 1914–1918 годах. После того как солдаты обеих сторон сложили оружие, группа американских военных корреспондентов проехала по полям сражений и сделала вывод, по словам Уильяма Ширера, что «Франция не воевала. Если воевала, то свидетельств этому мало... Никто из нас не видел никаких признаков ожесточенных боев. Поля во Франции не тронуты. Боев не было ни на одной укрепленной линии... Не было ни одной попытки занять жесткую оборону и провести хорошо организованную контратаку»¹⁷¹.

¹⁶⁷ John Rupert Colville, *Man of Valour: The Life of Field Marshal the Viscount Gort* (London, 1972), 204; Anthony Eden, Earl of Avon, *The Reckoning: The Memoirs of Anthony Eden* (New York, 1965), 106.

¹⁶⁸ WSCHCS, 6222–23.

¹⁶⁹ Jones, *Diary*, 460; W.M. James, *The Portsmouth Letters* (London, 1946), 15.

¹⁷⁰ Флит-стрит (Fleet Street) – улица в лондонском Сити. В Средние века прилегающей территорией владели тамплиеры. Впоследствии здесь разместились главные судебные учреждения Великобритании. В XVI веке на Флит-стрит стали появляться офисы основных лондонских газет, а позднее и информационных агентств. Хотя многие СМИ в последнее время переехали в другие районы, за Флит-стрит прочно закрепилась репутация цитадели британской прессы.

¹⁷¹ Panter-Downes, *War Notes*, 67.

Танковые группы фюрера с ревом неслись по незаминированным дорогам, мимо господствующих над дорогами лесистых возвышенностей, на которых не было орудий. Стратегически важные мосты не были взорваны. Французские военнопленные рассказывали, что ни разу не видели боя. Когда казалось, что он неминуем, они получали приказ отступить. Порты Булонь и Кале обороняли в основном англичане. Ширер считал, что французская «армия оказалась парализованной сразу же после первого прорыва немцев. А потом она прекратила свое существование, практически без борьбы. У французов, словно их кто одурманил, не оказалось воли к борьбе даже тогда, когда на их землю вступил самый ненавистный враг. Это был полнейший коллапс всего французского общества и французского духа»¹⁷².

Даже Черчилль начал испытывать сомнения в отношении французов. За день до воскресного радиообращения, обсуждая, стоит ли отправлять Гамелену 1-ю танковую дивизию, он сказал Исмею: «Нужно готовиться к тому, что французам могут предложить очень выгодные мирные условия, и вся сила удара будет направлена на нас». Гамелен почти утратил надежду. В субботу вечером он спокойно объяснил Рейно «причины нашего поражения». Шел девятый день сражения, и *generalissime* был готов уйти. Даже полякам, лишенным всякой надежды, удалось продержаться три недели¹⁷³.

В понедельник, 20 мая, 2-я танковая дивизия заняла Абвиль, в устье Соммы, и Нуаэль. Немцы разделили Францию пополам, в результате чего на севере миллион солдат союзников оказались в западне, включая бельгийскую армию, более половины британского экспедиционного корпуса и 1-ю и 7-ю французские армии – лучшие французские войска. Это был ошеломляющий триумф нацистов, но одновременно момент максимальной опасности. Их танки создали коридор, почти 200 миль длиной и 20 миль шириной, от Арденн до Ла-Манша, но они обогнали пехотинцев вермахта, а танки без пехоты не могли закрепить успех, если бы союзники нанесли решительный удар.

Гитлер, понимая это, испытывал страх. В своем «Орлином гнезде» он живо представил себе вторую Марну¹⁷⁴.

Йодль отметил: «Фюрер ужасно нервничает. Он напуган собственным успехом, не хочет идти ни на какой риск и пытается нам помешать... Он бесится от злости и орет, что то, что мы делаем, есть прямой путь к развалу всей операции и что мы рискуем потерпеть поражение». Это на самом деле был переломный момент; дальнейшие события подтвердили это. Спустя четыре недели Черчилль, выступая в палате общин, с глубоким разочарованием отметил: «Самая страшная военная катастрофа... произошла, когда французское верховное командование не смогло отвести северные армии из Бельгии в тот момент, когда стало известно о прорыве французской обороны у Седана и Меза. Эта задержка привела к потере пятнадцати или шестнадцати французских дивизий и вывела из боевых действий все британские экспедиционные войска, в общей сложности двадцать пять дивизий, наиболее хорошо обученных и экипированных войск, которые, возможно, могли решить исход дела»¹⁷⁵.

Гамелен наконец понял это. В воскресенье он составил приказ № 12, согласно которому следовало перейти в наступление по двум направлениям: северные армии, избегая окружения, любой ценой должны были пробиваться на юг к Сомме, атакуя танковые дивизии, которые перерезали их коммуникации. Одновременно 2-я армия и недавно сформированная 6-я армия должны были наступать на север в направлении Мезьера. Но он не успел издать приказ, поскольку в понедельник Рейно отправил его в отставку, а в качестве его преемника выбрал

---

¹⁷² William L. Shirer, *Berlin Diary (The Journal of a Foreign Correspondent 1934–1941)* (New York, 1941), 437–38.

¹⁷³ WSC 2, 56; General Maurice Gustav Gamelin, *Servir*, 3 vols. (Paris, 1947), 3:417.

¹⁷⁴ Марнское сражение между немецкими и англо-французскими войсками 5–12 сентября 1914 года на реке Марне в ходе Первой мировой войны, закончившееся поражением немецкой армии. В результате битвы был сорван стратегический план наступления немецкой армии, ориентированный на быструю победу на Западном фронте и вывод Франции из войны.

¹⁷⁵ WSC HCS, 6232.

семидесятитрехлетнего генерала Максима Вейгана, невысокого роста, щеголеватого, с лисьим выражением лица офицера, который, по словам одного англичанина, напоминал «престарелого жокея». До этого Вейгану не приходилось командовать войсками в боевых условиях; он был штабным офицером, генералом, политиком, монархистом, англофобом. Несмотря на возраст, был исключительно энергичным человеком, но в Париж прибыл усталым (был отозван из Сирии) и, приняв командование, тут же отправился спать. Но сначала отменил приказ № 12 – приказ Гамелена о наступлении.

Положение в коридоре было неустойчивым. Теперь важен был каждый час. Разрыв между немецкими танками и полевыми формированиями вермахта постепенно сокращался. Когда новый *generalissime* проснулся, он объявил, что перед принятием решения совершит инспекционную поездку на фронт. К моменту его возвращения и повторного издания приказа коридор заполнился защитниками. После четырех напряженных дней противник укрепил коридор, срочно направив туда пехоту и моторизованную артиллерию. Шанс был упущен.

В понедельник в 18:30 британский офицер телеграфировал в Лондон, что бомбардировщики люфтваффе прервали железнодорожное сообщение между Амьеном и Абвилем, и тем же вечером танковые войска в Абвиле отрезали британские армейские базы снабжения и французские армии на юге. Айронсайд, вернувшись из Франции во вторник утром, доложил, что еще одна колонна вражеских танков прошла через Фреван, «вероятно следуя в направлении Булони». К французским войскам, сказал он, нет никаких претензий, а вот командование словно «парализовано». В дневнике он написал: «Лично я думаю, что мы не сможем вывести британский экспедиционный корпус. Господи, помогите им, доведенным до этого состояния некомпетентностью французского командования». Дилл, который был с Жоржем, телеграфировал, что нанесение удара французами в северном направлении «невозможно»¹⁷⁶.

«В Лондоне, – пишет Исмей, – мы понимали, что французское высшее командование относится к нам плохо... нам ничего не рассказывали, и мы были в полном неведении». Черчилль, понимая, что ситуация постоянно меняется, безуспешно пытался дозвониться до Рейно; все линии между Парижем и Лондоном были разорваны. Он сказал Колвиллу: «За всю историю войн мне не известны случаи такого неумелого управления». В дневнике Колвилл отметил: «Я никогда не видел Уинстона столь подавленным». Отчаявшись получить информацию, Черчилль решил, вопреки совету начальников штабов, лететь утром в среду, 22 мая, в Париж¹⁷⁷.

«Фламинго» приземлился в Ле-Бурже незадолго до полудня; премьер-министр с сопровождающими сразу поехал в главную штаб-квартиру *generalissime*, которая находилась в Венсенском замке. Древний форт охраняли алжирцы в белых накидках с длинными кривыми саблями, что сразу наводило на мысль о *Beau Geste*¹⁷⁸.

Приветствовавший их Вейган был «бодр, весел и язвителен, – вспоминал Черчилль. – Он произвел отличное впечатление на нас». Танковым войскам, сказал Вейган, «нельзя позволить удерживать инициативу», и он подробно изложил им соображения, которые тут же получили название плана Вейгана. Он отличался от приказа № 12 Гамелена только тем, что слишком запоздал, но в тот момент британцы об этом не знали. Черчилль изложил его в письменной форме, «чтобы удостовериться в правильности принятого решения». После того как *generalissime* и Рейно одобрили текст, его передали по телеграфу в Лондон, военному кабинету.

В частности, план предусматривал, что «в ближайшее время, возможно завтра» восемь дивизий британского экспедиционного корпуса и 1-я французская армия нанесут удар в южном направлении. В это же время «новая французская армия», составленная из 18–20 дивизий,

---

¹⁷⁶ Roderick Macleod, ed., *Time Unguarded: The Ironside Diaries, 1937–1940* (London, 1974), 327; Premier (Prime Minister) Papers, Public Record Office, Kew, 3/188/3, folio 18; WSC 1, 375.

¹⁷⁷ Ismay, *Memoirs*, 131; Colville, *Fringes*, 137–38.

¹⁷⁸ Красивый жест – преднамеренный поступок, рассчитанный на то, чтобы произвести хорошее впечатление.

сформировав фронт по течению Соммы, «нанесет удар в северном направлении и объединит усилия с британскими дивизиями, наступающими на юг в направлении Бапома». Чем дольше Черчилль думал об этом, тем больше ему это нравилось. В тот вечер, вспоминал Айронсайд, «Уинстон вернулся из Парижа около 18:30, и в 19:30 у нас было заседание кабинета. Он был в приподнятом настроении, находясь под впечатлением от встречи с Вейганом»¹⁷⁹.

План был неосуществим – абсолютно. Союзные войска на севере не могли наступать в южном направлении; они вели тяжелые бои с противником. И все приказы Вейгана своим дивизиям на юге были направлены всего лишь на решение незначительных задач. «План Вейгана, – как позже отметил Уильям Л. Ширер, – остался существовать в его голове». Возможно, он не существовал даже там. Как заметил Ширер, «в действительности французские войска, стоявшие на Сомме, не двинулись с места»¹⁸⁰.

И Горт не получал приказов из Венсена. Он действительно не получал никаких распоряжений из штаб-квартиры в течение четырех дней. Узнав об этом на следующее утро, в 4:50, Черчилль позвонил Рейно – связь восстановилась, – чтобы спросить почему. Он услышал бессвязную речь на другом конце провода. Черчилль позвонил в 18:00. На этот раз он дозвонился до Вейгана, у которого были волнующие новости: его новая французская армия отбросила немцев и снова заняла Амьен, Альбер и Перонн. В Адмиралтейском доме, по словам Колвилла, это изменение судьбы сочли «невероятно важным»; «уныние сменилось душевным подъемом»¹⁸¹.

Это была ложь. С самого начала Вейган знал, что дело обречено на провал. Единственное желание, сказал он Жоржу 20 мая, «sauver l'honneur des armées françaises» (спасти честь французской армии), чего бы это ни стоило. Он испытывал глубокое недоверие к Англии и англичанам, что было весьма обычно для французов. Колвилл, вспоминая позже о его обмане, пришел к выводу, что «Вейган решил... что *мы* погибнем, если *он* это не сделает». Но возможно, он искал козла отпущения. Если так, то он нашел одного, и нашел быстро. Во вторник, накануне полета Черчилля в Венсенн, Горт попытался прорвать окружение, нанеся удар по флангу противника. Он нацелился на Аррас и двинул в наступление две британские дивизии при поддержке шестидесяти легких французских танков. Немецким командующим был в то время еще не получивший известности Эрвин Роммель. Он доложил о «мощном британском контрнаступлении при поддержке танков». В среду Горт увидел, что немецкие войска готовятся перейти в наступление на его фланги, и отступил¹⁸².

Вейган узнал об этом утром в четверг. Он гневно потребовал, чтобы Рейно выразил протест, и премьер-министр отправил Черчиллю – который даже не знал о наступлении Горта – две телеграммы с выражением возмущения, которые заканчивались словами: «Приказы генерала Вейгана должны выполняться». Generalissime изложил свой протест в письменной форме, заявив, что в результате «это отступление, естественно, вынудило генерала Вейгана изменить все его приготовления, и он вынужден отказаться от мысли закрыть брешь и восстановить непрерывную линию фронта». Именно в этот момент Черчилль дал Эдварду Спирсу деликатное поручение, связанное с улучшением отношений между союзниками.

Спирс был наполовину французом и свободно говорил на двух языках. Он был членом парламента от Консервативной партии и другом Черчилля с эдвардианской эпохи. Они вместе воевали в Первую мировую войну, во время которой Спирс был четырежды ранен. Он оставил яркое описание Черчилля в разгар первого военного кризиса. Вызванный в Адмиралтейский дом посреди ночи, он нашел Черчилля: «...спокойно сидящим в кресле за своим столом. Он предложил мне сигару, глядя на меня в этот момент так, словно я был увеличительным

---

¹⁷⁹ WSC 2, 64–65; Macleod, *Time Unguarded*, 328.

¹⁸⁰ William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany* (New York, 1960), 728.

¹⁸¹ Colville, *Fringes*, 139; GILBERT 6, 385.

¹⁸² Colville, *Fringes*, 139; GILBERT 6, 385; WSC 2, 69–70.

стеклом, через которое он рассматривал что-то вдали, затем его лицо приняло мягкое, дружелюбное выражение, когда он сфокусировал свой взгляд на мне, на его лице появилась милая, напоминающая детскую ухмылка, затем оно опять стало серьезным. «Я решил, – сказал он, – отправить тебя в качестве личного представителя к Полу Рейно. Ты получишь звание генерал-майора. Встреться с Мопсом¹⁸³. Он проинформирует тебя. Положение очень серьезное»¹⁸⁴.

Оно было более чем серьезным. Оно было катастрофическим. Теперь вся Франция, как Древняя Галлия, была разделена на три части.

Южная, ниже Соммы – куда планировал отойти Вейган, – занимала 90 процентов территории Франции, включая Париж. Но это была уже не безмятежная Франция первых весенних дней. Спирс сообщил, что дороги забиты беженцами, доверху нагруженными фургонами и «машинами с закипевшими двигателями». По сельской местности бродило более 300 тысяч пуалю, солдат из воинских частей, которых больше не существовало; некоторые, сообщил Спирс, убивают своих офицеров и «грабят прохожих в лесах вблизи Парижа».

Французские офицеры, захваченные немцами, но давшие обязательство не участвовать в военных действиях, вернулись домой, радовались общению с родными и даже не интересовались новостями с фронта.

В северной части войска союзников – более половины британского экспедиционного корпуса, бельгийцы и три французские армии – боролись за выживание.

Между этими двумя частями широкая укрепленная полоса вражеской территории, протянувшаяся от Седана на востоке до Абвиля на побережье. Каждый немец мечтал захватить Париж, и танки могли повернуть в ту сторону.

Вместо этого они двинулись на север к портам на Ла-Манше, к последней линии обороны Англии против вторжения.

Черчилль отдавал себя отчет в грозящей опасности. В воскресенье, перед его отлетом в Венсенн, Айронсайд предупредил его, что британский экспедиционный корпус вскоре может оказаться отрезан от французов и в этом случае снабжение будет возможно только через Булонь, Кале и Дюнкерк. Прошлой ночью бомбардировке люфтваффе подверглись все три города. Дюнкерк не может быть использован: суда, потопленные нацистами, заблокировали вход в гавань. Во вторник в Булонь, стоявшую прямо на пути немецких танков, было направлено подкрепление в виде 20-й гвардейской бригады и ирландского и валлийского гвардейских батальонов – последние имеющиеся в распоряжении Великобритании воинские подразделения. Все было напрасно; немецкие танковые колонны неумолимо продвигались вперед; в среду, когда Черчилль общался с Вейганом, силы оборонявших Булонь стали слабеть. Айронсанд написал в дневнике: «16:00. Булонь точно потеряна... В Булони ни у кого не осталось сил, включая два гвардейских батальона. Ужасный конец». И дальше: «Горт практически окружен... Я не питаю особых надежд на вывод британского экспедиционного корпуса». Вечером следующего дня он пишет: «По какой-то причине остановлено движение немецких мобильных колонн»¹⁸⁵.

В то время этого никто не понял, но это был один из поворотных моментов войны. Бесконечно обсуждался *Haltordnung*, так называемый «стоп-приказ». Если бы немецкие танки продолжали наступление, эвакуация британского экспедиционного корпуса была бы невозможна. Однако причины паузы, похоже, понятны. Рундштедту требовалось время, чтобы немецкая пехота догнала ушедшие в отрыв танки. Кроме того, после двухнедельного наступления люди остро нуждались в отдыхе, а их техника в ремонте.

---

¹⁸³ Черчилль имеет в виду Исея, который был похож на мопса. (Примеч. авт.)

¹⁸⁴ M.E. L. Spears, *Assignment to Catastrophe*, 2 vols. (New York, 1955), 2:120–21.

¹⁸⁵ L.F. Ellis, *The War in France and Flanders 1939–1940* (London, 1953), 368; Macleod, *Time Unguarded*, 331–32.

Гитлер продлил паузу. Продолжавшиеся двое суток дожди сделали местность во Фландрии непригодной для танковых операций. Генерал Хайнц Гудериан, командующий моторизованным корпусом, поначалу возражавший против остановки, согласился, что «танковая атака бессмысленна на болотистой местности, полностью пропитанной дождем... Пехота, более чем танки, подходит для ведения боевых действий в такой местности»¹⁸⁶.

Кроме того, Франция оставалась главным врагом нацистов, и они считали, что еще не одержали победу над армией, которая считалась лучшей в Европе. Они думали, что путь к Парижу будет долгим и кровавым. Им требовалось время, чтобы привести в порядок технику. И наконец, они не осознали, что заманили в ловушку на севере 400 тысяч французских, бельгийских и британских солдат. Позже генерал люфтваффе Альберт Кессельринг признался, что «даже цифра 100 тысяч показалось бы нам сильно преувеличенной»¹⁸⁷.

Лидеры в Париже и Лондоне продолжали обсуждать практически нецелесообразные планы. В пятницу, 24 мая, Вейган горько пожаловался, что «английская армия осуществила, по своей собственной инициативе, отход на 25 миль в сторону портов, в то время когда наши войска,двигающиеся с юга, с успехом продвигаются на север, туда, где они должны встретиться со своим союзником». В телеграмме в Лондон от 24 мая Рейно выразил недовольство тем, что «отступление, естественно, заставило генерала Вейгана изменить все его приготовления и он вынужден отказаться от мысли закрыть брешь и восстановить непрерывную линию фронта. Нет необходимости подчеркивать серьезность возможных последствий». Правительство его величества было обескуражено. Айронсайд написал: «Я не знаю, почему Горт это сделал. Он никогда не говорил нам, что собирается это сделать, и не сказал даже тогда, когда сделал это». Сейчас не время для встречных обвинений, сказал он, однако согласился с тем, что Горт должен был держать его в курсе дела и что у французов есть «основания для недовольства»¹⁸⁸.

У них не было ни одного основания для недовольства. Войска Вейгана еще не перешли в наступление, а Горт еще не отступил. Однако с каждым часом командующий британскими экспедиционными силами отчетливее понимал, что будет вынужден сделать это в скором времени. Его армия – единственная армия у Великобритании – была в смертельной опасности, почти окруженная, попавшая в западню в 70 милях от моря. Их коммуникации были перерезаны. Единственными союзниками были бельгийцы и остатки 1-й французской армии. Порты снабжения 200 тысяч солдат британского экспедиционного корпуса были или разбомблены, или находились в руках врага. У томми имелся всего четырехдневный запас продовольствия и боеприпасов. Немецкие танки были в Гравлине, всего в 10 милях от Дюнкерка, последней надежды на спасение британского экспедиционного корпуса. Немецкие танки приближались, и бельгийцы уже были готовы сдаться; последняя связь с корпусом Алана Брука была разорвана, образовалась брешь, и нацисты хлынут в нее, как только ее обнаружат.

Из портов на Ла-Манше оставались свободными только Кале и Дюнкерк. Армия могла быть отрезана от них в любой момент. Брук написал в дневнике: «Ничто, кроме чуда, не может теперь спасти британский экспедиционный корпус, и конец уже близок». Британцы утратили доверие к генералу Г.А. Бийоту, французскому командующему на севере. Айронсайд, посетив 20 мая командный пункт Бийота, пришел в ужас. «Нет плана, нет мыслей о плане. Готов погибнуть. Très fatigué [очень устал], и ничего не делает. Я вышел из себя и встряхнул его. Человек совсем обессилел»¹⁸⁹.

Джон Стендиш, 6-й виконт Горт – Джек для товарищей-генералов, – не вызывал у них особых восторгов. В лучшем случае, говорили французы, он будет хорошим командиром бата-

---

¹⁸⁶ Ellis, *France and Flanders*, 208, 389.

¹⁸⁷ Len Deighton, *Blitzkrieg: From the Rise of Hitler to the Fall of Dunkirk* (New York, 1979), 265.

¹⁸⁸ B.H. Liddell Hart, *History of the Second World War* (New York, 1971), 77; David Dilks, ed., *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945* (New York, 1972), 289–90; CAB 65/7; Macleod, *Time Unguarded*, 332; WSC 1, 393.

¹⁸⁹ Spears, *Assignment*, 2: 202, 236–37; WSC 1, 389; Bryant, *Tide*, 90; Macleod, *Time Unguarded*, 321.

льона. Он не слишком умен, говорили британские штабные офицеры (умом Гамелена восхищались в Лондоне и даже в Берлине). Но Горт был невероятно храбрым человеком. Во время последней войны он был награжден Крестом Виктории, тремя орденами и Военным крестом. Он был, если угодно, чрезмерно дисциплинированным солдатом и теперь оказался перед мучительным решением проблемы. В течение четырех дней Вейган не выходил с ним на связь. Айронсайд передал ему приказ военного кабинета, согласно которому ему категорически запрещалось отступать к морю, а следовало двигаться в южном направлении. Но теперь он понимал, что его ждет только полное уничтожение. В Берлине министр иностранных дел Германии Риббентроп уже сообщил прессе: «Французская армия будет уничтожена, а англичане на континенте станут военнопленными». Роммель написал в дневнике: «Теперь началось преследование шестидесяти окруженных британских, французских и бельгийских дивизий»¹⁹⁰.

25 мая, в субботу, во второй половине дня Горт получил сигнал бедствия от Друка: «Я убежден, что бельгийская армия перестанет сражаться завтра в это же время. Это, естественно, поставит под удар наш левый фланг». Генерал-лейтенант сэр Рональд Адам, командующий корпусом, поддержал Брука. У Горта закончились запасы продовольствия и боеприпасов. Только 5-я и 50-я британские дивизии, ожидавшие приказа на следующий день перейти в наступление в южном направлении, не вступали в бой с врагом. Большую часть дня Горт провел на своем командном пункте в Премеске, пристально разглядывая на настенной карте Северную Францию и порты на Ла-Манше. В 18:30 он отменил приказ о наступлении и отправил 5-ю дивизию заткнуть брешь на фланге Брука. Затем он телеграфировал Идену, поясняя, что он сделал и почему он это сделал.

Вечером того же дня, еще до получения телеграммы, Черчилль пришел к тому же выводу. Посоветовавшись с Рейно, он приказал Идену отправить Горту телеграмму следующего содержания: «Понятно... что французское наступление на юге совершенно нереально... Вам разрешено пробиваться в направлении побережья во взаимодействии с французскими и бельгийскими армиями». Официальный приказ об эвакуации Горт получил на следующий день, в понедельник, 27 мая. Неделей раньше король Леопольд сообщил британцам через адмирала флота сэра Роджера Кейса, что его войска теряют связь с французами и британцами, «капитуляция неизбежна». Леопольд лично предупредил Георга VI о «неизбежной сдаче» Бельгии в тот самый день, когда Брук написал Горту. Несмотря на это, в Париже и Лондоне испытали огромное потрясение, когда во вторник, 28-го, король Леопольд, не сообщив союзникам и не консультируясь с советниками, сдал 274-тысячную бельгийскую армию, в результате чего образовалась двадцатимильная брешь между корпусом Брука и побережьем вблизи Ньюпора¹⁹¹.

Лорд Галифакс, министр иностранных дел, считал, что это отличный момент для переговоров с Гитлером о мире. 27 мая Галифакс, последний из главных миротворцев, впал в немилость: выступая на заседании военного комитета, сказал, что «теперь скорее стоит вопрос сохранения независимости нашей империи, а не полного поражения Германии». Итальянский посол в Великобритании, сообщил он, обратился к нему с «новыми предложениями» по мирной конференции, и он считает, что они должны воспользоваться случаем. Черчилль ответил, что да, мир можно достигнуть «при господстве Германии в Европе», но нет, это условие, которое «мы никогда не сможем принять»¹⁹².

Галифакс раздраженно ответил, что, если дуче предложит условия, «которые не требуют разрушения нашей независимости, мы будем глупцами, если не примем их». Если британ-

---

¹⁹⁰ Spears, *Assignment*, 2: 202, 236—37; WSC 1, 389; Bryant, *Tide*, 90; Macleod, *Time Unguarded*, 321.

¹⁹¹ *Time*, 1/23/41, 23; Roger Keyes, *Outrageous Fortune: The Tragedy of King Leopold of the Belgians 1901–1941* (London, 1984), 308—10, 396.

¹⁹² CAB 65/13.

ской независимости ничего не угрожает, заявил он, то для Великобритании, которая в течение двух или трех месяцев подвергается воздушным налетам, будет правильно «принять предложение, которое спасет страну от неминуемой катастрофы». Сэр Александр Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел, счел ответ премьер-министра «излишне бессвязным, романтическим, сентиментальным, темпераментным. Старый Невилл по-прежнему лучший». К ужасу Галифакса, Черчилль заявил, что, если Франция капитулирует, Великобритания будет сражаться в одиночку. Министр иностранных дел упорно стоял на своем. На следующий день на заседании военного кабинета во второй половине дня он предложил узнать у Муссолини, «не послужит ли он посредником на переговорах между союзниками, Англией и Францией, – и Германией?». Эттли резко ответил, указав на то, что это будет равносильно тому, чтобы попросить дуче «ходатайствовать о предоставлении нам мирных условий». Черчилль, выпятив подбородок, прорычал, что это «разрушит целостность нашей боевой позиции в этой стране... поэтому давайте избежим вставать на скользкий путь»¹⁹³.

Когда совещание закончилось, Галифакс сказал Кадогану, что собирается уйти в отставку. «Я больше не могу работать с Уинстоном», – сказал он. Вечером Галифакс написал в дневнике: «Мне кажется, Уинстон молот ужасную чепуху... Повергает в отчаяние, когда он в пылу страсти должен заставлять свой мозг думать и делать выводы». Однако министр иностранных дел передумал уходить в отставку после того, как Кадоган, первый британский дипломатический представитель в Китае в ранге посла, сказал: «Ерунда: его разглагольствования надоели мне не больше ваших, но не делайте глупостей в условиях стресса»¹⁹⁴.

Англию охватили патриотические чувства. В 1930-х годах Черчилля называли «поджигателем войны». Теперь его критиков называли «капитулянтами». В Вестминстерском аббатстве прошел молебен; сюда пришли толпы людей, которые всего двадцать месяцев назад приветствовали Мюнхен. Черчилль написал: «Англичане не склонны выставлять свои чувства, но я смог почувствовать скрытые, страстные чувства, а также страх прихода, не перед смертью, ранами или материальными потерями, а перед поражением и окончательным крушением Великобритании»¹⁹⁵.

Теперь, когда война приблизилась к их домам и очагам, британский народ начал узнавать об истинном положении дел. До последней недели мая британцы были настроены довольно оптимистично. Пробуждение наступало медленно, поскольку их не баловали лишней информацией. Еще 24 мая Times задавалась вопросом: «Действительно ли мы в состоянии войны?» Отели и театры были переполнены; молодые бездельники развлекались в парках с аттракционами; отмечались праздники; в лондонском Вест-Энде за гроши пели шахтеры, так, словно в Великобритании и ее империи по-прежнему царил мир¹⁹⁶.

Пресса, при пособничестве и поощрении цензоров, несла огромную ответственность за это спокойствие. «БРИТАНСКИЙ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС ПОБЕЖДАЕТ», – кричал заголовок Times 13 мая. А 14 мая, на следующий день после того, как танки Гудериана начали переправляться через Мез, аналитик Times сообщил читателям: «В целом можно сказать, что немцы не вошли в соприкосновение с большей частью французских и бельгийских войск». Другие газеты придерживались того же курса. До англичан доходили отрывочные вести с фронта. Важная информация была, но надо было знать, где ее найти: она скрывалась под официальными сообщениями о победах ВВС Великобритании, отчетами о формировании французских войск для мощного контрнаступления, опровержениями немецких официальных сообщений и прогнозами разгрома врага, подобными этому: «НЕМЕЦКИЕ МОТОРИЗОВАН-

---

¹⁹³ Dilks, *Diaries*, 290; ChP 80/11.

¹⁹⁴ Dilks, *Diaries*, 291.

¹⁹⁵ WSC 2, 99.

¹⁹⁶ Thompson, 1940, 137–38.

НЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ, ВТОРГШИЕСЯ ВО ФРАНЦИЮ, НА ГРАНИ УНИЧТОЖЕНИЯ». Но 22 мая британцам вдруг объявили, что нацисты в Абвиле и движутся к портам на Ла-Манше. В течение следующей недели газеты были полны противоречивой информацией о боях во Фландрии. Наконец 30 мая британцам сообщили: «СОЮЗНИКИ ПЫТАЮТСЯ С БОЕМ ПРОБИТЬ СЕБЕ ДОРОГУ К ФРАНЦУЗСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ В НАПРАВЛЕНИИ ДЮНКЕРКА». Гарольд Николсон написал Вите Сэквилл-Уэст¹⁹⁷: «О, моя дорогая, моя дражайшая, мы должны были к этому прийти!»

Жена Стэнли Болдуина через Times обратилась к церкви с просьбой установить на церк-вах Крест святого Георгия»¹⁹⁸ в знак того, что Англия сражается за Христианство против зла.

«Я буду каждый день испытывать прилив сил, глядя в окно и видя на башне нашей приходской церкви днем и ночью Красный крест Св. Георгия», – написала она. В том, что леди Болдуин была благочестива, не было ничего удивительного. Но на некоторых кризис в войне сказался самым невероятным образом. Бертран Рассел написал Кингсли Мартину, что отрекся от пацифизма и, если бы был достаточно молод для того, чтобы воевать, добровольно поступил на военную службу. В тот ужасный вторник, когда король Бельгии капитулировал, Джордж Оруэлл написал в дневнике: «Как это отвратительно. Я надеюсь, что британский экспедиционный корпус разгромит войска, а не капитулирует»¹⁹⁹.

Горт, отказавшись от участия 5-й дивизии в неосуществимой южной авантюре и закрыв ею брешь, оставленную бельгийцами, испытал всю ярость нацистской атаки. 85-тысячный немецкий авангард при поддержке резервистов и отремонтированных танков обрушился на знаменитые полки: 3-й гренадерский, 2-й Северо-Стаффордширский, 2-й шервудских лесников, Королевский иннискиллингский фузилерный, Королевский шотландский фузилерный, 6-й сифортских хайлендеров и легкой пехоты герцога Корнуоллского. Они держались до подхода 42-й и 50-й дивизий. Во время вывода войск между Варнетомом и Ипром шел ожесточенный бой, который привел к тяжелейшим потерям.

Величайшая жертва была принесена гарнизоном Кале: 229-я противотанковая батарея, батальон Королевского стрелкового полка, батальон стрелковой бригады, стрелковый полк Королевы Виктории, батальон Королевского танкового полка и тысячи храбрых французских солдат. Британские эсминцы отошли на небольшое расстояние от Кале, готовясь заняться спасением солдат. Но Черчилль решил, что «за Кале надо драться до последней капли крови и что нельзя разрешить эвакуацию гарнизона морем», иначе, написал Айронсайд, «будет невозможно использовать Дюнкерк для эвакуации британского экспедиционного корпуса и 1-й французской армии», поскольку немецкие дивизии, выйдя на побережье, отрезали им отход к морю. Исмей назвал решение, принятое вечером 26 мая, «жестоким». Премьер-министр принял это решение в присутствии Айронсайда, Исмея и Идена²⁰⁰.

Иден телеграфировал приказ премьер-министра бригадному генералу К.Н. Николсону, который заканчивался словами: «Взоры всей империи устремились на защитников Кале, и правительство Его Величества уверено, что Вы и Ваш доблестный полк совершите подвиг, достойный англичан». Незадолго до полуночи он отправил еще одну телеграмму: «Каждый час Вашей борьбы – величайшая помощь британскому экспедиционному корпусу... Восторгаемся Вашей блестящей обороной». За обедом Черчилль был непривычно молчалив. Позже он написал: «Во

¹⁹⁷ Сэквилл-Уэст Виктория – английская писательница, аристократка, журналистка, известный ландшафтный архитектор. Была замужем за Гарольдом Николсоном. Обладательница почетной степени доктора словесности, мировой судья. Единственный писатель, получавший британскую литературную Готорнденскую премию дважды. В 1948 году была награждена орденом Кавалеров почета за заслуги в литературе. Созданный ею вместе с мужем сад замка Сиссингхерст является одним из признанных шедевров садового искусства Англии.

¹⁹⁸ Национальный флаг Англии представляет собой белое полотнище с красным прямым Крестом святого Георгия, который считается небесным покровителем англичан.

¹⁹⁹ NYT, 5/30/40; TWY, 91; Thompson, 1940, 133—34, 139.

²⁰⁰ Ellis, *France and Flanders*, 368.

время войны надо есть и пить, но я не мог избавиться от тошноты, когда мы позже молча ели, сидя за столом»²⁰¹.

Теперь отрезанные на севере 200 тысяч солдат британского экспедиционного корпуса и остатки 1-й французской армии двигались по узкому коридору к морю, сражаясь днем и отступая ночью. 1-й Колдстримский гвардейский полк удерживал фронт в течение тридцати часов до выхода из боя. 2-й Глостерширский и 4-й Королевский Суссекский полки охватили немецкую колонну с фланга. 2-й батальон Королевского Восточно-Кентского пехотного полка (Buffs) сбил наступательный темп противника. 4-й батальон Королевского полка горцев Кэмерона, хотя его численность сократилась до сорока человек, перешел в контрнаступление и отбросил немцев за канал Де-ла-Лавэ. Батальон валлийских стрелков отчаянно сражался за переправу через реку Лис. Растянувшиеся на 9 миль, от Ипра до Комина, 6-й шотландский пехотный батальон «Блэк Уотч» (Black Watch), 13-й/18-й Королевский гусарский (личный ее величества королевы Марии) полк, 2-й батальон Гренадерского гвардейского полка, 2-й Северо-Стаффордширский полк и 2-й полк шервудских лесников контратаковали, разжав немецкие тиски. 2-й батальон «Бафс», хотя и сильно поредевший, заблокировал прорыв вблизи Годаварсвельда.

Они, как все солдаты, сражались лучше, когда научились ненавидеть, и враг, с которым они столкнулись, дал им веские причины для ярости. После того как дивизия СС «Мертвая голова» (Totenkopf) захватила сто солдат Королевского Норфолкского полка, многие из которых были ранены, эсэсовцы выстроили их вдоль стены сарая и расстреляли из пулеметов, после чего тех, кто еще подавал признаки жизни, закололи штыками. Двоим томми удалось выжить – их не заметили под телами погибших товарищей; они доползли до своих и рассказали о случившемся. Алан Брук был глубоко потрясен. Во время Первой мировой войны он воевал с немцами, но эти были *нацистами*.

26 мая Брук сам едва не попал в плен. Он объезжал на машине командные пункты; его водитель, непрерывно сигналив, с трудом пробивал путь среди заполнявших дорогу беженцев; по обе стороны дороги стояли обитатели психиатрической больницы, которые, с застывшими на лицах глупыми улыбками, махали солдатам и беженцам. Приказы Бруку приходилось передавать по цепочке – связь была прервана, – и, поскольку ситуация изменилась, Монтгомери получил приказ совершить опасный ночной фланговый марш. Сразу после того, как машина Брука переехала по мосту через канал, мост взорвался. Затем вблизи Ипра при подходе тридцати шести бомбардировщиков люфтваффе он спешно выбрался из машины и лег на землю под стеной дома. И наконец, когда он решил пару часов вздремнуть в каменной хижине, его взрывом сбросило с кровати²⁰².

Существует тысяча причин, почему вывод войск на побережье не должен был закончиться успешно. Армия, безусловно, заплатила страшную цену – 68 710 жертв, приблизительно треть численного состава, – но большинство из тех, кто будет опять сражаться, были ранены. Большую часть успеха можно объяснить военными традициями Империи, которая дала Великобритании высокопрофессиональных офицеров и чрезвычайно дисциплинированных солдат, внуков киплингского «красного мундира» Малвейни. Сами названия этих полков и батальонов навевают воспоминания о былых победах, пехотинцах и кавалеристах, преданных королю и Отечеству; наследие имперских армий, маленький остров, данный британским солдатам для рождения, и весь мир – для смерти, полки, в одном из которых, 4-м гусарском, служил лейтенантом молодой симпатичный Уинстон Черчилль²⁰³.

---

²⁰¹ Ellis, *France and Flanders*, 162—69; Macleod, *Time Unguarded*; WSC 2, 82; Ismay, *Memoirs*, 133.

²⁰² Bryant, *Tide*, 101—2 passim.

²⁰³ Ellis, *France and Flanders*, 326.

За неделю до капитуляции Бельгии и почти после двух недель сокрушительных поражений на Европейском континенте Черчилль попросил Чемберлена изучить «проблемы, которые возникнут при необходимости отвода войск из Франции». В понедельник, 20 мая, штабные офицеры наметили приблизительный план отвода войск. Исходя из предположения, что Кале, Булонь и Дюнкерк будут доступны для проведения эвакуации, планировщики низкого ранга считали, что в день удастся эвакуировать 2 тысячи человек. Краткое упоминание об «опасности эвакуировать большие силы» сочли недостойным внимания; вероятность такой ситуации казалась весьма отдаленной. Но все изменилось менее чем за сутки. Во вторник утром первым вопросом повестки дня была «экстренная эвакуация огромных сил через Ла-Манш», и Черчилль высказал мнение, что «в качестве меры предосторожности морскому министерству следует собрать большое количество мелких судов, которые должны быть готовы к выходу в порты и бухты на французском побережье». Офицеры морской транспортной службы Англии от Гарвича до Уэймута получили приказ взять на учет все подходящие суда водоизмещением до тысячи тонн. Во всех английских гаванях была проведена полная проверка всех судов. Этот план эвакуации английских экспедиционных сил с континента в Англию получил кодовое название – операция «Динамо». Руководство операцией адмиралтейство возложило на адмирала Бертрама Рамсея. Немедленно были собраны тридцать шесть пассажирских судов, в основном паромы, ходившие через Ла-Манш. Штаб адмирала, в белых дуврских скалах, выходил на беспокойные воды Ла-Манша.

26 мая Лондон пребывал в отчаянии. В семь вечера адмиралтейство, по распоряжению Черчилля, отправило телеграмму: «Начать операцию «Динамо». 28 мая, когда эвакуация из Дюнкерка уже шла полным ходом почти двадцать четыре часа, Черчилль предупредил палату общин о том, что следует «готовиться к плохим, печальным известиям». Про себя он боялся, что «весь костяк, ядро, мозг британской армии» может «погибнуть на поле боя или попасть в позорный плен». Начальники имперского Генерального штаба информировали его о том, что, по их мнению, не удастся избежать полномасштабного наступления на Англию. Однако каждый из трех начальников штабов – армии, флота и Королевских военно-воздушных сил – анализировал имевшиеся в распоряжении данные по-своему²⁰⁴.

Дневник начальника имперского Генерального штаба отражал мрачное настроение Великобритании. 23 мая Айронсайд написал: «Не думаю, что мы можем особо рассчитывать на вывод британского экспедиционного корпуса». Два дня спустя он предположил, что «если не случится чудо, то в течение ближайших нескольких дней мы потеряем всех наших опытных солдат». Спустя еще два дня он записал в дневник: «С утра плохие новости... Я встретил Иствуда в нескольких шагах от военного министерства. Он приехал прошлой ночью и сказал, что положение очень тяжелое. Он считает, что не удастся спасти британский экспедиционный корпус». В тот же вечер Исмей написал: «Премьер-министр спросил меня, что я почувствую, если мне скажут, что удастся спасти в общей сложности 50 тысяч человек. Я не колеблясь ответил, что буду очень рад, и Черчилль не упрекнул меня в пессимизме». 30 мая, когда самолеты люфтваффе роились над побережьем у Дюнкерка, королю сказали, что будут счастливы спасти 17 тысяч человек. Айронсайд написал: «Минимальный шанс, что из этого что-то получится. Они потопили три судна в гавани Дюнкерка, так что едва ли удастся спасти хотя бы одно подразделение»²⁰⁵.

Восемь месяцев назад поляки утратили всякую надежду; французы утрачивали свои, но, за редким исключением, моральный дух англичан повышался. Они не собирались сдаваться, чему способствовал этот большой ров между ними и континентом. Днем 28 мая Черчилль

---

²⁰⁴ Ellis, *France and Flanders*, 182; Macleod, *Time Unguarded*, 340; WSHCS, 6225.

²⁰⁵ Macleod, *Time Unguarded*, 333ff.; Ismay, *Memoirs*, 134.

собрал кабинет – примерно двадцать министров – в своей комнате в парламенте, чтобы рассказать им все, что ему было известно о боевых действиях и что брошено на чашу весов. Затем он сказал: «Я много думал в последние дни о том, входит ли в мои обязанности рассмотрение вопроса о вступлении в переговоры с Этим Человеком²⁰⁶. И я убежден, что каждый из вас встанет со своего места и разорвет меня на части, если я предложу сдачу или переговоры. Если долгой истории нашего Острова суждено наконец окончиться, пусть она окончится тогда, когда последний из нас упадет на землю, захлебнувшись в своей крови».

К его удивлению, несколько человек вскочили со своих мест, подбежали к нему и стали хлопать его по спине. Позже он написал: «Я был уверен, что каждый министр готов скорее быть убитым и потерять всю свою семью и имущество, чем сдаться. В этом отношении они представляли палату общин и почти весь народ. В предстоявшие дни и месяцы на мою долю выпало выражать в соответствующих случаях их настроения. Я был в состоянии это делать потому, что таковы же были и мои настроения. Весь наш остров был охвачен грандиозным порывом».

Хью Далтон, длительное время оппонент Черчилля в палате общин, написал: «Уинстон был великолепен. Только он тот единственный человек, который может спасти нас в этот час»²⁰⁷.

В 1940 году Дюнкерк был древним портовым городом; многие здания, обращенные к берегу, датировались XVI веком. До войны десятимильный пляж Дюнкерка привлекал тысячи отдыхающих французов и англичан, но, когда изможденные, измученные, небритые солдаты лорда Горта отступили сюда в последние дни мая, самолеты люфтваффе превратили город и песчаные пляжи в руины. Дома опустели. Слышались только треск и шипение пожаров. Взорванные буи. Затонувшие суда заблокировали вход в гавань, которая, по всем морским канонам, больше не могла использоваться по назначению. Широкие пляжи находились под непрерывным огнем артиллерии Круппа, располагавшейся в Кале. Кроме того, томми не были защищены от атак пикирующих с пронзительным звуком «Штук» и «Мессершмиттов» Bf-109, которые использовали в качестве светового маяка вздымающийся столб дыма от горящих нефтяных цистерн у западного пирса, наполнявший воздух зловонием. Вот из этого котла Королевский флот, все имеющиеся в наличии торговые суда и британские яхтсмены на частных лодках надеялись спасти четверть миллиона измученных, обессиленных людей.

Но и это еще не все. Помимо затонувших судов и сильно пострадавших доков морякам пришлось столкнуться в гавани с другими проблемами. Из-за отлива суда не могли подойти к берегу ближе чем на полмили. В дневные часы ни одно судно не могло пройти к Дюнкерку напрямую по Дуврскому каналу; приходилось плыть много миль по глубокому каналу шириной 800 ярдов, идущему параллельно берегу. Пирсы и причалы гавани Дюнкерка серьезно пострадали во время бомбардировок, и пригодным для операции оставался лишь длинный восточный мол, к которому могли причаливать крупные корабли. Большинство молов каменные, но этот был деревянным, к тому же узким – по нему могли пройти трое в ряд. Причаливать к нему было трудно, а из-за прилива и отлива еще и опасно. Кроме того, при строительстве восточного мола явно не учитывалась возможность швартовки судов. Никто не знал, сможет ли он выдержать такое напряжение²⁰⁸.

К 26 мая в Дувре собрали армаду из 860 разнокалиберных судов. Из 160 британских эсминцев почти половина входила в состав флота метрополии, и только 41 мог быть использован для операции. К ним добавились яхты и все плавсредства, находившиеся в английских

---

²⁰⁶ «Этим Человеком» для Черчилля всегда был Гитлер. (Примеч. авт.)

²⁰⁷ WSC 2, 100; Hugh Dalton, *Memoirs 1931–1945: The Fateful Years* (London, 1957), 335–36.

²⁰⁸ WSC 2, 100; Hugh Dalton, *Memoirs 1931–1945: The Fateful Years* (London, 1957), 335–36.

водах. «Адмиралтейству требуются гражданские лица, имеющие опыт управления морскими двигателями внутреннего сгорания. А также владельцы яхт и катеров», – в мае 1940 года такие объявления звучали по радио по всей стране. Кроме того, французские, бельгийские и голландские шкиперы добровольно предоставили промысловые суда. 26 мая у причалов в Дувре стояли траулеры, речные баржи, шхуны, минные тральщики, пожарные катера, корветы, плавучие госпитали, рыбацкие лодки, моторные лодки, рыболовные суда, каботажные суда, спасательные шлюпки, буксиры, лондонский пожарный катер Massey Shaw, паромы Brighton Queen и Gracie Fields, суденышки, такие как Princess Maud и множество прогулочных яхт. Там была яхта Тома Сопвича Endeavour, принимавшая участие в регате Кубок Америки, и он сам стоял за рулем. Там был катер Count Dracula, яхта Sundowner, которой управлял Чарльз Герберт Лайтоллер, офицер, выживший в кораблекрушении «Титаника», и речная канонерская лодка Mosquito. Граф Крейвен вышел в море в качестве инженера. Достопочтенный Лайонел Ламберт вооружил яхту и отправился на ней поваром. И капитан сэр Ричард Пим, который руководил легендарной комнатой с картами, командовал скутом (голландское парусное судно). «Где Пим?» – спросил Черчилль, оглядываясь по сторонам, и, когда ему объяснили, у него поднялось настроение²⁰⁹.

Вот только спортсменам-любителям пересекать Ла-Манш, 40 миль шириной в этом месте, было очень непросто. Море было беспокойным, в начале войны плавучие маяки и бакены выкрасили в черный цвет, и немцы минировали эти воды. Расчистили три узких фарватера; суда, которые отклонялись с курса, а с некоторыми это случилось, затонули. Стоя на некотором расстоянии от французского побережья, ожидая очереди зайти на погрузку, рулевые предпринимали отчаянные усилия, чтобы не попасть в зону действия немецких самолетов, которые, казалось, были повсюду. Наконец, когда им удавалось подойти к берегу, они видели длинные змеящиеся по пляжу очереди томми. После заката экипажам плавсредств, лавирующим между затонувшими судами при подходе к Дюнкерку, казалось, что над пляжем роятся светлячки. Это были огоньки сигарет солдат, ждавших возвращения домой. Некоторые солдаты часами стояли по пояс в воде, молясь о спасении.

В течение первого дня эвакуации – понедельник, 27 мая – маленькие суда сновали взад и вперед, забирая столько человек, сколько могли взять на борт, чтобы затем пересадить их на эсминцы и паромы, стоявшие на некотором расстоянии от берега; и так в течение девяти дней. В первый день удалось эвакуировать всего 8 тысяч человек. Понятно, что маленькие суда не могли решить проблему в полном объеме. Владелец пляжа предложил использовать для швартовки восточный мол, предварительно проверив его на прочность. Мол выдержал испытание. Это, конечно, было не лучшее место для швартовки. Во время отлива солдатам приходилось запрыгивать на палубу, а при сильном ветре, когда волны бились о сваи, на воде появлялись воронки, и расстояние между судном и молом увеличивалось, каждый прыжок на палубу был сопряжен с риском. Некоторым не повезло, и они утонули. Немцы нанесли удар за ударом по молу. Как-то утром летевший на малой высоте бомбардировщик сбросил бомбу на мол. Судовые плотники заделали дыру. Другая бомба пробила корпус колесного парохода Fenella, и он сразу пошел на дно, захватив с собой 600 человек, находившихся на борту. Тем не менее мол сделал все, что от него требовалось²¹⁰.

Как и мелкие суда. Они часто садились на мель, и солдаты, столкнув их с мели, запрыгивали на борт. У некоторых владельцев судов были разборные лодки; солдаты пытались плыть в них, используя в качестве весел приклады винтовок, но их ждала неудача. Из грузовых машин, обломков судов и плавника соорудили импровизированные пирсы. Капитан минного тральщика, задрав как можно выше нос своего судна, ткнулся носом в берег и бросил два якоря.

---

²⁰⁹ WSC 2, 101.

²¹⁰

Приблизительно 3 тысячи человек использовали это судно в качестве моста для перехода с берега на суда, стоявшие на небольшом расстоянии от берега. Самолеты люфтваффе находили все новые и новые жертвы, и горящие суда освещали гавань от заката до рассвета. Один эсминец был подбит у мола. Он загорелся и дрейфовал, блокируя вход в гавань, пока тральщик не оттащил его в сторону²¹¹.

На суше некоторое беспокойство вызывали французские солдаты. На переднем крае круговой обороны солдаты сражались великолепно, но незанятые пуалю превратились в проблему. 29 мая Брук написал в дневнике: «Теперь французская армия – сброд, полное отсутствие дисциплины. Солдаты хмурые и неприветливые, отказываются освобождать дорогу и каждый раз паникуют, когда появляются немецкие самолеты». Это, как он считал, было причиной того, что эвакуация проходила слишком медленно. А второй причиной – недостаточное количество мелких судов. Он попросил Горта надавить на адмиралтейство. Вместо этого Горт направил к премьер-министру лорда Манстера, своего адъютанта, и младшего офицера Джона Черчилля, племянника премьер-министра. В тот же вечер молодой Черчилль прибыл в Адмиралтейский дом «насквозь промокший», как он позже вспоминал, «и в полном боевом облачении». Уинстон и Клементина, оба в халатах, были ему страшно рады. «Джонни! – с восторгом воскликнул дядя. – Ты, я вижу, приехал к нам прямо с поля боя!»²¹².

«Почему ты такой мокрый? Ты что, прямиком из моря?» – спросил племянника Черчилль. Джонни объяснил, почему он приехал, и сказал, что немедленно возвращается обратно. Лорду Манстеру Черчилль уделил меньше внимания, хотя и согласился надавить на адмиралтейство. Все, говоря об этих событиях, вспоминали не выступление Черчилля, а его страстную увлеченность батальями. «Мы чувствовали, – вспоминал генерал сэр Йен Джейкоб, – что ему хотелось самому сражаться на пляжах»²¹³.

В течение десятидневной операции в Дюнкерке было потоплено 6 эсминцев, а 26 получили повреждения. Затонули еще 112 судов, в их числе *Mosquito* и *Gracie Fields*, которое затонуло с 300 тоннами на пути домой. Судам, следовавшим к Дувру, временами приходилось лавировать между плавающими на поверхности воды трупами солдат. До 26 мая удалось эвакуировать приблизительно 28 тысяч человек, а 2 июня мощные атаки с воздуха привели к приостановке эвакуации в дневное время. Однако погода благоприятствовала проведению операции, и теперь они должны были довести ее до победного конца. Операция «Динамо», задуманная в минуту отчаяния, со слабой надеждой на спасение хотя бы части армии, удивила мир.

28 мая эвакуировали всего 17 800 человек. «Весь этот день, 28-го, – позже написал Черчилль, – спасение британской армии висело на волоске». Однако 29 мая эвакуировали уже 47 310 человек; 30 мая – 53 823; 31 мая – 68 014; 1 июня – 64 429; 2 июня – 26 256. Предполагалось, что на этом операция закончится, но адмирал Рамсей предпринял последнюю рискованную попытку эвакуировать доблестный французский арьергард и вернулся с 26 175 пуалю. В целом в ходе операции «Динамо» удалось спасти 338 226 солдат союзников, из них 112 тысяч французов, хотя большая часть французов рискнула отправиться домой.

Они, по выражению Черчилля, «оставили свой багаж» на французском берегу: 2540 артиллерийских орудий, 90 тысяч винтовок, 11 тысяч пулеметов, около 700 танков, 6400 противотанковых ружей, 20 тысяч мотоциклов, 45 тысяч грузовиков и других транспортных средств и огромное количество боеприпасов²¹⁴.

Но самым замечательным было то, что солдаты вернулись домой. Народ узнал о героических действиях арьергарда. «Теперь, – объяснила читателям Молли Пэнтер-Доунес 2 июня

²¹¹ Thompson, 1940, 133–36.

²¹² Alex Danchev and Daniel Todman, eds., *Field Marshal Lord Alanbrooke: War Diaries 1939–1945* (Berkeley, 2003), 72.

²¹³ WSC 2, 428; War Office papers 106/1708; John Spencer Churchill, *Crowded Canvas* (London, 1961), 162–63; WM/Sir Ian Jacob, 11/12/80; Jacob, «Finest», 3/65.

²¹⁴ Macleod, *Time Unguarded*, 354; Harold Macmillan, *The Blast of War: 1939–1945* (New York, 1967), 81.

в *The New Yorker*, – стало известно, что первый, обогранный войной, измученный контингент достиг британских берегов, и потрясающими были облегчение и воодушевление». Черчиллю не особенно нравился *The New Yorker*, который он в насмешку называл *The New Porker* (у него для всего были прозвища), но Пэнтер-Доунес рассказала о героизме английских солдат. И он не мог этого не отметить²¹⁵.

Однако в целом события были равносильны катастрофе. 4 июня Черчилль выступил в палате общин с сообщением о Дюнкерке. «Войны не выигрываются эвакуациями, – сказал премьер-министр, – то, что произошло во Франции и Бельгии, – колоссальное военное бедствие». Однако, сказал он, Дюнкерк – «чудо избавления, достигнутое доблестью, упорством, блестящей дисциплиной, безупречной службой, находчивостью, мастерством, непобедимой преданностью». Мы докажем, сказал он, что «способны защитить наш Родной остров, перенесем бурю войны, и переживем угрозу тирании, если потребуется – в течение многих лет, и если потребуется – одни».

«Даже если огромные просторы Европы, многие древние и прославленные государства пали или могут попасть в тиски гестапо и других гнусных машин нацистского управления, мы не сдадимся и не проиграем. Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся и даже, если так случится, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать с голоду, тогда наша империя за морем, вооруженная и под охраной британского флота, будет продолжать сражение, до тех пор пока, в благословенное Богом время, Новый мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение старого»²¹⁶.

Джок Колвилл написал в дневнике: «Пришел в палату, чтобы послушать речь премьер-министра об эвакуации Дюнкерка. Великолепная речь, которая, очевидно, взволновала палату». На следующий день *News Chronicle* сообщила, что его выступление отличалось «непревзойденным красноречием, бескомпромиссной прямоотой и неукротимой отвагой». Гарольд Николсон написал жене, Вите Сэквилл-Уэст: «Днем Уинстон произнес самую блестящую речь, которую я когда-либо слышал». Она написала в ответ: «Жалко, что я не присутствовала, когда Уинстон произнес эту великолепную речь. Даже в пересказе диктора у меня бежали мурашки по коже (не от страха). Я думаю, одна из причин, почему каждого взволновали его обороты в стиле Елизаветинской эпохи, в том, что каждый ощутил мощную поддержку власти; и это были не пустые слова». Вечером в радиорепортаже из Лондона Эдвард Р. Марроу, американский журналист, сказал: «Он говорил на языке Шекспира с настойчивостью, какой я никогда не слышал в этой палате». Позже историк Брайан Гарднер написал, что это выступление «наэлектризовало не только его страну, но весь мир. Этой речью Черчилль завоевал полное доверие британского народа, которого прежде не имел. Независимо от того, что должно произойти, Черчиллю обеспечено место в жизни страны, он больше никогда не окажется не у дел»²¹⁷.

Кроме того, в своей речи Черчилль бросил вызов Гитлеру: «Когда Наполеон расположился у Булони на год со своими плоскодонками и своей Великой армией, ему сказали: «Много трудностей нас ждет в Англии». И их будет, несомненно, гораздо больше, поскольку вернулись британские экспедиционные силы»²¹⁸.

---

²¹⁵ Panter-Downes, *War Notes*, 63–66.

²¹⁶ WSHCS, 6230.

²¹⁷ Colville, *Fringes*, 147–48; *News Chronicle* 6/5/40; TWY, 93; Gardner, *Churchill in Power*, 55.

²¹⁸ WSHCS, 6228.

Никто не испытывал такого сильного чувства горечи, как Черчилль.

Выступление Черчилля встревожило французского посла Шарля Корбена. Он позвонил в министерство иностранных дел, чтобы спросить, что премьер-министр имел в виду заявив, что Великобритания, если потребуется, будет сражаться в одиночку. Ему ответили, что он имел в виду, «именно то, что сказал». Это, сказали сотрудники Корбена корреспондентам, «точно не вдохновит французов сражаться несмотря ни на что»²¹⁹.

Французы пришли в сильное волнение. Как им виделось, британская армия сбежала, оставив их на милость врага. Эвакуация, конечно, была бы не нужна, если бы стратегия французов не была столь безнадежно неправильной и если бы Вейган не был лжецом. Кроме того, первоначальная цель операции, как отмечали Горт, Черчилль и Айронсайд, состояла в том, чтобы освободить британские экспедиционные силы, а затем высадить их на юге для воссоединения с союзниками. Потеря техники, оружия, боеприпасов означала необходимость перевооружения, после чего Черчилль собирался отправить войска обратно, и Рейно, Вейган и Верховное командование Франции знали об этом. Но Черчилль знал о тревоге на континенте. 30 мая он решил вылететь в Париж на заседание Conseil Supérieur de la Guerre – Высшего военного совета. Он взял с собой Клемента Эттли, Мопса Исмея и сэра Джона Дилла, недавно назначенного начальника имперского Генерального штаба. Спирс встречал их в аэропорту Виллакубле²²⁰.

Полет над Францией стал опаснее по сравнению с последним полетом Черчилля. К северу от Парижа небо буквально кишело нацистскими самолетами, и, хотя «Фламинго» сопровождали девять «Спитфайров», пилот изменил маршрут, и они прилетели позже намеченного. Спирс увидел выходящего из самолета Черчилля, который явно находился «в отличной форме. Опасность неизменно действовала на него как тонизирующее и стимулирующее средство»²²¹.

31 мая в 14:00 в военном министерстве, расположенном на улице Сан-Доминик, в большом зале первого этажа, выходящем окнами в сад, за большим овальным столом, покрытым зеленым сукном, собрались участники заседания. По одну сторону стола сидели гости, напротив – хозяева: Рейно, адмирал Жан Дарлан, Поль Бодуэн, протеже любовницы Рейно и сторонник капитулянта Петена, Вейган, в военной форме, и, наконец, впервые присутствовавший на военном совете с британцами, восьмидесятичетырехлетний маршал Анри-Филипп Петен, в штатском.

Рейно назначил Петена своим заместителем, надеясь повысить доверие народа к правительству. Во Франции старого маршала считали героем последней войны, национальным героем и Верденским победителем (le vainqueur de Verdun). У британцев было другое мнение. В 1917 году он подавил мятеж во французской армии, пообещав солдатам, что основная тяжесть будущей борьбы ляжет на плечи британцев и американцев. Кроме того, он был ярым англофобом, не признававшим демократию. Ответственность за нынешнее тяжелое положение Франции, по его мнению, лежала на левистах Народного фронта 1935 года²²².

«Сейчас, – подумал Исмей, – Петен выглядит старым, скучным капитулянтом»²²³.

Черчилль предложил рассмотреть три вопроса: положение сил союзников в Норвегии, борьбу во Фландрии и вероятность того, что Муссолини скоро вступит в войну на стороне Гитлера. Но сначала он решил сообщить французам хорошие новости. Дюнкеркская эвакуация превзошла все ожидания: вывезено 165 тысяч человек, в том числе 10 тысяч раненых. Вейган

²¹⁹ George Bilainkin, *Diary of a Diplomatic Correspondent* (London, 1942), 102.

²²⁰ Chief sources for the last three meetings of the council (Paris, Briare, Tours): Spears, *Assignment*; de Gaulle, *War Memoirs*; Ismay, *Memoirs*; S. Petrie et al., *The Private Diaries of Paul Baudouin* (London, 1948).

²²¹ Spears, *Assignment*, 1:293–94.

²²² Первый народный фронт, объединивший все левосторонние партии, был образован во Франции в 1935 году.

²²³ Ismay, *Memoirs*, 134.

резко перебил Черчилля, спросив с ноткой агрессии в голосе: «А сколько французов? Или французов оставили?»²²⁴

Англичане ожидали, что сейчас последует вспышка. Все признаки были налицо: Черчилль побледнел, забарабанил пальцами по столу и выпятил нижнюю губу. Он явно был рассержен, и совершенно обоснованно. Вейган узнал об операции «Динамо» шесть дней назад, но забыл сообщить своему командующему на севере и не издал распоряжений относительно участия французов в эвакуации. Это, безусловно, была одна из причин, заставивших премьер-министра прилететь в Париж. Но Черчилль справился с собой, придал лицу грустное выражение и спокойно сказал: «Мы товарищи по несчастью. Это наша общая беда, и мы ничего не выиграем от взаимных обвинений»²²⁵.

Бодуэн написал, что «в его глазах стояли слезы», поскольку его, очевидно, волновали «общие страдания Англии и Франции». Спирс почувствовал, как «напряжение спало». Они возобновили обсуждение повестки дня и пришли к общему мнению относительно необходимости вывода войск из Норвегии для усиления союзнических армий во Франции. Затронули вопрос укрепления Бретонского редута, куда бы они могли отступить в случае падения Франции. Затем разговор перешел на Италию. Если Муссолини вступит в войну, сказал Черчилль, «нам нужно будет немедленно ударить по Италии самым действенным образом». В этот момент французский переводчик, неправильно понявший премьер-министра, сказал, что в Дюнкерке первыми будут эвакуироваться британские солдаты, а французские уже за ними. Черчилль прервал его и, замахав руками, проревел на своем невообразимом французском: «Non! Partage bras dessus, bras dessous», – «Нет! Вместе, рука об руку»²²⁶.

Французы хотели, чтобы Великобритания предоставила больше эскадрилий истребителей. Черчилль напомнил, что правительство его величества уже прислало десять дополнительных эскадрилий, которые были необходимы для защиты Великобритании. Если они лишатся остальных, то люфтваффе смогут безнаказанно наносить удары по «самым важным объектам, заводам, которые выпускают новые самолеты». Мы не можем идти на дополнительные риски, объяснил Черчилль.

Но больше всего его волновал упадок морального духа всех французов, солдат, гражданских лиц и, за исключением Рейно, членов правительства. Он, конечно, мог этого не говорить, но хотел, чтобы они знали, что Англия намерена сокрушить нацистскую Германию любой ценой. «Я абсолютно убежден, что для достижения победы нам нужно лишь продолжать сражаться. Если даже один из нас будет побит, то другой не должен отказываться от борьбы. Английское правительство готово вести войну из Нового Света, если в результате какой-либо катастрофы Англия подвергнется опустошению. Если Германия победит одного из союзников или обоих, она станет беспощадной, нас низведут до положения вечных вассалов и рабов. Будет гораздо лучше, если цивилизация Западной Европы со всеми ее достижениями испытает свой трагический, но блестящий конец, нежели допустить, чтобы две великие демократии медленно умирали, лишённые всего того, что делает жизнь достойной»²²⁷.

Эттли подтвердил каждое слово, сказанное премьер-министром, добавив: «Каждому англичанину понятно, что основы цивилизации, общей для Франции и Великобритании, под угрозой. Немцы убивают не только людей, но и мысли». Рейно был доволен; он придерживался того же курса со своими министрами. Однако они разошлись во мнениях. Спирс считал, что пылкая речь Черчилля произвела положительное впечатление на Бодуэна. Отнюдь нет; в дневнике Бодуэн написал, что был «глубоко обеспокоен» клятвой Черчилля и спросил: «Полагает

---

²²⁴ Spears, *Assignment*, 1:295.

²²⁵ Spears, *Assignment*, 1:295.

²²⁶ Spears, *Assignment*, 1:295; Petrie, *Diaries*, 53–54.

²²⁷ Spears, *Assignment*, 1:314–15.

ли он, что Франция должна продолжать борьбу, чего бы это ни стоило, даже если она будет бесполезной?»

Черчилль, улыбаясь, ответил: «Повестка дня исчерпана!»

Но он еще не все прояснил для себя. Когда все встали из-за стола, некоторые из участников продолжили обсуждать какие-то вопросы, а Черчилль, в сопровождении Спирса, подошел к Петену. Старик не проронил ни слова. Его мнение имело большое значение для французов, и «от позиции маршала Петена, отчужденной и мрачной» у премьер-министра «осталось впечатление, что он пойдет на сепаратный мир». Один из французов сказал, что, если события будут развиваться так, как они развиваются сейчас, то Франции, возможно, придется пересмотреть свою внешнюю политику, включая связи с Великобританией, и «изменить свою позицию». Петен кивнул. Спирс на прекрасном французском языке сказал им, что это приведет в британской блокаде французских портов. Затем, глядя в глаза Петену, Черчилль сказал: «Это будет означать не только блокаду, но и бомбардировку всех французских портов, находящихся в руках немцев». Позже Черчилль написал, что «был доволен, что сказал это. Я спел свою привычную песню о том, что мы будем сражаться, что бы ни случилось»²²⁸.

Никто не упомянул о заключенном девятью неделями раньше соглашении, в котором английское и французское правительства торжественно поклялись в том, что «в течение нынешней войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора без взаимного согласия». В марте, при подписании обещаний, силы противостоящих армий были примерно равными, но к 31 мая, когда союзники встретились в Париже, у нацистов был огромный перевес в силе. Немцы захватили в плен почти 500 тысяч ценой 60-тысячных потерь. Необъяснимо, но факт, что Вейган не отдал приказ о переброске 17 дивизий, оставленных на линии Мажино, и в результате в скором времени дождался сильнейшего удара. Немцы перешли в наступление силами 130 пехотных и 10 танковых дивизий – почти 3 тысячи танков.

5 июня немцы двинулись с рубежа Соммы. Французы, отчаянно сражаясь, удерживали свои позиции в течение двух дней, но 7 июня 7-я танковая дивизия Роммеля прорвалась к Руану и в воскресенье, 9 июня, вышла к Сене. В тот же день был взят Дьеп и Компьен. Затем танки двинулись в направлении Шалон-сюр-Марн перед тем, как повернуть на восток к швейцарской границе, чтобы отрезать огромный гарнизон линии Мажино. Танки Роммеля продвинулись так далеко и так быстро, что англичане назвали 7-ю танковую дивизию Роммеля «дивизией-призраком». Никто, включая немецкое Верховное командование, не знал, где она находится, пока она не появлялась там, где ее меньше всего ждали²²⁹.

В понедельник, 10 июня, Италия объявила войну Великобритании и Франции. Франклин Рузвельт в своем выступлении по радио произнес язвительные слова в адрес Италии: «Рука, державшая кинжал, вонзила его в спину своего соседа». Черчилль просто буркнул: «Людам, которые отправляются в Италию посмотреть на руины, в будущем не понадобится ехать в Неаполь и Помпеи». Он приказал собрать в одном месте всех итальянцев мужского пола и интернировать. Через несколько часов после того, как Муссолини объявил войну, толпа разбила окна в итальянских заведениях в Сохо, но, в отличие от Рима, здесь не организовывали демонстраций против нового врага. У Муссолини был маленький кинжал. Французы почти сразу отбросили отвратительно экипированную, плохо управляемую армию дуче. Черчилль телеграфировал Рузвельту: «Если мы потерпим поражение, у Гитлера есть отличный шанс завоевать мир». В этом случае Муссолини, независимо от размеров его кинжала, получал свою долю²³⁰.

Ночью, когда немецкие армии двигались к французской столице, премьер-министр решил полететь в Париж, надеясь убедить французов в необходимости защитить свой город.

---

²²⁸ Spears, *Assignment*, 1:316, 2:113.

²²⁹

²³⁰ Panter-Downes, *War Notes*, 68; Colville, *Fringes*, 151—53.

Затем пришло сообщение, что правительство покинуло Париж. «Вот черт возьми», – вышел он из себя, но тут пришла телеграмма, в которой сообщалось, что союзники могут встретиться в Бриаре, на Луаре, в 80 милях к югу от Парижа. Утром во вторник, 11 июня, Черчилль с Исмеем, Иденом и Спирсом вылетели в Бриар в сопровождении двенадцати «Хоукер-Харрикейнов»²³¹.

Черчилль хотел пролететь над полями сражений, но пилот объяснил, что это невозможно по той причине, что он обязан следовать приказам министерства ВВС.

На летном поле аэродрома Бриара не было ни души. Черчилль, весь в черном, облокотившись на палку, с сияющей улыбкой смотрел вокруг с таким видом, словно эта взлетно-посадочная полоса была тем местом, которое он всю жизнь искал и наконец нашел. Подъехали несколько машин, за рулем первой был мрачный полковник, «с таким выражением лица, – написал Спирс, – словно встретил бедных родственников во время траурной церемонии». Атмосфера в замке из красного кирпича, Шато дю Мюге, была столь же неприятной. Спирс почувствовал, что «наше присутствие было не слишком желанным».

Их ввели в большой обеденный зал. Французы – за исключением заместителя министра национальной обороны Шарля де Голля, которого Рейно сделал генералом, – сидели за столом склонив голову, словно заключенные, ждущие приговора. Петен, по словам Исмея, казался «более удрученным, чем когда-либо», а Вейган, похоже, «отказался от всякой надежды»²³².

Черчилль попытался ободрить французов, сообщив, что во Франции этой ночью высадится канадская дивизия, вдобавок к трем уже имеющимся британским дивизиям, а через девять дней прибудет еще одна дивизия. Но его усилия не увенчались успехом. Вейган сказал, что армия находится в безнадежном положении. Союзники потеряли тридцать пять дивизий – более полумиллиона солдат. «Ничто не может помешать врагу войти в Париж, – сказал Вейган. – Французские армии измотаны. Линия фронта прорвана во многих местах. Я бессилён. У меня нет резервов. Армия разлагается». Он зашел слишком далеко, заявив, что нет никакого смысла в дальнейших боевых действиях. Иден отметил, что Рейно резко возразил: «Это политическое дело, господин генерал». Вейган, кивнув, ответил: «Безусловно», но затем опять поразил, обвинив «тех» – французских политиков, «которые вступили в войну, не имея понятия о силе нацистов»²³³.

Черчилль не мог или не хотел поверить в отчаянное положение Франции. Вначале, после каждого слова *generalissime*, он ниже склонялся над столом, и его лицо стало багровым, но затем он отвел взгляд и молча уставился в потолок, не обращая внимания на Вейгана, но несколько раз бросил насмешливый взгляд на де Голля. Затем он попросил вызвать генерала Жоржа, своего старого друга. Жорж прибыл и подтвердил все сказанное Вейганом. Он сообщил, что сейчас враг находится всего в 60 милях. Премьер-министр, хотя и заметно потрясенный, попытался поднять боевой дух французов. Он подыскивал слова, находил их и говорил горячо и проникновенно. Ему хочется, сказал он, выразить восхищение храбростью, проявленной французами при оказании сопротивления, и сообщить, что Британия глубоко сожалеет о том, что ее вклад в борьбу оказался таким незначительным. «Каждый англичанин, – сказал

---

²³¹ «Хоукер-Харрикейн» (Hawker Hurricane) – британский одноместный истребитель времен Второй мировой войны, разработанный фирмой Hawker Aircraft Ltd. в 1934 году. Всего построено 14 533 самолета. 30 августа 1941 года Уинстон Черчилль предложил Сталину в рамках программы военной помощи поставить 200 истребителей типа «Харрикейн». Первые «Харрикейны» попали в СССР не совсем обычным путем. 28 августа 1941 года на аэродром Ваенга под Мурманском приземлились 24 «Харрикейна», взлетевшие с палубы авианосца HMS Argus. Вскоре к ним добавились еще 15 самолетов, доставленных и собранных в Архангельске английскими специалистами. В состав британской группы входили две эскадрильи. Задачей британских летчиков была помощь в освоении советскими летчиками новой техники. Однако вскоре они включились в боевую работу, занимаясь вместе с советскими летчиками патрулированием воздушного пространства, прикрытием конвоев и портов, куда прибывала западная помощь.

²³² Spears, *Assignment*, 2:138–39; Ismay, *Memoirs*, 139.

²³³ Spears, *Assignment*, 2:141–44; Eden, *Reckoning*, 133. The French minutes of the Briare meeting are given textually in Paul Reynaud, *Au Coeur de la mêlée, 1939–1945* (Paris, 1951), 823–24.

он, – глубоко опечален тем, что в этот тяжелый момент Франции не может быть предоставлена дальнейшая военная помощь». Если бы британский экспедиционный корпус не оставил все в Дюнкерке, то сейчас девять дивизий англичан сражались бы рядом с французскими солдатами. Англия уже отправляла все, что имела, оставив свой остров фактически беззащитным. Затем он напомнил французам о событиях 1918 года, когда союзники были так близки к поражению, и сказал, что, возможно, это соответствует сегодняшней ситуации; во всех сообщениях разведывательных служб говорится, что немцы выдохлись, исчерпали все возможности. Все может измениться в течение сорока восьми часов. Вейган прервал его, сказав, что у них нет столько времени, есть всего «несколько последних минут»²³⁴.

Черчилль не успокоился. Он хотел вселить во французов непоколебимость британцев. Его слова, написал Спирс, «извергались потоком, французские и английские фразы мчались друг за другом, словно волны, обрушивающиеся на берег во время шторма. Независимо от того, что произойдет, сказал Черчилль, Англия будет сражаться – дальше и дальше и дальше, toujours (всегда), все время, везде, partout, pas de grace (везде, без пощады), не проявляя милосердия. Puis la victoire! (Затем победа!) Он оказал французам максимальную помощь, включая войска из доминионов и колоний. Он хотел, чтобы армия Вейгана защищала Париж, подчеркнув, какой огромной способностью изматывать силы вторгающейся армии обладает оборона большого города. Он предположил, что французское правительство организует сопротивление с территорий французских колоний, продолжая войну на море с помощью французского флота, а во Франции – с помощью партизан»²³⁵.

Французы недружелюбно отнеслись к его словам, Вейган – с презрением, а Петен, который сначала сидел молча, с недоверчивой улыбкой, разозлился. Старый *marechal* отмахнулся от заявления премьер-министра, что британцы будут сражаться в одиночку, посчитав его абсурдным. «Поскольку Франция не может продолжать войну, здравый смысл диктует Англии стремиться к миру, она, конечно, не сможет сражаться в одиночку». Превращение Парижа в «развалины», сказал он, не решит проблему. Что касается партизан, то, по его мнению, «это привело бы к уничтожению страны»²³⁶.

Требование французов бросить в бой, идущий во Франции, все самолеты ВВС Великобритании вызвало самые длительные дебаты. Петен, Вейган, Жорж и Рейно пришли к единодушному мнению, что британские самолеты – их последняя надежда и что только они в состоянии заставить немцев отступить. Если им будет отказано в этой просьбе, заявил Рейно, «история, безусловно, подтвердит, что битва за Францию была проиграна из-за недостатка самолетов». «Здесь, – сказал Вейган, – поворотный пункт. Сейчас – решающий момент. Британцы не должны удерживать ни одного истребителя в Англии. Все истребители следует отправить во Францию». Исмей, Иден и Спирс затаили дыхание. Маршал авиации Даудинг, глава истребительного командования Королевских ВВС, предупредил премьер-министра и военное правительство, что, если еще хоть одна эскадрилья будет направлена во Францию, он не сможет гарантировать защиту Англии, и они боялись, что великодушные премьер-министра, его любовь к Франции, его импульсивность и врожденный оптимизм побудят его взять на себя пагубное для Великобритании обязательство²³⁷. Но Черчилль не сделал этого. Согласно Исмею, выдержав продолжительную паузу, он очень медленно, тщательно подбирая слова, заговорил: «Это не поворотный пункт и не решающий момент. Решающий момент наступит, когда Гитлер бросит свою авиацию на Великобританию. Если мы сможем сохранить господство в воздухе над

---

²³⁴ Spears, *Assignment*, 2:145–47; Eden, *Reckoning*, 115.

²³⁵ Spears, *Assignment*, 2:149ff.

²³⁶ Reynaud, *Au Coeur*.

²³⁷ Ismay, *Memoirs*, 140.

нашим островом – это все, о чем я прошу, – мы вам все вернем. Если Англия выиграет войну, Франция будет восстановлена во всем ее достоинстве и величии»²³⁸.

Рейно, отметил Исмей, был «явно взволнован и спросил Черчилля: «Если мы сдадимся, то Германия сконцентрирует все свои огромные силы для вторжения в Англию. И что вы тогда сделаете?» Выпятив челюсть, премьер-министр ответил, что не слишком задумывался на эту тему, но, вообще говоря, считает, что нужно потопить как можно больше врагов в пути и «frapper sur la tete» (бить по голове) оставшихся, когда они начнут выползать на берег»²³⁹.

Странно, что никто из англичан не поднял вопрос о *французских* военно-воздушных силах. Начальником штаба ВВС Франции был генерал Жозеф Вуймен, отважный летчик времен Первой мировой войны, но теперь тучный и некомпетентный руководитель. Британцы были возмущены, когда он заявил, что в первые дни немецкого наступления помощь ВВС Великобритании прибыла «с опозданием и в недостаточном количестве». На самом деле Великобритания направила сто бомбардировщиков, на тот момент все, что имела в наличии, для бомбардировки мостов через Мез, и потеряла сорок пять из ста самолетов. А 28 мая Вуймен сказал, что в Англии триста самолетов, но во Францию прислали всего тридцать, и это в то время, когда восемь – десять британских эскадрилий – от 96 до 120 самолетов – ежедневно участвовали в боевых действиях, помогая французам. В битве за Францию все, кроме десяти из пятидесяти трех истребительных эскадрилий ВВС Великобритании, принимали участие в боях над Францией и Нидерландами, а из тех десяти три эскадрильи ночных истребителей, две – в Норвегии и одна – не готова к участию в боевых операциях.

В битве за Францию британцы потеряли 959 самолетов и около 300 летчиков²⁴⁰.

Французы потеряли 560 самолетов, из них 235 на земле. Вначале у Вуймена было более 3287 самолетов (у немцев – 2670). Однако только треть самолетов принимали участие в боевых действиях. Более того, в период с 10 мая по 12 июня на заводах Франции были изготовлены и поставлены в армию новые самолеты в количестве 1131, из них 688 истребителей. Результаты действий ВВС Франции вызывали недоумение даже у командования и даже после войны. Действительно, когда Франция вышла из войны, Вуймен обнаружил, что у него больше самолетов первой линии, чем когда началось массированное нацистское наступление. «Что с нашими самолетами? Почему из 2 тысяч истребителей, имевшихся в начале мая 1940 года, менее 500 использовались на Северо-Восточном фронте? Честно признаюсь, не знаю», – сказал Гамелен, выступая перед следственной комиссией парламента. «Мы вправе удивляться», – сказал он. Но больше всего удивляет то, что *generalissime* был удивлен²⁴¹.

В 22:00 все собрались за обеденным столом. Вейган предложил де Голлю сесть рядом и был неприятно удивлен, когда новоиспеченный генерал сел рядом с Черчиллем. Между протеже Рейно и Черчиллем уже существовала связь, которая была, вероятно, единственным достижением встречи в Бриаре. Перед тем как пойти спать, Рейно с Черчиллем сели выпить кофе с бренди. Рейно сказал Черчиллю, что, по мнению Вейгана, «в течение трех недель Великобритании свернут шею, как цыпленку». Затем он поведал премьер-министру, что Петен настаивает на необходимости добиваться перемирия. Когда-то «*vainqueur de Verdun*» (Верденский победитель) считался блюстителем французской чести. Маршал, сказал Рейно, «подготовил по этому вопросу документ и хочет, чтобы я его прочитал. Он еще не вручил его мне, ему

²³⁸ Ismay, *Memoirs*, 140—41.

²³⁹ Ismay, *Memoirs*, 140—41.

²⁴⁰ Трудно, а зачастую невозможно, найти точные данные. Однако, согласно «Истории французской военной авиации» (*Histoire de l'aviation militaire française*, Париж, 1980), потери были намного больше. «Потери, понесенные ВВС Великобритании во Франции, являются убедительным доказательством активного участия в боях в мае – июне 1940 года. Более 1500 летчиков были убиты, ранены или пропали без вести, и было уничтожено более 1500 самолетов разных типов». (Примеч. авт.)

²⁴¹ *Les Evenements survenus en France de 1933 a 1945*, 2:343; Horne, *Seven Ages*, 546n; Shirer, *Collapse*, 618; *Histoire de l'Aviation Militaire Francaise* (Paris, 1980), 379—80; Deighton, *Blitzkrieg*, 269—70.

все еще стыдно сделать это». Черчилль, потрясенный словами Рейно, подумал, что «ему следовало также постыдиться поддерживать, пусть молчаливо, требование Вейгана отдать наши последние двадцать пять эскадрилий истребителей, если уж он решил, что все потеряно и Франция должна сдаться»²⁴².

На следующее утро Черчилль проснулся в одиночестве: инспектора Томпсона, который в этих поездках готовил ванну премьер-министру, разместили в другом месте и оставили без транспортных средств. Два французских офицера допивали кофе с молоком в конференц-зале, который служил столовой в замке, когда высокие двойные двери распахнулись и перед ними появился тот, кто, по словам одного из них, был похож на «сердитого японского джинна» – разгневанный, толстый Черчилль с редкими спутанными волосами, в развевающемся темно-красном халате с шелковым поясом, сердито спросивший: «*Uh ay ma bain* [где моя ванна]?»²⁴³.

Он расстроился еще больше после телефонного звонка маршала авиации сэра Артура Барретта, который сообщил, что местные власти, опасаясь репрессий, возражают против налета на Италию британских бомбардировщиков. Они загромоздили телегами и грузовиками взлетно-посадочную полосу, и бомбардировщики не могли взлететь, чтобы выполнить свое задание. Все ожидали, что последует взрыв, однако премьер-министр не стал упрекать хозяев. Уставший от бесконечных жалоб французов, мучимый незначительным вкладом Англии в общее дело союзников, он оставил без внимания случившееся²⁴⁴.

На следующее утро, 12-го, после того как Черчилль добился обещания адмирала Дарлана, что тот «никогда не сдаст французский флот неприятелю», англичане покинули Францию. На обратном пути они едва избежали опасности. «Харрикейны» не сопровождали самолет Черчилля – из-за сильной облачности они не смогли подняться в воздух, но, когда пролетали над Гавром, небо расчистилось, и пилот увидел ниже два истребителя «Хейнкель», атаковавшие рыбацкие суда. Невооруженный «Фламинго» нырнул вниз и, находясь на высоте 100 футов над морем, понесся домой. Согласно инспектору Томпсону, один из нацистских истребителей обстрелял их, но им удалось ускользнуть и благополучно приземлиться в Хендоне²⁴⁵.

На прощание Черчилль сказал Рейно, что надеется, «если произойдет какое-либо изменение положения, французское правительство немедленно даст знать английскому правительству для того, чтобы можно было встретиться в любом удобном месте прежде, чем французское правительство примет какое-либо окончательное решение, которое определит его действия во второй фазе войны». Понятно, что союзники Англии дошли до предела. В тот же день, поздно вечером, стало известно о капитуляции британской 51-й дивизии в Сен-Валери-ан-Ко, потере более 12 тысяч человек. Джок Колвилл написал в дневнике: «Говоря о капитуляции 51-й дивизии, У. [Уинстон] сказал, что это самое страшное бедствие, которое мы пережили»²⁴⁶.

В ночь с 12 на 13 июня, когда Черчилль готовился ко сну, позвонил Рейно. Почти ничего не было слышно. В конце концов Колвиллу удалось связаться с одним из помощников Рейно. Новости были безрадостные: французский премьер-министр с советниками переехали из Бриара в Тур; Рейно хотел, чтобы Черчилль встретился с ним в префектуре Тура в тот же день, 13 июня. Это был пятый полет Черчилля во Францию менее чем за четыре недели. В 11:00 Черчилль, Исмей, Иден, Бивербрук, Галифакс и Кадоган собрались в Хендоне. «Фламинго» в сопровождении восьми «Спитфайров», обогнув Нормандские острова, вошел в воздушное пространство Франции над Сен-Мало.

---

²⁴² WSC 2, 156—57; Ismay, *Memoirs*, 142—43.

²⁴³ Spears, *Assignment*, 2:163.

²⁴⁴ Ismay, *Memoirs*, 141.

²⁴⁵ WSC 2, 158; Walter H. Thompson, *Assignment: Churchill* (New York, 1953), 194.

²⁴⁶ CAB 99/3; Colville, *Fringes*, 152—54.

Бушевала гроза, но «Фламинго» и самолетам сопровождения удалось приземлиться на взлетную полосу, изрытую воронками (накануне аэродром подвергся ожесточенной бомбардировке). На летном поле не было ни единого человека. Никто не пришел их встречать. Они озирались в поисках людей и заметили группу французских летчиков, слонявшихся у ангара. Черчилль подошел к ним и на своем ужасном французском сказал, что его фамилия Черчилль, он премьер-министр Великобритании и будет признателен, если они смогут предоставить ему «une voiture» (машина), чтобы отвезти его и сопровождающих его лиц в городскую префектуру. Летчики одолжили ему маленький гоночный автомобиль, в который они с трудом втиснулись; машина не была рассчитана на длинные ноги Галифакса и тучное тело премьер-министра. В префектуре никто их не знал и ни у кого не было времени заниматься ими. К счастью, пришел офицер, который узнал их и отвел в небольшой ресторан, где им подали холодного цыпленка, сыр и вино Vouvray (Вувре)²⁴⁷.

Там их нашел Поль Бодуэн. В своей, по выражению Черчилля, «мягкой, вкрадчивой манере» Бодуэн поведал им о безнадежности французского сопротивления. Никто не знал не только когда появится Рейно, но и где он находится. Наконец он пришел в сопровождении генерала Спирса и сэра Дональда Кэмпбелла, британского посла. Встреча, которой было суждено стать последней встречей Conseil Supérieur de la Guerre (Высшего военного совета), проходила в небольшой, убого обставленной комнате, выходящей окнами в запущенный сад. В комнате стояли стол и разномастные стулья; Рейно занял место председателя. Черчилль сел на кожаный стул и незаметно наблюдал за хозяевами. Он столкнулся с раздвоением личности Франции. Рейно – которого по-прежнему поддерживало большинство в сенате и Национальном собрании – занимал непреклонную позицию в отношении борьбы с нацистским варварством, считая, что лучше смерть, чем бесчестье, и Черчилль разделял его мнение. Черчилль знал, что Бодуэн был представителем капитулянтов; в своем итоговом отчете Уайтхоллу²⁴⁸ Кэмпбелл описал Бодуэна как человека, у которого «доминирующими побуждениями были страх и желание находиться в хороших отношениях с завоевателем после неизбежного поражения».

Даже сейчас Черчилль не осознавал, до какой степени эти люди жаждали мира. Американский посол во Франции Уильям Буллит, не являвшийся поклонником британцев, сообщил в Вашингтон, что «многие партнеры страдают, они надеялись, что Германия быстро и окончательно победит Англию и что итальянцев постигнет та же участь». Что касается собственной страны, доложил Буллит, то они надеются, что Франция станет «любимой провинцией Гитлера»²⁴⁹.

Рейно сообщил британцам, что Вейган объявил Париж открытым городом; танки в Реймсе; нацистские войска вышли к Сене и Марне. Слишком поздно отступать к Бретонскому редуту. Сам он хотел «отступить и продолжить, но будут гибнуть люди; Франция прекратит существование». Следовательно, есть только один выход – «перемирие или мир». Рейно спросил, «какова будет позиция Англии в случае, если произойдет худшее», и поднял вопрос об обязательстве – взятом по настоянию Франции и подписанном им, – «в силу которого никто из союзников не должен заключать сепаратный мир». Французы хотели, чтобы их освободили от обязательства. Они, сказал Рейно, «уже пожертвовали всем ради общего дела», «у них ничего не осталось», и они будут глубоко потрясены, если англичане окажутся не в состоянии понять, что они «физически не способны продолжать борьбу». Осознает ли Великобритания суровую реальность, с которой столкнулась Франция?

---

²⁴⁷ Earl of Birkenhead, *Life of Lord Halifax* (London, 1965), 459; Dilks, *Diaries*, 297; Ismay, *Memoirs*, 143–44.

²⁴⁸ Название этой улицы, на которой расположены большинство правительственных зданий, уже давно стало нарицательным обозначением правительства Великобритании.

²⁴⁹ Eleanor M. Gates, *End of the Affair: The Collapse of the Anglo-French Alliance, 1939–40* (Berkeley, 1981), 250; Gordon Wright, «Ambassador Bullitt and the Fall of France», *World Politics* 10, no. 1, 87.

Капитуляция не единственная альтернатива войне, спокойно заметил Спирс, в то время как Черчилль, нахмурившись, обдумывал ответ. Великобритания, наконец ответил он, понимает, «как много испытаний пришлось вынести и приходится выносить Франции сейчас». Если бы британские экспедиционные силы не были отрезаны на севере, то сейчас они сражались бы рядом с французами. «Великобритания сожалеет, что ее вклад в борьбу на суше в настоящее время так незначителен вследствие неудач, явившихся результатом примененной на севере согласованной стратегии». Англичане сидели молча; они давно ждали, что он скажет это. Нехватка истребителей не являлась причиной нынешнего кризиса. Решение не учитывать угрозу со стороны Арденн и направить лучшие союзные войска в Бельгию было принято французским командованием. Англичане еще не испытали на себе, сказал Черчилль, но представляют, какова сила немецкого удара. «Англия будет продолжать сражаться. Она не отступила и не отступит от своего решения: никаких условий, никакой капитуляции». Он надеется, что Франция будет продолжать сражаться южнее Парижа и до самого моря, а если будет необходимость, то и в Северной Африке. Необходимо во что бы то ни стало выиграть время. «Период ожидания не безграничен. Обязательство со стороны Соединенных Штатов значительно сократило бы его». «Твердое обещание американцев, – сказал он, – будет иметь огромное значение для Франции».

Черчилль хватался за соломинку. Он прекрасно знал, что Конституция Соединенных Штатов ограничивает свободу действий Рузвельта. Кроме того, Рузвельт заявил о намерении баллотироваться на третий срок, и, конечно, не стал бы вступать в войну из опасения потерять голоса избирателей. В июне Рузвельт действительно не делал никаких заявлений; он только сообщил американцам, что выполнит решение июльского съезда Демократической партии. Кроме того, премьер-министр знал, что в то время у Вашингтона не было оружия для Франции. Рейно тоже об этом знал. Хотя и несведущий в американской политике, французский премьер-министр в течение первых шести военных месяцев, будучи *ministre de finance* – министром финансов, покупал оружие у Соединенных Штатов и знал, насколько незначительной была у них материальная часть. Тем не менее он допускал возможность американского вмешательства. Как он заблуждался! Черчилль был не прав, вселяя в него надежду, но основная часть вины лежит на после Буллите. Алистер Хорн отмечает, что «через него [Буллита] французскому правительству давали основание ожидать получение значительно большей помощи, чем в то время имелась реальная возможность»²⁵⁰.

Черчилль настаивал, чтобы французы обратились к американскому президенту, и после недолгих колебаний французский премьер-министр согласился обратиться к Рузвельту. Однако в очередной раз попытался получить согласие Великобритании на сепаратный мир. Черчилль ответил, что «мы ни в чем не будем упрекать Францию, но это не означает согласия освободить ее от принятого ею обязательства». Затем он сообщил, что Королевский флот близок к организации жесткой блокады Европейского континента, которая может привести к голоду, от которого не удастся спасти оккупированную Францию. Французы не могут выйти из войны и остаться в хороших отношениях с британцами. Встревоженный его словами Рейно мрачно заметил: «Это может привести к новой, очень серьезной ситуации в Европе»²⁵¹.

Переговоры зашли в тупик. Спирс передал Черчиллю записку с предложением сделать паузу. Черчилль сказал Рейно, что должен переговорить с коллегами в «*dans le jardin* [в саду]». Англичане вышли в сад, по словам Спирса, «отвратительный прямоугольник» с грязными дорожками. Спустя двадцать минут Бивербрук сказал: «Ничего не остается, как повторить то, что ты уже сказал, Уинстон. Телеграфировать Рузвельту и ждать ответ». И добавил: «Нам здесь нечего делать. Пора отправляться домой».

---

²⁵⁰ Horne, *Seven Ages*, 573.

²⁵¹ Spears, *Assignment*, 2:210–13.

Так они и поступили. Теперь все зависело от ответа из Вашингтона. Рейно, с которым был солидарен де Голль, казалось, верил, что американцы спасут его страну. Перед отъездом Черчилль сказал, что во Франции среди военнопленных есть 400 летчиков люфтваффе, и попросил, чтобы их отправили в Англию. Французский премьер-министр с готовностью согласился. Проходя мимо де Голля, премьер-министр, понизив голос, сказал: «L'homme du destin [избранник судьбы]». Генерал никак не отреагировал на его слова, но понял: французские войска, сбежавшие из Дюнкерка в Великобританию, сформировали армию, но остались без командующего. Французские войска в Бретани, готовые воевать, тоже нуждаются в руководстве. Днем раньше Колвилл записал в дневнике: «Уинстон много думает о молодом французском генерале де Голле». Его слова, обращенные к де Голлю, означали одновременно и вызов, и обещание поддержки, если де Голль возглавит сопротивление в Бретани. На определенном уровне всем было ясно, что союзу пришел конец, и, судя по последним неделям, он должен был закончиться гротескной сценой. Когда Черчилль вышел из префектуры, графиня де Порт крикнула: «Господин Черчилль, моя страна истекает кровью. Мне есть что сказать, и вы *должны* выслушать меня. Вы должны выслушать мое мнение об этом. Вы должны!» Черчилль, не обращая на нее внимания, сел в машину. Позже он заметил: «Она могла утешить его. Я – нет»²⁵².

То, что сделал Бодуэн, было более непростительным. Время от времени, когда говорил Рейно, Черчилль иногда кивал или говорил: «Je comprends» («Я понимаю»), показывая, что понял то, что было сказано раньше, чем ему перевели. После отъезда Черчилля де Голль, отозвав Спирса в сторону, сказал, что Бодуэн «сообщил всем без исключения, главное, журналистам», что Черчилль продемонстрировал «полное понимание положения, в котором оказалась Франция, и проявит понимание, если Франция заключит перемирие и сепаратный мир». Де Голль спросил: «Черчилль действительно так сказал?» Если он так сказал, то это окажет влияние на тех, кто не был готов нарушить обязательства Франции, и позволит капитулянтам заявить, если даже британцы согласны, что в борьбе нет никакого смысла.

Спирс ответил, что Черчилль не говорил ничего подобного, и бросился на аэродром, надеясь, что «Фламинго» еще не взлетел. Он успел вовремя, и получил подтверждение своим словам, сказанным де Голлю. Черчилль сказал Спирсу: «Когда я говорил «Je comprends», это означало, что я понял. В переводе с французского *comprends* означает «понимать», не так ли? Когда на этот раз я правильно употребил французские слова, они зашли слишком далеко в своих предположениях относительно того, что я имел в виду нечто совсем иное. Скажите им, что мой французский язык не настолько плох». Спирс передал его слова, но большая часть французов поверила Бодуэну, очевидно, потому, что он сказал то, что они хотели услышать. Ложь проникла на страницы официальных французских докладов и даже использовалась против Черчилля, когда он пытался напомнить французам о соглашении, обязывающем обе стороны не заключать никаких сделок с противником. Во время переговоров о перемирии адмирал Дарлан заявил, что, «если мы не можем больше сражаться, флот не должен попасть в руки каких-либо других продолжающих воевать сторон. Не следует забывать, что британский премьер-министр 11 июня [так!] заявил о такой необходимости, если Франция прекратит борьбу. Он подтвердил эту необходимость и выразил свои симпатии нашей стране. Сегодня он не сказал ничего другого»²⁵³.

В обращении Рейно, переданном по телеграфу в Вашингтон утром 14 июня, говорилось, что «единственный шанс спасения французской нации заключается лишь в том, что Америка бросит на весы, причем немедленно, всю свою мощь». Если же этого не произойдет, говорилось далее, «тогда вы увидите, как Франция, подобно тонущему человеку, погрузится в воду и исчезнет, бросив последний взгляд на землю свободы, от которой она ожидала спасения».

---

²⁵² James Leasor, *War at the Top* (London, 1959), 91; Colville, *Fringes*, 152.

²⁵³ Spears, *Assignment*, 2:218–20.

В Вашингтоне Государственный секретарь Корделл Халл назвал обращение Рейно «странным, практически истеричным». Однако американский президент зашел дальше, чем хотели Халл и другие советники. Он заверил французского премьер-министра, что «правительство США делает все, что в его силах, чтобы предоставить союзным правительствам материальную помощь, которая им срочно требуется, и удваивает свои усилия, стремясь сделать еще больше. Это объясняется тем, что мы верим и поддерживаем идеалы, ради которых сражаются союзники». Рузвельт сообщил, что «лично на меня особенно сильное впечатление произвело ваше заявление о том, что Франция будет продолжать сражаться во имя демократии», даже в Северной Африке.

Хотя Рузвельт подчеркнул, что не может взять на себя обязательства по собственной воле, Черчилль объяснил военному кабинету, что послание Рузвельта практически «равносильно вступлению в войну». По мнению Бивербрука, американцам теперь ничего не оставалось, как объявить войну, но это было всего лишь очередное хватание за соломинку. Показательно, что президент не обнародовал свою телеграмму и, когда британский премьер-министр попросил разрешения сделать это, он отказал ему в просьбе. 14 июня – в день падения Парижа и бегства французского правительства в Бордо – Колвилл написал в дневнике: «Похоже, надежды премьер-министра на немедленную помощь американцев были преувеличены. Рузвельт будет действовать осмотрительно, но все дело в том, что Америка застигнута врасплох в военном и промышленном отношении. Она может стать полезной для нас через год, но мы живем от часа к часу». В тот день вышел приказ об эвакуации из Франции остатков британского экспедиционного корпуса²⁵⁴.

Де Голль, направленный в Лондон в качестве офицера связи, высказал предложение, рожденное отчаянием. 16 июня на обеде с Черчиллем и французским послом де Голль настойчиво доказывал, что требуется «какой-то драматический шаг», чтобы не дать Франции выйти из войны. Де Голль высказал мысль, что таким шагом могло бы стать «провозглашение нерасторжимого союза французского и английского народов». Черчиллю идея понравилась; военный кабинет одобрил ее, и де Голль сразу вылетел в Бордо. Спирс пишет, что прочитав проект декларации о союзе, Рейно «преобразился от радости». Она появилась, сказал он, в самый подходящий момент. В 17:00 собрался совет министров Франции, чтобы решить, «возможно ли дальнейшее сопротивление», и премьер-министр сказал Спирсу, что, по его мнению, декларация о союзе может сорвать перемирие. С ними была любовница премьер-министра, Элен де Порт – она знала все государственные секреты; один важный документ, пропавший на несколько часов, был найден в ее кровати – и она прочла проект декларации. Всем, что узнала, она поделилась с Бодуэном. И еще до того, как Рейно смог сообщить министрам новости, они уже знали обо всем и подготовили аргументы против принятия декларации.

Тем временем Черчилль готовился в очередной раз пересечь Ла-Манш, но теперь на борту военного корабля в ночь с 16-го на 17-е. В 21:30 он сел в специальный поезд на вокзале Ватерлоо, собираясь выехать в Саутгемптон. Клементина приехала проводить его. Кэтлин Хилл, сопровождавшая Черчилля, вспоминала: «Мы заняли наши места в поезде. Отправление задерживалось. Что-то случилось». Посол Кэмпбелл позвонил на Даунинг-стрит, 10 и сообщил, что встреча не состоится из-за «министерского кризиса» в Бордо. Черчилль вышел из вагона, как он позже написал, «с тяжелым сердцем». Он знал, что последует за этим, и Колвилл записал с его слов: «Рейно уйдет в отставку, не выдержав давления... Петен сформирует правительство предателей, включая Лавалю, и теперь Франция, конечно, попросит перемирия, несмотря на данное нам обещание». Позже Колвилл добавил: «Кабинет собрался в 11:00, и

---

²⁵⁴ Colville, *Fringes*, 155; C&R-TCC, 1:48.

вскоре мы узнали, что Петен приказал французской армии сложить оружие». Черчилль про-рычал: «Еще одна окровавленная страна ушла на запад»²⁵⁵.

Колвилл пишет: «После заседания кабинета премьер-министр мерил шагами сад, в одиночестве, склонив голову, держа руки за спиной. Он, несомненно, обдумывал, как наилучшим образом можно спасти французский флот, воздушные силы и колонии. Он, я уверен, останется непоколебим»²⁵⁶.

В Бордо де Голль оказался в ловушке. Люди, формировавшие новое французское правительство, считали, что он являлся – а это так и было – их врагом. Они представляли одну Францию, он – другую; они понимали, что, если оставить его на свободе, он разделит страну и оскорбит нацистов, слугами которых они стали. Он считал их сепаратный мир позором. Он был настроен продолжать войну, и британцы по-прежнему были его союзниками. С ними он связывал свою надежду на бегство отсюда и формирование новой армии в свободной стране, но британцы покидали новую Францию, которая, по их мнению, не желала добра ни им, ни ему.

Вопрос был уже решен. Французские капитулянты готовились переезжать в Виши – подходящее место для нового правительства Петена, едко прокомментировала *Times*, ведь Виши – курорт, пользующийся успехом у инвалидов. Они уже готовили законы о ликвидации республики и установлении диктатуры, когда генерал Спирс и посол Кэмпбелл прибыли в Бордо, во временный штаб премьер-министра, расположенный на улице Витал-Карлес. Они надеялись убедить его продолжать исполнять свои обязанности. Надежды, которым было не суждено сбыться – он утратил власть над своим кабинетом и подал прошение об отставке. В 22:00 они вошли в огромный полутемный холл. Когда они подошли к широкой лестнице, Спирс заметил высокую фигуру, прятавшуюся за одной из колонн. Это был де Голль, позвавший его громким шепотом. Он сказал: «Мне необходимо поговорить с вами. Чрезвычайно срочно». Когда генерал объяснил, что их ждет Рейно, де Голль прошептал: «У меня есть серьезные основания полагать, что Вейган собирается арестовать меня». Спирс попросил оставаться на месте и, после короткой, грустной встречи с Рейно, предложил встретиться в расположенном по соседству гранд-отеле «Монтрё»²⁵⁷.

Де Голль изложил план оказания поддержки французскому движению Сопротивления с использованием Лондона в качестве базы. Спирс одобрил план и позвонил Черчиллю; премьер-министр дал согласие. У Спирса был самолет в аэропорту Бордо. Они вылетали в семь утра 17 июня. Спирс так и не узнал, где де Голль провел ночь – в отеле было слишком опасно, – но утром самозванный лидер «свободных французов» (как называли себя пуалю, сбежавшие в Великобританию) появился с помощником и огромным количеством багажа. Поскольку охота на де Голля уже началась, они с помощником должны были делать вид, будто приехали проводить Спирса. По словам Спирса, «самолет начал двигаться, и я втянул де Голля на борт», помощник скользнул следом. Де Голль прибыл на Даунинг-стрит, 10 как раз к обеду. Петен, узнав, что произошло, созвал военный суд. Покинувшего родину генерала признали виновным в измене и заочно приговорили к смертной казни. У Черчилля, конечно, было на этот счет другое мнение. Он написал, что «на этом маленьком самолете де Голль увез с собой честь Франции»²⁵⁸.

Де Голль был одним из тысяч других, сбежавших на той неделе из *Etat Français* – Французского государства, или вишистской Франции. Когда 17 июня армии прекратили боевые действия – первый день британского одиночества, – во французских портах и аэропортах

---

²⁵⁵ Spears, *Assignment*, 2:292–93; WM/Kathleen Hill, 11/4/80; Colville, *Fringes*, 161.

²⁵⁶ Spears, *Assignment*, 2:292–93; WM/Kathleen Hill, 11/4/80; Colville, *Fringes*, 161.

²⁵⁷ L.B. Namier, *Europe in Decay* (London, 1950), 93; Spears, *Assignment*, 2:304, 310–11.

²⁵⁸ Spears, *Assignment*, 2:319–23; WSC 2, 218.

царило нечто невообразимое. Беженцы из Австрии, Чехословакии, Польши и Скандинавии, многие из которых были евреями и нашли убежище во Франции. Их имена значились в списках гестапо, они знали об этом и теперь обезумели от ужаса. Пилоты и команды обслуживания ВВС Великобритании отправлялись домой. 40 тысяч британских солдат вместе с бельгийскими и польскими солдатами эвакуировались из Бреста, Шербурга, Сен-Назера и Сен-Мало. Это было время страшных трагедий, не замеченных в то время и забытых в ближайшие пять лет борьбы за господство на Европейском континенте. Единственное, что потрясло мир даже в военное время, – гибель при выходе из Сен-Назера лайнера «Ланкастрия», на борту которого находились 5 тысяч солдат и гражданских беженцев. Нацистские бомбардировщики утопили лайнер, погибли 3 тысячи человек. Черчилль запретил публиковать эту информацию, сказав, что «газетам сегодня и без этого хватает страшных сюжетов». Среди людей, вынужденных покинуть родные места, были Вильгельмина, королева Нидерландов, которой предоставил убежище король Георг; Сомерсет Моэм, сбежавший со своей виллы в Каннах на лодке вместе с товарищами по несчастью, который в течение трех недель не менял одежду; и, самое удивительное, герцог Виндзорский, бывший король Эдуард VIII, со своей герцогиней из Балтимора.

16 июня, когда в номере гостиницы в Бордо де Голль объяснял свой план генералу Спирсу, зазвонил телефон. Генри Мак, секретарь посла сэра Рональда Кэмпбелла, ответил и, к своему изумлению, понял, что говорит с герцогом, звонившим из Ниццы. Они с герцогиней остались в Ницце, объяснил он. Нельзя ли прислать за ними эсминец? Потрясенный Мак объяснил, что в гавани Бордо есть единственное британское судно, и это углевоз – судно, предназначенное для перевозки угля. Он посоветовал Виндзорам отправиться в Испанию. Что они и сделали. Они остановились у сэра Сэмюэла Хора, британского посла в Мадриде: герцог решил положиться на Уинстона Черчилля – в конце концов, они были старыми друзьями. Черчилль чуть не разрушил свою карьеру, пытаясь удержать герцога, в то время короля, на троне. Теперь Виндзор захотел вернуться в Англию. Кроме того, он настаивал на официальном назначении на должность. «В свете прошлого опыта, моя жена и я не должны еще раз пройти через понимание того, что британская общественность рассматривает мой статус иным, нежели статус других членов моей семьи». Все это он изложил в телеграмме Черчиллю. В свою очередь, Хор сообщил, что они хотят получить аудиенцию у короля и королевы, и эта новость появилась в «Придворном циркуляре»²⁵⁹.

Помимо того, что Черчилль был занят больше, чем любой другой премьер-министр в истории Англии, не могло идти речи об обсуждении любого из этих требований. Королевская семья, и в особенности Мария, королева-мать, ненавидели герцогиню Виндзорскую, и их мнение о ее муже резко ухудшилось после того, как они узнали, что герцог Виндзорский с женой восхищаются Гитлером. С началом войны Виндзоры перестали открыто демонстрировать свои пронацистские настроения, но остались яркими антисемитами и вошли в круги, разделявшие их взгляды. Кроме того, хотя герцог, возможно, забыл об этом, он носил форму. Когда началась Вторая мировая война, герцогу Виндзорскому присвоили звание генерал-майора британской армии и направили офицером связи во французский Генеральный штаб. После того как немцы вошли в Париж, герцог получил назначение в Armée des Alpes, а затем был переведен в военный штаб в Ницце. Хотя секретарь посла Кэмпбелла посоветовал герцогу с женой уехать в Испанию, никто не давал ему на это разрешения. И что с ним было делать?²⁶⁰

Король Георг VI сказал Черчиллю: «Не пускайте его в Англию *любой ценой*». Черчилль телеграфировал герцогу, коротко напомнив ему, что он «имеет воинское звание» и «отказ подчиняться приказам» может иметь серьезные последствия. Личный секретарь короля предложил отправить герцога в Каир, в штаб армии; Черчилль отверг это предложение. К тому

---

²⁵⁹ J.A. Cross, *Sir Samuel Hoare: A Political Biography* (London, 1977), 339–40.

²⁶⁰ Michael Bloch, *The Duke of Windsor's War: From Europe to the Bahamas, 1939–1945* (New York, 1983).

времени Виндзоры были уже в Лиссабоне и, по сообщению британского агента, поведение герцогини вызывало тревогу: по слухам, она заявила, что они с мужем допускают возможность победы Германии. Личный секретарь короля написал на Даунинг-стрит, 10, что «не в первый раз эта дама попадает под подозрение за ее антибританскую деятельность, и, пока мы будем помнить о том, какие она готова предпринять усилия, чтобы отомстить за себя этой стране, мы будем в порядке».

Король предложил назначить брата губернатором Багам. Это было унижительное назначение для члена королевской семьи; Багамы, Фолклендские острова и Гана – Золотой Берег – не имели особой значимости. Однако Черчилль, у которого были дела поважнее, чем обустройство Виндзоров, предлагая герцогу пост губернатора Багам, добавил: «Я уверен, что это наилучший вариант, исходя из того печального положения, в котором мы все сейчас находимся. Во всяком случае, я сделал все, что от меня зависело». В тот же день, после разговора с герцогом, Черчилль спросил Бивербрука: «Как ты думаешь, Макс, он согласится?» Колвилл, присутствовавший при их разговоре, пишет, что Бивербрук сказал: «Он испытает огромное облегчение», а Черчилль добавил: «Вдвое меньшее, чем брат»²⁶¹.

Виндзор согласился, хотя заметил, что не расценивает свое назначение как «одно из имеющих важное значение», и добавил, что «король с королевой явно не хотят покончить с нашими семейными разногласиями». Но это было еще не все. Есть определенные условия, сказал премьер-министр. Двое слуг герцога призывного возраста должны служить в армии, и ни герцогу, ни герцогине не разрешается посещать Соединенные Штаты. Премьер-министр предупредил, что «тонкий, недружелюбный слух будет улавливать любое высказывание о войне, немцах и гитлеризме, отличное от принятого британским народом и парламентом... Даже когда вы были в Лиссабоне, разные источники, которые, возможно, представляли в невыгодном свете, передавали разговоры по телеграфу». Предупреждая Рузвельта о том, что герцог находится на пути к месту назначения, Черчилль пояснил, что он «причиняет некоторые неудобства его величеству и правительству его величества» и что «нацистские интриганы, теперь, когда большая часть континента находится в руках врага, пытаются, используя его, доставить нам неприятности»²⁶².

Свое письмо Виндзору Черчилль закончил словами: «Думаю, что ваше королевское высочество не будет возражать против этих предостережений». Герцог, конечно, возражал и презирал их всех, вместе взятых. В интервью американскому журналу *Liberty* он призвал изоляционистов не останавливаться ни перед чем, чтобы не дать Соединенным Штатам вступить в войну. И это в то время, когда Черчилль делал все возможное, чтобы вовлечь США в войну. Герцог и герцогиня объяснили своим американским гостям, что их страна совершит большую глупость, если будет сражаться на стороне Англии. Слишком поздно, сказали они; с Великобританией покончено²⁶³.

18 июня было полнолуние – луна бомбардировщика. Колвилл записал об этом в дневнике, добавив, что «теперь начнутся воздушные налеты. Прошлой ночью они были сильнее, чем раньше, пострадал Кембридж, разрушено несколько зданий». Колвилл был прав. С прошлой осени немцы периодически совершали налеты в поисках промышленных и военных объектов. Теперь немецкие бомбардировщики появлялись регулярно²⁶⁴.

---

²⁶¹ Colville, *Fringes*, 184.

²⁶² ChP 20/9; C&R-TCC, 1:53.

²⁶³ ChP 20/49; WSC 1, 1091.

²⁶⁴ Colville, *Fringes*, 166.

Капитуляция французов 22 июня, когда британцы были готовы бороться до конца, потрясла Великобританию. Британцы начали понимать, что тот образ жизни, который они знали и любили, исчезает. Они жили словно во сне. Кондукторы автобусов молча компостировали билеты; разносчики газет, обычно веселые и смешливые, молча раздавали газеты. Никто не помнил, чтобы в Лондоне когда-нибудь было так тихо. «В местах, где обычно царила веселая и шумная суматоха, стояла необычная тишина», – написал американский обозреватель. А вот что написала в *The New Yorker* от 28 июня Молли Пэнтер-Доунес: «Невыносимые условия капитуляции, принятые Францией, повергли в шок народ, который поверил Петену, когда он заявил, что Франция не пойдет на постыдную капитуляцию... Среднему, не обладающему информацией гражданину трудно представить, что может быть позорнее, чем договор, согласно которому сдаче подлежат оружие войны, аэродромы и самолеты, промышленные зоны»²⁶⁵.

Действия Черчилля против французского флота следует рассматривать в этом контексте гнева и горечи. Поведение адмирала Жана Луи Ксавье Франсуа Дарлана было двучленным. Являясь начальником штаба ВМФ Франции, он дал торжественное обещание своему окружению, что, если события приведут к перемирию с нацистами, он отдаст приказ, чтобы все французские военные корабли нашли убежище в британских портах. Он заявил, что в случае необходимости передаст все корабли под флаг Соединенного Королевства. Он сказал члену *Chambre des Deputes* (палата депутатов), который входил в его штаб: «Если перемирие будет подписано, я завершу свою карьеру блестящим актом неповиновения: уплыву с флотом». Поздно вечером 16 июня, когда до прекращения огня оставалось несколько часов, Дарлан заверил сэра Рональда Кэмпбелла: «Пока я отдаю приказы, вам нечего бояться». Ему поверил даже де Голль. «Феодал, – сказал он, – не сдает свое владение»²⁶⁶.

Во время войны Дарлан неожиданно стал самым влиятельным человеком. Армия Вейгана превратилась в неуправляемую толпу, а французский флот – четвертый по величине в мире после английского, американского и японского – имел в своем составе одни из самых быстроходных, современных кораблей: три новых и пять старых линкоров, восемнадцать тяжелых крейсеров, двадцать семь легких крейсеров, шестьдесят подводных лодок и более пятидесяти эсминцев. Захвати Гитлер только треть французского флота, он бы сразу вдвое увеличил немецкий флот. Британская армия была малочисленной и почти безоружной; люфтваффе по численности превосходили Королевские ВВС. Стране, чтобы выжить, было жизненно важно сохранить господство на море, но если бы французский, германский и итальянский флоты объединились, то Королевский флот был бы уничтожен. По мнению Черчилля, «адмиралу Дарлану стоило отплыть на любом из своих кораблей в любой порт за пределами Франции, чтобы стать хозяином всех французских владений, находившихся вне германского контроля» – короче говоря, всей Французской колониальной империи²⁶⁷.

Почему он не сделал этого? Похоже, на то было несколько причин. Его ненависть к британцам имела глубокие корни; он считал, что для французов нет никакой разницы между Англией (так французы всегда называли Великобританию) и Германией; Петен предложил ему власть; он был убежден, что войну выиграют нацисты. Дарлан сказал послу Буллиту, что «уверен в том, что Германия победит Великобританию за пять недель, если Великобритания не капитулирует раньше». Когда Буллит заметил, что Дарлана, похоже, устраивает такая перспектива, адмирал улыбнулся и кивнул в знак согласия. Что касается его обещаний, он сохранил достоинство, по крайней мере в собственных глазах, выйдя в отставку и заняв должность мор-

---

²⁶⁵ Panter-Downes, *War Notes*, 72.

²⁶⁶ De Gaulle, *War Memoirs*, 76.

²⁶⁷ WSC 2, 230; Eden, *Reckoning*, 155.

ского министра в правительстве Петена. Теперь он был обязан проводить в жизнь политику нового правительства, одобрял он ее или нет²⁶⁸.

22 июня на заседании военного кабинета первый морской лорд, адмирал Дадли Паунд, сказал, что Дарлан предпринял «все возможные шаги», пытаясь помешать тому, чтобы его корабли попали в руки нацистов. По мнению Черчилля, они не могли полагаться на слова одного человека, поскольку этот вопрос имел «крайне важное значение для безопасности всей Британской империи». Его слова подтвердились через несколько часов. В 18:50 они узнали об условиях перемирия. Французы подписали соглашение о перемирии, не посоветовавшись с союзником. В статье 8 соглашения оговаривалось, что французский флот, за исключением той его части, которая была оставлена для защиты французских колониальных интересов, «будет сосредоточен в определенных портах и там демобилизован и разоружен под германским или итальянским контролем».

Британцев предали. Врагу перешли корабли в полном вооружении. Гитлер заявил, что «не имеет намерения использовать французский флот в своих целях во время войны. Но кто, находясь в здравом уме и твердой памяти, поверил бы слову Гитлера после его позорного прошлого и последних фактов? И наконец, соглашение о перемирии могло быть в любой момент объявлено недействительным под предлогом его несоблюдения»²⁶⁹.

Британская морская блокада Балтики – закрытие проливов Скагеррак и Каттегат для немецких судов – была прервана после капитуляции Франции. Немцы уже контролировали европейские порты от Норвегии через Данию, Голландию, Бельгию и Францию до Бискайского залива. Захват портовых городов – Дьепа, Шербура, Бреста, Сен-Назера, Ла-Рошели, Гавра и Лорьяна – полностью изменил динамику войны. Действуя из этих портов, субмаринам рейха понадобилось бы всего день-два, чтобы выйти на британские судоходные пути. Теперь торговым судам пришлось отказаться от южных маршрутов и использовать северный обходной путь.

В Средиземноморье, в западной части которого безопасность обеспечивал французский флот, тоже возникла угроза. Французский флот, попавший в руки немцев и итальянцев, больше не был дружественным и, как позже заметил Черчилль, грозил «Англии смертельной опасностью». Британцы, чтобы заполнить место, которое занимали французы в Западном Средиземноморье, подтянули корабли флота метрополии – готовясь к возможному вторжению – для создания в Гибралтаре соединения «Н» («Эйч»), ударной группы, состоявшей из крейсера, линкоров, авианосца и эсминцев. Перед командующим соединением «Эйч» вице-адмиралом Джеймсом Соммервиллем стояли три задачи: не позволить немцам войти в Средиземноморье, сдерживать итальянцев и подвергнуть морской блокаде вишистскую Францию и ее северо-западные африканские доминионы. Но как убрать французский флот?²⁷⁰

Черчилль столкнулся, как он позже написал, с «решением, самым неестественным и болезненным, в котором был когда-либо заинтересован». Не бывает легких решений, хотя кое-кто так не думал. 25 июня Джордж Бернард Шоу написал Черчиллю: «Почему бы не объявить войну Франции и захватить ее флот, прежде чем А.Г. [Адольф Гитлер] переведет дух?» Черчилль понимал, что любое использование силы для нанесения ущерба французскому флоту приведет в ярость Виши. Однако враждебности французов было не избежать в любом случае, поскольку все туже затягивалось кольцо британской блокады. А потому военный кабинет, с Черчиллем, любящим риск, одобрил операцию, которая, по словам премьер-министра, включала «одновременно захват, контроль и эффективное выведение из строя всего доступного

---

²⁶⁸ William Bullitt, *Foreign Relations of the United States*, vol. 2: *The Intelligence Community 1950–1955* (Washington, DC, n.d.), 465–66.

²⁶⁹ WSHCS, 6241.

²⁷⁰ WSC 2, 231.

французского флота». Доступными были суда в английских водах и стоявшие на якоре в Александрии, алжирском городе Оране и в Дакаре, в Западной Африке²⁷¹.

Первая фаза британской операции носила кодовое название «Захват». В ночь на 3 июля вооруженные abordажные команды захватили французские корабли в портах Портсмут, Плимут, Фалмут, Саутгемптон и Ширнесс. Нападение было столь неожиданным, что французы практически не оказали сопротивления, за исключением экипажа подводной лодки «Сюркуф», когда погиб один французский и один английский моряк. Легкость, с какой были захвачены французские корабли, показала, по словам премьер-министра, «насколько просто немцы могли завладеть любыми судами, находящимися в портах, которые они контролировали»²⁷².

Вторая фаза, операция «Катапульта», была более сложной. Премьер-министр описал ее как «смертельный удар... в западной части Средиземного моря». В восточной части Средиземноморья, Александрии, все прошло гладко, им повезло. Дарлан приказал вице-адмиралу Рене Годфруа перебазировать эскадру в Бизерту, являвшуюся базой французского военно-морского флота в Северной Африке. В свою очередь, адмирал сэр Эндрю Браун Каннингем (Andrew Browne Cunningham – «ABC», как называли его друзья), командующий Средиземноморским флотом, получить приказ остановить Годфруа. Адмиралы, поддерживавшие дружеские отношения, уладили проблему по-джентльменски: Годфруа слил топливо и передал на хранение во французское консульство в Александрии замки с орудий. Стороны подписали соглашение, таким образом Каннингем выполнил приказ, не унизив чести Годфруа²⁷³.

Иначе обстояло дело в Мерс-эль-Кебире, военно-морской базе на побережье Алжира, в 3 милях к западу от Орана. Здесь находилось сильное военно-морское соединение, в состав которого входили два линкора и два современных линейных крейсера, «Дюнкерк» и «Страсбург», созданные как противовес немецким «Шарнхорсту» и «Гнейзенау», которые доказали свою разрушительную силу в сражении с британцами у берегов Норвегии. Нельзя было позволить «Дюнкерку» и «Шарнхорсту» попасть в руки немцев. Французский командующий, вице-адмирал Марсель Жансуль, привел флот в боевую готовность, сообщив, что настороженно относится к британцам. По мнению адмирала Паунда, только «внезапное нападение на рассвете и без предупреждения» позволит уничтожить французский флот в Мерс-эль-Кебире. Но это был неприемлемый вариант. Многие офицеры Королевского флота были шокированы этим предложением; всего неделю назад французы были их товарищами, и они даже не могли думать о том, чтобы открыть по ним огонь без предупреждения. Итак, перед вице-адмиралом Соммервиллом стояла одновременно и трудная и деликатная задача; Черчилль назвал ее «одной из самых противоречивых и трудных задач, которую когда-либо получал британский адмирал».

Соединение, которым командовал Соммервилл, прибыло в Мерс-эль-Кебир 3 июля утром, в начале десятого. В его состав входили линкоры «Валиант» и «Резолюшн», старый, внушавший ужас линейный крейсер «Худ»²⁷⁴, одиннадцать эсминцев и авианосец «Арк Ройал».

Соммервилл направил адмиралу Жансулю четыре предложения, предоставив право выбора:

1. Увести корабли в английские порты и продолжать сражаться вместе с Англией.
2. Направиться в один из английских портов.

²⁷¹ Colville, *Fringes*, 171—72; WSC 2, 233; Warren Tute, *The Deadly Stroke*, introduction by John Colville (New York, 1973), 21 28.

²⁷² Tute, *Deadly Stroke*, 73–87.

²⁷³ Tute, *Deadly Stroke*, 112—14; WSC 2, 234.

²⁷⁴ Этот крейсер на протяжении двух десятков лет олицетворял мощь британского флота, будучи самым крупным военным кораблем в мире. Он действительно производил сильное впечатление. 24 мая 1941 года при попытке перехватить германский линкор «Бисмарк» в Северной Атлантике «Худ» погиб в результате попадания одного или более 380-мм снарядов в погреб боезапаса. Спаслось только три члена экипажа из 1421.

3. Направиться в какой-либо французский порт в Вест-Индии, где корабли можно передать под охрану Соединенных Штатов до конца войны.

4. В течение шести часов потопить свои корабли.

Послание Соммервилла заканчивалось словами: «У меня есть приказ правительства Его Величества использовать все необходимые силы для предотвращения попадания Ваших кораблей в руки немцев или итальянцев»²⁷⁵.

Переговоры продолжались в течение восьми часов. Жансуль утверждал, что ни при каких обстоятельствах не позволит захватить свои корабли нацистам, которые до сегодняшнего дня были их общими врагами. Однако, получив ультиматум, Жансуль решил защищаться всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Соммервилл радировал в Лондон, что французы не выказывают признаков выхода из гавани в море. Черчилль через адмиралтейство передал Соммервиллю, что он должен выполнить возложенную на него задачу, какой бы неприятной она ни была. Соммервилл насколько возможно оттягивал развязку, сообщая в адмиралтейство, что французы ждут распоряжений от своего правительства и что у него проблемы с минированием. Но, поскольку день подходил к концу, он понял, что французский адмирал тянет время. Британская разведка перехватила сообщение нового французского правительства в Мерс-эль-Кебир. Дарлан приказал Жансулю ответить «силой на силу». Он информировал немцев о происходящем и сообщил Жансулю, что к нему направляются все французские корабли, находившиеся в Средиземном море. Адмиралтейство радировало Соммервиллю: «Быстро уладьте вопрос, или Вам придется иметь дело с французским подкреплением»²⁷⁶.

В 17:55 британский адмирал отдал приказ открыть огонь. Через десять минут взорвался один французский линкор, а другой выбросило на берег. «Дюнкерк», севший на мель, добили бомбардировщики с авианосца Арк Ройал; погибли 1250 французских моряков. Спасти удалось только «Страсбургу», который скрылся в сгуставшейся темноте²⁷⁷.

Мерс-эль-Кебир стал кульминацией почти восьминедельного растущего разочарования и недоверия между бывшими союзниками. Правительство Петена было вне себя от гнева. Дарлан поклялся отомстить. Пьер Лаваль, министр иностранных дел в правительстве Виши, чья потускневшая звезда восходила над Виши, призвал объявить войну Англии. Бодуэн осудил действия Великобритании и возложил ответственность за войну на англичан. Петен прервал дип. ломатические отношения с Великобританией, и началась долгая печальная эпопея сотрудничества его *Etat Français* – Французского государства – с немцами. Некоторые французские военные корабли, включая линкор «Ришелье», нашли убежище в Дакаре; три линкора, семь тяжелых крейсеров, шестнадцать подводных лодок, восемнадцать эсминцев и дюжина торпедных катеров, почти третья часть довоенного французского флота, пришли на морскую базу в Тулон. Там в течение двадцати девяти месяцев флот стоял на якоре.

Операция в Мерс-эль-Кебire вызвала в Англии бурное ликование. По данным опроса Гэллапа, в поддержку премьер-министра высказались 89 процентов граждан – Чемберлен достиг максимума в 69 процентов. С наполеоновских времен не было столь сильной франкофобии. Сразу по окончании операции в Алжире Великобритания узнала, что правительство Виши отменило обещание Рейно относительно отправки 400 летчиков люфтваффе в Великобританию, вместо этого вернув их Германии. Выступая в палате общин, Черчилль сказал: «Я оставляю судить о наших действиях парламенту. Я оставляю это стране, и я оставляю это Соединенным Штатам. Я оставляю это миру и истории»²⁷⁸.

²⁷⁵ For a thorough discussion of the British attack on the French fleet at Mers-el-Kebir, see chap. 5 of Arthur Marder's *From the Dardanelles to Oran* (London, 1974).

²⁷⁶ Tute, *Deadly Stroke*, 148.

²⁷⁷ Tute, *Deadly Stroke*, 152–62.

²⁷⁸ Thompson, 1940; WSHCS, 6246.

После этих слов все члены палаты вскочили с мест, долго и бурно выражая свое одобрение. Джек Колвилл написал в дневнике: «Он подробно рассказал о событиях в Оране, и палата слушала затаив дыхание. Раздавались удивленные возгласы, но было ясно, что палата единодушно одобряла [операцию в Алжире]». Хью Далтон написал: «Когда он закончил, мы намного громче и дольше аплодировали, чем ему, Чемберлену или кому-то еще, за время войны». По словам Гарольда Николсона, «сначала огорченная палата молча слушала об этом ужасном нападении, но речь Черчилля взбодрила ее. Последние слова были встречены овацией, и слезы катились по щекам Черчилля, когда он вернулся на свое место»²⁷⁹.

Любопытно, что самые горькие слова прозвучали в адмиралтействе. Все адмиралы, принимавшие участие в операции «Катапульта», согласились с Каннингемом, что нападение было «актом чистейшего предательства, столь же неразумным, сколь ненужным». Но они так и не поняли, что операция в Мерс-эль-Кебире была не просто военной акцией. Достигнутая Черчиллем цель была намного значительнее. Позже он попытался объяснить ее Корделлу Халлу, который считал операцию «трагической ошибкой». По словам Халла, Черчилль сказал ему, что, «поскольку многие люди во всем мире были убеждены, что Великобритания собирается капитулировать, он хотел этим действием показать, что она по-прежнему нацелена на борьбу»²⁸⁰.

Это было главным. Чуть больше чем за два года нацисты завоевали или подчинили Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург и Францию, причем не затратив особых усилий. Миллионам людей сопротивление казалось бессмысленным, даже убийственным. 15 мая американский посол Джозеф Ф. Кеннеди сказал Рузвельту, что Великобритания выдохлась, конец наступит скоро; он считал, что через месяц немцы будут в Лондоне. Народ Великобритании думал иначе. В мае опрос общественного мнения, проведенный Институтом Гэллапа, показал, что 3 процента считали, что могут проиграть войну, – к концу июля процент был столь незначительным, что о нем не стоило и говорить. В письме королеве Марии король сказал за свой народ: «Лично я чувствую себя счастливее теперь, когда у нас нет союзников, с которыми надо быть вежливыми и потакать им». Хотя за границей полагали, что его королевство обречено, в самой Великобритании после операции в Мерс-эль-Кебире с разговорами о капитуляции было покончено. Больше всего премьер-министра беспокоило мнение Вашингтона. К его огромному облегчению, Рузвельт одобрил операцию «Катапульта», считая, что, если был один шанс из тысячи, что французские военные корабли могут попасть в руки немцев, нападение оправданно. Спустя семь месяцев Гарри Гопкинс, прибывший в Лондон в качестве эmissара Рузвельта, сказал Колвиллу, что «Оран убедил президента Рузвельта, несмотря на противоположные мнения, что британцы продолжают бороться, как обещал Черчилль, в случае необходимости в течение многих лет, в случае необходимости в одиночку»²⁸¹.

Большинство, включая Гитлера, считали, что заявление Черчилля о борьбе в одиночку применимо только к защите Англии. Но Черчилль собирался не только защищать свой остров, но и вести борьбу с Гитлером. В ближайшие месяцы он неоднократно говорил британцам, что, для того чтобы одержать победу в войне, Гитлер должен одолеть Остров. На самом деле Черчилль знал, что, для того чтобы победить, у Гитлера есть другой путь – в другом месте, – который не требует обязательного вторжения в Англию. Это было место, которое давало Черчиллю наилучшую возможность вести борьбу с союзником Гитлера и, если бы Гитлер пришел на помощь своему союзнику, с самим Гитлером. Когда тем летом британцы всматривались в

---

²⁷⁹ Tute, *Deadly Stroke*, 17; Ben Pimlott, *Hugh Dalton* (London, 1985), 348; TWY, 100.

²⁸⁰ Tute, *Deadly Stroke*, 17; Ben Pimlott, *Hugh Dalton* (London, 1985), 348; TWY, 100.

²⁸¹ Tute, *Deadly Stroke*, 17.

море и небо над головой, Черчилль смотрел намного дальше, туда, где решится исход войны: этим местом, по его мнению, было Средиземное море.

В стратегическом отношении Средиземное море имело для Черчилля такое же значение, как для древних греков, а теперь и для Муссолини. Позже Черчилль назвал Средиземноморье «поворотом судьбы», изменившим ход войны. Это понимали многие в немецком Верховном командовании ВМФ и люфтваффе. Несколько позже тем летом главнокомандующий германскими ВМС, гроссадмирал Эрих Редер, в личной беседе сказал Гитлеру, что «британцы всегда считали Средиземноморье центром своей мировой империи». Редер считал необходимым вытеснить англичан из Средиземноморья, что приведет к отделению Англии от ее империи и вынудит Лондон прийти к соглашению, если раньше подводная блокада не поставит Великобританию на колени. У Черчилля было такое же мнение. Но только он видел в Средиземноморье не опасность, а возможность, *единственную* возможность для Великобритании перейти в наступление на море, в воздухе и на суше. Что он и собирался сделать. Суть его военной стратегии заключалась в следующем: защищать Англию; обороняться и нападать в Средиземноморье²⁸².

Со времен цезарей господство в Средиземноморье – *mare nostrum*²⁸³ – имело чрезвычайно важное значение для безопасности Италии.

Средиземноморье между Сицилией и Триполи, расстояние приблизительно 300 миль, было для Рима тем же, чем Ла-Манш и северо-западные подступы к Лондону. Мальта, британское владение с 1814 года и база Королевского флота, стоит на морских путях из Италии в ее североафриканские колонии. Главный остров, Мальта, 95 квадратных миль третичного известняка, поднимается из моря в 100 милях к югу от Сицилии и приблизительно в 200 милях к северо-востоку от Триполи. Ближайшая британская морская база, в Александрии, расположена почти в 1000 миль к востоку, Гибралтар – в 1100 милях к западу. Когда капитулировала Франция, парк истребителей, базировавшихся на Мальте, состоял всего лишь из трех маломощных бипланов «Глостер Гладиатор», которым пилоты дали имена «Вера», «Надежда» и «Милосердие». Четвертый «Глостер Гладиатор» был разобран на запасные части. Гибралтар и Суэцкий канал – главные ворота в Средиземноморье, а Мальта со времен Нельсона была ключом к свободному морскому пути. Гавань Валлетты была единственным британским глубоководным портом между якорной стоянкой в Гибралтаре и Александрией и, следовательно, чрезвычайно важна для Королевского флота, почти так же, как Скапа-Флоу, гавань в Шотландии и главная база флота метрополии.

Но англичане, ожидая как минимум воздушные атаки, если не полномасштабное наступление итальянского флота на Мальту, перевели свои военные корабли с морской базы Валлетта в Александрию для оказания помощи в защите Восточного Средиземноморья. Муссолини предпринял первый воздушный налет на Мальту 11 июня и с тех пор не оставлял ее в покое; он понимал необходимость установления контроля над морем. Его флот, в состав которого входили шесть линкоров, девятнадцать крейсеров, сотня малых и вспомогательных кораблей и более сотни подводных лодок, был больше германского флота и британских флотов в Гибралтаре и Александрии, вместе взятых. Мальта занимала настолько важное место в военной стратегии Черчилля, что в 1940 году он заявил военному кабинету, что если необходимо урезать средства на бетон, используемый для строительства береговых защитных сооружений, то только не за счет трех позиций: Родного острова, Гибралтара и Мальты. Муссолини и Черчилль (и гроссадмирал Редер) знали, что, если Британия лишится Мальты, Средиземное море

---

²⁸² Shirer, *Rise and Fall*, 813.

²⁸³ В переводе с латыни «наше море». Так древние римляне называли Средиземное море, и это не было проявлением мании величия – в результате победы во Второй Пунической войне Рим установил господство практически во всем Средиземноморье.

станет итальянским и британцы распрошались с Гибралтаром и Суэцким каналом. Муссолини шел своим путем; в любом случае он и его командующие ВМФ хотели оставаться на виду²⁸⁴.

Италия, как и Великобритания, была имперской морской державой. Ее важнейшие колонияльные владения, Киренаика и Триполитания, были всего в двух днях плавания от Сицилии. Итальянский торговый флот, под защитой итальянского военно-морского флота, был единственным источником снабжения этих колоний, которые, в свою очередь, кормили Италию. 10 июня 1940 года, в день, когда Муссолини вонзил кинжал во Францию, итальянский торговый флот (общим водоизмещением 3,5 миллиона тонн) занимал пятое место в мире после Великобритании (18 миллионов тонн), США (12 миллионов тонн), Японии (5,5 миллиона тонн) и Норвегии (4,8 миллиона тонн). Более трех четвертей норвежского флота – тысяча судов находились в море, когда в апреле немцы напали на Норвегию, – ушли в Великобританию. Поспешность, с которой Муссолини влез в гитлеровский военный вагон, привела к одному из наименее известных, но самых существенных поражений на море за всю войну. 11 июня, на следующий день после вторжения Муссолини во Францию, его торговый флот сократился на 35 процентов, когда 220 итальянских грузовых судов и танкеров были захвачены в нейтральных портах по всему миру. Муссолини не сумел вернуть торговый флот домой перед тем, как совершил предательство по отношению к Франции. Он не смог восполнить потерю. В этом Черчилль видел свой шанс. Он думал, что итальянцы нанесут удар по Каиру из Ливии, но в то же время считал, что Муссолини, лишившись столь значительной части своего торгового флота, больше не сможет защищать свои африканские колонии. Спустя два дня после Дюнкеркской операции и за четыре дня до нападения Муссолини Черчилль передал записку в министерство авиации: «Крайне важно нанести удар по Италии в тот момент, когда вспыхнет война». В начале осени, выступая в палате общин, Черчилль сказал: «Сеньор Муссолини имел некоторый опыт, который не помог ему в тот момент, когда он решил, что безопасно и выгодно нанести предательский удар раненой, обессиленной Французской Республике»²⁸⁵.

Вопрос о возможности нацистского нападения на остров был впервые поднят 20 мая на заседании Комитета обороны, когда вражеские танки, заняв Амьен и Абвиль, вышли к побережью Ла-Манша. После короткого обсуждения – разговор шел в основном о нехватке стрелков и винтовочных патронов – приняли решение разместить восемь солдат с ручными пулеметами «Брэн»²⁸⁶ на Уайтхолле, в том числе у входа в «номер 10», и двоих на арке Адмиралтейства.

От них была бы польза только в том случае, если бы немцы хлынули из Букингемского дворца и с Трафальгарской площади. Три дня спустя печальные известия из портов на Ла-Манше заставили заняться более реалистичным планированием. Черчилль предупредил премьер-министров доминионов о возможности «скорого мощного наступления» на Англию и приказал начальникам штабов продумать «способы борьбы с танками противника» – он предложил наземные мины. К тому времени эта проблема считалась весьма серьезной. Мартин Гилберт пишет: «Вторжение было теперь основной проблемой тех, кто был в центре военной политики. К концу июня в головах англичан, похоже, не осталось ни одной мысли, кроме этой». Айронсайд написал в дневнике: «Люди измучены ожиданием нападения». Французы уже сдались итальянцам. Разведчики ВВС Великобритании сообщали о том, что в портах Бельгии и

²⁸⁴ CAB 65/9.

²⁸⁵ Cv/2, 259; WSCHCS, 6287.

²⁸⁶ «Брэн» – английский ручной пулемет, модификация чехословацкого пулемета ZB-26. Разработка Bren началась в 1931 году. Окончательный вариант появился в 1938 году и был запущен в серию. Новый пулемет получил название от первых двух букв названия городов Брно (Brno) и Энфилд (Enfield), в которых было развернуто производство. На вооружение британских войск был принят 8 августа 1938 года.

Северной Франции скапливаются баржи, лихтеры и паромы, и на Уайтхолле было известно, что нацисты на другой стороне Ла-Манша пели: «Мы плывем против Англии»²⁸⁷.

В палате общин Черчилль впервые обратился к вопросу, связанному с защитой от вторжения, 4 июня, в день завершения Дюнкеркской операции. Даже несмотря на то что в то время Британии было не позавидовать, Черчилль говорил о наступлении, а не об обороне: «На задачу защиты нашего дома от вторжения, конечно, сильно влияет тот факт, что в настоящий момент мы имеем на Острове гораздо более мощные вооруженные силы, чем когда-либо в этой войне или в прошлой. Но это не будет длиться вечно. Мы не должны довольствоваться оборонительной войной... Мы должны заново сформировать британские экспедиционные силы... Этот процесс идет полным ходом; но пока мы должны вывести нашу оборону на такой уровень организации, при котором потребуется наименьшее возможное количество войск для оказания эффективной защиты и при котором будут осуществимы наиболее мощные наступательные действия. Этим мы сейчас занимаемся»²⁸⁸.

Спустя три недели в письме южноафриканскому премьер-министру Яну Сметсу²⁸⁹, преданному британскому союзнику, Черчилль совершенно ясно высказывает мысли о наступлении: «Очевидно, нам придется прежде всего отразить вторжение в Великобританию и доказать свою способность продолжать усиление нашей военно-воздушной мощи. Доказать это можно лишь на практике».

Черчилль высказывает предположение, что Гитлер может повернуть на Восток, в Россию, и, возможно, так и поступит, «даже не пытаясь вторгаться к нам». И далее: «Наша большая армия, которая создается сейчас для обороны метрополии, формируется на основе наступательной доктрины, и, возможно, в 1940 и 1941 годах представится возможность для проведения крупномасштабных десантных операций»²⁹⁰.

Но пока он мог нападать на Гитлера только с помощью слов. Его самый красноречивый вызов был брошен нацистам на следующий день после того, как французы сложили оружие. Его речь продолжалась тридцать шесть минут, которые потребовались на прочтение двадцати трех страниц машинописного текста. Он предвидел кульминацию:

«Битва, которую генерал Вейган называл битвой за Францию, закончена. Я полагаю, что сейчас начнется битва за Англию. От исхода этой битвы зависит существование христианской цивилизации. От ее исхода зависит жизнь самих англичан, так же как и сохранение наших институтов и нашей империи. Очень скоро вся ярость и могущество врага обрушатся на нас, но Гитлер знает, что он должен будет либо сокрушить нас на этом острове, либо проиграть войну. Если мы сумеем противостоять ему, вся Европа может стать свободной и перед всем миром откроется широкий путь к залитым солнцем вершинам.

Но если мы падем, тогда весь мир, включая Соединенные Штаты, включая все то, что мы знали и любили, обрушится в бездну нового Средневековья, которое светила извращенной науки сделают еще более мрачным и, пожалуй, более затяжным.

Обратимся поэтому к выполнению своего долга и будем держаться так, чтобы, если Британской империи и ее содружеству наций суждено будет просуществовать еще тысячу лет, люди сказали: «Это был их звездный час»²⁹¹.

²⁸⁷ GILBERT 6, 372, 392; Macleod, *Time Unguarded*, 369; Hermann Lons, *Ein Soldatisches Vermachtnis* (1939), 85; Richard Gerlach, *Das Beste von Hermann Lons* (Hanover, 1980), 16.

²⁸⁸ WSCHCS, 6230.

²⁸⁹ Отношение к Сметсу в имперском Военном кабинете было настолько серьезным, что в 1940 году было высказано предложение, на основании которого составлен план, согласно которому Сметса могли назначить премьер-министром Соединенного Королевства в случае смерти Черчилля или потери им трудоспособности во время войны. Автором идеи был Джон Колвилл, личный секретарь Черчилля. Близость к британской политике, королю и Черчиллю сделала Сметса крайне непопулярным в своей стране и в конечном счете привела к его падению.

²⁹⁰ Cv/2, 429.

²⁹¹ Hansard 6/18/40; WSCHCS, 6238.

Эдвард Р. Марроу сказал о Черчилле: «Теперь для него настал час мобилизовать английский язык и отправить его в бой».

Создалось впечатление, словно звонит огромный колокол, призывая англичан пожертвовать всем ради сохранения чести, защищая родную землю и западную цивилизацию. Мир за пределами империи остался глух к этому призыву. Хотя у слушателей и в то время, и впоследствии создалось впечатление, что он говорил о храбрости англичан англичанам, но это было не так. Черчилль старательно подбирал слова. Он сказал, что через тысячу лет люди скажут, что это был звездный час *Британской империи*, а не Англии. Гитлер заявил, что его рейх просуществует тысячу лет; Черчилль потребовал того же для своей империи. Каждый считал, что выжить может только одна империя. Ни один не рассматривал возможность гибели обеих империй. Тем летом Великобритания воевала в Европе в одиночку – доминионы и колонии были слишком отдалены, чтобы предложить существенную помощь, но империя, в состав которой входила четверть населения земли, активно поддерживала Родной остров. Однако империя – в том числе Индия, Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия – не могла реагировать достаточно быстро и обеспечить достаточным количеством войск, чтобы помешать Гитлеру. В Британии была всего одна канадская дивизия, отозванная из Франции.

Американцы испытывали сочувствие, но были настроены пессимистически, и вдохновенные слова Черчилля не произвели впечатления на политических лидеров в Америке и на континенте. Франклин Рузвельт, готовившийся к переизбранию в стране, настроенной против вступления в войну, не собирался говорить или делать то, что могло показать, что он поддерживает Черчилля и Британскую империю. «Для тех, кто не был немцами, – пишет биограф Алана Брука, – в то лето, похоже, был единственный способ спастись – мгновенная и безоговорочная капитуляция, а для тех, кто медлил, единственный удел – верная и неминуемая гибель». Гитлер действительно верил, что война закончена. Он уже провел парад победы у Бранденбургских ворот, в котором приняли участие новобранцы 218-й пехотной дивизии. 40 из 160 дивизий вермахта были демобилизованы, и фюрер составлял мирный договор, будучи уверен, что британцы подпишут его, понимая, что в противном случае их ждет полное уничтожение²⁹².

Некоторые англичане подписали бы этот договор. Таким образом, существовала альтернатива гитлеровскому желанию «сломить этот остров». В телеграмме Рузвельту от 20 мая Черчилль говорит о возможности мирных переговоров с Гитлером, которые будут вынуждены вести его преемники в состоянии «чрезвычайного отчаяния и беспомощности». Он опять упоминает о такой возможности в телеграмме Рузвельту от 15 июня, высказывая предложение, что Гитлер хочет только *согнуть* Великобританию и «если сопротивление здесь будет сломлено, но в борьбе может наступить такой момент, когда нынешние министры уже не будут управлять делами и когда можно будет получить очень легкие условия для Британского острова путем превращения его в вассальное государство гитлеровской империи. Для заключения мира будет, несомненно, создано прогерманское правительство, которое может предложить вниманию потрясенной и голодающей страны доводы почти неотразимой силы в пользу полного подчинения воле нацистов».

Этого допустить было нельзя. Ватикан призвал к мирному урегулированию конфликта, и 1 августа король Швеции Густав V, старейшина европейских монархов (и источник большей части железной руды Гитлера), написал письмо королю Георгу VI с предложением встретиться, чтобы «обсудить возможность заключения мира». Некоторые англичане, считавшие Уинстона «ненормальным», думали, что это предложение заслуживает обсуждения. Мюнхенцы все еще пользовались большим влиянием, особенно в истеблишменте. И конечно, Галифакс. Агентство United Press сообщило, что он призвал «канцлера Гитлера сделать новое, более великодуш-

---

²⁹² Deighton, *Fighter*, 8.

ное мирное предложение». Р.О. Батлер, заместитель министра иностранных дел Галифакса, был активным сторонником мирных инициатив короля Густава. Согласно Бьерну Притцу, в то время шведскому послу в Лондоне, 7 июня, когда премьер-министр предпринял очередную попытку укрепить решимость французов, Батлер сказал Притцу, что «негибкость» Черчилля в отношении Третьего рейха «не играет решающей роли». Он не видел причины, почему нельзя сейчас закончить войну компромиссным миром, если немецкие условия будут приемлемыми, и заверил шведа, что британская политика будет руководствоваться «не бравадой, а здравым смыслом»²⁹³.

Узнав об этом, премьер-министр направил в министерство иностранных дел гневное послание, в котором подверг резкой критике «теплохладность» Батлера, – Батлер, хныча, возражал, что его неправильно поняли, – и вновь заявил о решимости правительства «бороться до конца»²⁹⁴.

Черчилль сказал королю, что «появление недостойного короля Швеции, после того как он предал Финляндию и Норвегию и находится полностью во власти немцев... особенно неприятно». Король согласился со своим премьер-министром. Георг VI уловил настроение своего народа; в дневнике он написал: «Как мы можем сейчас говорить о мире с Германией после того, как они захватили и деморализовали народы стольких европейских стран? Пока Германия не готова жить в мире с соседями, она всегда будет представлять угрозу. Мы должны избавиться от ее воинственного духа, ее орудий войны и людей, наученных пользоваться ими»²⁹⁵.

Впоследствии англичане, так же скептически относящиеся к политическим деятелям, как Бернард Шоу и Малькольм Маггеридж, сошлись во мнениях, что если бы летом 1940 года премьер-министром был бы любой другой, но не Черчилль, то Великобритания договорилась бы о перемирии с Гитлером. Шведский посол в Лондоне сообщил в Стокгольм, что несколько влиятельных членов парламента повторяли слова Батлера. Два посла его величества – Хор в Мадриде и лорд Лотиан в Вашингтоне – старались установить контакты с коллегами-нацистами, готовясь к дипломатическим «беседам».

В парламенте самым известным капитулянтом был Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании в годы Первой мировой войны. Старый валлиец, завидовавший Черчиллю, отказался войти в его правительство. Он планировал занять кресло премьер-министра и обратиться к противнику с просьбой о перемирии. «Я убежден, – сказал он, выступая в палате (и его мягкий голос звучал убедительно), – что правительство должно принимать во внимание любые мирные предложения... обсудить тех, кто стал причиной всех проблем нескольких последних лет». Он обнародовал свою точку зрения 28 июля в *Sunday Pictorial*: «Я предвидел нависшую катастрофу».

Если бы к его совету прислушались, продолжил он, это привело бы «к лучшему пониманию между рассерженными народами... и переустройству на мирный лад. Я хочу сказать, что в то время ситуация для обсуждения соответствующих условий была более благоприятной, чем сегодня, и, вероятно, будет через несколько недель»²⁹⁶.

В Берлине Ллойд Джордж всерьез рассматривался в качестве возможного главы марионеточного правительства. Немецкие психологи уверяли фюрера, что Ллойд Джордж отражает настроения, царившие в Великобритании. Но ни он, ни Батлер, ни информаторы шведского посла больше не шли в ногу со своими соотечественниками. Каждый грамотный лондонец,

---

²⁹³ C&R-TCC, 1:40, 49; Cv/2, 261; Bryant, *Tide*, 151.

²⁹⁴ C&R-TCC, 1:40, 49; Cv/2, 261; Bryant, *Tide*, 151.

²⁹⁵ Thompson, 1940, 149; WSC 1, 598–99, 695; Premier (Prime Minister) Papers, Public Record Office, Kew, 4/100/3; Birkenhead, *Halifax*, 458, and Llewellyn Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War* (London, 1962), 53; Williamson Murray, *Luftwaffe* (Baltimore, 1985), 43.

²⁹⁶ Duff Cooper, *Old Men Forget* (London, 1954), 267; Jones, *Diary*, 465; Lloyd George, *Sunday Pictorial*, 7/28/40; Wheeler-Bennett, *King George VI*, 456.

похоже, читал книгу *Guilty Men*. Автор, скрывавшийся под псевдонимом Cato²⁹⁷, обвинил пятнадцать тори, в их числе Болдуина, Чемберлена, Галифакса и Хора, в пренебрежении нуждами обороны Англии.

Казалось, все англичане с презрением относились к любым предложениям о переговорах; в старой британской армии таких людей называли «несговорчивыми». Том Джонс, бывший заместитель министра, написал из Кливленда: «Все готовы к призыву на военную службу для выполнения любых обязанностей, и самое обидное, что мы не можем использовать всех»²⁹⁸.

Падение Франции не только не лишило их мужества, но на самом деле подняло их боевой дух.

Своим энтузиазмом Черчилль заразил все королевство. Дюнкерк был поражением, но англичане увенчали его лаврами победы. Они всегда знали, что, в каком бы отчаянном положении они ни оказались, преимущество будет на их стороне. Они вспомнили старое правило: «Англия всегда проигрывает все сражения, кроме последнего». Они напоминали друг другу, что являются потомками англичан, которые, согласно Маколею, «зажгли костры от Эддистона до Берика, от Линна до залива Милфорд, предупреждая о приближении испанской армады, не падая духом и наблюдая, без страха, за мерцающими кострами Наполеона в Булони»²⁹⁹.

Дороти Ли Сэйерс написала:

Это война! Англия, будь бдительна.
Не осталось союзников в этой войне,
нет надежды на помощь извне,
и не надо уговаривать нерешительных.
И на советах поставьте точку —
Англия выстоит и в одиночку³⁰⁰.

Продавцы газет писали мелом на стенах своих киосков: «Мы в финале – играем на родной земле». Сомерсет Моэм, наконец достигший Ливерпуля, увидел, что люди не впали в уныние после разгрома французов, наоборот, все уверенно говорили, что «это не имеет значения; мы можем в одиночку расправиться с джерри»³⁰¹, «страх перед вторжением? Нет и тени страха. Мы разобьем их. Это, конечно, займет время, но ничего, мы выстоим».

«Это была уже не та Англия, из которой я уехал несколько недель тому назад, – сделал вывод Моэм. – Она стала более решительной, более энергичной и более сердитой. Уинстон Черчилль вселил в народ свою непоколебимую решимость»³⁰².

В *The New Yorker* Молли Пэнтер-Доунес охарактеризовала общественный настрой как «разумно-решительный». 22 июня она пишет: «Отдельного англичанина, похоже, особенно не впечатлил тот факт, что теперь нет ничего между ним и военной машиной, какой еще никогда не видел мир. Возможно, это отсутствие воображения; а может, опять все та же твердая решимость, которая иногда приводит к героическим событиям, таким как Дюнкерк». К концу лета ее сама, похоже, подхватила буря эмоций. «Обычный человек великолепен в такие мгновения, как это», – написала она, и спустя две недели: «Не перестает удивлять спокойствие обычного человека». Она, как и Моэм, наконец поняла, что причина растущей решимости народа в новом премьер-министре. Она процитировала *Times*, которая на протяжении десяти лет про-

---

²⁹⁷ Книгу, под псевдонимом Cato, написали три журналиста – Майкл Фут, Фрэнк Оуэн и Питер Ховард. (Примеч. авт.)

²⁹⁸ Panter-Downes, *War Notes*, 83–86; Jones, *Diary*, 465–66.

²⁹⁹ Wheeler-Bennett, *King George VI*, 456.

³⁰⁰ Wheeler-Bennett, *King George VI*, 456.

³⁰¹ Так называли немцев британские солдаты.

³⁰² Gardner, *Churchill in Power*, 65–66.

должала считать Черчилля несостоятельным: «Господин Черчилль по-прежнему, в некоторых отношениях, сам по себе», – и заметила: «Эта одинокая личность продолжает внушать преданность и уверенность всем классам, что удавалось только великому Уильяму Питту³⁰³ в 1759 году, в «год побед». Англия, казалось бы, нашла своего судьбоносного человека в тот критический момент, когда ее доброжелатели начинали опасаться, что судьба катится под уклон. Выдающийся лидер и решимость выдающегося народа вернули надежду и достоинство обществу, давно испытывавшему в них недостаток»³⁰⁴.

Летом, после падения Франции, англичане в любой момент ожидали появления немецкой армии – и с моря, и с воздуха. В прошлом году немцы появились на польской границе; весной этого года, – на побережье Норвегии; в мае – прошли через Арденны; упали с неба в Роттердаме. Вот почему британцы считали, что находятся в смертельной опасности, и продолжали так считать, с разной степенью тревоги, до конца лета 1942 года. Черчилль, в свою очередь, полагал, что немцы *могут* прийти, и требовал соблюдать необходимую осторожность в случае их появления, но он не верил – ни тем летом, ни летом следующего года – что они придут. Вскоре после капитуляции Франции он сказал Колвиллу: «Гитлер должен вторгнуться и потерпеть неудачу. Если он потерпит неудачу, то двинется на Восток [в Россию]»³⁰⁵.

Это заявление, может и не самым лучшим образом сформулированное, выражает основную мысль: Гитлер попытается вторгнуться в Англию и потерпит неудачу или выступит против своего партнера Иосифа Сталина. Исходя из этих соображения, в конце июня Черчилль пишет письмо Сталину в надежде установить с маршалом такие же отношения, какие он установил с Франклином Рузвельтом. Он передает письмо своему новому послу в Москве сэру Стаффорду Криппсу, социалисту; по мнению Черчилля, это назначение должно было произвести положительное впечатление на Сталина.

Проблема, объяснил в письме Черчилль Сталину, состоит в том, угрожают ли «притязания Гитлера на гегемонию в Европе интересам Советского Союза». Англии, конечно, угрожали. Черчилль признал, что отношениям между Лондоном и Москвой «мешают взаимные подозрения» (удивительно сдержанное высказывание), но теперь, в силу географического положения – они «не в Европе, а на ее оконечностях», – могут с двух сторон оспорить попытки на установление господства над Европой. На протяжении всей жизни Черчилля согревала мысль, что Великобритания была частью Европы, но не «в» Европе. Он не находил ничего смешного и не соответствующего действительности в газетном заголовке: «НА ЛА-МАНШЕ ТУМАН – КОНТИНЕНТ ОТРЕЗАН». Гитлер действительно отрезал континент. У Великобритании две цели, написал Черчилль Сталину, «спасти себя от нацистского господства» и «освободить остальную Европу» от нацистского господства. Письмо должно было убедить и успокоить Сталина. Однако он не ответил. Криппс сообщил, что Сталин, прочитав письмо, назвал клеветническим заявление о территориальных притязаниях Германии и выразил уверенность, что Германия не представляет опасности для России. После ухода Криппса Сталин приказал министру иностранных дел Вячеславу Молотову позвонить в Берлин и передать содержание разговора с Криппсом, жест, предназначавшийся для того, чтобы напомнить Гитлеру об искренних дружеских чувствах Сталина³⁰⁶.

---

³⁰³ Уильям Питт-старший относится к числу тех деятелей, кто еще при жизни вызывает восхищение одних и ненависть других. Способный, решительный и целеустремленный, он на протяжении многих лет оказывал сильное влияние на внешнеполитический курс Англии. Экс-премьер Великобритании лорд Розбери, написавший одну из его биографий, отмечал, что Питт сумел окружить себя «непроницаемым туманом таинственности, не обнаруживая своих действительных помыслов ни словами, ни на бумаге». Вот что сказал Черчилль о своем великом предшественнике Уильяме Питте-старшем: «Все ощущали, что при Питте ошибки могут быть прощены, но нерешительность – никогда».

³⁰⁴ Panter-Downes, *War Notes*, 71, 91, 97, 110–11.

³⁰⁵ Colville, *Fringes*, 195.

³⁰⁶ Cv/2, 417–18.

Черчилль не умел читать мысли Гитлера; о своих намерениях сокрушить большевистский Советский Союз Гитлер сообщил в своей автобиографии *Mein Kampf*. С не вызывающей сомнений откровенностью он написал: «Эта гигантская империя [Россия] на Востоке созрела для распада. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства». У Гитлера, в свою очередь, не было необходимости пытаться читать мысли Черчилля; он читал переписку. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в середине июля Гитлер сказал своим военачальникам, что «надежды Британии связаны с Россией и Америкой». Он был прав. Гитлер заметил, что Великобритания «встала на ноги частично благодаря надеждам, связанным с Россией. Следовательно, заявил он, «если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду... В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года»³⁰⁷.

Его уверенность относительно Германии и России была достигнута благодаря удачному сочетанию холодной логики и интуиции. Таким был его подход ко всем проблемам. Решением какой бы проблемы Черчилль ни занимался, будь то геополитические проблемы, такие как континентальная гегемония или Средиземноморский театр, он всегда рассматривал ее с точки зрения художника; целое больше, чем сумма его частей. Он понимал, насколько важны детали и какое влияние они оказывают на стратегические проблемы в целом, и требовал серьезно вникать во все подробности. Самые очевидные и простейшие факты указывали на наличие стратегических проблем. Один факт, которым зачастую пренебрегают, рассказывая о летних месяцах 1940 года, лежал в основе планирования Черчилля на случай немецкого вторжения: день делился на дневные и ночные часы. Битва за Британию часто представляется как «битва за превосходство в воздухе». На самом деле это была битва за превосходство в воздухе *в светлое время суток*. Все менялось после наступления темноты. Ночные бомбардировщики – британские и немецкие – летали не опасаясь истребителей и не испытывая особого страха перед зенитным огнем, но поступались точностью наведения. Истребители поднимались в воздух только при полной луне, или почти полной, чтобы защищать свои бомбардировщики и высматривать самолеты противника. Армии могли маневрировать и сражаться ночью и днем. Но в конце июня немецкая армия была во Франции, в то время как британская армия – постепенно избавлявшаяся от хромоты – была в Англии. Черчилль, конечно, не мог знать, что немцы еще даже не рассматривали вторжение. Но он знал, что если они все-таки попытаются вторгнуться, то значительные силы могут прибыть на остров только по морю. Черчилль считал, что это маловероятно. Для того чтобы высадиться на рассвете, армада вторжения должна плыть ночью, а немецкие истребители в темное время суток не поднимались в воздух, и ночь принадлежала Королевскому флоту, самые большие корабли которого были оснащены радаром. Ночью Королевский флот мог, по усмотрению, охотиться на вражеские баржи и корабли. В записке Айронсайду от 7 июля Черчилль написал: «За исключением самых узких мест, было бы опасно и даже губительно бросать большую армию в морское сражение с нашими крупными вооруженными силами патрулирования»³⁰⁸.

Черчилль информировал палату общин, что «военно-морской флот никогда не претендовал на то, что сможет помешать вторжению отрядов в 5—10 тысяч человек, неожиданно доставленных и высаженных в нескольких пунктах побережья темной ночью или туманным утром». Но они будут незамедлительно взяты в окружение подразделениями британской армии. Если они высадутся в Северной Англии или Шотландии, то окажутся в сотнях миль от Лондона, и в этом нет никакого смысла. Нет, немцы должны высадить неодолимую силу в пределах 100 миль от Лондона. Черчилль считал, что Гитлер – если он решит вторгнуться – попытается сменить британское правительство в Лондоне, заставив установить новое, более

---

³⁰⁷ Shirer, *Rise and Fall*, 798.

³⁰⁸ WSC 2, 286.

уступчивое правительство. Вермахт просто не в состоянии завоевать и оккупировать всю Великобританию, от Девона через Мидлендс до Шотландии, не потому, что немецкая армия испытывает недостаток в солдатах и танках, а потому, что Германии не хватит судов, чтобы просто попытаться перебросить такую огромную армию в Англию³⁰⁹.

Если немцы предпримут попытку, Черчилль рассчитывал уничтожить их. 18 июня в парламенте он изложил суть своих идей: «Для того чтобы морская мощь проявила себя, особенно в современных условиях, силы вторжения должны быть крупными. Эти силы должны быть крупными, учитывая нашу военную мощь, чтобы вообще принести какую-либо пользу. Но если силы вторжения велики, тогда военно-морской флот сможет отыскать их, встретить и ударить по ним. К тому же следует помнить, что даже для пяти дивизий, как бы легко они ни были оснащены, потребовалось бы 200–250 кораблей, а при нынешней воздушной разведке и аэрофотосъемке было бы нелегко собрать такую армаду, выстроить ее и провести через море под мощным эскортом военных кораблей; весьма вероятно, что эта армада была бы перехвачена задолго до того, как она достигла побережья, и весь ее личный состав был бы потоплен в море или, в худшем случае, уничтожен вместе со своим снаряжением при попытке высадиться... Не должно возникнуть никаких трудностей ввиду нашего огромного превосходства на море»³¹⁰.

Прошлым летом у Гитлера хватило здравого смысла ввести свой торговый флот в Балтийское море, прежде чем напасть на Польшу, в отличие от Муссолини, поспешившего 10 июня напасть на Францию. Небольшой размер тоннажа германского торгового флота, приблизительно 1,2 миллиона тонн, был одним из четырех основополагающих фактов, на которых основывалась уверенность Черчилля в том, что, если немцы все-таки появятся в Англии, они потерпят поражение.

Первое. По оценке Черчилля, для того чтобы доставить на остров первую волну – 60–80 тысяч немецких солдат, потребуется почти 60 процентов германского торгового флота. Для доставки второй волны – 160 тысяч солдат, боеприпасы, танки и тяжелая артиллерия – потребуется намного больше судов, чем имеется в распоряжении Германии. Как было замечено, те же самые цифры, которые способствовали повышению оптимизма Черчилля, привели в смятение верховное командование ВМФ Германии.

Второе. У Германии не было специальных десантных кораблей для выгрузки танков и тяжелой артиллерии на необорудованный берег. Немцам требовалось захватить порт, чтобы выгрузить танки и оборудование. Если они зайдут в порт, то обнаружат, что британцы разрушили все портовые сооружения, заминировали вход в гавань, отрезав обратный путь, и на порт обрушится шквал огня британской артиллерии.

Третье. Позже Черчилль писал, что «мощь германских военно-воздушных сил, насколько нам было известно (а мы были хорошо информированы), не считая отдельных сосредоточений частей, превосходила по численности наши военно-воздушные силы в соотношении около 3:1. Хотя для борьбы с храбрым и искусным врагом условия были неравные, я все же был твердо уверен, что в нашем собственном небе, над нашей страной и над нашими водами мы сможем победить немецкую авиацию».

Четвертое. Королевский военно-морской флот был несравненно мощнее германского военно-морского флота. Почти тысяча «боевых кораблей вела постоянное бдительное патрулирование», написал Черчилль, и «уничтожить их могла только вражеская авиация, да и то лишь постепенно». Вторжение в Англию в 1940 году «требовало от немцев установления превосходства на море и в воздухе, а также огромных флотов специального назначения и большого количества десантных судов. Но превосходством на море обладали мы; господство в воздухе

---

³⁰⁹ WSCHCS, 6495.

³¹⁰ WSCHCS, 6234.

завоевали тоже мы; и, наконец, мы считали – и, как теперь выяснилось, вполне обоснованно, – что немцы не строили и не предполагали строить никаких специальных судов. Таковы были в основном мои идеи о вторжении в 1940 году». Тем не менее «следовало тщательно рассмотреть возможность вторжение через Канал, хотя и невероятную в то время»³¹¹.

30 июня генерал сэр Эндрю Торн, командующий корпусом на юго-востоке Англии, сообщил Черчиллю, что, по его мнению, 80 тысяч немецких солдат будет высажено на побережье Кента, между Танет и Певенси, всего в 60 милях от Лондона. Черчилль, написал Колвилл, настроен «более оптимистично и считает, что флот отреагирует нужным образом». На тот случай, если немцам удастся ускользнуть от Королевского флота и добраться до берега, Черчилль приказал обеспечить максимально возможную защиту побережья в Восточном и Западном Суссексе, Кенте и Суррее. По его приказу были возведены защитные сооружения, доты и проволочные заграждения. Во время одной из инспекционных поездок Черчилль потребовал таблицы приливов и отливов и фаз Луны на ближайшие шесть недель. Он понимал, что все будет зависеть «от быстрого и решительного нападения на высадившиеся на побережье силы, проскользнувшие мимо охраны на море», которые должны «находиться в состоянии высокой мобильности, готовые нанести стремительный удар», и эсминцев Королевского флота, устанавливающих минные заграждения и обстреливающих побережье в ночное время. Колвилл отметил, что генерал Торн, солдаты которого, как ожидалось, примут на себя самый сильный удар, считал, что «левое немецкое крыло можно захватить в Эшдаунском лесу, но он не видел, что может помешать правому крылу наступать через Кентербери на Лондон». Этому могли помешать мобильность и творческий подход к решению тактических задач. Выживание зависело от гибкости, интуиции, находчивости и творческого воображения (кто-то скажет: эксцентричности), качеств, которые отсутствовали у многих английских генералов и, конечно, у предыдущего правительства. Но не у Черчилля³¹².

Согласно сводкам Британского метеорологического бюро, в июне Ла-Манш был спокойным, небо ясным, температура воздуха порядка 15 градусов, и британцы – включая высокопоставленных военных чиновников – были уверены, что скоро появятся захватчики. Все это в их дневниках и письмах. 12 июня Гарольд Николсон написал: «Скорее всего, Франция капитулирует и мы подвергнемся бомбежке и вторжению». «К сожалению, погода по-прежнему прекрасная», – написал в начале июля Айронсайд. Теперь, когда у немцев есть «аэродромы в 25 милях от нашего побережья», заметил Исмей, «вероятность вторжения в Великобританию», похоже, «вопрос нескольких недель». Том Джонс, находившийся в Кливленде, заметил: «Высказываются предположения о вторжении. Куда ни пойдешь, везде доты, дорожные заграждения и полевые укрепления». «Предположения» было ключевым словом на протяжении нескольких недель³¹³.

Большинство британцев испытывали страх. Однако позже Черчилль написал: «Конечно, те, кто больше знали, меньше боялись». Эти слова были написаны спустя много лет, но они отражают его настроение в течение 1940 года. Его частные разговоры и записки министрам в течение лета и осени 1940 года служат доказательством его уверенности в благополучном исходе.

Вечерами первозданная темнота опускалась на затемненную Великобританию. Окна пригородных поездов были выкрашены в черный цвет. Водители ползли со скоростью 20 миль в час. Ориентирами для автомобилистов служили полосы, сделанные белой краской на лондонских фонарных столбах. Несмотря на это, часто случались столкновения велосипедистов

---

³¹¹ WSC 2, 282–84.

³¹² Colville, *Fringes*, 178–81, 182.

³¹³ TWY, 97; Ismay, *Memoirs*, 153; Jones, *Diary*, 467–68.

с автомобилями, а пешеходы натыкались на фонарные столбы. С целью ввести в заблуждение вторгшихся врагов, в сельской местности убрали надписи и указатели на дорожных столбах и при въездах в населенные пункты, заодно сбив с толку местных жителей. В конце июня домовладельцы получили по почте официальные брошюры, в которых объяснялось, как себя вести, когда начнется вторжение. Почти ни у кого не было оружия, если не считать за оружие садовый инвентарь. Немецкие парашютисты, скорее всего, приземлились бы ночью. В речи, обращенной к Родной гвардии, премьер-министр заявил, что, если появятся нацистские парашютисты, «вы объясните им, что они приземлились не на птичий двор или кроличью ферму и даже не в загон для овец, а в клетку льва в зоопарке!»³¹⁴.

У Флит-стрит тоже нашелся совет. В Daily Express Бивербрук призвал сельских жителей дать достойный отпор немецким парашютистам. Daily Express озадачила многих, кто родился и вырос в более мирное время, указав, что любой молодой человек, умеющий играть в крикет, способен метать гранату. Вооружались гражданские лица, даже священнослужители, кто чем мог – в основном ружьями. Великобритания испытывала нехватку оружия. В ожидании винтовок из Америки члены Родной гвардии упражнялись на пиках, древках пик и метловищах. Женщинам объясняли, как делать коктейли Молотова; стариков учили, как выводить из строя танки – засыпать сахар в топливный бак или засовывать лом под траки.

В то время люди воспринимали войну как нечто личное, имеющее отношение непосредственно к каждому из них. В ХХI веке гражданин не в состоянии противостоять современному ракетному оружию, но в 1940 году британец с оружием, даже примитивным, мог внести свой вклад в защиту острова. Если бы нацисты создали плацдарм для высадки десанта, то король Георг был готов возглавить движение Сопротивления. Король приказал оборудовать стрельбище в садах Букингемского дворца, где члены королевской семьи и конюшие ежедневно упражнялись в стрельбе из стрелкового оружия. Молодые принцессы ходили на занятия по учебным стрельбам вместе с родителями. Позже Клементина рассказала дочери, что у Елизаветы и Маргарет была «веселая жизнь, с множеством собак (хотя эти корги не слишком симпатичные) и пони [так!] и восхитительная мать». Восхитительная мать была метким стрелком. 10 июля Гарольд Николсон написал, что королева «сказала мне, что ее ежедневно обучают стрельбе из револьвера. Я выразил удивление, а она сказала: «Да, я не собираюсь сдаваться». Не могу описать, как она была великолепна... Мы победим. Я это знаю. У меня нет сомнений»³¹⁵.

Вторжение нацистов повлекло бы за собой немыслимое количество смертей. Это было время, когда при каждом расставании мужа и жены, матери и дети понимали, что, возможно, видятся в последний раз. Вита Сэквилл-Уэст написала: «Мы, должно быть, оба думаем, что можем уже никогда не встретиться». Николсон ответил: «Я совсем не боюсь... внезапной и достойной смерти. Чего я боюсь так это подвергнуться пыткам и унижениям»³¹⁶.

Пытки, безусловно, ждали тех, кто обладал специальными знаниями об обороне острова. Многие, не желая попадать в плен, имели при себе средства для совершения быстрого самоубийства. Спустя неделю после капитуляции Франции, когда правительство готовилось эвакуировать гражданских лиц из Кента и Суссекса, Николсон, в то время он работал в министерстве информации, написал Вите: «Думаю, что тебе следует носить с собой обычное канцелярское шило, чтобы при необходимости ты могла покончить с собой. Но как быстро и безболезненно принять смерть? Я спрошу у своих друзей докторов?» Спустя десять дней она написала мужу, что у нее есть свое средство. Вероятно, речь шла о яде, а не о шиле. Черчилль неоднократно

---

³¹⁴ WSCHCS, 6775.

³¹⁵ Mary Soames, *Clementine Churchill: The Biography of a Marriage* (New York, 2003), 408; TWY, 100.

³¹⁶ TWY, 90.

клялся, что не сдастся живым; согласно Кэтлин Хилл, его «шилом» был цианид, спрятанный в колпачке авторучки, которую он всегда носил с собой»³¹⁷.

Британцы готовились, но точно не знали к чему – газ, вторжение, воздушная бомбардировка, парашютисты, все вышеупомянутое, вместе взятое? Они были готовы сражаться и умереть, но испытывали недостаток в боевых средствах. Войны ведут солдаты с оружием. В первые четыре недели после Дюнкерка у Великобритании было мало как солдат, так и оружия. Айронсайд, командующий войсками метрополии, включая ополчение, пытался организовать оборону острова. Он предложил «вооружить все население». 22 июня, в день подписания французами перемирия в Компьене, Айронсайд написал: «Даже самый надежный союзник начинает сомневаться, готов ли он [Черчилль] ко всяким случайностям, которые представляет себе. Я подумал об этом вчера, когда инспектировал бесконечную береговую линию в Восточной Англии»³¹⁸.

Никто не мог ничего знать заранее. На протяжении двух веков правительство его величества посылало войска во все уголки земного шара, в то время как в родной стране царил мир. Сражение при Куллодене, 16 апреля 1746 года, стало последней битвой на британской земле, когда армия герцога Камберлендского, сына короля Георга II, разбила армию претендента на британский престол, Красавчика, принца Чарли. Теперь, в июне 1940 года, страна казалась беззащитной. Гарольд Макмиллан вспоминал: «Мы остались не только в одиночестве, но еще и безоружные». Он, конечно, имел в виду армию, а не флот. Как отметил Черчилль, успех Дюнкеркской операции затмил тот факт, что солдаты оставили на французском берегу боеприпасы, свое оружие, артиллерийские орудия и танки. В Англии имелось вдвое меньше винтовок, чем требовалось для защиты острова. Эвакуация еще шла полным ходом, когда Соединенные Штаты согласились продать Великобритании – ключевое слово «продать» – 500 тысяч винтовок времен Первой мировой войны, 80 тысяч устаревших пулеметов, 900 гаубиц и 13 миллионов боеприпасов. Несмотря на круглосуточную работу британских заводов, им бы не удалось восполнить потери быстрее чем за три месяца, а возможно, и полгода. Тем не менее за две недели, с огромным трудом, удалось полностью оснастить две дивизии. Черчилль отдал приказ вернуть домой бригаду, томившуюся в течение многих недель в Северной Ирландии. Что касается Родной гвардии, то реалисты в вооруженных силах – включая А.Дж. П. Тейлора³¹⁹, служившего в Родной гвардии, – пришли к выводу, что если ополченцам даже удастся добраться в назначенные места сбора, то они будут уничтожены³²⁰.

Черчилль сказал Колвиллу, что не испытывает никаких сомнений, готов на все, кроме бесчестных поступков. Был поднят вопрос относительно горчичного газа. Предполагалось, что немцы будут его использовать. Черчилль хотел их опередить. В записке Исмею он написал: «На мой взгляд, противнику нет никакой необходимости применять подобные меры. Он, конечно, примет их, если решит, что ему это выгодно». Были сделаны запасы иприта для распыления его с самолетов. Черчилль предложил «пропитать» газом побережье, и Колвилл написал в дневнике: «Полагаю, он не считает постыдным делом заражение немцев газом»³²¹.

Некоторые из его идей были довольно необычными. Он вспомнил, что елизаветинские англичане использовали против испанской армады «горящие корабли». Почему бы теперь не сделать нечто подобное? С началом боевых действий были уничтожены нефтехранилища на

³¹⁷ TWY, 89, 90, 93; WM/Kathleen Hill, 11/4/80.

³¹⁸ Macleod, *Time Unguarded*, 369.

³¹⁹ Тейлор Алан Джон Персиваль – английский историк, специализировавшийся на европейской дипломатии XIX и XX веков. Журналист и телеведущий, он стал известен миллионам благодаря своим телевизионным лекциям. Историк Ричард Овери назвал его «Маколеем нашей эпохи». Во время Второй мировой войны служил в ополчении и подружился с видными политическими эмигрантами из континентальной Европы – бывшим премьер-министром Венгрии графом Михаем Каройи и президентом Чехословакии Эдвардом Бенешем.

³²⁰ GILBERT 6, 478; Gardner, *Churchill in Power*, 68; Panter-Downes, *War Notes*, 66; Hansard 6/4/40; A.J.P. Taylor, *English History, 1914–45* (Oxford, 1978).

³²¹ Colville, *Fringes*, 182; Cv3, 445 (mustard gas).

территории Франции, и сразу остро встал вопрос о заправке танков топливом. Дуврский пролив уже был заминирован. Допускалась возможность, что немцы могут надеть британскую униформу, и томми выдали новую униформу другого оттенка желтого. На крышках люков танковых башен нарисовали белой краской круги, в качестве опознавательных знаков для Королевских военно-воздушных сил. Военная разведка (ошибочно) считала, что люфтваффе могут высадить десант численностью 20 тысяч человек, и потому большие поля, даже засеянные, избороздили канавы длиной 400 ярдов. Все мосты в пределах 100 миль от Лондона подготавливали к сносу³²².

Что касается Родной гвардии, то ей предстояло импровизировать. На важных перекрестках поставили канистры с бензином; идея состояла в том, чтобы, увидев приближающихся немцев, вылить бензин на дорогу, бросить гранату и спастись бегством. Из-за сложной конструкции взрывателя и трудоемкого процесса изготовления британские противотанковые мины не могли производить в необходимом количестве, поэтому вместо мин использовали формы для кекса, заполненные 8 фунтами TNT (тринитротолуол), с простейшим спусковым механизмом. Затем Черчилль вернулся мыслями к техническим нововведениям и научным проектам, которые будоражили его воображение. Он предложил разлить мазут в акватории порта и поджечь вражеские корабли. А нельзя ли проложить за дюнами трубопровод, к которому пустить горячий бензин и поливать им захватчиков? Можно, но что будет, если захватчики высадятся в другом месте или ветер понесет огонь и дым в сторону защитников, а именно это и случилось во время проверочных испытаний. Вот так обстояли дела в конце июня и в первых числах июля. В течение этого времени никто, в том числе и Черчилль, не знал, что немцы даже не приступали к составлению плана вторжения.

В адмиралтействе считали, что, по всей видимости, высадка вражеского десанта произойдет безлунной ночью, во время прилива, незадолго до рассвета. С началом нападения должны зазвонить церковные колокола по всей Англии. Высказывались самые разные предположения о сроках вторжения. 11 июля Гарольд Николсон написал в дневнике: «Они ожидают вторжение в эти выходные». И тут же добавил: «У меня нет ни минуты сомнения относительно этой войны. Я действительно верю, что везение Гитлера на этом закончится». 20 июля он заметил: «Полагаю, что Гитлер вторгнется в ближайшие несколько дней. У него есть для этого дела 6 тысяч самолетов... Мы знаем, что вторжение будет ужасным... Однако в воздухе витает некое приятное возбуждение». В действительности для этой операции немцы имели приблизительно 2500 бомбардировщиков, истребителей-бомбардировщиков и истребителей³²³.

Сообщения в СМИ подвергались цензуре, побережье и военные объекты были запретной темой. Газеты больше не сообщали о прибытии и отбытии судов. Под запрет попал даже прогноз погоды: зачем сообщать врагу, какой будет погода в Суссексе на следующей неделе? Спустя два месяца Николсон все еще ожидал нападения. 13 сентября он написал: «Во Франции сосредоточено большое количество кораблей и барж, и понятно, что кабинет ожидает вторжение в любой момент». Айронсайд считал, что это случится 9 июля. 12 июля сэр Алан Брук написал в дневнике: «Предполагалось, что это будет день вторжения!» 14 июля Колвилл поделился с дневником: «Зловещее затишье... и, похоже, *der Tag* [день] не избежать». В этот день, по словам Колвилла, даже Черчилль не казался таким уверенным, как обычно. 22 июля сэр Алан Брук, который всего день назад был назначен командующим войсками метрополии вместо Айронсайда, войдя в зал заседаний военного кабинета, сказал, что ему, «по всей видимости, придется находиться рядом с премьер-министром, если начнется вторжение». Вечером, обедая с Черчиллем в «номере 10», Брук нашел, что Черчилль был «преисполнен удивитель-

---

³²² Thompson, 1940, 145.

³²³ TWY, 101, 103.

ным мужеством, учитывая бремя, которое он несет». Черчилль, добавил Брук, «полон мыслей о будущем наступлении». В ближайшие пять лет эти слова в разных вариациях найдут свое отражение в его дневнике³²⁴.

Обедая с тремя генералами в пятницу, 12 июля, Черчилль заявил, что в случае появления немцев ему бы хотелось, чтобы «отчаянно сражался каждый гражданин, и они сделают больше, если будут знать, что альтернатива – поражение». По словам Колвилла, в тот вечер Черчилль «довольно резко заметил, что в войну пощада дается не из-за сострадания, а чтобы не дать противнику сражаться до победного конца». В отличие от Франции, если бы на острове появились немцы, британские дороги не заполняли потоки испуганных беженцев (Черчилль называл их «беглецами»), поскольку бежать было некуда. Черчилль считал, что граждане будут сражаться, даже если у них будут только «косы и обломки кирпичей». Один из генералов заявил, что надо приказать населению оставаться дома, но Черчилль возразил, что они не подчинятся такому приказу. Затем, по словам Колвилла, Черчилль перешел к сути вопроса: «Он подчеркнул, что паника, вызванная вторжением (над которой мы прекратили насмехаться всего шесть недель назад), приносит огромную пользу: она способствует тому, что мы получаем лучшую атакующую армию, которая у нас когда-либо была, и сохраняет настрой каждого мужчины и каждой женщины на высоком уровне готовности. Поэтому он [Черчилль] не хочет ослабления тревоги и, хотя лично сомневается, что вторжение представляет собой серьезную угрозу, намерен создавать впечатление [о неотвратимости вторжения] и рассказывать о долгих и опасных вахтах и т. п., в своем воскресном радиообращении»³²⁵.

В воскресенье, 14 июля, в день взятия Бастилии, спустя четыре дня после первого крупномасштабного сражения между люфтваффе и Королевскими военно-воздушными силами, Черчилль говорил со страной по Би-би-си. Британцы считали, что находятся в отчаянном положении, и Черчилль, как и обещал Колвиллу, не стал их разубеждать. Они понесли огромные потери во Франции и Фландрии. Их враг – самый жестокий в истории. Страны одна за другой были «разорваны на куски за несколько недель или даже дней чудовищной силой нацистской военной машины».

«Сейчас нам приходится сопротивляться одним и встречать все самое худшее, что только может сделать мощь и злобство тирана. Мы смиренны перед Богом, но мы осознаем, что служим ясной цели, и готовы защищать нашу родную землю против вторжения, которое ей угрожает. Мы боремся одни, но не только ради себя. Здесь, в Городе-убежище, который хранит свидетельства развития человечества и который имеет большое значение для всей христианской цивилизации, окруженном морями и океанами, где правит флот, защищенный с неба силой и преданностью наших летчиков, мы ждем, не страшаясь встретить надвигающееся нападение. Может быть, вторжение начнется сегодня. Может быть – на следующей неделе».

Затем последовали слова, которые выразили его чувства и подарили британцам частицу надежды: «А может, оно так и не будет предпринято. Но мы, все вместе, должны быть готовы встретить внезапный страшный удар, или – что, возможно, будет более трудным испытанием – мы должны приготовиться к долгой вахте. Но будь испытание суровым или длительным или и тем и другим, мы не будем искать пути к соглашению, мы не допустим никаких переговоров; мы можем проявить милосердие, но не будем просить о нем»³²⁶.

Немецкая военная машина обладает «чудовищной силой, но теперь в Великобритании полуторамиллионная армия, более миллиона защитников-добровольцев и «более тысячи военных кораблей под английским военно-морским флагом, патрулирующих моря, флот способен легко переместиться на защиту любой части Британской империи, которой могут угрожать; он

---

³²⁴ WSC 2, 298; Macleod, *Time Unguarded*, 383; Danchev and Todman, *War Diaries*, 94.

³²⁵ Colville, *Fringes*, 102—3.

³²⁶ WSC HCS, 6248.

также может защищать нашу связь с Новым Светом, откуда, по мере усиления борьбы, идет все большая помощь». И нацисты должны знать, что «Гитлер еще не сталкивался с великой нацией, у которой сила воли была бы равна его собственной».

Если захватчик придет в Британию, он не увидит склонившегося в подчинении народа, как, увы, мы видели в других странах. Мы будем защищать каждую деревню, каждый поселок и город. В самом Лондоне, сражаясь за каждую улицу, мы истребим всю вражескую армию; мы лучше увидим Лондон в руинах и золе, чем прирученным и поработанным.

Тем не менее, сказал он, пробираясь «через темную долину, мы видим впереди солнечный свет». Вы должны понимать, сказал Черчилль, что «все сейчас зависит от жизненной силы британской расы в любой части мира, от всех солидарных с нами народов и от всех благожелателей в любой стране, делающих все возможное днем и ночью, от тех, кто жертвует всем, кто бесстрашен и вынослив, на пределе своих сил, и до самого конца... Это война безвестных воинов; но давайте все будем бороться, не сомневаясь в нашей вере или долге, и тогда черное дело Гитлера будет выметено из нашего времени»³²⁷.

Фюрер предположил, что вторжение не понадобится. После падения Франции он считал, что война закончилась. На Востоке его пакт со Сталиным гарантировал мирные отношения до тех пор, пока одна из сторон не нарушит его, то, что собирался сделать Гитлер сразу после достижения соглашения с англичанами. Гитлер, приказав демобилизовать сорок дивизий, сказал рейхсмаршалу Герману Герингу, что придется пересмотреть все планы относительно войны: он достигнет «взаимопонимания» (*Ubereinkommen*) с британцами. По правде говоря, он ожидал, что Лондон проявит инициативу. Гитлер сказал Дино Альфьери, итальянскому послу в Берлине, что «не может себе представить, чтобы кто-то в Англии по-прежнему всерьез верил в победу». Генерал-полковнику Францу Гальдеру, начальнику штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта, он сказал, что «Англия в безнадежном положении. У них нет никаких шансов на успех». Его генералы были полностью согласны с ним. 30 июня Франц Йодль, начальник Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта, написал: «Окончательная победа Германии над Англией теперь только вопрос времени. Вражеские наступательные операции в крупных масштабах более невозможны»³²⁸.

Фюрер предпочел прийти к соглашению, освободив вермахт от необходимости оборонять Западный фронт, когда напал на своего смертельного врага, Советский Союз. Он презирал Черчилля, но восхищался Британской империей; ее существование, по его мнению, имело важное значение для мирового порядка. (Все офицеры СС в обязательном порядке должны были посмотреть фильм «Ганга Дин»³²⁹; это пример, объяснил он, отношений между высшей и низшими расами).

Вот почему он был готов предложить Англии очень выгодные условия. Уверенный, что англичане понимают безнадежность своего положения, он отнесся к вызову Черчилля как к блефу и ожидал, что британцы в скором времени сами обратятся к нему. После четырехнедельного ожидания 19 июля, выступая в рейхстаге, он сделал первый шаг. После оскорблений в адрес Черчилля, он сказал: «Поверьте мне, господа, я питаю глубокое отвращение к подобного рода бессовестным политикам, которые обрекают на гибель целые народы. У меня вызывает почти физическую боль одна только мысль, что волею судеб я оказался тем избранным лицом, которому придется наносить последний удар по структуре, уже зашатавшейся в результате дей-

---

³²⁷ WSCHCS, 6250.

³²⁸ *Documents on German Foreign Policy 1918–1945*, vol. 10: *The War Years, June 23 August 23, 1940* (Washington, DC, 1957), 81; Charles Burdick and Hans-Adolf Jacobsen, eds., *The Halder War Diary, 1939–1942* (New York, 1988), 7/22/40; *Fuhrer's Conferences on Naval Affairs*, 71–73; *Die Weiterführung des Krieges gegen England*, IM T, TWMC, vol. 28, 301–3.

³²⁹ «Ганга Дин» – американский фильм 1939 года, в основу которого легла стихотворная баллада Р. Кипплинга о самопожертвовании индийца-водоноса, который ценой собственной жизни спасает английского военного.

ствий этих людей». И продолжил: «В этот час я считаю долгом перед собственной совестью еще раз обратиться к здравому смыслу как Великобритании, так и других стран. Я считаю, что мое положение позволяет мне обратиться с таким призывом, ибо я не побежденный, выпрашивающий милости, а победитель, говорящий с позиций разума и здравого смысла». Он объяснил британцам, что, если не будет заключен договор, их ждут «великие страдания». А затем, обращаясь к Черчиллю, сказал: «Мистер Черчилль должен хотя бы единожды поверить моему предсказанию, что великая империя будет разрушена – империя, разрушать которую у меня не было намерения». Свою речь он закончил словами, в которых содержался намек на выгодные условия договора: «Я не вижу причины, по которым эта война должна продолжаться»³³⁰.

Спустя час пришел ответ. Черчилль не соизволил комментировать предложение. «Я не собираюсь ни говорить что-либо в ответ на речь геттера Гитлера, – сказал он, – ни поддерживать отношения с ним», – но диктор Би-би-си, позже его поддержало министерство иностранных дел, напрямую обратился к Гитлеру: «Позвольте вам сказать, что мы думаем здесь в Великобритании, об этом обращении, сделанном, по вашим словам, «с позиций разума и здравого смысла». Геттер фюрер и рейхсканцлер, мы швыряем его обратно прямо в ваш зловонный рот!»³³¹.

В Риме граф Галеаццо Чиано написал в дневнике: «Поздно вечером, когда стали поступать первые спокойные отклики англичан на речь фюрера, у немцев возникло чувство трудно скрываемого разочарования». Берлин был всерьез потрясен, а Гитлер растерян. Германский Генеральный штаб всегда считал, что победить Великобританию можно только путем блокады ее морских коммуникаций. Хотя все великие державы тратят мирное время на разработку планов на случай войны с другими странами, включая ближайших союзников, немецкое Верховное командование не разрабатывало планов борьбы против Англии до июня 1937 года, и люфтваффе не занимались этим до 1938 года³³².

И те были только на бумаге. Как заметил А.Дж. П. Тейлор, у Гитлера были внешнеполитические амбиции, но не было никаких военных планов; он, по словам Лена Дейтона, историка и писателя, был «одним из самых успешных оппортунистов XX века», выдумывавших на ходу. Действительно, поразительный факт – военный историк Бэзил Лиддел Гарт назвал «одной из самых необычных особенностей истории», – что ни фюрер, ни его Генеральный штаб в Цоссене не изучали и даже не рассматривали вопросы, вытекающие из упорной воинственности Великобритании. Они не занимались этим ни когда началась война, ни спустя девять месяцев, когда капитулировали французы. Они решили тщательно продумать стратегию захвата европейских стран, включая Испанию, Балканы и своего итальянского союзника; они разработали планы сражений за Скандинавию и Советский Союз; они даже знали, как в случае необходимости одолеть Ватикан. Германский штаб руководства войной на море, ответственный за перевозку немецких войск в Англию, с прошлой осени занимался изучением проблемы вторжения, но не систематически. Армия и люфтваффе вообще не занимались. 27 мая штаб руководства войной на море представил план, озаглавленный «Исследование Англии»; это была не более чем памятная записка (много общих фраз и размытых формулировок вместо реальных предложений) по вопросу о том, как величайшая армия, какую когда-либо знал мир, может подчинить Великобританию³³³.

Для того чтобы попасть в Англию, вермахту предстояло пересечь Ла-Манш и Северное море. Гитлер боялся моря. «На суше я герой, а на воде трус», – однажды сказал он генерал-фельдмаршалу Герду фон Рундштедту. У нацистской Германии не было десантных кораб-

---

³³⁰ Shirer, *Rise and Fall*, 754.

³³¹ Colville, *Fringes*, 200; Leonard Mosley, *Battle of Britain* (New York, 1980), 26; WSC 2, 260.

³³² Hugh Gibson, ed., *The Ciano Diaries, 1939–1943* (New York, 1946), 277–78.

³³³ Deighton, *Fighter*, 272; Liddell Hart, *History*, 87.

лей, и она не планировала их строительство, поэтому для переброски немецких войск, если бы было принято решение о вторжении на остров, предполагалось использовать речные баржи. Эти плоскодонные баржи, 90 футов в длину и 20 футов в ширину, с максимальной скоростью 7 миль в час, не были предназначены для эксплуатации в море. Часть барж были самоходными, многие – несамоходными. В немецкой армии не было ни одного подразделения морских десантников. Для Генерального штаба мир ограничивался Европейским континентом. Этот мир заканчивался на западном побережье Франции. Целью большого весеннего наступления нацистов был Париж, последний шаг перед вторжением в Россию³³⁴.

Королевский военно-морской флот занимал главное место в вооруженных силах Великобритании. Военное министерство считалось с мнением адмиралтейства, старейшего военного ведомства, основанного во времена правления Генриха VIII. Офицеры британской армии пользовались уважением, часто отмечались их заслуги, хотя армейские подразделения, разбросанные по всей Британской империи, зависели от военно-морского флота в части обеспечения поставок и подкрепления. Королевский флот связывал воедино, обеспечивал продовольствием и защищал отдельные части Британской империи. Крейсеры и эсминцы в Гибралтаре охраняли западную часть Средиземноморья, в то время как флот в Александрии – Центральное и Восточное Средиземноморье. Адмиралтейство возложило на флот метрополии, главная база которого находилась в Скапа-Флоу, почти в 500 милях к северу от Лондона, в далекой Северной Шотландии, охрану торговых судов в Атлантике и, самое главное, защиту Родного острова. Эсминцы играли ключевую роль в противодействии немецкому вторжению. Британцы начали войну более чем с восьмьюдесятью эсминцами для действий в Северном море и вокруг острова и с десятком эсминцев для операций в северной Атлантике. Эсминцы были быстрыми, могли маневрировать и стрелять, пробиваясь через армаду вторжения на скорости порядка 30,5 узла, и были жизненно необходимы для блокады Германии и выживания Великобритании. Но начиная с января немецкие подводные лодки, люфтваффе и немецкие мины лишили британцев чуть более двух десятков эсминцев. Эсминцев могло быть больше, но в 1938 году правительство Чемберлена в целях экономии приняло решение о прекращении строительства этих кораблей. Вот почему Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой о поставках эсминцев.

К концу июня сорок эсминцев, несколько крейсеров и два линейных крейсера из состава флота метрополии размещались в портах от Абердина до Росайта в Шотландии, вниз по побережью от Хала до Ярмута, от Дувра до Рамсгита на юго-востоке Англии. На юге и юго-западе военные корабли размещались в Портсмуте, Портленде, Плимуте, Фалмуте, Кардиффе и Суонси. Большие корабли действовали при поддержке более чем 900 противолодочных траулеров, канонерских лодок, минных тральщиков, торпедных катеров, минных заградителей. Около 200 корветов – канонерские лодки водоизмещением 1000 тонн, длиной 200 футов, вооруженные глубинными бомбами, – занимались эскортированием атлантических конвоев и при необходимости могли оказать помощь в случае вторжения. Для защиты острова имелось три авианосца; у немцев не было ни одного. В случае вторжения королевский флот должен был атаковать неприятеля в Ла-Манше, действуя под прикрытием 150 6-дюймовых орудий, установленных вдоль побережья Ла-Манша. За исключением подводных лодок, часть флота метрополии, которая осталась в Скапа-Флоу, была больше, чем весь немецкий военно-морской флот. Из восьмидесяти подводных лодок Гитлера пятьдесят предназначенных для блокады Великобритании представляли смертельную угрозу, но только в том случае, если будут продолжать охоту на британские торговые суда в экстерриториальных водах и западных подходах к британским портам. Черчилль ожидал, что Гитлер для вторжения использует одну-две дюжины подводных лодок. Даже если они причинят ущерб британским кораблям, Коро-

---

³³⁴ Klaus A. Maier et al., *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, 2 vols. (Stuttgart, 1988), 2:3, 78–79.

левский флот и истребители и бомбардировщики Королевских ВВС будут преследовать их до полного уничтожения в узкой части Канала. Черчилль был уверен в своем военно-морском флоте. Британия по-прежнему правила морями, а Гитлеру предстояло пересечь море, чтобы добраться до Англии. В 1918 году Германия лишилась своих колоний и с ними притязаний на роль морской державы. За исключением командиров подводных лодок, которых боялись и уважали британцы и прославляли в Германии, военная слава предназначалась немецким солдатам и, если Герингу удавалось настоять на своем, немецким летчикам. В Германии морские офицеры занимали более низкое положение в обществе; считалось, что им не хватает самоуверенности, необходимой для участия в агрессивной войне. Поэтому, когда фюрер неохотно издал приказ «подготовиться к десантной операции против Англии и осуществить ее, если в этом возникнет необходимость» и поставил перед адмиралами на Бендлерш-трассе задачу переправить вермахт через Ла-Манш, в ответе не было ни уверенности, ни энтузиазма, и на то были веские причины. Если люфтваффе не обуздает флот метрополии и британские истребители и бомбардировщики, то любая воздушная победа в дневное время будет компенсирована, когда ночью появится Королевский флот, чтобы помешать вторжению с моря³³⁵. Британия владела большим количеством кораблей, и было крайне важно их уничтожить. Немцы не имели больших военных кораблей за пределами Балтики (и всего четыре в Балтийском море), чтобы противостоять британским эсминцам, значительно превосходящим в количественном отношении, и большим кораблям (крейсеры, линейные крейсеры и линкоры). Германский военно-морской флот начал войну, имея всего двадцать один эсминец, и дорого заплатил за апрельский успех в Норвегии, где потерял десять эсминцев. Итак, когда был поднят вопрос о поддержке вторжения в Англию, главнокомандующий кригсмарине³³⁶, гросс-адмирал Эрих Редер в конфиденциальной беседе с фюрером перечислил свои возражения против вторжения.

Он настоятельно советовал, чтобы вторжение было предпринято «только как последнее средство вынудить Англию пойти на заключение мира». И добавил, что «не может выступать в поддержку идеи вторжения в Англию, как в случае с Норвегией»³³⁷.

Командующие другими родами войск тоже высказывали свои опасения. Верховное командование люфтваффе пришло к выводу, что «комбинированная операция с высадкой в Англии в качестве ее цели должна быть отклонена», и из Цоссена коротко сообщили, что «Генеральный штаб сухопутных войск не занимается вопросами вторжения в Англию, так как считает его осуществление невозможным». Но фюрер продолжал упорствовать, и в середине июля Oberkommando des Heeres, Верховное командование сухопутных войск (ОКХ), составило план операции под кодовым названием Seelowe – «Морской лев». Эта амбициозная стратегия предусматривала высадку в первой волне десанта 90 тысяч человек. К третьему дню планировалось доставить на английское побережье 160 тысяч человек. В общей сложности на острова следовало доставить 41 дивизию, в том числе шесть танковых и две воздушно-десантные. Перед каждой армией стояла своя задача: одна, к примеру, должна была наступать на Бристоль, отрезав Девон и Корнуэлл, в то время как вторая блокировать Уэльс. Мнение ОКХ, под влиянием железной воли Гитлера, полностью изменилось. Теперь генералы считали, что операция продлится не более месяца. Они действительно думали, что не возникнет никаких затруднений³³⁸.

Если операция «Морской лев» по многим причинам вызвала ужас у Верховного командования кригсмарине, то практически по тем же причинам она вселила надежду Черчиллю. Только для высадки первой волны на таком широком фронте требовалось 1722 баржи, 1161

---

³³⁵ Shirer, *Rise and Fall*, 752.

³³⁶ Кригсмарине – официальное название германских военно-морских сил во времена Третьего рейха.

³³⁷ Shirer, *Rise and Fall*, 752.

³³⁸ Shirer, *Rise and Fall*, 762–63.

моторная лодка, 471 буксир и 155 транспортов. Редер заявил, что это невозможно. Если бы даже удалось собрать такое большое количество судов и попытаться предпринять высадку войск на широком фронте и в крупных размерах, то вся экспедиция может быть потоплена англичанами во время переправы. Кроме того, сказал он, это подорвет экономику Германии, так как изъятие такого числа барж и буксиров расстроит всю систему перевозок по внутренним водам, от работы которой в значительной мере зависит экономическая жизнь. Он предложил использовать более узкий фронт десантирования и в меньших масштабах, чтобы минимизировать риск для флота. Генеральный штаб отклонил его предложение. В такой операции, объяснил Цоссен, немецкие солдаты могут не устоять против защитников острова.

На самом деле не было необходимости урегулировать разногласия между родами войск. Черчилль был прав, когда во время встречи в Бриаре сказал, что решающий момент наступит, когда Гитлер бросит свою авиацию на Великобританию. И он должен был наступить. Противник не станет пытаться переправляться через Канал, пока его военные самолеты не станут повластными хозяевами дневного неба над Великобританией. Верховное командование вермахта понимало это. В документе, озаглавленном *Die Weiterfuhrung des Krieges gegen England* («Продолжение войны против Англии»), Йодль отметил, что «высадка в Англии может реально рассматриваться лишь после того, как германские военно-воздушные силы завоюют господство в воздухе»³³⁹.

Прежде чем вторгаться в Англию, Гитлеру «нужно уничтожить английский военно-воздушный флот в пределах радиуса действия наших истребителей или хотя бы заставить его отступить на базы, расположенные в Средней Англии». Герман Геринг объявил, что у люфтваффе изменилось мнение; они могут это сделать, сказал он, причем без особых усилий.

В схватке, позже получившей название Битва за Британию, Черчилль представлял себе ожесточенную борьбу на побережье между пехотинцами под руководством адмиралов и генералов при поддержке бронетанковых войск и флота. Едва ли кто-либо задумывался о проблемах воздушной войны. Профессиональные летчики, конечно, являлись исключением, но их знания ограничивались воздушными боями 1914–1918 годов – поединками между людьми, управлявшими бипланами, изготовленными из дерева и ткани, и слушавшими свист ветра в проводах. Не вызывало сомнений, что предстоящий поединок будет намного сложнее. Однако самые влиятельные в этой области между войнами люди – Джулио Дуэ в Риме, лорд Тренчард в Лондоне, Уильям Билли Митчелл в Вашингтоне³⁴⁰ и Герман Геринг в Берлине – сделали неправильное предположение.

Они считали, что победа будет за военно-воздушными силами тех, кто первым начнет непрерывные массированные бомбардировочные атаки. Исходя из этого, люфтваффе срывали с земли испанские города, итальянцы – эфиопские деревни, японцы – китайские города. Министерства авиации объяснили своим правительствам, что нет защиты от нокаутующей бомбардировки с воздуха.

Стэнли Болдуин, выступая в парламенте в ноябре 1932 года, заявил, что нет никакой защиты против «воздушного террора». В эмоциональной речи, нехарактерной для него, он сообщил свое мнение палате общин и, следовательно, стране: «Я думаю, надо... чтобы обыватель понимал, что нет на земле такой силы, которая защитила бы его от бомбежки. Незави-

---

³³⁹ William L. Shirer, *Aufstieg und Fall des Dritten Reiches* (Cologne, 2000), 815.

³⁴⁰ Дуэ Джулио – итальянский генерал. Развивал теорию воздушной войны, выдвинул идею проведения массированных бомбардировок городов противника с целью оказания морального воздействия и принуждения к капитуляции. Тренчард Хью – маршал Королевских ВВС. Он утверждал, что жилые районы противника должны стать естественными целями, поскольку промышленный рабочий является таким же участником боевых действий, как и солдат на фронте. Эта доктрина нашла свое отражение в концепции ковровых бомбардировок. Митчелл Уильям – генерал, командующий ВВС армии США. Активно пропагандировал доктрину Дуэ.

симо от того, что ему говорят, бомбардировщик всегда достигает цели. Единственная защита – нападение, а это значит, что придется убивать женщин и детей быстрее, чем враг, если вы хотите спасти себя»³⁴¹.

Этого мнения придерживались и после падения Франции. Даже Черчилль считал, что победа зависит от наступательных действий авиации. 8 июля он сказал Бивербруку, что «единственный верный путь» к победе через «бомбардировки Германии». Речь шла о военных объектах. Не принимая в расчет чудовищный тезис Болдуина относительно убийства женщин и детей, разработчики военных планов сосредоточили внимание на военных предприятиях, электростанциях, сталелитейных заводах, сортировочных станциях и т. п., а не на жилых районах³⁴².

Военно-воздушные силы сыграли решающую роль в разгроме Польши, но после падения Варшавы уделялось мало внимания способам отражения воздушных ударов. Во время странной войны стратеги Королевских военно-воздушных сил, следуя теории, изложенной Дуэ в его футуристической книге «Война 19... года», предложили направлять флоты бомбардировщиков против промышленных объектов Рурской области. К их досаде, правительство его величества запретило неспровоцированные рейды в дневное время. Сбрасывали пропагандистские листовки над рейхом, в которых британцы обещали уничтожить немцев, но даже из этого не вышло ничего хорошего; бомбардировщики, без сопровождения истребителей, понесли такие тяжелые потери, что от этих рейдов пришлось отказаться. В ночь с 15 на 16 мая, когда танки Гудериана, захватив Седан, двинулись в направлении устья Соммы, сто британских бомбардировщиков совершили налет на промышленные объекты в Рурской области. Официальная история Королевских военно-воздушных сил подтверждает, что бомбардировщики «не достигли ни одного из своих объектов». Экипажи, не обнаружив цели, сбросили бомбы и вернулись в Англию. Это должно было заставить маршалов остановиться и подумать. Но, по словам А.Дж. П. Тейлора, они продолжали считать, что с помощью «бомбардировки, без поддержки с земли и с моря, можно выиграть войну»³⁴³.

Мало внимания уделялось сопровождению бомбардировщиков эскадрильями истребителей, и на то были причины: и британским, и немецким истребителям не хватало дальности полета для сопровождения бомбардировщиков на расстояние 1000 миль. Максимальная дальность и тех и других составляла 300–400 миль, то есть 150–200 миль туда и 150–200 миль обратно. Они могли находиться в воздухе приблизительно 90 минут, поэтому не имели возможности долетать до границ противника, не говоря уже о том, чтобы сопровождать бомбардировщики. Никто из командования бомбардировочной авиации не рассматривал возможность того, что Германия разгромит Францию и Бельгию, захватит их аэродромы – некоторые всего в 100 милях от Лондона – вместе с бомбардировщиками, пикирующими бомбардировщиками и истребителями. Хотя в конце 1930-х командование Королевских ВВС было уверено, что бомбардировщики – верный путь к победе и, следовательно, истребители играют второстепенную роль, не все разделяли это мнение. В 1937 году член кабинета сэр Томас Инскип, признавая неопровержимый факт, что нацистская Германия выигрывает в гонке бомбардировщиков, утверждал, что на самом деле это не имеет значения. «Цель наших военно-воздушных сил, – сказал он, – не в том, чтобы раньше нанести сильный удар, а чтобы помешать немцам победить нас». Другими словами, Королевским ВВС надо не побеждать, а просто избегать поражения. Для этого им нужны истребители. Министерство ВВС, потрясенное его высказыванием, было категорически против, но премьер-министр согласился с его доводами, и, к счастью для Бри-

---

³⁴¹ William L. Shirer, *Aufstieg und Fall des Dritten Reiches* (Cologne, 2000), 815.

³⁴² Deighton, *Fighter*, xiv – xv; Hansard 11/10/32; WM/Sir Ian Jacob, 11/12/80.

³⁴³ Deighton, *Fighter*, xviii, 57.

тании, член Совета по делам авиации, главный маршал авиации, сэр Хью Даудинг был того же мнения.

Оглядываясь назад, «зануда» Даудинг – как называли его летчики – был настоящим героем Битвы за Британию, хотя его современники не спешили соглашаться с этим. Одна из причин крылась в тяжелом характере этого человека. Начиная с Трафальгарского сражения британцы ожидали, что их военными героями будут Нельсоны, а Даудинг был далек от их представлений. Высокий, худой, сдержанный, любитель изучать птиц в естественных условиях, вдовец, чья карьера пострадала от бестактности, оригинальных взглядов и полнейшего отсутствия умения вращаться в обществе. То, что он увлекался спиритизмом и был вегетарианцем, только усиливало мнение летчиков, что он человек со странностями. В середине 1930-х его возраст – во время Первой мировой войны он был на десять лет старше германского воздушного аса фон Рихтгофена – давал ему право занимать самый высокий пост в Королевских ВВС, начальника штаба, но его коллеги маршалы отказали ему в этом. Они, наоборот, отвели ему второстепенную роль, или им так казалось, назначив командующим истребительной авиацией. Если война будет выиграна в результате воздушных бомбардировок, а они рассматривали только такой вариант, то истребителям достанутся крохи славы³⁴⁴.

Не обращая внимания на них и их стратегию, Даудинг упорно преследовал свои цели. В своем штабе в Бентли-Прайори, особняке XVIII века в готическом стиле, расположенном в пригороде Лондона, он занимался организацией противовоздушной обороны страны, созданием системы аэростатного заграждения Лондона, руководил заменой истребителей-бипланов на монопланы, оснащенные двигателями Rolls-Royce V-12 Merlin, и сделал первые, исторические шаги в использовании в военных целях радиопеленгаторов, или радаров, как позже их называли американцы.

К июлю 1940 года у Даудинга было приблизительно восемьсот одно моторных истребителей «Спитфайр» и «Харрикейн». Он разделил их на четыре авиагруппы – две обороняли самый важный район, а две прикрывали второстепенные районы. К второстепенным районам относились Корнуэлл, Уэльс и Шотландия, которые прикрывали 10-я и 13-я группы. Центральную часть острова защищала 12-я группа, а самую важную часть – Южную Англию – 11-я группа; в состав этих авиагрупп входили шестьсот «Спитфайров» и «Харрикейнов». Предполагалось, что немецкие баржи, скорее всего, произведут высадку либо к северу от устья Темзы, либо к западу от Дувра, или одновременно в обоих местах. Следовательно, целью Геринга был этот сектор. До начала вторжения ему следовало уничтожить 11-ю группу, поскольку она служила в качестве щита для Юго-Восточной Англии.

Но самым мощным щитом в предстоящие решающие месяцы было суждено стать радару. С самого начала Даудинг был одним из сторонников радаров. Перед назначением на пост командующего истребительной авиацией он руководил научными исследованиями и внимательно следил за опытами Роберта Уотсона-Уотта, ученого из Национальной физической лаборатории. Уотсон-Уотт убедил Даудинга и его окружение, что радиолучи отражаются от корпуса самолета. Но, проталкивая идею с радаром, Даудинг занял неправильную позицию в отношении хорошего друга Черчилля, профессора Фредерика Линдемана. За что позже поплатился. В отличие от англичан немцы, рассматривавшие радар как средство разведки, поручили их разработку флоту, а там дело практически застопорилось.

Еще до войны Даудинг верил в то, что радар может стать бесценным оборонительным оружием. В 1937 году по его приказу началась работа по установке на юго-восточном побережье цепи стационарных береговых радиолокационных станций, с дальностью обнаружения порядка 50 миль и порядка 120 миль. К весне 1940 года Великобританию охватывала сетка радиолучей, как позже называли ее англичане, «невидимый бастион» против вражеских само-

---

³⁴⁴ Mosley, *Battle of Britain*, 50.

летов. К счастью для британцев, Гитлер запретил расходовать средства на технологические исследования, поскольку считал, что они не будут способствовать достижению его цели – быстрой победе; к этим технологиям относился и радар. В июле 1940 года немецкий технический персонал даже не был уверен, для чего предназначены высокие башни, установленные вдоль побережья Великобритании, хотя многие подозревали, что это радарные башни. Таким образом, люфтваффе начали кампанию, не владея полной информацией.

Пятьдесят радарных станций наблюдали за небом над всем Островом, с севера Шотландии до Уэльса. Большинство станций, расположенные на восточном и юго-восточном побережье, были обращены к Северному морю и Ла-Маншу, в его самом узком месте, шириной всего в 21 милю. Передатчик, установленный на 360-футовой вышке, посылал радиосигнал в цель; обратный сигнал приходил на приемник, установленный на 240-футовой башне. Сидевший за мониторами в деревянных ангарах под вышками технический персонал сообщал по телефону информацию о расстоянии, направлении и размерах приближающихся нацистских самолетов в оперативный центр в Бентли-Прайори, где одетые в синюю униформу члены Женской вспомогательной службы военно-воздушных сил определяли местоположение самолетов на огромной настольной карте, передвигая лопаточками, какими пользуются крупье, цветные фишки, обозначающие британские и немецкие самолеты. Офицеры Королевских ВВС радировали приказы в девять оперативных центров 11-й авиагруппы – зоны ответственности авиагрупп делились на секторы, каждый из которых имел свою базу с оперативным штабом, таким же, как и в штаб-квартире авиагруппы. Оттуда приказы радировались командирам эскадрилий истребителей. Немецкие летчики приходили в замешательство, слушая, как британские летчики получают новейшую информацию об их местоположении. Каким образом, задавались они вопросом, кто-то на земле может знать, где находятся немецкие самолеты и в каком направлении движутся? Они не понимали, что в Битве за Британию столкнулись с двумя противниками: летчиками Королевских ВВС в небе и радарными командами на земле³⁴⁵.

Теперь британцы могли обнаружить самолеты противника, направляющиеся к побережью Великобритании, когда они находились еще на расстоянии 120 миль и летели на высоте до 30 тысяч футов. Поскольку волны, посылаемые радаром, отражались от земли и воды, низколетящие цели были им недоступны. Так что самолеты, приближавшиеся к Англии на малой высоте, могли пролететь незаметно для радаров. Точное вычисление времени, расстояния, набора высоты истребителя и его скорости было крайне важно и определило исход воздушного сражения над Ла-Маншем. Операторам на станциях секторов, получившим информацию из Бентли-Прайори, требовалось примерно пять минут, чтобы радировать приказы эскадрильям истребителей, а за это время немецкие истребители поднимались еще на 6–8 тысяч футов. «Спитфайру» требовалось почти пятнадцать минут, чтобы подняться на высоту 20 тысяч футов. Немцы, следовательно, имели фору порядка двадцати минут. «Практический потолок» (максимальная высота над уровнем моря, на которой возможен полет) и немецких, и британских истребителей, составлял 35 тысяч футов, а немецких средних бомбардировщиков – 26 тысяч футов. Мало того что операторы не могли «видеть» ниже определенных высот, так они еще теряли самолет из вида на огромных высотах. И все проблемы Королевских ВВС усугублялись тем, что эскадрильи люфтваффе могли за пять минут пересечь Канал в самом узком месте.

Против Королевских военно-воздушных сил готовились выступить три немецких Luftflotten (воздушный флот)³⁴⁶.

---

³⁴⁵ Mosley, *Battle of Britain*, 54; Telford Taylor, *The Breaking Wave: The Second World War in the Summer of 1940* (New York, 1967), 87; John Keegan, ed., *Collins Atlas of World War II* (New York, 2006), 38–39.

³⁴⁶ Люфтваффе состояли из Luftflotten, или воздушных флотов. Каждый воздушный флот включал в себя подразделения, оснащенные всеми типами самолетов, имел в своем составе пилотов, техников и зенитные батареи. Эти образования были

3-й Luftflotten базировался во Франции, 2-й Luftflotten – в Бельгии под командованием фельдмаршала Альберта Кессельринга и 5-й Luftflotten – на территории Дании и Норвегии. Из-за расстояния, которое надо было преодолеть 5-му, и недостаточной дальности полета лучшего немецкого истребителя «Мессершмитт» Bf-109, бомбардировщики 5-го Luftflotten должны были лететь без сопровождения. Таким образом, основная тяжесть немецкого нападения пришла на 2-й и 3-й Luftflotten, в состав которых в общей сложности входило 750 бомбардировщиков, 250 пикирующих бомбардировщиков «Штука» (Юнкерс-87), 600 истребителей Bf-109 и 250 истребителей Bf-110 с двумя двигателями. 30 июня Герман Геринг разослал свои «Общие директивы по боевым действиям люфтваффе против Англии». Это был первый шаг, кодовое название Kanalkampf («Сражение над Каналом»), в борьбе за господство в небе над Ла-Маншем – «Действуя согласованно, воздушные флоты должны воевать, используя максимум сил. Их соединения должны атаковать заранее определенные группы целей».

Над Ла-Маншем, а не там, где, как думал Хью Даудинг, будет вестись борьба. Он считал, что сражения будут происходить над Юго-Восточной Англией, в зоне 11-й группы. Немцы держали наготове гидропланы – выкрашенные в белый цвет, с красными крестами для спасения летчиков люфтваффе, сбитых над Ла-Маншем. Британские пилоты, оказавшись в воде, могли только надеяться, что британский катер или местный рыбак случайно обнаружат их, прежде чем они утонут, и многие утонули. Геринг планировал выманить в небо над Каналом «Спитфайры» Даудинга своими Bf-109, шедшими на большой высоте. Пикирующие бомбардировщики «Штука», истребители Bf-109, несущие одну 550-фунтовую бомбу, и истребители Bf.100, имевшие бомбовую нагрузку 2200 фунтов, должны были, используя тактику «ударил – убежал»³⁴⁷, атаковать Королевский флот, торговые караваны и порты, в которых они останавливались.

Налеты на корабли, по его мнению, позволят выманить британские истребители под удар немецких истребительных соединений. Ежедневно по Каналу проходили торговые суда, общей грузоподъемностью миллион тонн, в сопровождении Королевского флота. Хотя Битва за Британию отложились в коллективном сознании как первая в истории крупнейшая схватка военно-воздушных сил – а так оно и было, – цель немцев состояла в том, чтобы добиться господства над морями, добившись господства в воздухе. Цель будет достигнута в июле, обещал Геринг, подготавливая почву для операции Adlerangriff («Орлиная атака») – массовой воздушной наступательной операции с целью уничтожения военных объектов, железнодорожных узлов, портовых сооружений, складов горючего и авиационных заводов и, в первую очередь, аэродромов, расположенных на побережье Великобритании³⁴⁸.

Даудинг считал, что только радары и одномоторные истребители Королевских ВВС способны спасти Англию от уничтожения. Он отдал приказ истребителям по возможности избегать стычек с немецкими истребителями и сосредоточиться на большей опасности, которую представляли собой немецкие бомбардировщики. Этой тактики удержания в небе «Спитфайров» и «Харрикейнов» предстояло придерживаться до осени, когда ухудшение погодных условий исключило любую возможность морского наступления нацистов через Канал.

Операция Kanalkampf началась 10 июля, когда двадцать немецких средних бомбардировщиков в сопровождении порядка двадцати двухмоторных истребителей Bf-110 и сорока

сгруппированы по географическим районам.

³⁴⁷ «Ударил – убежал» («Соколиный удар») – тактика ведения воздушного боя, основанная на преимуществе в высоте. Заключается в атаке противника с пикирования, с последующим уходом свечкой вверх. Противник, не имея достаточного запаса энергии, не может «достать» атакующего. Эта тактика позволяет вести эффективный воздушный бой с превосходящими силами противника, при условии наличия преимущества в высоте, скорости и скороподъемности.

³⁴⁸ BA/MA RL 211/27, *Allgemeine Weisung für den Kampf der Luftwaffe gegen England*, OBDL, Führungsstab, IaNr 5835/40, 3 0.6.40; Murray Williamson, «The Battle of Britain: How Did 'The Few' Win?» *Military History Quarterly* 2, no. 2 (summer 1990).

Bf-109 атаковали конвой в районе Дувра. Истребительное командование Королевских ВВС бросило в бой две эскадрильи (порядка 30 самолетов) «Харрикейнов».

В этот день немцы потеряли тринадцать самолетов, а англичане – семь, и это соотношение будет удерживаться на протяжении следующих двух месяцев. Тяжелая борьба – а эти первые схватки Королевских ВВС и люфтваффе были смертельными – продолжалась на протяжении целого месяца, по большей части над Каналом и южным побережьем Англии. Это было время пробы сил для обеих сторон, время маневров, изучения противника, изменения тактики.

А для Королевского флота это было время страшных потерь – от мин, подводных лодок, с воздуха. 4 июля «Штуки» атаковали и потопили у Портленда корабль ПВО Foylebank; погибли 170 из 300 членов команды. Немецкая подводная лодка потопила эсминец Whirlwind; погибли 47 человек. 18 июля были выведены из строя два противолодочных траулера и тральщик; 19 и 22 июля люфтваффе потопили патрульные корабли; погибло 11 человек. В том же месяце у берегов Англии затонули две английские подводные лодки; потери составили 77 человек. 26 июля эсминец Boreas был обстрелян люфтваффе; погиб 21 человек. На следующий день эсминец Wren был потоплен у Дувра и эсминец Codrington у Суффолка; погибли 36 человек. Воздушная атака на Дувр была настолько сильной, что командование вывело эсминцы из порта. Именно на это делал ставку Геринг. 29 июля эсминец Delight был тяжело поврежден у Портленда, отбуксирован в порт, где затонул в ночь с 29 на 30 июля; шесть погибших. Остальные члены команды спаслись, но, лишившись корабля, они фактически выбыли из строя. В июле Королевский флот потерял матросов больше, чем Королевские ВВС потеряли летчиков в течение следующих двух месяцев. Новых матросов можно было обучить за несколько недель, но строительство даже самой маленькой канонерской лодки занимало несколько месяцев.

Несмотря на тяжелые потери, Королевский флот не собирался без борьбы уходить из Дуврского пролива. Но Даудинг занял жесткую позицию в отношении патрулирования в дневное время для защиты торговых судов и эсминцев эскорта. Адмиралтейство неохотно запретило эсминцам выходить в пролив в дневное время. Торговым судам предоставили выбор: либо они заходят в Дувр в сумерки, либо следуют по Каналу без сопровождения.

8 августа на рассвете двадцать угольщиков³⁴⁹ решили рискнуть.

Угольщики, построившись в колонну, двигались от острова Уайт – как обычно, и радиооператоры кригсмарине в Виссане, напротив Фолкстана, слышали, как угольщики и их корабли эскорта обменивались сообщениями о подготовке к проходу по Каналу. Последовала атака люфтваффе. Когда радиолокационная станция на острове Уайт поймала сильную вспышку, сигнализирующую о приближении противника, более тридцати «Спитфайров» и «Харрикейнов» поднялись в воздух, чтобы прикрыть колонну. Однако генерал Йоханнес Финк, заманив истребители Королевских ВВС в ловушку, отправил «Штуки», которые меньше чем за десять минут потопили пять кораблей и повредили семь. Оставшиеся рассеялись, затем попытались собраться и снова подверглись нападению, на этот раз «Штук» в сопровождении Bf-109. Королевские ВВС потеряли шестнадцать самолетов, немцы почти вдвое больше.

Нападения на корабли продолжались в течение августа; возрастали людские потери и потери грузовых судов, танкеров, траулеров. В конце месяца эсминец его величества Esk подорвался на mine и затонул у берегов Голландии, забрав с собой на дно 130 членов экипажа. Скоординированные атаки люфтваффе и кригсмарине приносили результаты, но Геринг без особого рвения преследовал собственные цели. Обмену своих заменяемых самолетов на невозместимые британские корабли он предпочел славу, которая покрывала люфтваффе, когда его летчики высоко в небе вступали в бой с молодыми пилотами Королевских ВВС, и инверсионные следы выписывали героическую историю каждого дня. Немецкие самолеты, летевшие на высоте 26 тысяч футов, не топили корабли. Высшее немецкое командование армии и флота,

---

³⁴⁹ Угольщик, иногда углевоз – тип судна специальной конструкции, предназначенный для перевозки угля насыпью.

как позже отмечал Черчилль, «сожалело, что Геринг не уделяет первостепенное значение морским целям, и выражало по этому поводу недовольство»³⁵⁰.

В пятницу, 9 августа, Черчилль обедал в Чекерсе с Паундом, Исмеем, Иденом, Диллом и генералом сэром Арчибалдом Уэйвеллом. Черчилль, несмотря на угрозу вторжения, продолжал вынашивать планы наступления. После того как дамы удалились в гостиную, он подробно рассказал о плане де Голля относительно вторжения во французскую Северную Африку при поддержке Королевского флота в Дакаре. Черчилль философски отнесся к потерям в тот день в проливе. Англия, сказал он, должна продолжать использовать корабли прибрежной зоны в качестве приманки, хотя признал, что «количество уцелевшей приманки немного огорчает». Паунд, тоже несколько не обескураженный положением дел, сказал, что у них «даже избыток каботажных судов»³⁵¹.

В течение июля Королевские ВВС потеряли 70 самолетов, а люфтваффе более 180, из них больше половины составляли бомбардировщики. Ни одной из сторон не был нанесен смертельный урон. В Великобритании царил хорошее настроение. Вся страна восхищалась героизмом британских летчиков. Молодые пилоты знали, что на них устремлены взгляды всех англичан; они были, по выражению Лиддела Гарта, «цветом военно-воздушных сил и национальными героями»³⁵².

С каждым днем немецкие налеты учащались. Позже тех, кто участвовал в воздушных сражениях, преследовали воспоминания не столько о пережитом страхе – они редко находились в воздухе больше десяти – пятнадцати минут, – сколько о постоянном напряжении и хронической усталости. После трех-четырех вылетов летчики засыпали в кабине, стоило самолету приземлиться. И хотя они, возможно, не раз сталкивались со смертью, их усталость была столь огромной, что, когда опускались сумерки и становилось темно, они не начали тут же вспоминать ни о дневных боях, ни даже о своих победах. Они ждали последних новостей по Би-би-си и, под впечатлением хороших новостей и благодаря способности молодого организма быстро восстанавливать силы, направлялись в деревенский паб³⁵³.

Вся Англия и вся Германия – на самом деле весь мир – с тревогой ждали ежедневные отчеты о результатах сражений. Казалось, вторжение неминуемо. «Номер 10» отвечал криками «ура!» на доклад министерства авиации: «Окончательные данные по сегодняшнему дню: 85 точно, 34 вероятно, 33 повреждены. Мы потеряли 37 самолетов, 12 пилотов убиты, 14 ранены». В субботу, 13 июля, вечером Колвилл написал в дневнике: «Уинстон сказал, что прошедшие четыре дня были самыми великолепными в истории Королевских ВВС. Эти дни были пробой сил: враг пришел и проиграл пять к одному. Теперь мы можем быть уверены в своем превосходстве»³⁵⁴.

Черчилль верил этому. Он ссыался на цифры, которую ему сообщали, и никто сознательно не обманывал его. Фюрера тоже никто сознательно не вводил в заблуждение, но цифры, предоставленные командующими люфтваффе, разительно отличались от данных Королевских ВВС. Согласно информации люфтваффе, эти дни были одними из самых великолепных дней в истории люфтваффе и, следовательно, служили доказательством превосходства Германии. Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что эти сообщения ничего не стоили.

Командование Королевскими ВВС без вопросов признавало заявления своих летчиков относительно немецких трофеев. Британские отчеты о собственных потерях всегда были точными. Что нельзя сказать об отчетах люфтваффе. Сообщения о незначительных потерях

---

³⁵⁰ WSC 2, 323.

³⁵¹ Colville, *Fringes*, 213.

³⁵² Liddell Hart, *History*, 93.

³⁵³ Liddell Hart, *History*, 93.

³⁵⁴ Colville, *Fringes*, 194.

люфтваффе и серьезных британских потерях служили как тонизирующее средства для повышения морального духа рейха, и немцы делали вывод, что их летчики выигрывают сражения.

Проблема обмана заключается в том, что обманщики обманывают сами себя. Именно это случилось с Верховным командованием люфтваффе. «Немцы, – как позже сказал Черчилль, выступая в парламенте, – стали жертвами собственного обмана». Немцы утратили представление о реальной статистике, которая к началу августа стала просто невероятной. В один из августовских дней Уильям Л. Ширер отметил: «Немецкие цифры британских потерь весь вечер росли. Сначала люфтваффе сообщили: 73 сбитых британских самолета против 17 германских, потом – 79 против 14, наконец, в полночь – 89 против 17. Сейчас, когда я подсчитал данные о потерях, поступавших время от времени в течение дня, получилось, что англичане потеряли 111 самолетов. Люфтваффе врут с такой скоростью, что цифры не совпадают даже с их собственными подсчетами»³⁵⁵.

В своем загородном имении Геринг изучил эти фиктивные данные, подсчитал число затонувших британских кораблей и объявил, что операция *Kanalkampf* – потрясающая немецкая победа. После капитуляции Франции ему доложили, что военно-воздушные силы Великобритании в первой линии насчитывают меньше 2 тысяч самолетов, из них 500–600 истребителей. В основном так и было – тогда. Рейхсмаршал записал данные в блокнот и положил его в карман. В конце каждого дня, после доклада о потерях, он отмечал их в блокноте. В разведывательной сводке люфтваффе от 16 августа он прочел, что с июля британцы потеряли 574 истребителя и, поскольку заводы поставили не более 300 самолетов, у них приблизительно 430 самолетов, из которых, вероятно, 300 пригодны к эксплуатации.

Поскольку остаток в его блокноте приближался к нулю, Геринг был уверен, что вторжение может скоро начаться. Однако немецкие летчики знали, что эскадрильи Королевских ВВС продолжают защищать небо над Великобританией. Рейхсмаршал ошибался. Он бы пришел в отчаяние, если бы увидел последние данные, предоставленные министерством авиационной промышленности Великобритании. Только в июле британские рабочие произвели 496 истребителей, в четыре раза превысив месячную норму до Дюнкерка. К концу августа Бивербрук предоставил 1081 истребитель и 500 после ремонта. Даудинг, похоже, закончит сражение в небе над Англией с большим количеством истребителей, чем располагал перед началом сражения³⁵⁶.

Кроме того, ремонт самолетов, сбитых над Великобританией, занималась Гражданская ремонтная организация (ГРО). Она работала настолько эффективно, что к концу лета треть истребителей Даудинга состояла из частей сбитых «Спитфайров» и «Харрикейнов». Благодаря изобретательности рабочих из ГРО, немецкие самолеты вновь поднимались в воздух, но уже как самолеты Королевских ВВС. 10 августа Колвилл написал в дневнике: «Бивербрук, сказал он [Черчилль], обладает большими способностями и, к тому же, жестокой беспощадностью. Никогда за всю свою жизнь он не видел «таких потрясающих результатов, как у Бивербрука». Изучив диаграммы производства самолетов, генерал сэр Генри Поунелл «согласился, что никогда не видел ничего подобного». Это, безусловно, был каторжный труд, с которого темпераментный канадец все время пытался уйти в отставку. А Черчилль не соглашался. 2 сентября в конце записки на имя премьер-министра Бивербрук написал: «Никто не знает, с какими трудностями я сталкивался». Черчилль ниже приписал: «Я знаю»³⁵⁷.

Ликующий Геринг, положив перед Гитлером свои расчеты, заявил, что Королевские ВВС недееспособны. Рейх, сказал он, распоряжается небом над *Der Bach* (в переводе с немецкого – «Ручей», так немцы называли Канал). И предложил готовиться ко второй фазе сражения: *der*

³⁵⁵ Hansard 11/11/42; WSHCS, 6707; Shirer, *Berlin Diary*, 467–68.

³⁵⁶ Deighton, *Fighter*, xvii, 218; Mosley, *Battle of Britain*, 91; A.J.P. Taylor, *Beaverbrook* (London, 1972), 422–30.

³⁵⁷ Colville, *Fringes*, 217; Taylor, *Beaverbrook*, 430.

Adlerangriff – «Орлиной атаке». Но Даудинг отметил в дневнике, что по-прежнему верит, что время на стороне Англии, «если только мы сможем продержаться». В тот день его летчики утверждали, что сбили шестьдесят немецких самолетов и, хотя у него, возможно, эти цифры вызывали подозрение, он был впечатлен умением, с каким молодые англичанки на радиолокационных станциях разбирались с направлением и дальностью атакующих. В конце концов, точные действия женской вспомогательной службы ВВС были крайне важны для победы Королевских военно-воздушных сил³⁵⁸.

Летчики люфтваффе оставались такими же опасными. Их вышестоящее руководство – нет. Высшие офицеры совершали грубые ошибки, отличались неумелым руководством. Разведывательные данные, которые получал Геринг, ничего не стоили. Немцы имели весьма смутное представление о британской оборонительной системе; на начальном этапе они действительно не знали, где находятся ключевые британские аэродромы. Два завода «Роллс-Ройс», на которых изготавливали моторы Merlin, которыми оснащались «Спитфайры» и «Харрикейны», не подвергались бомбежкам, хотя их местонахождение не являлось секретом. На картах, которыми пользовались немецкие штабы, не было указано: какими аэродромами пользуется истребительная авиация, какими – бомбардировочная и какие аэродромы не используются. Важные приказы не доходили до места назначения. Метеосводки не заслуживали доверия. Сотрудники штаба работали медленно, допускали ошибки. Геринг собрал генералов и приказал, чтобы ни при каких обстоятельствах его не тревожили подчиненные, ждущие указаний. Хуже всего то, что у него не было четкой стратегии и он не определил приоритетность целей. После войны Адольф Галланд, один из его офицеров, написал, что «неудача в достижении какого-либо заметного успеха, постоянно изменявшиеся и явно несообразные приказы, абсолютно неправильная оценка ситуации командованием и несправедливые обвинения в наш адрес – все это оказывало большое деморализующее воздействие на нас, летчиков-истребителей, духовные и физические силы которых и так уже были на пределе»³⁵⁹.

Британские радиолокационные станции вводили противника в заблуждение. Улавливая их сигналы, немецкие летчики сообщали о британских радиостанциях. Нацистская разведка решила, что это система связи летчиков Королевских ВВС с диспетчерами наземных служб, и 7 августа пришла к заключению, что, «поскольку британские истребители наводятся на цель с земли по радио, они привязаны к своим станциям наведения, и поэтому их мобильность ограничена, даже если предположить, что наземные станции ограниченно подвижны. Как следствие, едва ли следует ожидать, что противник сможет за короткий срок сосредоточить крупные силы истребителей. Поэтому при нанесении массированных авиационных ударов по району цели можно рассчитывать на те же условия слабого противодействия истребителей, что и при атаках по рассредоточенным целям. Можно предположить, что в случае массированного налета в оборонительной системе противника неизбежно замешательство, приводящее к снижению эффективности его противовоздушной обороны»³⁶⁰.

Начальник службы связи люфтваффе, один из немногих немцев, понимавших роль радаров, настаивал на том, что нападению на радиолокационные станции следует уделять первостепенное значение. Попытка, предпринятая накануне главного наступления на Великобританию, не имела успеха. В Дувре немцы раскачали опору радара, но сбить 360-футовую мачту почти не представлялось возможным; предприняв четыре попытки, летчики сообщили, что не смогли выполнить задание. Геринг предположил, что электронная аппаратура и технический персонал находятся глубоко под землей и, следовательно, не представляют опасности. (На самом деле

---

³⁵⁸ Murray, *Luftwaffe*.

³⁵⁹ Deighton, *Fighter*, 217.

³⁶⁰ Deighton, *Fighter*, 187.

они находились в деревянных ангарах под вышками.) Геринг, считая, что нанесение бомбовых ударов по радиолокационным станциям не имеет смысла, издал соответствующий приказ³⁶¹.

Тем не менее люфтваффе были все еще мощными, и огромные флоты отменных самолетов в численном отношении превосходили защитников два к одному. После операции Kanalkampf немцы составили план начала вторжения, кодовое название Adlertag («День орла») и приступили к операции Adlerangriff («Орлиная атака»). Фюрер, не знавший, что цифры Геринга не соответствуют действительности, уполномочил его начать операцию Adlerangriff. Согласно директиве фюрера, если позволят погодные условия и не возникнет непредвиденных обстоятельств, Adlertag был назначен на 5 августа. Британские офицеры разведки из Блетчли-Парка передали эту информацию Черчиллю, и в тот же день Даудинг опубликовал обращение: «Битва за Британию вот-вот начнется. Служащие ВВС Великобритании, судьба поколений в ваших руках».

6 августа рейхсмаршал назначил «День орла» на 10 августа, субботу. Однако из-за неблагоприятных прогнозов погоды начало операции пришлось перенести на вторник. Утром 13 августа 74 двухмоторных «Дорнье» и 50 Bf-109 поднялись в воздух. Но небо опять заволочили тучи, и Геринг отдал приказ вернуться. Днем небо расчистилось, и наступление началось. Проводить операцию должны были силы 2-го, 3-го и 5-го воздушных флотов. Командующим 2-м воздушным флотом был Альберт Кессельринг, самый талантливый из подчиненных Геринга. Солдаты Кессельринга называли его Улыбчивый Альберт (ему нравилось демонстрировать свои безупречно белые зубы). Ранним утром с радиолокационных станций Королевских ВВС, расположенных на юго-восточном побережье, начали поступать тревожные сигналы в штаб Даудинга³⁶².

Среди ожидавших нападения на скалах Дувра находились американские военные корреспонденты, в их числе Х.Р. Никербокер, Эдвард Марроу, Хелен Киркпатрик, Квентин Рейнольдс, Уайтлоу Рейд, Вирджиния Коулз, Эрик Севарейд и Винсент Шиин. У всех было предчувствие неотвратимой беды. «Нарастало ощущение неотвратимой трагедии», – написал Шиин. Некоторые из них освещали разрастание глобального конфликта с 1931 года, с захвата японцами Маньчжурии. Рейх казался непобедимым. Послышался знакомый характерный гул «Мессершмиттов», «Хейнкелей» – рабочих лошадок люфтваффе – и «Дорнье», который превратился в рев, когда сверкающие крылья большой нацистской армады появились из ослепительной, залитой солнцем дымки над Каналом и приблизились к побережью, которое не видело захватчиков на протяжении нескольких веков. Опыт подсказывал журналистам, что следует ожидать очередное поражение демократии³⁶³.

А затем они увидели, написал Шиин, как в воздух поднялась 21 эскадрилья – более 300 самолетов – «Спитфайры», «словно жаворонки, сверкая в солнечных лучах» и маневрируя, вышли на позицию для атаки. Раздалось «жужжание пикирующего истребителя... треск пулеметной очереди, за падающим на землю самолетом тянулся шлейф дыма, а из облаков появился белый купол парашюта, за длинные стропы которого держался раненый летчик». Журналисты, несомненно, видели большую группу истребителей, но она состояла, скорее всего, не только из «Спитфайров». В составе 11-й и 12-й авиагрупп в любой из дней было приблизительно 250 исправных «Спитфайров» и 320 «Харрикейнов»³⁶⁴.

---

³⁶¹ Len Deighton, *Unternehmen Adler. Die Luftschlacht um England*, 264–65.

³⁶² R.V. Jones, *The Wizard War* (New York, 1978); F.H. Hinsley et al., *British Intelligence in the Second World War*, 5 vols. (London, 1979), 1:176–77; Ronald Lewin, *Ultra Goes to War* (New York, 1978); Brian Johnson, *The Secret War* (London, 1978); Harold Deutsch, «Ultra and the Air War in Europe and Africa», in *Air Power and Warfare, Proceedings of the Eighth Military History Symposium*, USAF Academy, edited by Colonel Alfred F. Hurley and Major Robert C. Ehrhart (Washington, DC, 1979), 165–66; Maier, *Das Deutsche Reich*, 2:384; Aileen Clayton, *The Enemy Is Listening* (New York, 1978).

³⁶³ Sheean, *Thunder*, 201.

³⁶⁴ Sheean, *Thunder*, 199.

Эти сцены повторялись в течение первого дня и всей недели вдоль южного побережья Великобритании. Шиин пишет: «Я видел, что в каждом таком бою англичане одерживали победу, и в каждом таком бою противник значительно превосходил их в численном отношении». Неоднократно «пять-шесть истребителей вступали в бой с двадцатью— тридцатью немцами... Я видел это не один, а много раз». Вспоминая Испанию и Чехословакию, он написал: «Сражения за Дуврские скалы доказало, что британцы могут и будут сражаться за свою свободу, чего бы это ни стоило, и что будут делать это против значительно превосходящих сил... Они будут сражаться, они выстоят»³⁶⁵.

Период с 24 августа по 6 сентября стал решающим для британской истребительной авиации. За пять недель борьбы, с 10 июля по 13 августа, тактика люфтваффе прошла проверку стратегией Даудинга. Его приказ по возможности избегать вступления в бой с немецкими истребителями сопровождения, любой ценой отвлекать их от прикрываемых бомбардировщиков и в первую очередь уничтожать именно бомбардировщики, оправдала себя. В результате потери противника в бомбардировщиках оставались на высоком уровне и, что намного важнее, Королевские военно-воздушные силы продолжали уверенно отражать атаки противника, отодвигая угрозу вторжения.

Кессельринг сосредоточил большое количество «Мессершмиттов» в Па-де-Кале, самом северном регионе Франции. Он хотел уничтожить аэродромы 11-й авиагруппы сэра Кейта Парка, которая прикрывала Лондон, оставив столицу без защитника. Черчилль часто посещал базы Королевских ВВС в Станморе, Аксбридже, Дувре и Рамсгете. Это были ворота замка, из которого выходили последние защитники, оставляя за собой пребывающую в ожидании Англию. Колвилл пишет, что Черчилль не случайно регулярно посещал эти базы, считая, что через них «война вошла на его землю». Немцы действительно принесли войну в его дом³⁶⁶.

В четверг, 15 августа, немцы решили устроить проверку сил командования истребительной авиации Королевских ВВС, нанеся удары одновременно со всех сторон. Впервые 5-му воздушному флоту люфтваффе, базировавшемуся в Норвегии и Дании, была отведена главная роль. Сто бомбардировщиков в сопровождении сорока двухмоторных Bf-110 направились на север Англии, к Тайнсайду, чтобы атаковать находившиеся там завод авиационных двигателей и химический завод. Расстояние от Дании не позволяло использовать одномоторные Bf-109 для прикрытия бомбардировщиков. Немцы дорого заплатили за отсутствие истребителей. Несколько дней ранее Даудинг направил на север восемьдесят «Спитфайров», чтобы дать необходимую передышку и летчикам, и машинам. Они поднялись в небо, встречая нападавших. Немцы потеряли шестнадцать «Хейнкелей», шесть «Юнкерсов» Ju-88 – пятую часть своих бомбардировщиков – и семь Bf-110. Британцы обошлись без потерь. В люфтваффе этот день получил название *der schwarze Donnerstag* – черный четверг³⁶⁷.

Однако борьба на юге в этот день сильно отличалась от борьбы на севере. Здесь немцы нацелились на аэродромы 11-й авиагруппы. В Эссексе и Кенте нападению подверглись аэродромы в Мартлшеме, Истчерче и Хокиндже; почти одновременно противник нанес удары по авиационным заводам в Рочестере и аэродромам истребительной авиации в Портленде, Уэст-Мэллинге, Кройдоне и Мидл-Уэллопе. В этот день обе стороны понесли тяжелейшие потери. До наступления сумерек немцы совершили 1786 вылетов, а суммарные потери составили 109 самолетов – беспрецедентная цифра!

---

³⁶⁵ Sheean, *Thunder*, 201—2.

³⁶⁶ Colville, *Fringes*, 236.

³⁶⁷ Collier, *Defence of the United Kingdom* (London, 2009), 189—90, 450; Helmuth Greiner, *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht* (the OKW war diary) 8/15/40; Denis Richards, *Royal Air Force, 1939–1945*, vol. 1: *The Fight at Odds* (London, 1953), chaps. 6 and 7.

В тот день Черчилль находился в Аксбридже, наблюдая за ходом борьбы из штаба 11-й авиагруппы. Садясь в свой лимузин, он сказал Исмею: «Не разговаривайте со мной. Я слишком взволнован». У него дрожали губы. Некоторое время они ехали в полном молчании. Затем Черчилль повернулся к Исмею и сказал то, что настолько «врезалось» Исмею в память, что, придя вечером домой, он повторил слова премьер-министра жене³⁶⁸.

Спустя пять дней, перед началом самого трудного и опасного периода в ходе борьбы, Черчилль, выступая в палате общин, обрисовал сложившуюся ситуацию, а затем, после длинной паузы, отдал дань уважения Королевским военно-воздушным силам: «Каждый дом на нашем острове, в нашей империи и во всем мире, за исключением домов преступников, благодарен британским пилотам, бесстрашным и неутомимым, стоящим перед постоянными сложными задачами и смертельной опасностью, которые своей доблестью и преданностью управляют течением Мировой войны».

А затем сказал слова, которые произвели такое сильное впечатление на Исмея: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов не было случая, когда столь многие были так обязаны столь немногим».

Слова, ставшие бессмертными, но они были всего лишь прелюдией к главному, бомбардировочным операциям Королевских ВВС: «Каждое сердце обращено к сражающимся пилотам, чьи блестящие дела мы видим собственными глазами изо дня в день; но также мы не должны забывать, что все это время, ночь за ночью, месяц за месяцем, эскадрильи наших бомбардировщиков пробираются глубоко в Германию, и с помощью высочайшего навигационного мастерства находят свои цели во тьме, и наносят сокрушительные удары с избирательной точностью по всей машине нацистского технического и военного производства, часто выполняя свои задачи под мощным огнем и с тяжелыми потерями. Ни на кого другого не падает тяжесть войны сильнее, чем на дневных бомбардировщиков, которые, в случае вторжения, будут выполнять неопределимые задачи и чье неистовое рвение пока приходилось не раз сдерживать»³⁶⁹.

В распоряжении бомбардировочного командования имелось более шестисот средних и легких бомбардировщиков на аэродромах к северу от Лондона. Черчилль не собирался слишком долго их сдерживать.

В пятницу, 16-го, Кессельринг продолжил оказывать давление. 5-й флот люфтваффе к участию в массированных дневных налетах больше не привлекался, но немцы совершили более 1700 боевых вылетов, подвергнув бомбовым ударам аэродромы и ангары летно-тренировочной школы в Брайз-Нортоне. В воскресенье немцы потеряли 71 самолет, почти 10 процентов от введенных в бой. Тем не менее после дня затишья противник, явно не обескураженный потерями, вновь перешел в наступление³⁷⁰.

Геринг собрал командующих воздушными флотами в Каринхолле и приказал сосредоточить все внимание на авиационных и сталелитейных заводах. Спустя четыре дня он опять вызвал их в Каринхолл. «Мы достигли решительного периода в воздушной войне против Англии, – заявил рейхсмаршал. – Важнейшей задачей является разгром авиации противника. Главной целью – уничтожение английских истребителей». Как и на прошлых совещаниях, он проявил удивительную неосведомленность. Геринг недооценил значение цепи радиолокационных станций Даудинга и тем самым обеспечил ей неприкосновенность в течение длительного

---

³⁶⁸ Helmuth Greiner, *Die Oberste Wehrmacht/Weltkrieg 1939–1945* (Stuttgart, 1954); Ismay, *Memoirs*, 188.

³⁶⁹ WCHCS, 6265–66.

³⁷⁰ Edward Bishop, *The Battle of Britain* (London, 1960), 142, 149; Helmuth Greiner, *OKW*, 8/19/40.

времени, а его выводы относительно успехов люфтваффе не имели ничего общего с реальным положением дел³⁷¹.

Несмотря на это, командование истребительной авиации находилось в тяжелом положении. В отличие от противника у Великобритании не было неограниченных резервов квалифицированных летчиков. Летчики бомбардировочной авиации проходили переподготовку, чтобы летать на «Спитфайрах» и «Харрикейнах». В течение одной недели Даудинг потерял 80 процентов командиров эскадрилий. Один из них, никогда не летавший на «Харрикейнах», после трех взлетов и посадок повел свою эскадрилью в бой. Зачастую летчики встречались с противником, налетав не более десяти часов. В августе командование истребительной авиации сократило срок подготовки с шести месяцев до двух недель. Некоторые летчики никогда не стреляли из пушек и пулеметов, установленных на истребителях. Некоторые были совсем молодыми парнями³⁷².

Пилоты Королевских ВВС раздвинули пределы человеческой выносливости; они спали в кабинах своих самолетов между боевыми вылетами, бесстрашные и неутомимые, по словам Черчилля, «перед постоянными сложными задачами и смертельной опасностью». В последний день августа в сопровождении Клемми, Памелы и Колвилла он поехал в Аксбридж, в штаб 11-й авиагруппы сэра Кейта Парка, эскадрильи которого обороняли Юго-Восточную Англию. Он хотел поговорить с летчиками, послушать их рассказы. Вечером Колвилл написал в дневнике: «Премьер-министр был глубоко тронут тем, что увидел днем в Аксбридже»³⁷³.

Парк мог заменить летчиков, но не аэродромы. Если бы немцы разбомбили его аэродромы, истребители не могли бы ни взлетать, ни приземляться; это позволило бы нацистам захватить господство в воздухе над Юго-Восточной Англией, и Гитлер мог начать вторжение. Для того чтобы защитить взлетные полосы, Парк приказал своим летчикам вступать в бой с противником как можно дальше от своих аэродромов, но, когда у немцев стало намного больше истребителей, чем бомбардировщиков, «Спитфайрам» и «Харрикейнам» 12-й авиагруппы пришлось прикрывать район 11-й авиагруппы, но и это не спасало – слишком мощным было вражеское наступление. Самолеты Кессельринга совершали более тысячи боевых вылетов в день. Каждое утро со стороны моря появлялись Bf-109 и Bf-110, летевшие так низко над водой, что были практически недостижимы для британских орудий. Они подвергали мощным ударам аэродромы, бомбили ремонтные мастерские, ангары, уничтожали самолеты, отстраненные от полетов, стирали с лица земли аэродромные сооружения и обстреливали полосы, делая их непригодными для взлета и посадки самолетов. Особенно опасными были Bf-110 с бомбовой нагрузкой 2200 фунтов. Геринг планировал после уничтожения самолетов Королевских ВВС в воздухе и их аэродромов отправить свои Bf-110 в глубь страны на поиски военных и промышленных объектов.

Наземные службы Королевских ВВС работали не жалея сил, но они не успевали заделать воронки на взлетно-посадочной полосе, как налетчики шли на второй заход. С наступлением сумерек все британские коммуникации были парализованы, и, когда служебные здания были разрушены, вышла из строя вся система наземного управления. Британцы оставляли одну за одной передовые позиции. На десятый день нацистского наступления десяток «Юнкерсов» Ju-88 проскользнули через защиту британских истребителей и нанесли удар по заводу Vickers в Вейбридже, нарушив работу и причинив большие повреждения. Недельный выпуск бомбардировщиков «Виккерс-Веллингтон» снизился с 9 до 4³⁷⁴.

---

³⁷¹ Richards, *Royal Air Force*, 1:178.

³⁷² Deighton, *Fighter*, 219.

³⁷³ Colville, *Fringes*, 234–36.

³⁷⁴ Collier, *Defence*, 206–7, 210; Bishop, *Battle of Britain*, 166–69; Alexander McKee, *Strike from the Sky: The Battle of Britain Story* (Boston, 1960), 197–209; Derek Wood and Derek Dempster, *The Narrow Margin: The Battle of Britain and the Rise of Air Power 1930–1949* (London, 1961), 316–25.

Министр информации Дафф Купер сообщил премьер-министру, что моральный дух британцев «чрезвычайно высок», но народ не знал то, что знали его лидеры. Положение командования истребительной авиации было критическим. При Бивербруке британские заводы каждую неделю выпускали 115 и более новых истребителей – вдвое больше немцев, – но теперь немцы уничтожали намного больше самолетов. Резервы Даудинга сокращались. За последние два августовских дня немцы совершили 2795 боевых вылетов. Их основной целью по-прежнему оставались аэродромы 11-й авиагруппы в Биггин-Хилл и Кенли. 1 сентября оба были разрушены. Ангары, ремонтные мастерские, служебные постройки, коммуникационные сети – все было полностью уничтожено. Из семи основных аэродромов 11-й авиагруппы шесть были разрушены. Однако Черчилль и Парк, посоветовавшись, пришли к единому мнению, что немцы достигли максимального предела и «не смогут долго выдерживать такое напряжение»³⁷⁵.

Невероятно, но немецкое командование не осознало важность успехов люфтваффе. Исключение составлял генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, один из высокопоставленных офицеров вермахта. Бок понимал, что ход сражения изменился. Занимаясь подготовкой к переезду штаба своей армейской группы из Франции в Польшу, он пытался внушить главнокомандующему, Вальтеру фон Браухичу, важность перемены. Бок настойчиво утверждал, что впервые люфтваффе начали добиваться некоторого реального прогресса³⁷⁶.

Теперь ежедневно появлялось огромное количество немецких самолетов, угрожавших внутренней обороне Великобритании. Когда, побывав в очередной раз в штабе командования истребительной авиации в Станморе, Черчилль обедал в Чекерсе с Даудингом, Линдеманом и Гортон, немцы бомбили Грейт-Мисседен, всего в 4 милях от Чекерса.

В первую неделю сентября Королевские ВВС находились в отчаянном положении. Летчикам Даудинга запрещалось преследовать самолеты противника над Каналом. Поскольку Даудинг испытывал недостаток в отдохнувших и переукомплектованных эскадрильях, он лишился возможности чередовать их. Всего за три недели он потерял 230 летчиков убитыми и ранеными – 25 процентов от имевшихся в его распоряжении летчиков. Если бы это продолжалось, то через неделю сила командования истребительной авиации прекратила свое существование как организованная боевая сила. Над всей системой противовоздушной обороны Юго-Восточной Англии нависла опасность уничтожения. Люфтваффе могли уже делать почти все, что хотели, над районом, который был намечен для проведения операции «Морской лев». Дейтон пишет, что если Геринг хотел добиться господства в воздухе над Южной Англией, то к 1 сентября оно «было почти достигнуто. Наступило то, что позже назовут «критическим периодом». Если бы командование люфтваффе продолжало наносить удары по аэродромам до полного их уничтожения, оно бы добилось господства в воздухе в этом районе». Маршал авиации Кейт Парк отметил, что «почти полная дезорганизация сделала управление нашими эскадрильями истребителей крайне затруднительным... Если бы противник продолжал мощные атаки (на летные поля и системы управления)... защита, которую обеспечивали Лондону истребители, оказалась бы в рискованном положении». Полковник авиации Питер Таунсенд считал, что «6 сентября казалось, что победа уже в руках у люфтваффе. За предыдущие две недели немецких налетов на аэродромы истребительное командование потеряло безвозвратно 295 истребителей (21 в день). 103 летчика погибли (около 7 человек в день). Еще 170 истребителей были серьезно повреждены». 7 сентября он сказал, что дивизии вермахта, танковые войска и артиллерия, «возможно, начнут высадку на британскую землю»³⁷⁷.

Но главное событие, определившее исход воздушного сражения, произошло в ночь с 23 на 24 августа. Это было дело случая. Несколько «Хейнкелей» из 170 самолетов, получивших

---

³⁷⁵ Colville, *Fringes*, 236—37.

³⁷⁶ Colville, *Fringes*, 236—37.

³⁷⁷ Deighton, *Fighter*, 248; Collier, *Defence*, 205; Wood and Dempster, *Narrow Margin*, 332—33; WSC 2, 331—32.

приказ разбомбить авиационный завод в Рочестере, потеряли ориентацию и, прежде чем вернуться на базу, сбросили наугад бомбы. Как оказалось, в это время они были над Лондоном. Они полетели домой, оставив за собой бушующие пожары в Бетнал-Грине и Ист-Хэме³⁷⁸.

Гитлер не мог мириться с подобными ошибками. Он издал директиву, запрещающую без его разрешения совершать атаки на Лондон. Гитлер издал этот приказ исходя из политических соображений, все еще надеясь усадить Черчилля за стол переговоров³⁷⁹.

Черчилль немедленно воспользовался предоставленным шансом. Месяцем ранее он добился гарантии от министерства авиации, что, если немцы сбросят бомбы на жилые кварталы Лондона, командование бомбардировочной авиации будет готово ответить тем же на следующий день в Берлине. Ночью после ошибочного нападения немцев на Лондон – 25 августа – 81 двухмоторный «Веллингтон» и «Хемпден» отправился воевать в сердце рейха. Берлин был закрыт плотной облачностью, и найти город смогла только половина бомбардировщиков. Главными целями были железнодорожные станции и правительственные здания. Разрушения были незначительными. Бомба, сброшенная у железнодорожной станции Гёрлиц, привела к гибели десяти человек и временно приостановила работу компании «Сименс». Многие британские пилоты не смогли определить местонахождение целей и вернулись на базу с полной бомбовой нагрузкой³⁸⁰.

На следующее утро Черчилль передал записку в штаб ВВС: «Теперь, когда они начали досаждать столице, я хочу, чтобы вы сильно ударили их, и Берлин – место для нанесения удара»³⁸¹.

С мая целью британцев были военные и промышленные объекты – единичные налеты на железнодорожные узлы, корабли на Рейне, на Кильский канал. Но до той воскресной ночи ни одной бомбы не было сброшено на столицу рейха. Уильям Л. Ширер пишет в своем дневнике: «Берлинцы ошеломлены. Они не верили, что такое может случиться. Когда эта война началась, Геринг их заверил, что этого не будет. Он хвастливо заявлял, что ни один вражеский самолет никогда не прорвется сквозь внешнее и внутреннее кольцо противовоздушной обороны столицы. Берлинцы люди простые и наивные. Они ему поверили. Тем сильнее их сегодняшнее разочарование. Надо видеть их лица, чтобы оценить его... Думаю, на простых берлинцев больше, чем первые жертвы, подействовал тот факт, что английские самолеты смогли беспрепятственно прорваться к центру Берлина. В первый раз война пришла к ним в дом»³⁸².

Косолапый нацистский министр пропаганды и бывший, с позволения сказать, журналист Пауль Йозеф Геббельс приказал, чтобы все газеты вышли под заголовком «EIGER ENGLISCHER AGRIFF» («ТРУСЛИВОЕ БРИТАНСКОЕ НАПАДЕНИЕ»). Бомбардировщики появились ночью 28 августа и следующей ночью, а после третьего ночного налета заголовки нацистских газет кричали: «ENGLISCHE LUFTPIRATEN UBER BERLIN!» («АНГЛИЙСКИЕ ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ НАД БЕРЛИНОМ»)³⁸³.

В 1940 году вопрос с бомбардировкой городов оставался открытым. Согласно Гагской и Женевской конвенциям – которые рейх обязался соблюдать, – запрещались нападения неизбирательного характера на гражданское население. В мае, когда на старинный университетский город Фрайбург-в-Брайсгау «Хейнкели» по ошибке сбросили бомбы, что привело к гибели почти сотни женщин и детей, немцы возложили ответственность за это на Королевские ВВС. Немецкое бюро новостей сообщило о нем как о «вражеском налете на незащищенный город».

³⁷⁸ Wood and Dempster, *Narrow Margin*, 304.

³⁷⁹ Taylor, *Breaking Wave*, 151; H.R. Trevor-Roper, ed., *Hitler's War Directives 1939–1945* (London, 1964), 38.

³⁸⁰ Helmuth Greiner, *Die Oberste Wehrmachtführung, 1939–1943* (Wiesbaden, 1951), 8/29/40, 8/31/40; Cv/2, 555.

³⁸¹ Colville, *Fringes*, 230.

³⁸² Shirer, *Berlin Diary*, 8/26/40.

³⁸³ *Frankfurter Zeitung*, 8/29/40 and 8/30/40.

Гиббельс назвал его *Kindermord in Freiburg* (Убийством невинных во Фрайбурге), а предатель Лорд Гав-Гав³⁸⁴ – «доказанным злодеянием»³⁸⁵.

Люфтваффе всегда были противниками предоставления Лондону неприкосновенности. Приближалась осень 1940 года, немцам пока не удавалось завоевать господство в небе над Англией, и Геринг неоднократно просил Гитлера пересмотреть решение о неприкосновенности. Особенно сильное недовольство испытывали немецкие летчики-истребители. Адольф Галланд в своих послевоенных воспоминаниях пишет, что Лондон обладал «исключительным военным значением, представляя собой мозг и центральную нервную систему английского Верховного командования, а также являлся портом и центром поставок вооружений и их распределения». Далее он пишет: «Мы же, летчики-истребители, обескураженные поставленной задачей, которая была выше наших сил, все-таки с нетерпением и волнением ожидали в скором будущем бомбовых атак»³⁸⁶.

Итак, Геринг, не осознававший, какой ущерб причинил Королевским ВВС, утверждал, что стратегический переход от истребителей над Дувром к бомбардировщикам над Лондоном может привести к желанной мирной конференции и, кроме того, сохранить репутацию люфтваффе. Геринг, позже написал Ширер, допустил ошибку, «сопоставимую по своим последствиям с ошибкой Гитлера, отменившего танковое наступление в Дюнкерке 24 мая». Адмирал Редер тоже был сторонником нападений на Лондон, рассматривая их в какой-то мере как способ сохранить свой флот, который, по его мнению, будет уничтожен при попытке вторжения. Если люфтваффе и угроза вторжения не могут заставить Черчилля сесть за стол переговоров, то, возможно, это смогут сделать напуганные лондонцы. 31 августа Гитлер санкционировал массированные налеты – днем и ночью на лондонские доки. Они должны были начаться через неделю³⁸⁷.

4 сентября, выступая в берлинском Дворце спорта перед социальными работниками и медсестрами, Гитлер позволил себе едкие замечания в адрес британского руководства. Он назвал министра информации Даффа Купера *Krampfhenne* (что в переводе с баварского означает «старая истеричная курица») и сказал, что «болтовня мистера Черчилля или мистера Идена – уважение к преклонному возрасту не позволяет мне упомянуть о мистере Чемберлене – не означает для немецкого народа ровным счетом ничего. В лучшем случае это вызывает у него смех. – Затем он перешел к бомбардировкам. – Мистер Черчилль демонстрирует новое порождение своего ума – ночные воздушные налеты. Черчилль осуществляет эти налеты не потому, что они обещают принести значительный эффект, а потому, что его авиация не смеет летать над Германией в светлое время... В течение трех месяцев я не отвечал, так как верил, что подобному безумию придет конец. Но мистер Черчилль воспринял это как признак нашей слабости... Мы сотрем их города с лица земли!» Он закончил свое выступление словами: «Придет час, когда один из нас рухнет, но это будет не национал-социалистская Германия!». При этих словах женщины вскочили со своих мест и принялись скандировать: «Никогда! Никогда!»

Гитлер знал, что британцы задаются вопросом, когда начнется вторжение. Он сказал: «В Англии все полны любопытства и постоянно спрашивают: «Почему он не приходит?» Будьте спокойны, он идет! Будьте спокойны, он идет!»³⁸⁸

Однако у тех, кто знал фюрера и его византийский двор, создалось впечатление неуверенности в отношении намерений Гитлера. Выступление Гитлера озадачило графа Чиано. Что-

³⁸⁴ Джойс Уильям – нацистский пропагандист, ведущий англоязычных передач германского радио, прозванный в Британии Лорд Гав-Гав.

³⁸⁵ *OKW*, 8/24/40; *Facts in Review* 2, no. 22 (5/27/40): 217.

³⁸⁶ Adolph Galland, *The First and the Last* (New York, 1954), 40–41.

³⁸⁷ Shirer, *Rise and Fall*, 777.

³⁸⁸ *Frankfurter Zeitung*, 9/5/40.

то в этом было неправильное. Он написал в дневнике, что Гитлер казался «необъяснимо возбужденным»³⁸⁹.

Так и было. Гитлер за шесть недель завоевал Францию. Теперь, спустя почти двенадцать недель после капитуляции Франции, англичане – их армия слабая, но восстанавливается, их флот рассредоточен, их военно-воздушные силы пали на одно колено – загоняли его в тупик. Он принял решение о стратегическом переходе к массированным бомбардировкам. Если это не сработает, придется вторгаться в Англию. Но время было не на его стороне. Черчилль понимал, что существует одно условие среди многих необходимых, но недостаточных для успешного вторжения в Англию, условие, которое неподвластно никому и не поддается точному прогнозированию. Согласно Объединенному разведывательному комитету³⁹⁰, для успешного вторжения немцам было необходимо «спокойное море и ограниченная видимость».

Осенняя погода, когда в Ла-Манше бушуют «суровые экваториальные штормы» (по выражению Черчилля), могла оказаться самым надежным союзником Англии. Осенью Северное море не подходит для плоскодонных речных барж, заполненных солдатами, артиллерией и танками. Зимой и того хуже. А с каждым днем зима становилась на день ближе. Но было только начало сентября³⁹¹.

6 сентября Объединенный разведывательный комитет подробно изучил большое количество отчетов, расшифровки сообщений «энигмы» и аэрофотоснимки. Все, казалось, свидетельствовало о готовящемся вторжении. Согласно расшифровкам сообщений «энигмы», во всей армии были отменены отпуска; офицеры в Нормандии получили карты английских прибрежных районов; завершилась переброска пикирующих бомбардировщиков из Норвегии во Францию; закончилось сосредоточение десантных средств в портах Ла-Манша. Специалисты сделали вывод, что через сорок восемь часов будут «особо благоприятные условия для вторжения». Информация о «крупномасштабном, организованном» движении военного транспорта на базы Ла-Манша позволило специалистам Объединенного разведывательного комитета сделать вывод о завершении последних приготовлений к вторжению. На следующий день, 7 сентября, руководитель комитета сообщил начальникам штабов, что вторжение неизбежно. В Блетчли-Парке отдел морской разведки пришел к выводу, что вторжение может начаться на следующий день. Последовал приказ: привести в боевую готовность все силы обороны Соединенного Королевства. Министерство авиации отдало приказ командованиям Королевским ВВС о приведении в боевую готовность, поскольку возможно появление немцев в течение двадцати четырех часов³⁹².

Днем в субботу, 7 сентября, небо было безоблачным. Герман Геринг и Альберт Кессельринг стояли на утесах мыса Блан-Не, напротив Белых скал Дувра, и наблюдали за огромным соединением люфтваффе, тысячей самолетов, треть из которых составляли бомбардировщики, пересекавшей Канал и направлявшейся к Лондону. Зрелище было впечатляющим! Огромная армада, летевшая на высоте почти 2 миль над уровнем моря, казалось, заслонила солнце³⁹³.

Королевские ВВС не знали, что целью являлся Лондон. В 16:00 Даудинг сидел за столом в Бентли-Прайори, когда ему доложили, что со стороны Кале приближается огромное соединение. Во время предыдущих налетов люфтваффе, включая последние несколько дней, налетчики разделялись, достигнув побережья, где британские истребители, патрулировавшие на высоте 25 тысяч футов, дожидались момента, чтобы атаковать. В тот день этот момент

---

³⁸⁹ Gibson, *Ciano Diaries*, 290.

³⁹⁰ Объединенный разведывательный комитет – комитет в составе правительства Великобритании, координирующий работу разведывательных служб и служб безопасности (Секретная разведывательная служба, МИ-5, Центр правительственной связи, Военная разведка Великобритании) Соединенного Королевства.

³⁹¹ WSC 2, 229.

³⁹² CAB, 79/6. The chiefs signing the order were Ismay, Pound, Dill, and Peirse, vice chief of the Air Staff.

³⁹³ McKee, *Strike*, 125.

не наступил. Воздушная армада, волна за волной, пересекла восточное побережье Кента, у Дила, и устремилась к Лондону. «Орлиная атака» развивалась по намеченному плану; целью были промышленные центры на Темзе. Сначала немцы нанесли удар по Вулвичскому арсеналу, затем по докам королевы Виктории и принца Альберта, Западно-Индийскому доку, Коммерческому доку и Сурейским докам. За собой они оставили пылающую картину апокалипсиса. Потопленные корабли, искореженные мостики, опрокинутые краны и пожары, покрывавшие территорию 250 акров и служившие маяком для второго мощного налета. Много немецких бомб упало на жилые кварталы Ист-Энда. Когда опустились сумерки, в Вест-Энде приняли эти пожары за потрясающий закат. Быстро пришло осознание жуткой правды: это был не закат солнца – горел Ист-Энд³⁹⁴.

В конце весны 1940 года было принято решение, что колокола лондонских церквей, которые будили по утрам, сообщали вечером, что пора гасить свет и тушить огонь, и созывали верующих на воскресную службу на протяжении почти трех веков, теперь должны звонить только в случае неминуемого вторжения. Когда начальники штабов отдали приказ о приведении всех войск Великобритании в боевую готовность, этого было достаточно для добровольцев местной обороны – Родной гвардии. В 19:30 был передан кодовый сигнал «Кромвель», означавший «вторжение неминуемо». Несмолкаемый звон церковных колоколов предупреждал жителей королевства о нависшей угрозе. Люди держали наготове охотничьи ружья, пики, вилы, ножи, готовясь оказать сопротивление. Саперы взорвали ряд важных мостов. В царившем хаосе несколько человек погибли, напоровшись на установленные впопыхах минные заграждения³⁹⁵.

Тревога была ложной. Немцы не появились с моря, но для лондонцев ужас пришел с неба. Высоко над Ист-Эндом поднимались в небо черные столбы дыма и багрового пламени, и не было ничего странного в том, что лондонцы решили, что скоро от их города останется только шлак и зола³⁹⁶.

На следующий день командующий войсками метрополии Алан Брук, написав в дневнике о массовой бомбардировке и ночных пожарах, добавил, что «утром, придя в штаб, получил дополнительную информацию о грядущем вторжении». Он предсказал, что несколько следующих недель станут «самыми богатыми на события за всю историю Британской империи». На следующий день было полнолуние. Немцы не появились в полнолуние ни в июле, ни в августе. Они должны были появиться или в ближайшие десять дней, или рискнуть в октябре, когда погода, их союзник с июня, станет их врагом³⁹⁷.

Черчиллю, чтобы помешать вторжению, выдержать блокаду и охотиться на подводные лодки, требовалось больше эсминцев. Помощь – весьма скромная – была наконец на подходе, и не бесплатная. С мая по конец августа позиция Франклина Рузвельта в отношении отправки Черчиллю истребителей претерпела изменения (незначительные), и на протяжении этих двенадцати недель Черчилль с возмущением говорил членам кабинета, что «хотя президент – наш лучший друг, никакой практической помощи от Соединенных Штатов мы так и не получили. Мы не ждали, что они окажут военную помощь [пришлют солдат и летчиков], но они не прислали даже необходимое количество эсминцев и самолетов». В какой-то момент, когда с финансами стало особенно туго, министр финансов Кингли Вуд предложил реквизировать у населения золотые кольца, чтобы собрать 20 миллионов фунтов. Черчилль одобрил план, но

---

³⁹⁴ Collier, *Defence*, 135–40; Wood and Dempster, *Narrow Margin*, 334–39; Mosley, *Battle of Britain*, 120.

³⁹⁵ GILBERT 6, 773–74; WSC 2, 312.

³⁹⁶ GILBERT 6, 774.

³⁹⁷ Danchev and Todman, *War Diaries*, 105.

предложил реализовать его позже; не хранить 20 миллионов золотом, а «с целью посрамить американцев», если из-за отсутствия помощи с их стороны Англия лишится средств³⁹⁸.

Черчилль упорно раз за разом обращался к Рузвельту с просьбой об эсминцах. Его письма Рузвельту становились все более отчаянными, записки сотрудникам – более презрительными из-за несвоевременности и качества американской помощи. Послу в Вашингтоне, лорду Лотиану, в июне: «Мы действительно до сих пор не имеем помощи из Соединенных Штатов, о которой бы стоило говорить». Мало того, в июне Генри Форд отказался собирать двигатели для британских самолетов из опасения, что это скажется на продажах новых автомобилей американцам, не говоря уже о том, что Англия не сможет оплатить заказ, как он, вероятно, думал. Июльскую телеграмму Рузвельту Черчилль закончил такими словами: «Сейчас для вас самым неотложным является вопрос поставки нам эсминцев, торпедных катеров и аэропланов, которые мы просили... Господин президент, это то, что необходимо сделать сейчас»³⁹⁹.

Если первоначально Черчилль обращался к Рузвельту с просьбой о пятидесяти эсминцах, то затем он попросил тридцать – сорок эсминцев, а потом завел речь о шестидесяти. Он предупредил Рузвельта, что итальянцы, направив в Атлантику подводные лодки (у Муссолини было более сотни лодок, даже больше, чем у Гитлера), могут помочь немцам изолировать Англию. Он сообщил президенту, что за десять дней было потоплено десять британских эсминцев, а с начала войны Королевский флот потерял почти треть эсминцев. Черчилль связал эсминцы со своими стратегическими планами на следующий год: «Мы намерены иметь сильную армию, сражающуюся во Франции в кампании 1941 года». И наконец, он еще раз подчеркнул, насколько важно, чтобы Соединенные Штаты вовремя поставили эсминцы. «Сейчас для нас нет ничего важнее получения старых эсминцев... Мы можем очень быстро снабдить их нашими локаторами, и они заполнят брешь на первые полгода, пока не вступят в строй эсминцы, построенные нами уже в военное время. Если они вам понадобятся, мы возвратим их или их эквивалент при условии, что вы предупредите нас об этом за шесть месяцев. Ближайшие шесть месяцев имеют жизненно важное значение»⁴⁰⁰.

В середине августа, спустя более трех месяцев после первой просьбы Черчилля относительно устаревших эсминцев, Рузвельт начал верить, что Великобритания может, определенно может, выстоять. Игнорируя изоляционистов и Акты о нейтралитете, он направил Черчиллю через Государственный департамент послание с предложением о заключении соглашения: что в случае чрезвычайного положения флот метрополии придет в Канаду и что в обмен на эсминцы Англия предоставит Соединенным Штатам несколько своих военно-морских баз. Переговоры о передаче эсминцев нарушали закон о нейтралитете. В конце концов, Германия и Италия, с которыми Америка не находилась в состоянии войны, не получали таких дружеских предложений. Независимо от того, что нейтральные страны имеют право беспрепятственно торговать с любой воюющей страной, передача пятидесяти эсминцев в Великобританию была явным шагом США к войне, и Черчиллю это понравилось, в отличие от предложенных Рузвельтом условий. Черчилль сказал Колвиллу, что Рузвельт хочет получить «права на удержание» британского флота взамен эсминцев. Не таких он ожидал предложений. Черчилль надеялся на подарок, без каких-либо условий, о чем и сказал Рузвельту: «Я предпочел бы передачу баз в аренду как акцию доброй воли, а не в обмен на эсминцы». По словам Кадогана, предложенный Рузвельтом обмен «взбесил» Черчилля. В дневнике Кадоган коротко написал: «Черчилль говорит, что не расстроится, если мы не получим эсминцы». Но конечно, это было не так⁴⁰¹.

---

³⁹⁸ Cv/2, 703.

³⁹⁹ C&R-TCC, 1:56–67; GILBERT 6, 25.

⁴⁰⁰ C&R-TCC, 1:56–67.

⁴⁰¹ Robert E. Sherwood, *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History* (New York, 1948), 1980; Cv/2, 255; Dilks, *Diaries*, 322–23.

Черчиллю была невыносима мысль о том, что Рузвельт связывает свои эсминцы с гарантией, что в случае падения Англии ее атлантический флот уйдет на запад, в Канаду. В письме канадскому премьер-министру Уильяму Лайону Маккензи Кингу он пожаловался, что американцы хотят «получить британский флот и Британскую империю, без Великобритании». По сути, Соединенные Штаты, потеряв друга, получали флот. Такие же гарантии британцы хотели получить от французов. Однако Соединенные Штаты не были ни воюющей стороной, ни союзником, сражающимся вместе с британцами, в отличие от британцев, сражавшихся вместе с французами. 31 августа Черчилль скрепя сердце отправил Рузвельту довольно холодное письмо: «Вы спрашиваете, господин президент, представляет ли мое заявление в палате 4 июня 1940 года о том, что Великобритания никогда не сдастся, «твердую политику правительства Его Величества». Безусловно. Однако должен заметить, что эти гипотетические непредвиденные обстоятельства могут скорее относиться к германскому флоту или к тому, что от него останется, нежели к флоту Великобритании»⁴⁰².

Смелое, но небезосновательное заявление. У Великобритании были крупные корабли, включая авианосцы, и более девятисот небольших, но представлявших большую угрозу кораблей. У немцев не было ничего подобного. И наконец, нет никакой связи между американскими эсминцами и поражением британского флота. Соглашение было заключено.

Авансовый платеж за эсминцы принял форму британских военно-морских баз от Ньюфаундленда до Британской Гвианы, сданных американцам в аренду сроком на девяносто девять лет. Рузвельт, объясняя суть соглашения конгрессу, не смог отказать себе в удовольствии позлорадствовать по поводу удачно совершенной сделки: «Права на базы на Ньюфаундленде и Бермудах – подарки, великодушно сделанные и охотно принятые. Остальные упомянутые базы были получены в обмен на пятьдесят наших устремивших эсминцев». Первые восемь из устаревших эсминцев прибыли в Великобританию в начале сентября. Черчилль взял их. В тот момент он бы взял все, что угодно⁴⁰³.

Все лето 1940 года военное министерство под руководством Энтони Идена круглосуточно занималось работой по восстановлению армии. К середине июля у Великобритании было 1 миллион 500 тысяч солдат; спустя пять недель Черчилль сказал, выступая в палате общин: «Вся британская армия – дома. Сегодня более чем у 2 миллионов человек, полных решимости, есть винтовки и штыки, и из них три четверти состоят в регулярных войсках. Никогда раньше во время войны у нас не было такой армии на острове. Вся наша страна встала против завоевателей, откуда бы они ни пришли: с моря или с воздуха». Черчилль, конечно, не мог открыто говорить о преобразованиях, связанных с обороной острова, но с каждой неделей усиливалась его уверенность относительно судьбы немцев, которые решатся ступить на британскую землю. К августу семь британских дивизий заняли позиции между Темзой и заливом Уош, где, по расчетам командующих, ожидалось вторжение. Но когда немцы начали собирать баржи во французских портах на Ла-Манше, стало ясно, что они могут высадиться на южном побережье, где было всего пять приведенных в полную боевую готовность дивизий и три резервных. К сентябрю положение улучшилось. К северу от Лондона дислоцировались четыре дивизии и одна бронетанковая бригада. На юге – девять дивизий и две бронетанковые бригады. Одна дивизия размещалась рядом с Лондоном, где, если немцам удастся продвинуться так глубоко, Черчилль собирался сражаться за каждую улицу. И две дивизии плюс шестьсот танков⁴⁰⁴.

Теперь, когда «численность, боеспособность, мобильность и оснащенность вооруженных сил непрерывно возрастали», Черчилль чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы отправить в Египет почти половину лучших танков, 48 противотанковых орудий, 20 легких зенитных

---

⁴⁰² Cv/2, 255 (letter to Mackenzie King); C&R-TCC, 1:69.

⁴⁰³ Cv/2, 255 (letter to Mackenzie King); C&R-TCC, 1:69.

⁴⁰⁴ WSCHCS, 6266.

орудий «Бофорс» (крайне необходимых в Лондоне), 250 противотанковых ружей. Он сделал это для того, чтобы сдержать натиск итальянцев, чье давно ожидавшееся продвижение через границу Египта началось 13 сентября⁴⁰⁵.

В августе, закрепив свой успех в Эфиопии, дуче привел свои армии в Британское Сомали, где посрамил британцев. Кипя от возмущения, Черчилль сказал Идену, что «понесенные потери не свидетельствуют о решительном сопротивлении». У Черчилля возникли сомнения в отношении командующего британскими войсками на Ближнем Востоке Арчибалда Уэйвелла. Однако, учитывая, что годовой бюджет на оборону Сомали составлял менее 900 фунтов стерлингов (3600 долларов), какое можно было ожидать сопротивление? Потери Уэйвелла при выводе войск из Сомали были незначительными, и взбешенный Старик, по словам члена парламента Роберта Бутби, усмотрел в этом признак отсутствия боевого духа, о чем и сказал Уэйвеллу. «Кровавая бойня – не показатель хорошего тактика», – ответил Уэйвелл. Черчилль был не прав и понимал это. Обычно те, кто отстаивал свое мнение, вызывали его уважение, но Уэйвелл был исключением из правил⁴⁰⁶.

13 сентября Муссолини вонзил кинжал в западный фланг Уэйвелла. В этот день генерал Родольфо Грациани, под командованием которого находилась 10-я итальянская армия – 80-тысячные отборные итальянские войска, пехотные, моторизованные, при поддержке 300 танков, – двинулся в восточном направлении из Ливии в Египет, застав врасплох войска Уэйвелла. С формальной точки зрения, пересекая египетскую границу, Муссолини вторгся в нейтральную страну, но дуче не вдавался в такие дипломатические тонкости. Египет получил независимость от Великобритании в 1922 году, и с 1936 года Египтом правил Фарук I. Король презирал британских защитников, которые, согласно англо-египетскому договору 1936 года, получили право держать войска в зоне Суэцкого канала на «случай войны, непосредственной угрозы войны или чрезвычайной международной ситуации». Фарук скорее восхищался фашизмом, особенно его итальянским вариантом, как и многие молодые офицеры египетской армии, включая Гамаль Абдель Насера и Анвара Садата. Антибританская, прогерманская, проитальянская и националистическая фракции египетского правительства не могли прийти к единому мнению относительно объявления войны вторгшимся итальянцам. Таким образом, его королевское величество не спускал зорких глаз с Фарука, а британские дипломаты и генералы управляли страной. Грациани воевал не с египтянами – многие приветствовали его присутствие, – а с британцами. В Грациани Муссолини нашел своего героя. Черчилль приказал Уэйвеллу отравить все водоемы, которые «мы не используем для собственных нужд», чтобы остановить наступление итальянцев. После шестидесятимильного наступления, продолжавшегося пять дней, итальянцы остановились в Сиди-Баррани, чтобы пополнить запасы. Затем, по непонятной причине, учитывая их преимущество, вместо того чтобы двинуться к Александрии и Суэцу, они построили укрепленный лагерь, к огромному облегчению английских солдат, которых значительно превосходили в численном отношении. Помимо 80-тысячной армии Грациани в Ливии у итальянцев был 150-тысячный резерв. Черчилль собирался прислать подкрепление Уэйвеллу⁴⁰⁷.

Брук был прав, когда написал в дневнике, что Черчилль склонен к наступательной тактике. Премьер-министр приказал отправить в Египет 70 тысяч солдат; им предстояло проплыть почти 14 тысяч миль в течение пятидесяти дней вокруг мыса Доброй Надежды, поскольку Средиземное море, из-за итальянского флота, больше не было британским. Их послали не только для защиты Египта от итальянцев, но и потому, что Черчилль хотел атаковать итальянцев в Ливии. Его личный секретарь, Джон Мартин, позже заявил, что отправка войск и танков в то

---

⁴⁰⁵ GILBERT 6, 756; WSC 2, 297.

⁴⁰⁶ WM/Sir Robert Boothby, 10/16/80.

⁴⁰⁷ Cv/2, 655; Cv/2, 748; Collier, *War in the Desert*, 18–19.

время, когда Великобритании самой требовалась помощь, было актом храбрости со стороны Черчилля, Идена и начальников штабов⁴⁰⁸. Но это тоже было необходимо. Безопасность Британских островов со времен Наполеоновских войн была связана с безопасностью Средиземноморья. Битва за Британию и Битва за Египет были двумя сторонами одной медали. И в той и в другой требовалось одержать победу, а значит, следовало отправить танки и солдат.

13 сентября, в день наступления Грациани, Гитлер обедал с начальником штаба Верховного командования сухопутными войсками Гальдером, главнокомандующим сухопутных войск фон Браухичем, главнокомандующим кригсмарине Редером и Герингом, представлявшим люфтваффе. Данные воздушной разведки по-прежнему не соответствовали действительности: хотя за прошедшие пять недель не удалось полностью реализовать необходимые предварительные требования для начала операции «Морской лев», немецкие летчики подбили 1800 британских самолетов. (На самом деле было сбито около 500 истребителей Королевских ВВС.) Но, размышлял фюрер, уничтожение Королевских ВВС может оказаться лишним; если подвергнуть их столицу массовой бомбежке, то наверняка британцев охватит «массовая истерия», и вторжение можно будет отменить. Бомбардировка, начатая 7 сентября, продолжится⁴⁰⁹.

После того как было принято решение подвергнуть бомбардировке Большой Лондон, Гитлер дал разрешение, по словам Йодля, «использовать крупные воздушные силы для ответного удара по Лондону». Это означало, что мирных жителей ждут невыносимые страдания. И это означало отмену стратегии Геринга, которая обещала принести успех⁴¹⁰.

Борьба в воздухе достигла апогея в воскресенье, 15 сентября, в день, который вошел в историю как День Битвы за Британию. «В тот день погода, казалось, благоприятствовала противнику», – написал Черчилль, и они с Клементиной поехали в Аксбридж, в штаб Парка. Их провели в оперативный центр, расположенный в бомбоубежище на глубине 50 футов под землей, который Черчилль сравнил с «небольшим театром», добавив: в котором «мы заняли свои места в бельэтаже». Все эскадрильи Парка ввязались в жестокий бой. Когда Черчилль, заметив тревогу на лице Парка, спросил: «Располагаем ли мы резервами?» – Парк тихо ответил: «Резервов больше нет». По словам Черчилля, «это была одна из решающих битв всей войны, и, подобно битве при Ватерлоо, она произошла в воскресенье». И она тоже закончилась победой Великобритании. В конце дня Черчиллю доложили, что немецкие потери составили 138 самолетов, а Королевские ВВС потеряли 26 самолетов, и, «хотя полученные после войны данные показали, что потери противника в этот день составили всего пятьдесят шесть самолетов, 15 сентября явилось переломным моментом в Битве за Англию». Вечером, в послании Даудингу, Черчилль, в расчете на то, что это станет известно немцам, написал, что «используя незначительную часть всей силы», «разорвали в клочья отдельные волны жестокого нападения на гражданское население нашей родины». Два дня спустя, выступая в парламенте, он сказал, что «воскресная операция была самой блестящей и успешной из всех проводившихся до сих пор истребителями Королевских военно-воздушных сил»⁴¹¹.

Немцы были сильно уязвлены. Верховное командование вооруженных сил вермахта (ОКВ) сообщило о «больших воздушных сражениях и больших потерях из-за отсутствия истребителей прикрытия». Дневные операции, с участием более трехсот немецких бомбардировщиков и тысяч боевых вылетов истребителей, были названы «исключительно невыгодными», связанными с тяжелейшими потерями налетчиков на обратном пути. Кроме того, силы

---

⁴⁰⁸ GILBERT 6, 756.

⁴⁰⁹ Greiner, *OKW*, 9/13/40.

⁴¹⁰ Greiner, *OKW*, 8/30/40.

⁴¹¹ WSC 2, 337; Deighton, *Fighter*, 262.

вторжения не могли оставаться в состоянии боевой готовности, поскольку в результате ударов, наносимых британскими самолетами по портам на Ла-Манше, увеличивались потери немцев в десантных баржах и транспортах. Черчилль и его начальники разведки могли не знать, что это был конец «Морского льва». 17 сентября Гитлер отложил вторжение на неопределенное время на том основании, что приближалась зима и не удалось «одержать победу» над Королевскими ВВС. Фюрер переключил внимание на карты России. Немецкий штабной офицер выразил удовлетворение по поводу перспективы «настоящей войны»⁴¹².

Горстка молодых людей в «Спитфайрах» и «Харрикейнах» заставила высшее немецкое командование изменить стратегию. Более четырехсот из этих летчиков прибыли из других стран; среди них были чехи (80), поляки (140), новозеландцы (120), канадцы (110), небольшая группа американцев, ирландцев, австралийцев, бельгийцев, южноафриканцев и один палестинец из британского протектората. Летчики вызывали у Черчилля восхищение. «Но это ужасно, – сказал он Колвиллу, – что Британская империя должна делать на это ставку». То, что Великобритания уцелела в День Битвы за Британию, 15 сентября, произошло как из-за изменения гитлеровской стратегии – от уничтожения Королевских ВВС к уничтожению британских городов, – так и благодаря британским радарам, истребителям Королевских ВВС и летчикам истребительной авиации. Как позже написал Черчилль, «история германского воздушного наступления на Англию – это история разногласий, противоречивых намерений и до конца не осуществленных планов. Три или четыре раза за эти месяцы противник менял свою наступательную тактику, причинявшую нам большой ущерб, и прибегал к какой-либо новой тактике». Таким образом, эта фаза Битвы за Британию не закончилась ни отступлением сторон, ни окончательным штурмом со стороны Германии. Она не закончилась с пониманием британцев, что, не проиграв, они победили. Битва за Британию совпала и соединилась с новой битвой, битвой за Лондон, которая, хотя никто не знал об этом 15 сентября, фактически началась на прошлой неделе. С течением времени лондонцы, оглядываясь назад, установили дату начала битвы: 7 сентября. И вскоре дали ей название: Блиц⁴¹³.

Утром 8 сентября в Ист-Энде продолжали пылать пожары. В течение 274 лет – до этой недели – в Лондоне не было таких пожаров. Тонкий слой коричневатой-желтой земли на глубине 7 футов в древней части города, окруженной римскими стенами, а позже во времена Средневековья крепостным валом, свидетельствует о Большом пожаре, начавшемся 2 сентября 1666 года. Сильный восточный ветер в течение пяти дней раздувал пожар, который уничтожил собор Святого Павла, 87 приходских церквей и более 13 тысяч домов. Примечательно, что в пожаре погибло всего двадцать человек. За пятнадцать лет Кристофер Рен построил пятьдесят две новые приходские церкви, и к концу XVII века почти закончил строительство нового собора Святого Павла, великолепный купол которого, обрамленный шпилями, возвышается над лондонским горизонтом. Одной из самых известных лондонских церквей является церковь Сент-Мэри-ле-Боу. Считается, что человек, родившийся в пределах слышимости колоколов Сент-Мэри-ле-Боу, – истинный кокни. Эти люди первыми испытали ярость немецкой атаки. В течение нескольких дней немецкие бомбардировщики не прикладывали усилий для точного определения промышленных объектов. Лондон, весь Лондон, стал объектом бомбардировок. Это было, сказал Черчилль, «испытанием самого большого города в мире, последствия которого никто не мог оценить заранее»⁴¹⁴.

---

⁴¹² Taylor, *Breaking Wave*, 165; *Seekriegsleitung Kriegstagebuch*, War Diary of the German Naval War Staff, Part D, Lufttage, for September 16 and 18, 1940.

⁴¹³ WSC 2, 240.

⁴¹⁴ F.H.W. Sheppard, *London: A History* (Oxford, 1998); David Johnson, *The London Blitz* (New York, 1981), 33; WSC 2, 342.

На несколько футов ниже слоя гравия, который служит отметкой Большого пожара 1666 года, слой глины, ржаво-красной от окисленного железа, отмечает историю королевы-воительницы Боудикки, которая сожгла римский Лондиниум (совр. Лондон). Она наблюдала, как римляне пришли, чтобы захватить ее страну, и, увидев достаточно, убила захватчиков и сожгла город. На протяжении веков чума, оспа, сыпной тиф и холера уносили жизни лондонцев, и огонь был вечным врагом, но за эти почти девятнадцать веков, начиная с восстания Боудикки, не было такого врага, который бы совершал столь массовое убийство лондонцев и уничтожал город с помощью пожаров. А теперь пришел Гитлер, который обещал с воздуха сровнять с землей английские города, и в первую очередь Лондон.

Утром 8 сентября Черчилль с Клементиной приехали в Ист-Энд. «Трогательные небольшие государственные флаги Великобритании» развевались над горами щебня, которые до прошедшей ночи были домами. Они остановились у приюта, уничтоженного прямым попаданием, где погибли сорок мужчин, женщин и детей. Черчилль, явно взволнованный, приложил к глазам большой белый носовой платок. На какой-то момент Черчилль и жители объединились в молчании. Затем кто-то выкрикнул: «Когда вы собираетесь бомбить Берлин?» – «Доверьте это мне», – ответил Черчилль. Генерал Исмей вспоминал толпу, бросившуюся к Черчиллю с криками: «Мы знали, что вы приедете», «Мы верили в это». «Вы видите, он действительно переживает, он плачет», – сказала одна старая женщина. Затем этой толпой овладело более суровое настроение «Отплатите им! Пусть они испытают то же самое! Вы должны заставить их остановиться». Более миллиона жителей Ист-Энда вернулись в свои дома после эвакуации прошлой осенью, когда ожидалось, что в любой момент немцы могут начать массированные бомбардировки. Но нападений с воздуха не последовало, и они вернулись в свои районы, которые теперь рушились и горели. Они были ошеломлены и напуганы. Черчилль сказал собравшимся то, что они хотели услышать: он будет наносить ответные удары, но в основе его слов лежало глубокое понимание шаткости положения: Гитлер может уничтожить их дома, их город, но он может разгромить их только в том случае, если они падут духом. Началась проверка силы воли. На тот момент никто из европейцев не подвергался тяжелейшим испытаниям. Люфтваффе, двести бомбардировщиков в сопровождении четырехсот истребителей вернулись, когда Черчилль был еще в Ист-Энде. Он возвращался по узким улочкам, среди развалин домов. Склады рядом с доками продолжали гореть, изрыгая свое содержимое – горело зерно; огненной лавой вытекали расплавленный сахар и потоки горящего виски, горели ткани и продукты, взрывались банки с краской и боеприпасы⁴¹⁵.

В первый налет погибло более четырехсот жителей Ист-Энда. Тысячи стали бездомными. Однако на следующий день, в то время как продолжал гореть Ист-Энд, Черчилль обратился к адмиралу Паунду с просьбой помочь ему объяснить Рузвельту необходимость оборудовать соответствующим образом торговые суда, чтобы «было проще выгружать танки на побережье». Траспорты с танками появились только в 1942 году. Побережье, которое имел в виду Черчилль, было французским. Неделями ранее, когда его воздушные силы и страна находились в смертельной опасности, Черчилль сказал Колвиллу, что «к 1942 году мы добьемся превосходства в воздухе и будем готовы к крупномасштабным наступательным операциям на суше против Германии». Только оптимист мог делать подобные заявления. Но в самое тяжелое для Британии время, когда его авиация подвергалась ожесточенным атакам, Черчилль планировал наступательные операции⁴¹⁶.

Однако в первую очередь следовало обеспечить защиту Лондона от немецких воздушных армад. Это оказалось непростой задачей. Многие зенитные орудия были переброшены для защиты отдаленных аэродромов и авиационных заводов. Для защиты Лондона имелось

---

⁴¹⁵ Cv/2, 788—89 (Ismay recollection); Thompson, 1940, 211; Cv/2, 789.

⁴¹⁶ Colville, *Fringes*, 192.

всего лишь 92 зенитных орудия, действие которых, как выяснилось во время ночных налетов с 7 по 9 сентября, было малоэффективным. Защиту Лондона обеспечивали и ночные истребители 11-й авиагруппы. Они сбили несколько самолетов противника. Лучи сотен прожекторов обшаривали ночное небо, умиротворяюще действуя на лондонцев, но не имели никакого тактического значения; они не могли достать самолеты, летевшие на высоте, превышающей 12 тысяч футов. Остро стоял вопрос о координации средств противовоздушной обороны. Разработка радиолокационного прибора для управления зенитным огнем – под кодовым названием Elsie – всего несколькими неделями ранее прошла стадию проверки. Только в начале 1941 года появились первые радиолокационные приборы управления огнем зенитных орудий (Черчилль называл их пушками). Аэростаты широко использовались в противовоздушной обороне в качестве заграждения: опасаясь столкновения с тросами и обшивкой аэростатов, немецкие самолеты были вынуждены подниматься выше, что снижало точность бомбометания, но немцы намеревались вселить ужас и не слишком заботились о точности попадания⁴¹⁷.

Черчилль приказал удвоить их количество за счет Шеффилда, Бирмингема и Ковентри, графство Уэст-Мидлендс. Это не помогло. Тогда он приказал установить зенитную батарею в Гайд-парке, «где люди могут услышать ее стрельбу». Наконец 10 сентября зенитные орудия отправили тысячи снарядов в ночное небо; следы трассирующих снарядов и лучи прожекторов сходились, пересекались, расходились, вспарывая темноту. Орудия стреляли вслепую, вели скорее заградительный огонь, чем по конкретным целям. Не пострадал ни один немецкий бомбардировщик. Зато самим орудиям был причинен ущерб. Но какофония успокоила лондонцев. На следующий день Гарольд Николсон написал в дневнике: «Заградительный огонь наших зенитных орудий чрезвычайно ободрил людей, хотя жители Ист-Энда все еще напуганы и сердиты»⁴¹⁸.

Для лондонцев (кроме тех немногих, что смогли сбежать в свои загородные дома) вторая неделя сентября возвестила о начале нового жуткого образа жизни и смерти. Немецкие бомбардировщики возвращались почти ежедневно утром и днем в течение следующего месяца и в течение семьдесят шести ночей подряд, кроме 2 ноября, когда погодные условия не позволили самолетам подняться в воздух. Каждый вечер, примерно в восемь часов, лондонцы слышали действующие на нервы сигналы воздушной тревоги, которые они называли «плачем виллис»; Черчилль сравнивал эти звуки с «рыданиями банши»⁴¹⁹.

По сигналу тревоги люди отправлялись в укрытие. Через несколько минут появлялись немецкие бомбардировщики, сея ужас в ночное время. Немцы сначала поджигали крыши, сбрасывая зажигательные бомбы с термитом, горящим при температуре 2 тысячи градусов. Огонь, вздымавшийся высоко вверх, служил сигнальным огнем для следующих волн самолетов, несущих фугасные бомбы большой мощности. Ослепительные вспышки взрывов, освещавшие огромный город, сопровождалась характерными звуками и запахами налета – свистом бомб, оглушительными звуками их разрыва, резким запахом кордита и, позже, запахом газа, заполнявшим разрушенные дома, – и неугасимое адское пламя охватывало дома. Так продолжалось час за часом, и, когда на рассвете звучал сигнал отбоя, из домов и убежищ появлялись люди: «серые, взлохмаченные фигуры, – написал Малькольм Магтеридж, – словно с картины воскрешение мертвых – души, восставшие из могил»⁴²⁰.

Они справились с ужасом бомбардировок, которых так боялся Стэнли Болдуин, считавший, что против массированных бомбардировок нет никакой защиты, и от которых он не

---

⁴¹⁷ WSC 2, 343; Mosley, *Battle of Britain*, 143.

⁴¹⁸ TWY, 111; Mosley, *Battle of Britain*, 145.

⁴¹⁹ Виллисы – лесные духи, персонажи кельтского фольклора, банши – персонаж ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, появляется возле дома обреченного на смерть и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

⁴²⁰ William K. Klingaman, *1941: Our Lives in a World on the Edge* (New York, 1989), 3, 7, 12.

планировал защищаться. Лондонцы выходили каждое утро на изувеченные улицы, покрытые дымящимся щебнем; тусклый косой взгляд солнца был обращен сверху на пепелища их домов, останки их соседей и членов семей. Они выходили, чтобы увидеть страшные сцены разрушения. На остовах домов качались сбитые трубы; дома, начисто лишённые фасадов, демонстрировали внутренние интерьеры, отчего напоминали детские разборные кукольные домики. Они выходили к неугасающим пожарам и зловонным водам, бегущим по сточным канавам. Они выходили к неразорвавшимся бомбам, прятавшимся под слоем земли и грязи и только ждавшим случайного толчка. Спотыкаясь, они брели по переулкам, засыпанным оконным стеклом. И каждое утро сотни тех, кто искал убежище на ночь или оставался во время налетов в своих квартирах, больше не появлялись на улицах – к концу года погибло порядка 14 тысяч человек⁴²¹.

Несколько раз люди, блуждавшие утром по развалинам, замечали грузную фигуру: премьер-министра, *своего* премьер-министра. Они называли его Винни, детское прозвище, которое он ненавидел, но теперь, в зрелом возрасте, полюбил. Обычно он был в шинели, с неизменной тростью и сигарой. Он мог появиться в компании Исмея, Клементины, своего брата Джека или члена парламента и давнего друга Брендена Брекена. Но главное, он был там вместе с ними.

Бертран Рассел – философ, пацифист, современник Черчилля – предсказал в 1936 году, что воздушная атака превратит Лондон в «один большой бедлам, больницы будут брать штурмом, транспорт перестанет работать, бездомные возопят о помощи, город сделается адом» и правительство «сметет лавиной ужаса». Британские фашисты и коммунисты – «эти грязные коммунисты», кипятился Черчилль, опаснее фашистов, – в свою очередь, предсказали, что воздушные атаки на Ист-Энд и лондонскую бедноту приведут к революции или, по крайней мере, к изгнанию Черчилля, формированию нового правительства и мирным переговорам. Гитлер придерживался такого же мнения. Газета британских коммунистов *The Daily Worker* призывала рабочих выходить на улицы, чтобы продемонстрировать свое недовольство правительством и его политикой. Власти Лондона считали, что потребуются войска для поддержания порядка в убежищах, но больше всего их волновал вопрос ухода за ранеными и организация похорон огромного количества погибших. К этому они были готовы. В лондонских больницах были приготовлены 150 тысяч мест для раненых, но предполагалось, что этого будет недостаточно; по оценке имперского Комитета обороны в результате бомбардировки люфтваффе должно было погибнуть 600 тысяч и ранено более миллиона человек. За городской чертой были вырыты огромные ямы, которым предстояло стать братскими могилами. Власти заготовили тысячи гробов и напечатали миллион справок о захоронении потенциальных жертв налетов, но не позаботились создать достаточное количество убежищ, чтобы избежать этих жертв⁴²².

Это было больше чем нападение на город; это было нападение на дух 8 миллионов лондонцев. В своем выступлении по Би-би-си 11 сентября Черчилль сказал: «Эти бессмысленно жестокие, беспорядочные бомбардировки Лондона являются, конечно, частью плана вторжения Гитлера. Он надеется, убивая огромное количество мирных жителей, женщин и детей, что затерроризует и запугает людей этого могущественного имперского города... Мало он знает о духе британского народа и неуступчивом характере лондонцев»⁴²³.

В своем выступлении он попытался подготовить британцев к худшему: «Если попытка этого вторжения вообще будет предпринята, то вряд ли она будет долго откладываться. Погода может испортиться в любое время. Кроме того, противнику трудно до бесконечности держать

---

⁴²¹ Klingaman, 1941, 6–7; WSC 2, 360.

⁴²² Bertrand Russell, *Which Way to Peace?* (London, 1936), quoted in Sheppard, *London*, 262; Colville, *Fringes*, 263.

⁴²³ WSC HCS, 6277.

все эти скопления судов в ожидании, в то время как они каждую ночь подвергаются налетам наших бомбардировщиков и очень часто обстреливаются нашими военными кораблями, которые подстерегают их со стороны моря. Соответственно с этим мы должны считать следующую неделю исключительно важным периодом в нашей истории. Его можно сравнить с теми днями, когда испанская Армада приближалась к Ла-Маншу, или же с тем временем, когда Нельсон стоял между нами и великой армией Наполеона в Булони. Мы читали об этом в исторических книгах; однако масштабы нынешних событий значительно шире, и они будут иметь гораздо более важные последствия для жизни и судеб всего мира и его цивилизации, чем те славные былые времена»⁴²⁴.

Он рассказал, что «вся проводимая им [Гитлером] в широком масштабе подготовка к вторжению неуклонно продолжается. Несколько сот самоходных барж движется вдоль берегов Европы из германских и голландских портов к портам Северной Франции, от Дюнкерка до Бреста и за Брестом – во французские порты в Бискайском заливе. Кроме того, торговые караваны, насчитывающие десятки судов, движутся, укрываясь то в одном, то в другом порту, через Дуврский пролив в Ла-Манш под защитой новых батарей, которые немцы установили на побережье Франции. В настоящее время значительное количество судов сосредоточено в немецких, голландских, бельгийских и французских портах на всем протяжении от Гамбурга до Бреста. И наконец, проводится некоторая подготовка к переброске на судах войск вторжения из норвежских портов». И никто, предупредил он, не должен «закрывать глаза на тот факт, что с присущей немцам основательностью и методичностью ведется подготовка к решительному всестороннему вторжению на наш остров и что оно может быть предпринято сейчас в Англии, Шотландии, Ирландии или сразу во всех трех местах»⁴²⁵.

Черчилль прекрасно понимал, что имеется достаточно бомб, чтобы Лондон, особенно старые дома, был стерт с лица земли. Он понимал, что храбрость и «неуступчивый характер» британцев еще не подвергались полной проверке, не говоря уже об испытаниях. Предстояла война на истощение неизвестной продолжительности и необузданной жестокости. Сколько времени – сколько недель, может, месяцев, может, лет – люфтваффе смогут продолжать атаки? Он понимал, что лондонцы уверены в том, что за бомбардировками последует окончательный удар – вторжение. И если немцы не вторгнутся в этом году, то вполне могут сделать это в следующем.

Но лондонцы не сдавались. Они подверглись жесточайшему испытанию, но выстояли. Они, вероятно, по-разному называли бомбардировки, но слово, которое закрепилось за ними, было блиц.

Несмотря на затемнение и маскировку, Лондон был идеальным объектом для воздушных атак. С высоты 15 тысяч футов, даже в тусклом лунном свете, вся столица разворачивалась перед немецкими летчиками, словно на подробной карте. Люфтваффе использовали Темзу в качестве навигационного ориентира для выхода в центр Лондона и к лондонским докам. Большой изгиб реки выдавал присутствие огромных складов, Западно-Индийского дока и доков королевы Виктории и принца Альберта. Ясными лунными ночами большой латинский Крест святого Павла⁴²⁶ был виден с высоты в тысячи футов и с расстояния в несколько миль, отмечая центр Лондона так же ясно, как «х» на карте место сокровищ.

Темные, пустынные аллеи Гайд-парка и парка Сент-Джеймс служили ориентиром для выхода бомбардировщиков к нескольким объектам: Уайтхоллу, Букингемскому дворцу и зданию парламента⁴²⁷.

---

⁴²⁴ WCHCS, 6276.

⁴²⁵ BBC address, 9/11/40.

⁴²⁶ Собор Святого Павла находится на холме Ладгейт, самой высокой точке Лондона, и в плане имеет форму удлинённого латинского креста.

⁴²⁷ Johnson, *London Blitz*, 39.

На самом деле Черчилль уже в начале лета знал, что немецкие ночные бомбардировщики используют для наведения на цели что-то более точное, чем особенности ландшафта. В конце июня этому нашлось подтверждение: немцы использовали коротковолновую систему радионавигации для наведения самолетов на цель – кодовое название системы – Knickebein («Вывернутая нога»). Это было крайне неприятное известие. Система могла помочь Гитлеру выполнить обещание сровнять с землей английские города. Система Knickebein являлась модификацией системы Lorenz, разработанной в Германии в 1930 году и предназначенной для выполнения посадки в условиях недостаточной видимости и в ночное время. Но в отличие от системы Lorenz, в системе Knickebein вместо множества пересекающихся лучей имелся только один, который пересекал основной луч точно над целью.

Новая система, будучи более простой, была, кроме того, намного точнее, поскольку непрерывный сигнал излучался в секторе 3 градуса, что давало ошибку менее половины мили. Точность бомбометания зависит от навигационной точности: если бомбардировщик можно точно выводить на цель в ночное время и в условиях облачности, то бомбы будут сброшены точно на объект.

Двое из советников Черчилля по науке пришли к единому мнению: коротковолновые радиосигналы не изгибаются, повторяя кривизну Земли, и, следовательно, не могут служить эффективным навигационным ориентиром для дальнего наведения на цель. Именно Генри Тизарду британцы – включая командующего истребительной авиацией Хью Даудинга – должны быть благодарны за приведение в боевую готовность радаров в 1940 году. Сэр Генри был председателем научно-исследовательского комитета министерства авиации и одним из наиболее уважаемых ученых в Англии. В конце 1930-х Тизард упорно настаивал на строительстве радарных станций на побережье и доказывал их необходимость для координации действий летчиков Королевских ВВС. Тизард считал, и был абсолютно прав, что радар открывает широкие возможности для определения положения и направления движения самолетов противника. Он считал, и был не прав, как показал доктор Р.В. Джонс, что изменение скорости распространения радиоволн не может сказываться на точности определения навигационного параметра. Тизард был представителем старой школы астронавигации (комплекс методов определения навигационных параметров объекта, основанный на использовании электромагнитного излучения астрономических объектов). По оценке Тизарда, немецкий луч, о котором прошел слух, не мог улучшить систему дальней навигации.

Но в начале июня Джонс (ему было всего 28 лет), один из бывших оксфордских студентов Линдемана, продемонстрировал, к радости Линдемана, что немцы используют коротковолновую систему дальней навигации. Спустя несколько дней Джонс сообщил об этом Тизарду. Сэр Генри, как никто другой разбиравшийся в радиоволнах, выразил сомнение⁴²⁸.

Тизард и Профессор враждовали на протяжении многих лет. Ссора произошла в 1935 году, когда оба работали в комитете ПВО, который возглавлял Тизард. Линдеман попал в комитет через Черчилля, тоже члена этого комитета. Тизард приводил доводы в пользу радара в прибрежной зоне, Линдеман приводил доводы в пользу увеличения количества истребителей. Правы были оба, но Линдеман, чувствуя себя проигравшим, вышел из состава комитета. В то время как Тизард продолжал работу над радаром, Линдеман сумел стать близким другом Черчилля и главным советником по науке. Тизард сохранил уважение научного сообщества, но не Черчилля. Профессор Линдеман понимал, что, если им с молодым доктором Джонсом удастся разобраться с системой Knickebein, это не только укрепит его положение, но и наконец поможет разделаться с давним противником – Тизардом.

Линдеман уговорил Черчилля заслушать молодого Джонса. 21 июня Черчилль собрал у себя Тизарда, Линдемана, Джонса, министра авиации Арчи Синклера и «отца» радара, Роберта

---

⁴²⁸ Jones, *Wizard War*, 96–97.

Уотсона-Уотта. На протяжении двадцати минут присутствующие как замороженные слушали доктора Джонса. Он выдвинул гипотезу, что немецкие самолеты летят между двумя расположенными рядом излучателями, генерирующими два узких луча, которые, пересекаясь, образовывали узкую равносигнальную зону – навигационный луч, направленный точно на цель. Правый излучатель генерировал короткие сигналы с длинными паузами между ними. Если навигатор на борту бомбардировщика улавливал такой сигнал, он понимал, что самолет сместился вправо от необходимого курса. Левый излучатель передавал длинные сигналы с короткими паузами между ними, – уловив такой сигнал, навигатор понимал, что самолет сместился влево. В равносигнальной зоне, где оба луча принимались одновременно, сигналы накладывались на паузы и навигатор принимал равномерный, непрерывный сигнал, который означал, что самолет движется точно по направлению на цель. Джонс обратился с просьбой разрешить полевые испытания, которые, по его мнению, должны были доказать правильность его гипотезы. Даже Черчилль слушал не прерывая, и в благоговейной тишине Джонс приводил «цепь косвенных доказательств, будто в непревзойденных рассказах о Шерлоке Холмсе и месье Лекоке», как позже написал Черчилль⁴²⁹.

Когда Джонс закончил выступление, никто не проронил ни слова. Черчилль выбрался из-за стола и сердито потребовал от министра авиации принятия контрмер, который до этого момента только и делал, что приносил ему «документы, документы, документы!»⁴³⁰

Совещание закончилось. «Один крупный специалист», вспоминал Черчилль, «спросил, зачем немцам использовать луч, предполагая, что подобное возможно, когда в их распоряжении все обычные средства навигации». У собравшихся этот вопрос, похоже, «вызвал интерес». Черчилль не называет имени этого крупного специалиста, который упорно придерживался своей точки зрения и всего несколькими днями ранее отверг доводы Линдемана⁴³¹.

Это был Тизард. Прав или не прав был сэр Генри, результат был один: он шагнул в открытый люк. Будучи не в состоянии определить опасность немецких лучей, Тизард подал прошение об отставке. Черчилль не принял его отставку и вместо этого отослал Тизарда в Соединенные Штаты – с глаз долой, из сердца вон – во главе небольшой группы британских ученых. Перед ними стояла задача обсудить с американцами возможность обмена новыми технологиями. (Отъезд чуть не сорвался, когда Черчилль разволновался по поводу того, что американцы получают слишком много новых британских технологий.)

Перед отъездом в Америку Тизард создал комитет под названием MAUD (Military Application of Uranium Detonation) – «Военное применение уранового взрыва») для исследования возможности создания бомбы на основе урана-235. Два немецких физика-эмигранта, Отто Фриш и Рудольф Пайерлс, считали, что это возможно; Тизард не был так уверен. Тем не менее он включил в состав комитета шесть британских ученых; Фриш и Пайерлс, будучи иностранцами, да еще и эмигрантами, не могли входить в состав комитета. Итак, Тизард отправляется в Америку. В результате миссии сэра Генри компания Bell Labs приступила к серийному изготовлению для британцев резонаторного магнетрона (изобретение английских физиков) для использования в радарх дальнего действия. Но, помимо этого, успех миссии Тизарда заключался еще и в том, что его американские коллеги поняли, что Великобритания может выжить. Тизард был достаточно дальновиден и взял с собой отснятый материал фильма о воздушных боях с участием «Спитфайров» и «Харрикейнов», когда подбитые горящие немецкие самолеты падают на землю. Ему удалось заставить американцев изменить свое мнение. Черчилль уже давно предупреждал всех, что наука – хорошо это или плохо – выигрывает войну, и в конечном

---

⁴²⁹ WSC 2, 384–85; Jones, *Wizard War*, 101–2.

⁴³⁰ Jones, *Wizard War*, 102.

⁴³¹ WSC 2, 385; Tom Shachtman, *Terrors and Marvels: How Science and Technology Changed the Character and Outcome of World War II* (New York, 2002); see chap. 5 («Battles Above Britain») for overview.

итоге оказался прав. Но «Волшебная война», как ее называл Черчилль, сначала велась так же отчаянно между его волшебниками – Линдеманом и Тизардом, как и между его волшебниками и волшебниками Гитлера⁴³².

Узнав о существовании системы Knickerbein (которую Королевские ВВС называли «головной болью»), британцам следовало срочно придумать, как ее обезвредить. Не было смысла глушить ее, поскольку немцы просто изменили бы частоту. Следовало поступить хитрее, и в августе они придумали противоядие, получившее название Aspirin («Аспирин»). Они усиливали один из двух излучаемых немцами сигналов и переизлучали его с намного большей мощностью, так что в итоге основной луч немного отклонялся или вправо, или влево и таким образом уводил немецкие бомбардировщики с курса. К концу августа Черчилль с удовольствием читал рапорты, в которых сообщалось, что все немецкие бомбы были сброшены на пастбища, в милях от намеченных целей, никому не причинив вреда. Этими целями были аэродромы, заводы, небольшие порты и города, где ошибка всего в несколько миль заставила противника сбросить бомбы на сельхозугодья, но в Лондоне не было никаких пастбищ и полей. Немецкая бомба, промахнувшись мимо Святого Павла или доков, взорвется не в сельской местности, а где-то в Большом Лондоне. В своих воспоминаниях Р.В. Джонс утверждает, что благодаря принятым британцами контрмерам «значительная часть бомб сбилась с пути», правда, он не говорит, куда они в результате упали⁴³³.

Но даже без новой системы, немецкие ночные бомбардировщики едва ли могли промахнуться мимо Лондона, и немецкие дневные бомбардировщики не нуждались в этой системе. Большой Лондон, общей площадью 750 квадратных миль, был домом для почти 8 миллионов человек. Все самые важные коммуникационные центры Лондона находились неподалеку от собора Святого Павла: шесть железнодорожных вокзалов, телефонная станция на Вуд-стрит, Главпочтамт, Лондонская телефонная станция, Королевская биржа и Банк Англии. В ратуше, восстановленной после пожара 1666 года, размещались городские власти и пожарная охрана. В скором времени она опять сгорела. Теперь бомбы сбрасывали на улочки Старого Лондона, известные по детским стихам, такие как Шо-Лейн, где от прямого попадания бомбы в крышу пострадало здание Evening Standard Бивербрука. На следующий день в Evening Standard был напечатан рисунок Дэвида Лоу, на котором был изображен кокни, продающий газеты. Заголовок гласил: «ОТ БОМБЕЖКИ СИЛЬНО ПОСТРАДАЛА ШОЛЕЙН».

На Паддинг-Лейн, где в 1666 году с пожара в пекарне начался Великий лондонский пожар, опять полыхал огонь. Дома, построенные более чем за два века до основания Берлина, сильно пострадали или были разрушены. По разрушенным комнатам ветер носил тучи красной пыли от древних кирпичей, которая образует новый слой в лондонской почве, чтобы когда-нибудь поведать историю былых событий. Узкие, изогнутые переулки с небольшими магазинами и большими складами, построенными в XIX веке, сбегали из центра в Ист-Энд, где лондонские рабочие жили на еще более узких улочках, застроенных кирпичными домами, с множеством мюзик-холлов (которых в Ист-Энде было больше, чем в любой другой части Лондона) и старых пивоварен. Работные дома снесли на рубеже веков, но в некоторых, самых бедных районах еще оставались диккенсовские трущобы. В этих районах вдоль Темзы – Силвертаун, Поплар, Миллуол, Степни и Вест-Хэм – стоял неистребимый запах дыма и пота, лошадей и сточных вод из деревянных и железных труб. Районы, чьи названия мелодично звучат на языке кокни и уходят корнями в Средневековье, были сожжены дотла: Майорис, получивший название от аббатства Майориссес Святой Марии, и Элефант-энд-Касл – от знаменитого постоя-

---

⁴³² WSC 2, 385; Tom Shachtman, *Terrors and Marvels: How Science and Technology Changed the Character and Outcome of World War II* (New York, 2002); see chap. 5 («Battles Above Britain») for overview.

⁴³³ WSC 2, 383–84; Jones, *Wizard War*, 102.

лого двора XVIII века. Клемент Эттли был членом парламента от округа Лаймхаус, который в 1940 году пришел в такое же жуткое состояние, каким он предстает в фильме Д.У. Гриффита *Broken Blossoms* («Сломанные побеги»), снятом в 1919 году с Лилиан Гиш в главной роли. И в Уоппинге потомки ирландцев, переживших голод, которые сбежали в Лондон почти век назад, жили в мрачных трущобах⁴³⁴.

Там они и умерли⁴³⁵.

Доки и расположенные по соседству склады обеспечивали почти четверть рабочих мест Большого Лондона, и там работало почти все мужское население Ист-Энда. В 1939 году более 50 тысяч торговых судов швартовались в доках для погрузки-разгрузки; через Лондонский порт проходило почти 40 процентов британской торговли. Порт был основой коммерческой жизни Лондона, и теперь жизнь в нем практически замерла.

В районе Хэмпстед, к северо-западу от центральной части города, проживало 25 тысяч евреев, и их было бы намного больше, но правительство, опасаясь роста проявлений антисемитизма, ограничило въезд в страну еврейским беженцам. Вот какого мнения по этому вопросу придерживался Джордж Оруэлл: «В Англии не существует того, что принято называть «еврейской проблемой». Евреи недостаточно многочисленны или могущественны в обществе, они имеют сколько-нибудь заметное влияние только в так называемых «интеллектуальных кругах». В то же время все признают, что антисемитизм сейчас на подъеме, что он невероятно усилился в результате войны и что даже люди, считающие себя гуманитариями либерального склада, не обладают иммунитетом против этой болезни. Антисемитизм в нашем обществе не принимает диких форм (англичане, как правило, люди спокойные и законопослушные), тем не менее природа этого явления достаточно мерзка и при определенных обстоятельствах может привести к печальным политическим последствиям». Евреи, написал Оруэлл в дневнике, «не просто заметны, а делают все, чтобы обратить на себя внимание», так что в результате «вы выключаете радио, когда диктор начинает говорить о гетто в Варшаве». Ходили ложные слухи, что евреи монополизировали убежища и требовали полную компенсацию за поврежденные при бомбардировке дома и, похоже, вполне прилично питались, и никогда не вызывались отвечать за тушение пожаров. Эти мнения основывались на предубеждениях и старых предрассудках. Сотрудники министерства внутренних дел обследовали жилищные условия эмигрантов и пришли к выводу, что поведение евреев ничем не отличалось от поведения неевреев; «среди тех, кто добровольно эвакуировался из страха и истерии, нет группы, которая бы доминировала над другими»⁴³⁶.

К северу от Сити небольшие районы Ислингтон и Сток-Невингтон. В этих районах в хороших домах, с ухоженными садиками на заднем дворе и территорией, достаточной для бомбоубежищ жили квалифицированные рабочие, служащие и заводское начальство. Отсюда было далеко до Ист-Энда, но не для немецких бомбардировщиков. В Большом Лондоне было более 14 тысяч небольших фабрик и заводов, на которых работала одна четвертая часть трудовых ресурсов; половина товаров, производимых в Англии, изготавливалась на этих предприятиях, находившихся в радиусе 20 миль от собора Святого Павла. Это был промышленный центр империи⁴³⁷.

В 2 милях к западу от собора Святого Павла широкие улицы устремлялись к Вест-Энду и Вестминстеру. Более века назад Джон Нэш расширил Риджент-стрит, возвел Карлтон-Хаус-Террас, спроектировал парк Сент-Джеймс и превратил площадь Пиккадилли в пешеходный торговый центр, что позволило богатым людям, жившим в особняках эпохи Регентства, спо-

---

⁴³⁴ Уолтер Джордж Белл, автор «Неизвестного Лондона», бродя по этому району в 1910 году, отметил «зловонные питейные лавки, неописуемо грязные и мерзкие, – естественные прибежища всевозможной скверны».

⁴³⁵ Sheppard, *London*, 333.

⁴³⁶ Philip Ziegler, *London at War* (New York, 1995), 175.

⁴³⁷ WSC 2, 343.

койно прогуливаться до своих частных клубов, бродить по парку Сент-Джеймс, ходить в театры на Пиккадилли и в магазины на Бонд-стрит⁴³⁸.

В середине сентября немецкие бомбы взорвались на Риджент-стрит, во дворе Букингемского дворца и в парке Сент-Джеймс, любимом месте Черчилля для полуденных прогулок, где он всегда останавливался у озера, чтобы покормить уток, которые теперь улетели в более безопасные края. Члены парламента погасили зажигательную бомбу, попавшую в палату лордов. Вест-Энд пострадал, но не так сильно, как Ист-Энд. 15 сентября примерно пятьдесят жителей Ист-Энда, возмущенные грязными убежищами, вторглись в Вест-Энд. Кокни, подстрекаемые коммунистами, во главе с шестью беременными женщинами с младенцами на руках, вошли в Savoy, в подвале которого служащие гостиницы оборудовали прекрасное убежище с койками, чистым постельным бельем и умывальниками. Вызвали полицейских. Потрясенные постояльцы гостиницы и мрачные кокни встретились лицом к лицу в лобби. Управляющий гостиницы умело вышел из затруднительного положения, пригласив неожиданных гостей в ресторан, где им подали чай. Инцидент был исчерпан; жители Ист-Энда спокойно покинули гостиницу и вернулись домой⁴³⁹.

Разрушениям подвергся каждый квартал в Челси и Южном Кенсингтоне. Бомбы попали в вокзал Виктория. На южном берегу Темзы протянулся район Саутворк, в котором находится лондонская резиденция архиепископа Кентерберийского, Ламбетский дворец. Когда начались бомбардировки, обеспокоенный архиепископ обратился к Черчиллю, который заверил его, что приняты все меры для защиты дворца. Архиепископ спросил, что будет, если бомба попадет точно в цель. Черчилль ответил: «В этом случае, мой дорогой архиепископ, вам придется расценить это как божественный вызов»⁴⁴⁰.

К востоку от Саутворка тянутся вдоль южного берега Темзы районы Баттерси, Гринвич и Вулидж. Первый бомбовый удар 7 сентября был нацелен на Вулиджский арсенал, занимавшийся производством бомб для Королевских ВВС.

Фасады лондонских домов каменные и кирпичные, но стропила, подкосы, стойки, балки перекрытия, внутренняя отделка, лестницы, полы – все это сделано из дерева, старого, сухого и легковоспламеняющегося. Темза являлась основным источником воды для борьбы с огнем. Во время отливов Темза мелеет, и иногда настолько существенно, что становится похожа на широкий ручей. Лондонская пожарная бригада – 1500 пожарных, 130 красных пожарных машин и грузовиков, оборудованных лестницами, – была значительно усилена за счет организации вспомогательной пожарной службы, в распоряжении которой было 3 тысячи небольших насосов. 20 тысяч мужчин и 5 тысяч женщин самых разных профессий – плотники, повары, няни, служащие, духовные лица – сформировали группы по пять человек на одну машину, которой могло быть даже лондонское такси. Степень сложности пожара определялась по количеству пожарных насосов, необходимых для борьбы с огнем. До войны пожар считался опасным, если требовалось тридцать насосов. Во время лондонского блица использование сотни насосов было обычным делом. 29 декабря стал для пожарных самым ужасным днем, получившим название Второй Большой лондонский пожар. В тот день пожарные и их добровольные помощники не столько боролись с огнем, сколько наблюдали, как центр Лондона превращается в пепел, поскольку в тот день уровень воды в Темзе был рекордно низким и ощущалась резкая нехватка воды⁴⁴¹.

---

⁴³⁸ WSC 2, 343.

⁴³⁹ Mosley, *Battle of Britain*, 138.

⁴⁴⁰ Kay Halle, *Irrepressible Churchill: Stories, Sayings and Impressions of Sir Winston Churchill* (London, 1985), 168.

⁴⁴¹ Klingaman, 1941, 16.

17 сентября бомбы были сброшены на парк Сент-Джеймс. Взрывы раздались рядом с «номером 10» и министерством иностранных дел. Бомбардировке подвергся Букингемский дворец. Бомба попала в здание Музея мадам Тюссо; повсюду были разбросаны восковые руки и ноги, в том числе Гитлера. Немцы, сказал Николсон, «разрушили Бонд-стрит, приведя все в соответствие». Вест-Энд сравнялся по разрушениям с Ист-Эндом⁴⁴².

17 сентября была ночь полнолуния перед осенним равноденствием. К тому времени семья Черчилль в течение трех месяцев жила на Даунинг-стрит, 10 (первые четыре недели после назначения Черчилля премьер-министром они жили в Адмиралтейском доме). «Номер 10», как Белый дом, был и местом жительства, и местом работы национального лидера. На первом этаже находился зал заседаний правительства и личный кабинет премьер-министра, а также кабинеты и офисы сотрудников. На втором этаже – большой банкетный зал, к которому примыкала обшитая белыми панелями семейная столовая. На третьем этаже находились личные апартаменты: большие спальни с подъемными окнами, красные ковровые покрытия, камин. Зимой за каминными решетками весело плясал огонь. Довольно скромное, но очень приятное для проживания место⁴⁴³.

К сожалению, дом, по словам Черчилля, был «шатким и небрежным итогом спекуляций подрядчика, чье имя он носит». С июня семья Черчилля проводила все больше времени в подвале, или в бомбоубежище, или за кухнями, в укрепленных комнатах со стальными ставнями. Но первая неделя блица показала, что «номер 10» является потенциальной смертельной ловушкой. Колвилл как раз входил в «номер 10», когда от взрыва по соседству, по словам Колвилла значительного, дом содрогнулся. Он зашел к Черчиллю, который заявил, что видел из окна спальни, как бомба попала в Букингемский дворец. Бомба, упавшая рядом с казначейством, привела к образованию трещин в восточной стене «номера 10». Еще одна бомба взорвалась как-то вечером, когда Черчилль принимал гостей в подвальной столовой. Он извинился, пошел в кухню и приказал поварам и кухонным работникам немедленно покинуть ее и спуститься в бомбоубежище. Спустя двадцать секунд после их ухода следующая бомба взорвалась между «номером 10» и казначейством. Кухня и кладовые были полностью разрушены⁴⁴⁴.

Колвилл и Брекен сошлись во мнении, что это случилось «всего за несколько дней», как «номер 10» «стал жертвой» бомбардировки. Более безопасное место находилось на Сторис-Гейт, в двух кварталах от «номера 10», напротив парка Сент-Джеймс, под каменным правительственным зданием со скромной табличкой «ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ БЮРО». Там располагался штаб военного кабинета премьер-министра. Это убежище, или, как его еще называют, бункер, фактически было подземным лабиринтом маленьких комнат, в одной из которых находилась спальня премьер-министра – кровать и стол с микрофонами: отсюда Черчилль несколько раз выступал по Би-би-си⁴⁴⁵.

Бункер использовался в чрезвычайных ситуациях. Для обычной жизни первый этаж здания был превращен в квартиру с бетонными стенами и стальными ставнями на окнах. Там все было предусмотрено для комфортного житья, но, как вспоминает дочь Черчилля, Мэри, комнаты премьер-министра и Клементины выходили в коридор, в котором находились рабочие кабинеты (всего 180 комнат), охраняемых морскими пехотинцами, и вид Уинстона, завернутого в банное полотенце, словно римский император в тогу, который шествовал из ванной в свою комнату, оставляя за собой на полу мокрые следы, приводил в смущение чиновников.

---

⁴⁴² TWY, 115—16.

⁴⁴³ WM/Lady Mary Soames, 10/27/80; Soames, *Clementine*, 379.

⁴⁴⁴ Colville, *Fringes*, 240—41; Thompson, *Assignment: Churchill*, 206.

⁴⁴⁵ WM/Jock Colville, 10/14/80.

А вот Черчилль несколько не смущался. Он мог появиться нагим, не утратив достоинства, и иногда так делал⁴⁴⁶.

После взрыва бомбы на Даунинг-стрит, 10 члены семьи, друзья и даже Чемберлен просили Черчилля найти более безопасное место. Наконец, уступив их давлению, в середине октября он воспользовался убежищем на станции метро «Даун-стрит». Благодаря предусмотрительности начальства транспортного управления, после закрытия станции в 1932 году ее переоборудовали в убежище. Это убежище, находившееся под улицей Пиккадилли на глубине 80 футов под землей, было самым глубоким, безопасным и удобным убежищем в Лондоне. Были учтены даже гастрономические пристрастия будущих постояльцев: черная икра, шампанское Perrier Jouet 1928 года и бренди 1865 года. Кроме того, кубинский консул передал 5 тысяч сигар для Черчилля. Той осенью Черчилль провел много ночей на Даун-стрит. Оставшуюся часть войны они с Клементиной провели в подземном убежище (вместе с почти 270 чиновниками, планировщиками и вооруженными солдатами). Клементина развесила на стенах старые фотографии. Уинстон был против: стены должны оставаться голыми. Она настояла. Он хотел подниматься на крышу во время налетов. Она была против: это слишком опасно. Он настоял⁴⁴⁷.

В первую неделю блица более 5 тысяч жителей Ист-Энда, в основном женщины с детьми, сбежали из Лондона, некоторые в Гринвич-парк, Хэмпстед-Хит, а некоторые уехали по железной дороге в западном направлении. Жители графств, расположенных к юго-западу от Лондона, сравнили их с беженцами из Бордо во время падения Франции. Все их имущество и еда умещались в платках и наволочках. К концу месяца из районов, подвергавшихся особенно ожесточенным бомбардировкам, сбежало около 25 тысяч человек. Мужчины остались, хватаясь за любую работу, которую могли найти. Остались многие женщины, чтобы следить за своими мужьями. Средние слои лондонского общества и крупная буржуазия продолжали работать, где работали, и жили в своих домах. В отличие от парижан лондонцы не сбежали. Предсказание Бертрана Рассела не сбылось: не было всеобщей паники и смятения. Рассел, отказавшийся в мае от пацифизма, теперь в тысячах миль от Англии спокойно колесил на велосипеде между любовницей и расположенным в Кембридже, штат Массачусетс, Гарвардским университетом, где сверху падали только темно-красные осенние кленовые листья⁴⁴⁸.

В лондонских убежищах царила дисциплина. Каждый вечер 8 тысяч человек собирались под виадуком Tilbury Arches в Степни. Они сами делились на группы: евреи, ирландцы, индийцы, негры из Вест-Индии, кокни. Каждая группа проводила ночь на своей территории; они спали на кучах мусора, сложенных картонных коробках, старых газетах, среди лошадиного навоза и луж стоячей воды. Планировщики, которые перед началом войны предупреждали о необходимости привлечения солдат для поддержания порядка, ошибались. Потребовался всего один столичный полицейский для контроля над длинной очередью, выстраивавшейся каждый вечер⁴⁴⁹.

Такой была жизнь в уличных убежищах. Правительство тоже позаботилось о создании небольших личных убежищ, разработанных инженером Уильямом Патерсоном и названных по имени тогдашнего министра внутренних дел Великобритании Джона Андерсона убежищами Андерсона. Убежища Андерсона получили 15 тысяч лондонцев. Убежище представляло собой пустотелую конструкцию, которая собиралась из листов гофрированного оцинкованного железа. Убежище вмещало до шести человек и могло в какой-то мере защитить от шрапнели,

---

⁴⁴⁶ WM/Lady Mary Soames, 10/27/80; Soames, *Clementine*, 384—86.

⁴⁴⁷ WSC 2, 375.

⁴⁴⁸ Thompson, 1940, 213.

⁴⁴⁹ Thompson, 1940, 222.

но не от прямого попадания. Конструкцию заглубляли на 4 фута в землю и покрывали слоем земли. Но этими убежищами могли пользоваться только те, у кого был собственный сад. Для кокни они не представляли никакой ценности: в Ист-Энде были мощеные улицы. Лондонские бедняки с презрением относились к Андерсону и его убежищам; если бы хитрое изобретение предоставляло реальную защиту, его бы назвали убежищем Патерсона⁴⁵⁰.

Глядя на Андерсона, лишенного чувства юмора и холодного, вспоминал виконт Энтони Хэд, «было невозможно представить, что когда-то он был ребенком. Он был полной противоположностью Уинстону, который способен на мальчишеские выходки»⁴⁵¹.

В августе 1939 года Андерсон с Чемберленом создали акт «Об исключительных полномочиях» (обороны), который предоставлял – как подобные акты во время Первой мировой войны – широкие полномочия правительству. Но в мае 1940 года Андерсон добавил новые, драконовские статьи (18В, 1А) в акт 1939 года, согласно которым допускалось задержание людей, подозревавшихся в сочувствии нацистам, тем самым лишив британцев прав, которые они имели со времен подписания королем Джоном Великой хартии вольностей. Андерсон утверждал, что поскольку задержанным по статье 18В не предъявлено обвинение в совершении преступления, а они схвачены, чтобы *предотвратить* преступление, то не требуется распоряжения о представлении арестованного в суд. Одним из первых был арестован сэр Освальд Мосли, аристократ, основатель Британского союза фашистов. То, что его жена Диана Милфорд-Гиннесс-Мосли тоже была арестована, явилось неприятной неожиданностью для семьи Черчилль, поскольку Диана была кузиной Клементины. К концу года более тысячи британцев и сотни беженцев, сбежавших от Гитлера, были задержаны, тайно заключены в тюрьму, без предъявления обвинения и суда⁴⁵².

Андерсон был одним из самых заслуженных подхалимов Черчилля, «консервативным консерватором». До октября Черчилль держал его на должности министра внутренних дел, а затем включил в состав военного кабинета в качестве лорда – председателя совета, что значительно расширило его полномочия. Андерсон рьяно взялся за выполнение статьи 18В, отлавливая предполагаемых преступников. Черчилль подсознательно противился идее держать «политических противников в тюрьме на основании королевского приказа о заточении в тюрьму», но, пользуясь исключительными полномочиями, направил Андерсону записку: «Предоставьте мне список известных людей, которых вы арестовали». Спустя несколько дней он отправил Андерсону список «подозрительных личностей», проживавших в районах вероятного вторжения. Черчилль приказал сэру Джону сообщить через три дня, «какие меры вы считаете нужным принять».

Если положение подозреваемых обозревателей его не слишком интересовало, то положением лондонской бедноты он был всерьез озабочен. Он приказал, чтобы Андерсон решил проблему, связанную с дренажом. Но вскоре вопрос об улучшении конструкции убежищ отпал сам собой, когда правительство столкнулось с проблемой дефицита материалов; Англия могла строить или корабли, или убежища. Больше убежища Андерсона не делали⁴⁵³.

Жители Ист-Энда возмущались своим бедственным положением. Николсон отметил глубину их негодования в дневниковой записи от 17 сентября: «Говорят, что на днях даже освидетельствовали короля с королевой во время посещения ими разрушенных районов. Клем Дэвис говорит, что если только у немцев хватит ума не бомбить районы к западу от Лондонского моста, то в стране может начаться революция»⁴⁵⁴.

⁴⁵⁰ Mosley, *Battle of Britain*, 36–37.

⁴⁵¹ WM/Viscount Antony Head, 8/6/80.

⁴⁵² *Time*, 10/3/43; *Time*, 2/1/43; Mark Mayo Boatner, *The Biographical Dictionary of World War II* (New York, 1999), 8. See also *Modern Law Review* 5, no. 3/4 (July 1942):162–73; Tim Pat Coogan, *The IRA* (London, 1971), 58.

⁴⁵³ *Time*, 9/23/40; Cv/2, 440, 446, 764; Colville, *Fringes*, 173; WSC 5, 680.

⁴⁵⁴ TWY, 114.

Но даже если немцы надеялись на восстание крестьян, то спустя несколько недель им пришлось расстаться с этой надеждой, когда эскадрилья «Штук» во время дневного налета сбросила три бомбы на Букингемский дворец. Король с королевой чудом остались живы. Эта атака показала, по словам Черчилля, что немцы «настроены серьезно». В том, что касается нападения на домашний очаг, королевская семья сравнялась с жителями Ист-Энда. «Я рада, что нас бомбили, – сказала королева. – Я чувствую, что теперь могу спокойно смотреть в глаза жителям Ист-Энда». Черчилль пришел в ярость, когда узнал, что правительственные цензоры запретили сообщать об атаке на дворец. «Болваны, идиоты, дураки, – кричал Черчилль. – Не медлите сообщить о нападении. Пусть простые лондонцы узнают, что они не одиноки, что король с королевой разделяют с ними все опасности»⁴⁵⁵.

Несмотря на поддержку империи, жители Лондона, включая короля с королевой и премьер-министра, на самом деле были одиноки и беззащитны перед вражескими атаками с воздуха. Коммунисты распространили обращение к Черчиллю с призывом немедленно начать мирные переговоры. Гарольд Николсон написал в дневнике: «Не следует ожидать, что население большого города, просиживая все ночи, неделя за неделей, в убежищах, не утратит присутствия духа». В течение сентября на Лондон были сброшены тысячи тонн бомб; более шестисот лондонцев, в основном жители Ист-Энда, погибли в пожарах. Дома рушились, но лондонцы не теряли присутствия духа. В конце сентября Эдвард Р. Марроу почувствовал настрой этого народа. Ведя передачу с крыши Би-би-си, он сказал: «Я видел много флагов, развевающихся на домах. Никто не приказывал этим людям развешивать флаги. Они просто хотят, чтобы на их домах развевались государственные флаги Великобритании». И, добавил Марроу, «не было ни одного белого флага»⁴⁵⁶.

Немецкие парашютные бомбы, которые на самом деле были 2200-фунтовыми морскими минами, сбрасываемыми с парашютом, привели к новым трагедиям. Точность при сбросе с большой высоты у них была крайне низкой, но они обладали невероятной разрушительной силой. Эти мины, предназначенные для поражения линкоров, разрушали старые дома, построенные из кирпича и дерева, в радиусе 600 ярдов. 21 сентября, во время обеда, Черчилль сказал лорду Горту и Хью Даунингу, что хотя он в принципе против того, чтобы отвечать тем же, но в ответ на каждую немецкую парашютную бомбу следует сбросить две на немецкий город. Горт согласился: «Это единственное, что они понимают»⁴⁵⁷.

23 сентября начальник штаба военно-воздушных сил доложил военному кабинету, что отдал приказ направить сто тяжелых бомбардировщиков для нанесения удара по Берлину. Кроме того, пятьдесят средних и тяжелых бомбардировщиков были отправлены для нанесения ударов по немецким десантным баржам в портах на Ла-Манше. В тот вечер Черчилль сказал Колвиллу: «Запомните, никогда нельзя недооценивать противника и, когда начнется битва, надо сражаться до конца»⁴⁵⁸.

Хотя заявленная им в начале октября политика не предполагала возмездия, на самом деле мишенью стало гражданское население Германии. Менее двух третей британских бомбардировщиков не смогли точно определить местонахождение заданных целей; остальные сбросили бомбы в радиусе 5 миль от цели; в какой-то мере это можно отнести за счет низкой точности попадания в ночное время. Целена-ведение было проблемой и в дневное время, а в ночное время оно было практически невозможным. При этом потери среди гражданского населения были значительными. В Рурской области, над которой постоянно висел промышленный дым,

---

⁴⁵⁵ Mosley, *Battle of Britain*, 139.

⁴⁵⁶ TWY, 115–16.

⁴⁵⁷ WM/Jock Colville, 10/14/80; Colville, *Fringes*, 245.

⁴⁵⁸ Colville, *Fringes*, 249.

попадание в цель было одно из десяти. Бомбометание было столь неточным, что Черчилль сказал Искею: «Мы должны фактически вдвое увеличить количество бомбардировщиков, чтобы повысить точность попадания»⁴⁵⁹.

Но даже если бомбардировке подвергались промышленные и военные объекты, то жертвы были и среди гражданского населения. На самом деле это было не чем иным, как возмездием. 16 октября военный кабинет распорядился, чтобы бомбардировочное командование приказало летчикам, в том случае, если сильная облачность не позволяет определить местонахождение заданных промышленных объектов, сбрасывать бомбы на ближайший город, включая Берлин. Бомбардировщики не должны возвращаться на базу с полным боезапасом. Если лондонцы не могут спокойно спать в своих кроватях, то не должны и берлинцы⁴⁶⁰.

17 октября в курительной комнате палаты общин Черчилль, потягивая портвейн, отвечал на вопросы членов парламента, которые хотели знать, когда начнется возмездие. Роберт Кэрри, член парламента от Консервативной партии из Эклса, долго рассуждал о том, что общественность настаивает на неограниченных бомбардировках. Черчилль, молча слушал и пил портвейн, глядя поверх стакана на Кэрри, а когда Кэрри закончил свою пламенную речь, сказал: «Дорогой сэр, это война вооруженных сил, а не с гражданским населением. Вы и другие, возможно, хотите убивать женщин и детей. Мы хотим, и преуспели в этом, уничтожить немецкие военные объекты. Я уважаю вашу точку зрения. Но мой девиз – «Дело – прежде всего»⁴⁶¹.

Черчилль не находил удовольствия в убийстве женщин и детей. Но спустя три дня в секретной записке министру авиации Арчибальду Синклеру он написал, что весьма желательно сбрасывать на Берлин тяжелые бомбы⁴⁶².

Заявление Геринга и Геббельса, что воздушное пространство над Берлином не нарушалось, было опровергнуто вечером 24 сентября, когда Геббельс с товарищами были вынуждены прервать ужин в отеле Adlon и спуститься в подвальное бомбоубежище. Следующей ночью налет длился пять часов. «Англичанам следует делать это каждую ночь. Не важно, что разрушений будет немного. В прошлую ночь ущерб оказался невелик. Но психологический эффект огромный», – написал Уильям Л. Ширер. Немцы почему-то считали, что они могут бомбить Варшаву, Роттердам и Англию, а их бомбить не будут. К тому же немцы верили, что к осени война закончится⁴⁶³.

Нацистское Верховное командование считало налеты всего лишь досадной неприятностью, и по большей части они были правы. Налеты с участием семидесяти, восьмидесяти, иногда девяноста бомбардировщиков Королевских ВВС приводили к незначительному ущербу, частично потому, что приходилось уменьшать бомбовую нагрузку за счет топлива, которое требовалось для того, чтобы совершить 1200-мильный полет туда и обратно, а также по той причине, что ночью определение цели превращалось в игру угадайку. Тем не менее советское Верховное командование начало подумывать о том, что Англию не стоит сбрасывать со счетов. В середине ноября советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов встретился в Берлине со своим немецким коллегой Иоахимом фон Риббентропом, чтобы обсудить договор о торговле и послевоенном дележе трофеев. Черчилль в своих мемуарах («Вторая мировая война») пишет, что «хотя нас и не пригласили принять в нем [совещании] участие, мы все же не хотели оставаться в стороне». Воздушный налет Королевских ВВС заставил Молотова с Риббентропом спуститься в бомбоубежище, где, как позже Сталин рассказал Черчиллю,

---

⁴⁵⁹ *Oxford Companion to World War II*, edited by I.C.B. Dear (Oxford, 1995), 179, 331.

⁴⁶⁰ Martin Gilbert, *The Second World War: A Complete History* (London, 1989), 132.

⁴⁶¹ TWY, 121.

⁴⁶² CAB 120/300.

⁴⁶³ Shirer, *Rise and Fall*, 778; Gilbert, *Second World War*, 128.

Риббентроп продолжал упорно доказывать Молотову, что с Англией покончено. «Если это так, – сказал Молотов, – то почему мы спустились в убежище и кто сбрасывает эти бомбы?»⁴⁶⁴

К середине октября почти 500 тысяч лондонских детей были эвакуированы в сельскую местность. Город, который они покинули, разрушался. Критическая ситуация сложилась на железной дороге: из шести основных лондонских вокзалов в обычном режиме работали только два – Паддингтон и Кингс-Кросс. Из-за повреждения канализационной системы нечистоты сливались прямо в Темзу, которая являлась основным источником питьевой воды. Черчилль понимал, что это может привести к катастрофическим последствиям – почти век назад эпидемия холеры унесла тысячи жизней, и сейчас это могло повториться. Общественные убежища переполнены, царит антисанитария – есть все основания для вспышек дифтерии и гриппа. Острая нехватка стекла была еще одной из проблем, беспокоившей Черчилля. Дело шло к зиме, а в Лондоне, как в Средние века, дома были без окон. Проезжая мимо оранжереи, пострадавшей во время воздушных налетов, Черчилль распорядился собрать все стекла, которые можно будет использовать для застекления окон. «Способность простого народа всякой страны переносить лишения, когда он испытывает подъем духа», – написал Черчилль в воспоминаниях, – похоже, не имеет границ»⁴⁶⁵.

Юмор преобладал над страхом. На полях для гольфа повесили новые правила. Разрешено свободное падение, когда мячик попадает в воронку от бомбы. Участники не штрафуются за игру вне очереди во время налетов. Для игроков в гольф опасность представляли британские противотанковые мины, установленные в прибрежных дюнах. Как-то вечером Черчилль рассказал своим гостям о гольфисте, который гонял мячик по берегу, покрытому галькой. «Он ударил клюшкой по мячу, и единственное, что после этого осталось, был мяч, который благополучно вернулся на «грин»⁴⁶⁶.

Поскольку потери гражданского населения намного превосходили потери военнослужащих, по Ист-Энду ходила шутка: вступайте в армию и избежите войны. Ивлин Во язвительно заметил, что, если бы немцы действительно стремились сломить боевой дух британцев, им следовало сбросить на парашютах сотни марширующих духовых оркестров. Самым популярным фильмом года были «Унесенные ветром». Таксисты жаловались, что дороги усыпаны стеклом и у автомобилей постоянно лопаются шины. Но продолжали ездить. На магазинах без фасадов висели объявления: «Мы *широко* открыты для покупателей». Уличный продавец газет написал мелом на своем лотке: «Берлин заявляет, что сбросил на Лондон 1000 тонн бомб. И что?» Водевили и шоу-программы с обнаженными девушками в театре «Уиндмилл»⁴⁶⁷ каждый день собирали зрителей, и танцовщицы, как обычно, высоко выбрасывали ноги в «Палладиуме» и «Принце Уэльском».

Швейцары отелей с гордостью рассказывали посетителям о количестве налетов. Уборщица из Ист-Энда, придя на работу в Сити, обнаружила, что офисное здание, в котором она много лет мыла полы, за ночь исчезло. «Думаю, что старик Гитлер хотел, чтобы я сменила

---

⁴⁶⁴ WSC 2, 584, 586.

⁴⁶⁵ WSC 2, 581.

⁴⁶⁶ Colville, *Fringes*, 214.

⁴⁶⁷ Лондонский театр Уиндмилл (Windmill) был назван в честь мельницы, которая размещалась на месте современной центральной части мегаполиса еще во времена правления короля Карла II. В 1930-х годах театр нес убытки, и в программу шоу включили обнаженных девушек – «девушки из Уиндмилла» (как их потом стали называть) на сцене не двигались, а стояли неподвижно, изображая живые статуи. Затем режиссер сделал серию обнаженных живых картин, а позже он придумал, как обойти цензоров, включив в постановку танцующую обнаженную девушку. Танцовщица двигалась по сцене, прикрывая себя веером. В завершение девушка замирала в виде статуи и секунд на десять открывала обнаженное тело. С помощью этой уловки театр в очередной раз набрал популярность. История и сами создатели театра Уиндмилл вдохновили кинематографистов на создание четырех фильмов: *Heart of the City* (1945), *Mystery at the Burlesque* (1949), *Secrets of a Windmill Girl* (1966) и *Mrs. Henderson Presents* (2005).

работу», – язвительно сказала она. Г.Д. Уэллс, тридцатью годами ранее предсказавший воздушные налеты⁴⁶⁸, обедал с Сомерсетом Моэмом и леди Дианой Купер, когда появились бомбардировщики.

Уэллс отказался встать из-за стола, пока не доест сыр: «Я наслаждаюсь отличным обедом. Почему я должен его прервать из-за какого варвара в самолете?» Агата Кристи увидела в переулке рядом с домом фермера, который пинал ногами неразорвавшуюся бомбу. «Черт возьми, не может даже нормально взорваться», – сказал он в сердцах. У каждого британца была в запасе своя история⁴⁶⁹.

Лондонцы утром шли на работу и возвращались домой к комендантскому часу, прекрасно зная, что на следующий день может не оказаться одного или другого, дома или работы. За ночь ситуация менялась. Если дом и работа пережили ночь, то железнодорожные пути или автобусный маршрут могли не пережить. И всегда была возможность, возвращаясь домой, встретить уполномоченного по воздушной обороне, который сообщал печальные новости – о гибели жены или мужа, сына или дочери. Лондонцы пешком или на велосипедах пробирались по улицам, засыпанным осколками и изрытыми воронками. Они стояли в очередях за продовольственными пайками и привычно вслушивались в грохот за горизонтом, не зная, о чем появлении предупреждает бассо профондо, приносимый восточным ветром, об их пилотах или пилотах Геринга. В Ист-Энде те, у кого не было ни дома, ни работы, находили убежище под железнодорожными мостами, в подвалах пивоваренного завода и складов и в криптах, первоначально предназначавшихся для хранения угля⁴⁷⁰.

Черчилль искал с ними встреч. Они были единственными европейцами, которые не пали духом, не сломились перед Гитлером. Черчилль, в широком, длинном пальто, в фетровой шляпе, надвинутой на лоб, мчался по городским улицам в бронированном автомобиле, который кто-то сравнил с огромным раскрашенным термосом. Он терпеть не мог громоздкие автомобили, но телохранителю удалось уговорить его. Черчилль выходил из машины, чтобы осмотреть место разрушения. Ходил по краю воронок от бомб, взбирался на кучи щебня. Сгорбившись, тяжело ступая, он шел по улицам, не обращая внимания на лужи и осколки кирпичей. Он искал людей. Черчилль, по словам Молли Пэнтер-Доунес, обладал «величайшим даром заставлять их забыть о дискомфорте, опасности и потерях и помнить, что они делают историю»⁴⁷¹.

В начале октября, выступая в палате общин, Черчилль сказал, что «за всю жизнь ко мне никогда не относились с такой добротой, как люди, которые больше всего страдали». Лондон, пообещал он, будет восстановлен, станет еще прекраснее, чем был. Но сначала «нас ждут долгие месяцы испытаний и страданий. Не только огромная опасность, но много неудач, много ошибок, много разочарований выпадет на нашу долю. Смерть и горе будут сопровождать нас на этом пути. Непреклонная решимость и мужество – единственная наша защита»⁴⁷².

Но перед выступлением Черчилль представил, под бурные аплодисменты, Рэндольфа, который выиграл дополнительные выборы в Престоне. В юности Черчилль мечтал, что однажды отец приведет его в палату общин, где он будет служить отцу, «принимая его сторону и оказывая поддержку». Этой мечте не суждено было сбыться: лорд Рэндольф впал в немилость, был вынужден уйти в отставку и рано умер от тяжелой болезни. Он оставил своему сыну, Уинстону, возможность привести своего внука, Рэндольфа, в палату общин. Аплодисменты,

---

⁴⁶⁸ В романе «Война в воздухе».

⁴⁶⁹ Panter-Downes, *War Notes*, 110; Klingaman, 1941, 9.

⁴⁷⁰ Thompson, 1940, 220; Sheean, *Thunder*, 224–25.

⁴⁷¹ Sheean, *Thunder*, 224–25; Panter-Downes, *War Notes*, 137.

⁴⁷² WSCHCS, 6287.

которыми приветствовали их пару, были для Уинстона свидетельством поддержки, они показали, что блиц и неудача в Дакаре не сказались на его популярности⁴⁷³.

До падения Франции Дакар был ничем не примечательным портом во Французской Западной Африке. После падения Франции он приобрел стратегическое значение. Если бы немцы захватили Дакар и использовали его в качестве базы для подводных лодок и надводных рейдеров, этот порт представил бы серьезную угрозу английскому торговому судоходству и военным перевозкам по морскому пути вокруг Африки. Для того чтобы не допустить этого, военный кабинет решил провести операцию по освобождению Дакара и передать его в руки «Свободной Франции». Британская разведка указала, что вишистские силы едва ли окажут теплую встречу де Голлю, но на эту информацию не обратили внимания. Кроме того, «Свободная Франция» в Лондоне допустила утечку информации, и сведения об операции, возможно, просочились в *Times*. 23 сентября «Свободная Франция» подошла к Дакару, но ее ждал не теплый прием, а сильный огонь. Береговые батареи и линкор *Richelieu* открыли огонь, причинив повреждения британским крейсеру и линкору. После двух дней беспорядочной стрельбы было принято решение прекратить операцию «Угроза». Черчилль сообщил Рузвельту неутешительные новости. Позже Клементина назвала неудачу «классическим примером отсроченной надежды, заставившей болеть сердце». Однако после первого приступа сожаления Черчилль нашел положительное в отрицательном: Великобритания еще на что-то способна. Как в случае с Ораном, Черчилль доказал миру, а главное, Рузвельту, что Великобританию не стоит сбрасывать со счетов⁴⁷⁴.

Джозеф Кеннеди думал иначе. Провал операции в Дакаре равносителен катастрофе, сообщил он в Вашингтон, а Черчилль теряет популярность (что не соответствовало действительности). В конце октября Кеннеди сбежал в Америку – первый посол, покинувший Лондон. Он якобы уехал по той причине, что хотел лично попросить Рузвельта об отставке, но ведь мог позвонить, а он попросту сбежал, оставив на произвол судьбы своих сотрудников. Своим бегством он навлек на себя ненависть лондонцев и заслужил прозвище «нервный Джо». Благополучно вернувшись домой, он тут же дал интервью газете *Boston Globe*, в котором сказал, что в Великобритании с демократией покончено, что британцы борются за сохранение империи, а не за демократию⁴⁷⁵.

Если Кеннеди все представлялось в мрачном свете, то Черчилль был настроен оптимистично. Что касается лондонцев, сказал он Колвиллу, то «во мне есть то, что они искренне поддерживают, решимость победить. Через год-два они будут приветствовать меня». В письме Чемберлену, умиравшему мучительной смертью от рака кишечника, Черчилль написал: «Немцы совершили огромную ошибку, сконцентрировавшись на Лондоне, к облегчению наших заводов, и, пытаясь запугать народ, только разозлили его». Лондонцы предпочли, сказал Черчилль Колвиллу, «находиться в первых рядах, участвуя в битве за Лондон, чем беспомощно наблюдать за массовым убийством как в Пашендейле»⁴⁷⁶.

В течение октября военный кабинет занимал важный вопрос: по явятся ли немцы? Весь месяц «Ультра», условное обозначение, принятое британской военной разведкой для перехваченных и дешифрованных особо важных секретных сообщений, сообщала о продолжающейся подготовке к вторжению. Воздушная разведка подтвердила, что немцы отрабатывают варианты высадки солдат с кораблей на сушу под прикрытием искусственного дыма.

Согласно перехваченным и расшифрованным сообщениям, немцы планировали вторжение после 20 октября. Было ли это частью немецкой кампании по растространению дез-

---

⁴⁷³ Winston Churchill, *My Early Life: 1874–1904* (New York, 1996), 62.

⁴⁷⁴ GILBERT 6, 808–10.

⁴⁷⁵ Joseph P. Kennedy, *Boston Globe* interview, 11/10/40; Victor Lasky, *JFK: The Man and the Myth* (New York, 1963), 58.

⁴⁷⁶ Colville, *Fringes*, 262, 275.

информации? Следовало действовать так, словно вторжение неизбежно; в противном случае это было бы нарушением воинского долга. Военно-морской флот патрулировал, Королевские военно-воздушные силы патрулировали, Блетчли-Парк слушал. Однако появилось ощущение, что вторжение не состоится, и причиной тому был Черчилль. 4 октября он телеграфировал Рузвельту: «Джентльмен снял одежду и надел купальный костюм, но вода становится холоднее, и воздух пахнет осенью. Мы сохраняем предельную бдительность»⁴⁷⁷.

21 октября, выступая по радио с обращением к французскому народу, Черчилль бросил фразу, которая, возможно, говорила всего лишь о его растущем оптимизме: «Мы ждем давно обещанного вторжения. И рыбы – тоже». Эти дерзкие слова, конечно, вызвали уважение у нейтральных наблюдателей. В июньских и июльских выступлениях он мрачно допускал возможность вторжения и не уставал повторять, что они будут бороться до конца с непоколебимым мужеством и достоинством. Эти речи были предназначены для того, чтобы вдохновлять и воодушевлять, но, если бы Англия пала под нацистским сапогом, они бы послужили эпиграфами, которые предстояло прочесть и обдумать будущим поколениям. Черчилль был известен остроумными высказываниями, и он никогда не упускал случая пошутить или ввернуть острое замечание, как это было, к примеру, во время октябрьского выступления, когда он сказал о давно обещанном вторжении, которого ждут не только люди, но и рыбы. Он произносил их не в кругу близких друзей в гостиной за портвейном, а всему миру, выступая по радио, в адрес самого сильного лидера и самой страшной военной силы на планете. Ему хватило одной фразы, чтобы выставить Гитлера на посмешище. Он унизил Гитлера, заявив, что «вы можете победить нас, но вам никогда, *никогда*, не сломить наш дух»⁴⁷⁸.

Речь, записанная на французском и английском, была частично предназначена для того, чтобы заглушить страхи французов относительно того, что британцы вынашивают планы захватить их флот и колонии в Западной Африке. «Не думайте, что мы, англичане, стремимся захватить ваши корабли и колонии в Западной Африке. Мы стремимся покончить с Гитлером и гитлеризмом. Раз и навсегда», – сказал Черчилль. Некоторым французам заявление Черчилля, что британцы ни на что не претендуют, показалось неискренним. В июле в Оране британцы пытались потопить французский флот, и совсем недавно предприняли попытку высадить силы «Свободной Франции» в Дакаре. Заканчивая выступление, Черчилль сказал: «Помните, что мы никогда не остановимся, никогда не устанем, никогда не сдадимся и что весь наш народ и империя поклялись очистить Европу от нацистской чумы и спасти мир от ужасов нового Средневековья... Мы преследуем его, как наши друзья за Атлантическим океаном и ваши друзья за Атлантическим океаном. Если он не сможет уничтожить нас, мы, конечно, уничтожим его, и всю его банду, и все их деяния»⁴⁷⁹.

Франция, как и вся Великобритания, верила, что «друзья» за Атлантическим океаном придут на помощь. Однако спустя девять дней Рузвельт, выступая в Бостоне, сказал: «Я говорил это раньше и скажу еще раз и еще раз: мы не собираемся посылать ваших мальчиков ни на какие иностранные войны». И не добавил привычной оговорки, «За исключением нападения». Даже если бы у Америки было желание сражаться – которого у нее не было, – она была слишком далеко. Черчилль закончил выступление словами, которые отражали его романтизм и эгалитарный дух республики, которым так дорожили французы: «Да здравствует Франция! Да здравствует движение простых людей во всех странах к овладению справедливым и истинным наследием, к более светлому и счастливому веку!»⁴⁸⁰

---

⁴⁷⁷ GILBERT 6, 816; C&R-TCC, 1:74.

⁴⁷⁸ WSHCS, 6297.

⁴⁷⁹ WSHCS, 6297.

⁴⁸⁰ WSHCS, 6298; Conrad Black, *Franklin Delano Roosevelt: Champion of Freedom* (Washington, DC, 2003), 595.

В тот вечер художник Поль Маса, в июне сбежавший из Бордо и живший в Хэмпшире, написал Черчиллю: «Каждое сказанное вами слово было подобно капле крови, поступающей в кровеносную систему при переливании». Слова Черчилля, возможно, лишились бы своего вдохновляющего воздействия, если бы был включен микрофон, когда он вошел в студию. Его встречал Жак Дюшен (псевдоним французского актера Мишеля Сен-Дени), французский эксперт на Би-би-си и переводчик. «Где моя речь для лягушатников?» – спросил Черчилль. Колвилл, сопровождавший премьер-министра, отметил, что Дюшен «выглядел огорченным»⁴⁸¹.

Благодаря «Ультра» Черчилль обрел уверенность, что вторжение не состоится или, по крайней мере, будет отложено до весны 1941 года. 28 октября Объединенный разведывательный комитет доложил, что, согласно данным фоторазведки, немецкие суда движутся в восточном направлении, из Ла-Манша и если так и будет продолжаться, то «уменьшается риск вторжения». Но со стороны подводных лодок по-прежнему сохранялась смертельная угроза. И немецкие бомбардировщики по-прежнему наносили ночные визиты.

С июля погибло более пятисот летчиков-истребителей Королевских ВВС, отражавших дневные налеты Геринга, но их жертвы не пропали зря. К концу октября практически прекратились дневные бомбардировки, а в начале ноября Геринг полностью отказался от дневных налетов: с июля его потери во время дневных налетов почти в десять раз превысили потери во время ночных налетов. Ночное небо над Великобританией сулило безопасность немецким экипажам. Переход Геринга к ночным бомбардировкам и беспорядочное разбрасывание зажигательных средств по всему Лондону означали, что немцы отказались от бомбардировки военных объектов. Бомбы, которые регулярно сбрасывали на Берлин в дневное время, доказывали, что британцы тоже отказались от бомбардировки военных объектов.

В ноябре Черчилли начали проводить все выходные в Чекерсе. Это была последняя военная осень, когда семья собиралась вместе. Семнадцатилетняя Мэри проводила каникулы в Норфолке, у старых друзей семьи, Монтегю; блиц и угроза вторжения продлили ее каникулы. Она хотела вернуться в Лондон, но родители были категорически против, и она не посмела ослушаться. В сентябре ее отправили в Чекерс. Памела, ожидавшая появления первого ребенка, жила там с середины сентября. Доктор настоял на необходимости сопровождать ее. Он оставался в Чекерсе две недели, вспоминала Памела, чтобы провести «несколько спокойных дней» в разгар блица. Клементина считала, что Уинстон не в восторге от присутствия доктора, и выразила недовольство Памеле, на что та ответила: «Я никак не могу ускорить появление ребенка». Черчилль надеялся, что родится мальчик, которого назовут Уинстон, и его не обрадовало, что его кузина, герцогиня Мальборо, которая родила мальчика за несколько дней до родов Памелы, назвала его Уинстоном. «Памела и Рэндольф хотят назвать сына Уинстоном», – сказал Черчилль герцогине. «Откуда вы знаете, что у них родится мальчик?» – спросила герцогиня. «Если не сейчас, то позже. Я прошу вас дать сыну другое имя». Герцогиня назвала сына Чарльзом. Сын Памелы, Уинстон Спенсер Черчилль, «маленький» Уинстон, родился в Чекерсе в кровати под балдахин 10 октября 1940 года. Памела, очнувшись от наркоза, услышала бормотание: «Это мальчик, это мальчик». Старый Уинстон, вспоминала Памела, был рядом, для него это много значило⁴⁸².

Рэндольф провел выходные в Чекерсе с Памелой и своими родителями. Брат Черчилля, Джек, на шесть лет младше Уинстона, скромный и непритязательный, жил в это время в Чекерсе. Его лондонский дом разбомбили, и он жил где только мог, в том числе в «номере 10». Жена Джека, Гведелин (Гуни) Черчилль, долгое время была одной из самых преданных подружек Клементины, но в конце 1940 года, заболев раком, уехала на родину. Ее отсутствие по выход-

---

⁴⁸¹ Cv/2, 979, 985; Colville, *Fringes*, 272.

⁴⁸² WM/Pamela Harriman, 8/22/80.

ным лишило Клементину одной из связей с внешним миром, который она, в силу необходимости, покинула. Иногда по выходным в Чекерс приезжали Уинстон и старшая дочь Черчиллей, Диана. Дети Дианы, четырехлетний Джулиан и двухлетний Эдвин, давали Черчиллю возможность вести себя как обычный дедушка, то есть большой ребенок, хотя и в жилете, обсыпанном сигарным пеплом. Он намного лучше Клементины, вспоминала Памела, знал, как рассмешить ребенка. Для Мэри Чекерс в течение недели был огромным мрачным домом, который оживал в выходные дни с приходом брата, сестер, родителей и их гостей⁴⁸³.

Колвилл, как личный секретарь, часто бывал в Чекерсе. Его привлекала горячность Мэри, хотя он отмечал, что часто она бывала несколько излишне возбужденной, а временами раздражительной. Иногда он вместе с Клементиной и Мэри прогуливался по территории, и зачастую эти прогулки превращались в состязания по бегу между двумя молодыми людьми. Оставив Клементину, Мэри с Колвиллом мчались по лесным дорожкам, мимо древних дубов, и взбегали на вершины невысоких холмов. Она обычно побеждала: возможно, Колвилл был галантным кавалером, а может, из-за пагубной привычки к курению, он страдал одышкой, и последние метры давались ему с трудом. В присутствии отца Мэри вела себя тихо. Всем детям с раннего детства внушалось почтительное отношение к отцу. Но как-то во время семейного завтрака Мэри не сдержалась. Черчилль, удивленный и встревоженный скоростью, с которой немцам удалось разгромить Францию, заявил, что все произошло так быстро, словно немцы просто обошли Францию, чтобы бросить все силы против Великобритании. Молча выслушав отца, Мэри звенящим от напряжения голосом перефразировала слова, сказанные Черчиллем несколькими месяцами ранее в адрес молодых летчиков-истребителей Королевских ВВС: «Никогда прежде столь немногие не предавали так много столь многих»⁴⁸⁴.

Рэндольф, ему не было еще тридцати, не отличался ни красноречивым молчанием, ни озорным юмором, которые были свойственны его сестре. В нем, вспоминал Колвилл, «сочетались самые непривлекательные черты характера: претенциозность, сварливость и глупость; но все же время от времени он высказывал меткие замечания и иногда мог быть весьма милым». Он много пил, вспоминал Колвилл, но выпивка не поднимала ему настроение. Однажды во время обеда он долго разглагольствовал о том, что Болдуин лишил империю величия. Мировое господство, сказал Рэндольф, высший идеал, и он уважает немцев за стремление к мировому господству. Аргументы Рэндольфа, написал Колвилл в дневнике, «заставили содрогнуться». Колвилл считал его одним из наиболее «неприятных» людей, которых он когда-либо встречал: «Шумный, самонадеянный нытик и откровенно неприятная личность... ничего от Черчилля, который обожает его». Отношение Рэндольфа к отцу настолько рассердило Клементину, что она пригрозила сыну, что запретит ему бывать в «номере 10», чтобы он не довел отца до сердечного приступа. Но, несмотря ни на что, Черчилль бесконечно любил Рэндольфа. В Чекерсе Черчилль чувствовал себя непринужденно среди близких друзей и членов семьи. Он любил поесть и выпить, причем качественный алкоголь, которого не было на Сторис-Гейт. Он понимал, насколько недолговечными могут быть радости семейной жизни в Чекерсе; игра в крикет на траве (он наблюдал за игрой), семейные прогулки и состязания в беге (он избегал физических упражнений), бренди и воспоминания перед огромными каминами, даже тирады Рэндольфа. По всей вероятности, сказал Черчилль, немцы «считают, что я не настолько глуп, чтобы приезжать сюда. Я многим рискую. Три поколениями при внезапном налете»⁴⁸⁵.

Его семья, хотя той осенью они часто собирались вместе, разваливалась. Брак Сары с актером, комиком и музыкантом Виком Оливером распался. Его выступления в «Палладиуме» всегда собирали полные залы. Но, являясь австрийским евреем, он решил бежать из Англии,

---

⁴⁸³ PFR/Lady Mary Soames, 6/07; WM/Pamela Harriman, 8/22/80.

⁴⁸⁴ Colville, *Fringes*, 216, 219, 248; WM/Jock Colville, 10/14/80.

⁴⁸⁵ Colville, *Fringes*, 265; Thompson, 1940; WM/Pamela Harriman, 8/22/80.

пока не станет слишком поздно. Америка казалась австрийскому эмигранту и известному комическому актеру более безопасным местом. Саре, если бы он уехал в Соединенные Штаты, пришлось сопровождать мужа, но она не испытывала никакого желания покидать Англию и родителей. Вик остался в Лондоне, но летом 1941 года их брак распался, и Сара поступила на службу в Женскую вспомогательную службу военно-воздушных сил. Клементина целиком поддерживала решение Сары остаться в Англии, поскольку считала, что никто из «детей Черчилля» не должен покидать страну в трудный час. Когда Клементина узнала, что одну из ее племянниц отправляют в Канаду, ее лишили паспорта. Черчилль неодобрительно относился к эмиграции, называя ее «паническим бегством из страны»⁴⁸⁶.

В любом случае эвакуация детей за границу закончилась 17 сентября, когда пассажирский пароход *City of Benares*, направлявшийся в Канаду, был торпедирован. Погибло семьдесят три из девяноста находившихся на борту детей и более двухсот взрослых, сопровождавших детей. Многие заняли места в спасательных шлюпках. Дети начали петь *Roll out the Barrel*, но, когда они дошли до слов *We'll have a barrel of fun*, пароход затонул. Затем море вступило в свои права, разбивая спасательные лодки. Спустя четыре дня Черчилль приказал Комитету обороны прекратить эвакуацию детей за границу⁴⁸⁷.

С тех пор как почти два десятилетия назад Ирландская республиканская армия готовила на него покушение, Черчилль любил, чтобы оружие всегда было под рукой. Начиная с падения Франции он носил револьвер, но имел привычку положить его где-нибудь и забыть, где положил; в этих случаях он заставлял инспектора Томпсона дать ему один из своих револьверов. Схватив его револьвер и размахивая им, он восклицал: «Видишь, Томпсон, им никогда не взять меня живым». На самом деле он хорошо стрелял из винтовки и просто убийственно из своего «Кольта» 45-го калибра. В Чекерсе они с Томпсоном регулярно тренировались в стрельбе в открытом тире, где Черчилль делал примерно по сто выстрелов из винтовки *Mannlicher*, револьвера *Webley & Scott* 32-го калибра и любимого «Кольта» 45-го калибра. Он был, вспоминал Томпсон, настолько метким стрелком, что у того, кто находился в радиусе поражения его оружия, просто не было шансов. Колвилл пишет об одном из таких тренировочных занятий: «Черчилль стрелял из винтовки Манлихера в цель с расстояния в 100, 200 и 300 ярдов. Затем стрелял из своего револьвера, не прекращая курить сигару, с похвальной точностью. Несмотря на возраст, тучность и отсутствие практики, он хорошо проявил себя... Он, похоже, всегда мысленно представляет, что сражается с немцами»⁴⁸⁸.

Британцы в ожидании вторжения, а премьер-министр Великобритании ведет огонь по врагу. Черчилль жил с мыслью, что перестрелка с захватчиками будет его последней линией обороны. Лорд Джеффри Ллойд вспоминал, что «Уинстон был похож на зверя в джунглях, остро чувствующего опасность. Его стремление выжить было огромным вдохновляющим стимулом для страны и мира»⁴⁸⁹.

«Для убийства гуннов лучше всего подходят пули дум-дум, – любил повторять Черчилль во время тренировочной стрельбы. Такая пуля, попадая в тело, разворачивается, значительно увеличивая раневое отверстие, и редко выходит наружу, совершая порой замысловатые блуждания по телу. Первоначально эти пули изготавливались в Дум-Дум, предместье Кальтутты, отсюда и пошло их название. Эти пули запрещены к применению во время войны, доказывал Рэндольф отцу. Он, безусловно, был прав. В 1906 году Черчилль заявил, что нельзя использовать эти пули против «цивилизованного противника». Нацисты лишились права называться

---

⁴⁸⁶ Soames, *Clementine*, 387.

⁴⁸⁷ Soames, *Clementine*, 387; GILBERT 6, 793; Sarah Churchill, *A Thread in the Tapestry* (London, 1967), 56–57; *Time*, 9/30/40.

⁴⁸⁸ Thompson, *Assignment: Churchill*, 129; WM/Jock Colville, 10/14/80.

⁴⁸⁹ WM/Lord Geoffrey Lloyd, 11/27/80.

«цивилизованным противником». Если немцы захватят меня, они «быстро разделяются» со мной, так почему я должен «проявлять к ним милосердие», в сердцах крикнул Черчилль⁴⁹⁰.

Геббельс попытался использовать тренировочные стрельбы Черчилля в пропагандистских целях. Он достал фотографию Черчилля, которая обошла все британские газеты – Черчилль в костюме в полоску, с сигарой, зажатой в зубах, держит в руках пистолет-пулемет Томпсона с барабанным магазином (любимое оружие американских гангстеров)⁴⁹¹.

Немцы выпустили листовку с фотографией, под которой была надпись: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПО ОБВИНЕНИЮ В УБИЙСТВЕ. ГАНГСТЕР, КОТОРОГО ВЫ ВИДИТЕ НА ЭТОЙ ФОТОГРАФИИ, ПОДСТРЕКАЕТ ВАС СОБСТВЕННЫМ ПРИМЕРОМ УЧАСТВОВАТЬ В ВОЙНЕ, В КОТОРОЙ ВЕДУЩЕЕ МЕСТО ОТВЕДЕНО ЖЕНЩИНАМ, ДЕТЯМ И МИРНЫМ ГРАЖДАНАМ». Тысячи листовок были сброшены над Великобританией. Но вскоре Геббельс понял, что добился «обратного эффекта» – популярность Черчилля резко возросла, и немцы прекратили сбрасывать листовки⁴⁹².

Во время воздушных налетов Черчилль, был ли он в «номере 10» или в Чекерсе, вел себя как подобало мужчине эпохи королевы Виктории, демонстративно пренебрегая опасностью. Он презирал опасность. «Смелость – главное человеческое качество уже потому, что гарантирует все остальные», – говорил Черчилль. В один из октябрьских дней он сидел в кабинете, когда помощники сообщили ему, что неразорвавшаяся двухтонная бомба в парке Сент-Джеймс угрожает всем на Даунинг-стрит. Черчилль поднял глаза от документов и сказал, что надеется, утки в парке не пострадают. Колвилл вспоминал, как во время одного налета они с Черчиллем переходили из «номера 10» в убежище. «Когда мы через арку вышли на улицу Короля Карла, то услышали свист двух падающих бомб. Я нырнул обратно под арку; бомба разорвалась на Уайтхолл. Черчилль между тем быстро шагнул посередине улицы Короля Карла, воинственно вздернув подбородок и помогая себе при ходьбе тростью с золотым набалдашником. Мне пришлось бежать, чтобы догнать его... Я уверен, что при кораблекрушении он последним ступит в спасательную шлюпку»⁴⁹³.

Он любил наблюдать за появлением вражеских бомбардировщиков и наслаждался звуками падающих и взрывающихся бомб и треском зенитных орудий. Он наслаждался этим спектаклем. Сорок лет назад Черчилль язвительно заметил, что «ничто в жизни так не воодушевляет, как то, что в тебя стреляли и промахнулись». При звуках сирены Черчилль мог остаться в метро или наблюдать за налетом. Он выбирал последнее⁴⁹⁴.

Его выходы вызывали беспокойство Клементины, его кабинета и телохранителей. Инспектор Томпсон считал, что настойчивость, с которой Черчилль подвергал себя опасности, у него от Мальборо. При первом звуке сирены Черчилль надевал свою оловянную шляпу – так он называл стальную каску – и в «костюме сирены» или в одном из своих ярких халатов, а иногда и в том и в другом, выходил из убежища и поднимался на крышу или, если был в Чекерсе, выходил в сад, где ждал появления врага, или, как он любил говорить, «гулял под луной и смотрел фейерверк». Ему было очень неудобно в каске; когда он пристально смотрел

---

⁴⁹⁰ WM/Jock Colville, 10/14/80.

⁴⁹¹ Изобретение полковника Томпсона на протяжении многих лет оставалось любимой игрушкой многих сильных мира сего. История гласит, что именно из пистолета-пулемета Томпсона 45-го калибра знаменитый чикагский гангстер Аль-Капоне расстрелял своего первого босса. Томми-ганы стали основными участниками нашествие на все Штаты «Бойни в День святого Валентина» 14 февраля 1929 года в Чикаго. Это оружие может по праву считаться символом Америки 20–30-х годов – периода сухого закона и гангстерских войн. Название томми-ган (Tommy Gun) было придумано самим Томпсоном исключительно в рекламных целях и даже зарегистрировано в Trade Mark division of the Patent Office. Однако оно так легко вошло в гангстерский сленг, что авторство приписали самим гангстерам. Изначально Томпсон создавал свое оружие для армии США, однако имя и славу ему принесли мафиозные разборки.

⁴⁹² Mosley, *Battle of Britain*, 121.

⁴⁹³ WM/Jock Colville, 10/14/80; Wheeler-Bennett, *Action*, 118.

⁴⁹⁴ Churchill, *Early Life* («being shot at without result»).

в небо, она сползала на глаза, и он зашвыривал ее в кусты. Он мог жевать незажженную сигару, а мог и курить, вопреки всем правилам, запрещавшим курить по время воздушных налетов. Он не обращал внимания на правила, если считал, что в этом нет необходимости. Камердинер, пытаясь помешать Черчиллю выходить во время налетов, спрятал его ботинки. Черчилль потребовал, чтобы их вернули. «Чтоб ты знал, – сказал он, – когда я был ребенком, няня никогда не могла помешать мне пойти гулять в сад, если я этого хотел. И Адольф Гитлер, конечно, не помешает мне это сделать»⁴⁹⁵.

Его любимым местом, с которого можно было смотреть фейерверк, была плоская крыша казначейства. С крыши этого здания, расположенного напротив парка Сент-Джеймс, открывался великолепный вид на Лондон. Там, отложив противогаз, вооружившись сигарой и биноклем, он наблюдал за взрывами бомб. Он считал, через сколько секунд до него долетит звук упавшей бомбы. Пять секунд, одна миля. Его было очень трудно уговорить уйти с крыши⁴⁹⁶.

Если он уходил с крыши, то требовал, чтобы помощники определили район бомбежки и подогнали машину, чтобы он мог поехать и осмотреть место действия. Во время одной из таких поездок взрывная волна от разорвавшейся поблизости бомбы подняла в воздух машину, в которой ехал Черчилль. Опустившись на землю, машина несколько ярдов проехала на двух колесах. Когда она наконец приняла нормальное положение, Черчилль сказал, что это только благодаря «моей туше». В другой раз Черчилль, министр труда Эрнест Бевин, Исмей и Джок Колвилл поехали в бронированном автомобиле. Все были изрядно под хмельком. Местом назначения был Рейнес-парк, где они надеялись увидеть зенитные орудия в действии. Полицейский остановил их машину, чтобы арестовать за езду со слишком ярким светом. «Go to Hell!» («Иди к черту!»), – выкрикнул один из пассажиров. Это не мог быть Бевин, поскольку он, родившись в деревне в Западной Англии и получив образование в государственной школе, произносил слова так, как было принято там, где он жил, пропуская гласные в словах. Он бы крикнул не «Go to Hell», а «G' to 'ell». Значит, это кто-то другой сказал констеблю, куда он должен идти. Колвилл был слишком молодым, Исмей – слишком вежливым. Остается всего один, кто мог послать бдительного констебля. Как бы то ни было, но они доехали до парка. Орудия молчали. Шел дождь, немецких самолетов не было, и Черчилль зашел в офицерскую столовую, где, потягивая виски с содовой, стал дожидаться фейерверка⁴⁹⁷.

Инспектор Томпсон мало что мог сделать во время воздушных налетов, чтобы защитить премьер-министра от его собственных безрассудных поступков. В двух случаях на Уайтхолле Томпсону пришлось вытолкнуть Черчилля за дверь, когда рядом упали бомбы. В обоих случаях некоторые люди Томпсона были ранены. Черчилль, вне себя от гнева, не заметил раненых. Он «сквернословил, трясся и топал». «Не смей так делать!», – проорал он. Остальную часть «потока безобразных звуков», издаваемых Черчиллем, он не смог расшифровать. Проклятия, которыми осыпал его разъяренный Черчилль, можно охарактеризовать не иначе, как «преступление против языка», написал Томпсон. Подобные вспышки были известны всем, кто работал с премьер-министром, от начальников штабов до секретарей. Но Томпсон не остался в долгу; он заявил Черчиллю, что тот ведет себя «эгоистично и глупо». Успокоившись, Черчилль, не извинившись, объяснил, почему создает опасные ситуации для Томпсона: «Я бы так не поступал, но знаю, как тебе это нравится». Последнее слово всегда оставалось за ним. После подобных сцен неизменно следовал продолжительный пристальный взгляд, говоривший о том, что вопрос закрыт, но только на его условиях. Что касается отношения Черчилля к профессиональным советам Томпсона, то с воем сирен он опять высказывал за дверь и поднимался

---

⁴⁹⁵ Thompson, *Assignment: Churchill*, 211.

⁴⁹⁶ Thompson, *Assignment: Churchill*, 210–11.

⁴⁹⁷ Colville, *Fringes*, 278; Dean Acheson, *Sketches from Life of Men I Have Known* (New York, 1959), 3, 17.

на крышу. Свое поведение он объяснял следующим образом: «Когда должен прийти мой час, тогда он и придет»⁴⁹⁸.

Как-то вечером в начале октября, после позднего обеда в «номере 10» и зная, что на следующий день он должен выступать в палате общин, Черчилль, вместо того чтобы пойти спать, как сделало бы большинство шестидесятипятилетних мужчин, обремененных тяжелыми обязанностями, развил бурную деятельность. Как вспоминал сэр Фредерик Пайл, командующий зенитной артиллерией, сначала они поехали в Ричмонд, где грохотали пушки и падали бомбы. Черчилль, как всегда, отказался от каски. Примерно в одиннадцать ему доложили, что на аэродроме Биггин-Хилл готова для демонстрации новая система – управляемые радаром прожекторы. Черчилль не захотел уезжать из Ричмонда. «Звук этих орудий бодрит меня, я испытываю сильные чувства», – объяснил он Пайлу. Его все-таки удалось уговорить двинуться дальше, они сели в машину Пайла и сразу же потерялись. Через два часа блуждания в полной темноте по улицам они наконец добрались в назначенное место; немцы продолжали бомбить город – «Для меня это были наихудшие часы за всю войну», – написал Пайл. Ночь была дождливой и холодной, Черчилль попросил виски с содовой. Командир прожекторного подразделения ответил, что шансов достать здесь виски столько же, сколько воды в Сахаре, но он пошлет кого-нибудь в столовую, расположенную в 10 милях отсюда. Радар не работал, но виски принесли, правда без содовой. Старик отпил глоток, сморщился и сказал: «Боже, меня отравили. Это чистый виски»⁴⁹⁹.

Демонстрацию воздушных мин тоже отменили, и Черчилль отправился домой. Бомбардировка продолжалась. К «номеру 10» они подъехали примерно в половине пятого утра. Черчилль вышел из машины, постучал в дверь тростью с золотым набалдашником и объявил: «Геринг и Геббельс пришли отчитаться». Он предложил Пайлу зайти перекусить сардинами и «Боврилом»⁵⁰⁰.

Но полная ложка «Боврила», залитого кипятком, в высоком стакане с каплей хереса была традиционным средством против лондонских холодов, а в сочетании с консервированными сардинами – основным продуктом питания британцев в годы войны. Черчилль с Пайлом закусили, и на рассвете Пайл удалился. Спустя несколько часов Черчилль, выглядевший неплохо после бессонной ночи, отправился в палату общин⁵⁰¹. Личный врач Черчилля, Чарльз Уилсон, был среди тех, кого крайне тревожили поездки Черчилля во время налетов. Уилсон вспоминал, что летом и осенью 1940 года регулярно навещал Черчилля. Блиц продолжался, и Черчилль вызывал сильное беспокойство у врача. «Я наблюдал за ним, когда он вошел в свою комнату, – написал Уилсон, – хмуро глядя в пол, лицо мрачное, вид решительный, челюсти плотно сжаты... он нес на себе тяжесть всего мира и задавался вопросом, как долго он сможет выдерживать это и что можно сделать»⁵⁰².

Его поездки во время бомбежек были просто лекарством, которые он сам себе прописал. В ноябре Гарольд Николсон отметил, что у Черчилля появился здоровый румянец. «Он, похоже, стал лучше себя чувствовать. Щеки порозовели». Но особенно его поразили глаза Черчилля. Веки не носили следов усталости, под глазами не было ни мешков, ни морщин. «Но

---

⁴⁹⁸ Thompson, *Assignment: Churchill*, 211.

⁴⁹⁹ Cv/2, 907–8.

⁵⁰⁰ Согласно официальной истории «Боврила», причиной его возникновения был выигрыш уроженцем Шотландии Джоном Лоусоном Джонстоном во время Франко-прусской войны контракта на поставку миллиона банок говяжьих консервов для французской армии, когда Наполеон III вдруг выяснил, что его войска не могут «маршировать на пустой желудок». Новый продукт первоначально назывался «Жидкая говядина Джонстона». В 1884 году Джонстон начал производить свою концентрированную «жидкую говядину» под названием «Боврил». Концентрат расфасовывался в бутылочки и при употреблении разводился в горячей воде, добавлялся в качестве приправы или намазывался на хлеб (из книги Светозара Чернова «Бейкер-стрит и окрестности»).

⁵⁰¹ Cv/2, 907–8.

⁵⁰² Moran, *Diaries*, 9.

сами глаза серо-голубые, внимательные, сердитые, мечтательные и печальные... были глазами крайне озабоченного человека». Он *был* поглощен мыслями – о Гитлере, американцах и ночных бомбежках. Однако он был убежден, что все закончится на его условиях. Несмотря на опасности, поражения и мрачные перспективы выживания Великобритании, он был доволен. Не имея возможности заниматься делами, которые доставляли ему удовольствие, – рисовать и укладывать ряд за рядом красные кентские кирпичи в саду в Чартвелле, – он нашел новый источник радости. Причина румянца, отмеченного Николсоном, крылась в новом времяпрепровождении Черчилля, в фейерверках⁵⁰³.

Его любовь к ночным поездкам не следует истолковывать как любовь к войне. Он ненавидел кровавую бойню войны. В 1898 году в сражении при Омдурмане в последней крупной кавалерийской атаке в британской истории Черчилль был вооружен маузером. В течение двух минут кровавого хаоса он застрелил по крайней мере трех дервишей. Из Судана он посылал письма матери, в которых называл войну «грязным делом». «Можно позолотить ее, но сквозь позолоту она проступит без прикрас», – написал он. Что касается войны, написал он в 1940 году, то «теперь все население, включая даже женщин и детей, противостоят друг другу в жестоком взаимном истреблении, и только близоруким клеркам позволено видеть списки погибших». Полезность войны – особый вопрос. Те, кто говорят, что войны ничего не решают, сказал он Колвиллу, говорят ерунду, поскольку все в истории улаживалось только с помощью войны. Когда стоял вопрос о сохранении большинства гуманистических традиций Запада, ответ, несмотря на весь ее ужас, давала война⁵⁰⁴.

Инспектор Томпсон не мог помешать своему подопечному во время бомбежек подниматься на крыши, но он мог принять меры против убийства Черчилля. Понимая, что со времен его юности правила джентльменской войны претерпели изменения, Черчилль сказал Колвиллу: «Если позволено бомбить глав государств, то можно и стрелять в них?» Томпсон сосредоточил внимание на двух основных источниках опасности: коммандос и нацеленных воздушных налетах истребителей-бомбардировщиков. Прицельная бомбардировка Чекерса могла и не привести к гибели Черчилля, но Томпсон хотел полностью исключить эту возможность. Для того чтобы не допустить проникновения в Чекерс парашютистов, он расставил полицейских, местных и из Лондона, по всей территории, на крышах и в надворных постройках. Солдаты тоже были привлечены. Часовые стояли у ворот и патрулировали территорию. Пароли постоянно менялись. Каждая группа патрулировала определенный участок территории и в течение ночи время от времени, буквально на несколько секунд, освещали электрическими фонариками вверенную территорию, чтобы проверить, нет ли посторонних. Томпсон старался принять все возможные меры предосторожности. Этот заведенный порядок раздражал Черчилля. Вместе с ним война пришла в его сады. Она разрушила очарование. Создала атмосферу недоверия и подозрительности⁵⁰⁵.

В небе кружились немецкие самолеты-разведчики, делая фотографии. «Хейнкели», летевшие в Лондон или из него, постоянно сбрасывали бомбы в опасной близости. Земля в Чекерсе была усеяна воронками от бомб, так что ни о каком случайном совпадении и речи не шло; понятно, что целью был дом. Использование немцами системы наведения по радиолучу заставило Черчилля задуматься о степени защищенности Чекерса. Он сказал Колвиллу, что готов рисковать, но не хотел бы стать «жертвой неправильных расчетов». Для того чтобы не стать жертвой неправильных расчетов, сказал Томпсон Черчиллю, с этого момента он должен делать то, о чем ему давно говорят, – ночевать в бомбоубежище. Черчилль ответил, что будет подчиняться требованиям, когда сочтет, что это действительно стоит делать. Это означало,

---

⁵⁰³ TWY, 127.

⁵⁰⁴ Randolph S. Churchill, *Winston S. Churchill: Youth, 1874–1900* (Boston, 1996), 400, 410; Colville, *Fringes*, 273.

⁵⁰⁵ Colville, *Fringes*, 291; Thompson, *Assignment: Churchill*, 170–75.

написал Томпсон, что он «будет поступать как захочет, оставаться снаружи и наблюдать за небом». Морскому пехотинцу, который, вторя Томпсону, сказал о необходимости соблюдать осторожность, Черчилль ответил: «Дайте мне знать, когда они начнут сбрасывать бомбы»⁵⁰⁶.

В лунные ночи Чекерс был особенно не защищен от нападений с воздуха. С целью по возможности уберечь Черчилля, было предложено проводить выходные дни в Дитчли-Парке, графство Оксфордшир, в доме Нэнси и Ронни Три. Их дом, окруженный деревьями, находился в 30 милях к западу от Чекерса, вдали от маршрутов немецких самолетов. Нэнси и Ронни были наполовину американцами. Ронни вырос в Великобритании, а Нэнси в Ричмонде, штат Виргиния; она была вдовой Генри Филда – он был родом из Чикаго, из известной семьи предпринимателей. Ронни не был близким другом Черчилля, но, являясь членом парламента от Лестершира, давно поддерживал идею перевооружения, чем заслужил уважение премьер-министра. Дитчли-Парк находился всего в нескольких милях от Бленхейма, родового имения герцогов Мальборо. Первое посещение Дитчли пришлось на субботу, 9 ноября, – было полнолуние. Нэнси написала Черчиллю короткую записку, в которой предлагала «пользоваться домом как своим собственным» в любое удобное для него время. Она, вероятно, не знала, что Черчилль не путешествует в одиночку. Дитчли заполнился до отказа⁵⁰⁷.

Выходные, и в Дитчли, и в Чекерсе, начинались в соответствии с установленным порядком, как правило днем в пятницу, иногда в субботу утром. Сначала появлялись один или два полицейских из числа телохранителей Черчилля, чтобы осмотреть дом с чердака до подвала. Затем приезжали камердинер и горничная с огромным количеством багажа. Следом на грузовике подъезжал взвод солдат (35 человек), чтобы охранять Великого человека в течение ночи. За ними следовали личные секретари, стенографистки и гости; часто приезжали Профессор, Брекен и брат Джек. И наконец вечером появлялись Клементина с Уинстоном. Не успев появиться, он тут же требовал приготовить ему горячую ванну и мог пройти из своей гардеробной в ванную нагишом, к ужасу машинисток, недавно принятых на работу. По субботам и воскресеньям он оставался в постели до полудня, работая и диктуя, имея под рукой запас родниковой воды из Малверна. Затем был плотный завтрак, следом небольшая (но, конечно, не всегда) прогулка, после которой чай или, что более вероятно, виски. До половины седьмого он опять работал, после чего дремал в компании с грелкой. В 20:00 – обед. Хотя британцам теперь было трудно достать хорошее мясо, оно все же находило путь к столу Черчилля. Но на столе не было любимых им деликатесов, таких как свежие устрицы, черные трюфели, икра. Все британцы, включая Черчилля, испытывали недостаток продовольствия. Теперь его еда была не столь разнообразна, как обычно.

За ужином разговоры велись под шампанское. Каждую ночь из подвалов приносили шампанское Pol Roger (Черчилль отдавал предпочтение этому напитку урожая 1928 года)⁵⁰⁸.

За столом всегда господствовал Черчилль. Разговор с ним, написал его врач, был подобен игре в крикет: он бил битой, все остальные ловили. «Уинстон говорит, чтобы развлечься; он не думает о том, чтобы произвести на кого-то впечатление... Ему не требуется помощь, по крайней мере от женщин»⁵⁰⁹.

После ужина наступало время для бренди, портвейна, сигар и фильмов. Первые показы состоялись в Дитчли. Среди любимых фильмов Черчилля были «Великий диктатор», премьера

---

⁵⁰⁶ WM/John Colville, 10/14/80; Thompson, *Assignment: Churchill*, 174.

⁵⁰⁷ Soames, *Clementine*, 386; Danchev and Todman, *War Diaries*, 123; Cv/2, 1069.

⁵⁰⁸ Французский винодельческий дом шампанских вин, один из последних великих винодельческих домов Шампани, находящийся в семейном управлении наследников Поля Роже и сохранивший свою независимость. В 1900 году французские власти положительно отнеслись к просьбе братьев использовать имя отца в своей фамилии, чтобы увековечить его память. С тех пор члены семьи носят фамилию Поль-Роже. Сэр Уинстон Черчилль считается безоговорочным поклонником этой марки шампанского. Он более 20 лет был в добрых дружеских отношениях с Одетт Поль-Роже, и в его память дом Pol Roger с 1984 года выпускает свой престижный кюве под названием Sir Winston Churchill.

⁵⁰⁹ Colville, *Fringes*, 319; Moran, *Diaries*, 336; WM/Lord Soames (Pol Roger), 1980.

которого состоялась в октябре 1940 года, и «Унесенные ветром». Черчилль был по-мальчишески влюблен в Вивьен Ли, исполнительницу роли Скарлетт О'Хара. Его «покорила», сказал он, «сила чувств и переживаний» героев «Унесенных ветром». Оказалось, что этот фильм был одним из любимых фильмов Гитлера (наряду с фильмом *It Happened One Night* («Это случилось однажды ночью»))⁵¹⁰.

Выходные, проведенные с семьей и друзьями в Чекерсе или Дитчли, были для него источником неиссякаемого оптимизма. Мрачные мысли он оставлял при себе. Как-то вечером обед с Клементиной и Памелой проходил в молчании, каждый был погружен в свои мысли. Вдруг Черчилль, подняв голову и сделав выпад ножом как рапирой, заявил, что, когда наступит время, он надеется, они выполнят свой долг и заберут с собой одного-двух гуннов. «Но, – возразила Памела, – я не умею стрелять». Черчилль кивнул в сторону кухни. «Там есть ножи для разделки мяса, – прорычал он. – Возьмешь один и пустишь в дело. Ты всегда можешь забрать с собой одного гунна». Если немцы все-таки вторгнутся в Великобританию, позже сказал он, то «всегда можно взять одного с собой» – эти слова станут его лозунгом⁵¹¹.

В течение осени на Лондон было сброшено огромное количество бомб: маленькие зажигательные и двухтонные «мины», спущенные на парашютах, которые уничтожали все и вся в радиусе тысячи ярдов; фугасные бомбы и бомбы, оснащенные взрывателем с временной задержкой. В безоблачную лунную ночь с 14 на 15 октября немцы сбросили тысячи зажигательных бомб, что привело к катастрофическим последствиям для Лондона. В результате прямого попадания была разрушена станция метро «Балхам», где нашли убежище 650 человек; вход на станцию завалило; из-за прорыва водопроводных и канализационных сетей станцию затопило. Погибло по крайней мере шестьдесят лондонцев. Площадь Лестер-сквер превратилась в пустыню. Сильно пострадала улица Пэлл-Мэлл, был разрушен Carlton Club, Travellers Club, члены клуба оказались в западне. «Номер 10» пострадал еще сильнее в результате очередного попадания в казначейство.

В ту ночь более 400 немецких средних бомбардировщиков сбросили более 70 тысяч зажигательных средств на Лондон; разгорелось 900 пожаров. Теперь команду «в подвалы» во время налетов пришлось заменить командой «на крыши», где сообразительные домовладельцы держали ведра с песком и, действуя быстро, могли потушить очаг возгорания. Зажигательные бомбы заставили произвести изменения в системе пожаротушения. Почти 1400 местных пожарных команд были объединены в государственную пожарную службу; была разработана единая система обучения и тренировок и введена единая форма – мундир и брюки темно-синего цвета. Их обязанность заключалась в том, чтобы сидеть на крыше одному; из средств защиты у пожарного была только каска. Черчилль предвидел возможность полного разрушения города, но его вера в лондонцев оставалась незыблемой: «Скоро многие бомбы стали падать только на уже разрушенные дома и лишь подбрасывали в воздух старые развалины. На обширных пространствах уже нечего было жечь и разрушать, и все же люди устраивали себе там жилища и продолжали работать с необыкновенной изобретательностью и упорством»⁵¹².

В этих условиях требовалось сохранять самообладание. Один человек с ведром песка мог справиться с зажигательной бомбой, но куда сложнее и опаснее было избавляться от невзорвавшихся бомб. Этим занимался корпус королевских инженеров. В своей работе по обезвреживанию и уничтожению бомб они пользовались простыми инструментами: дрелью, гаечным ключом и катушкой с веревкой. Получив доступ к взрывателю с помощью ключа и дрели, инженеры привязывали веревку к детонару, затем, разматывая веревку, отходили на безопасное расстоя-

---

⁵¹⁰ Colville, *Fringes*, 319; Shirer, *Berlin Diary*, 468.

⁵¹¹ PFR/Winston S. Churchill, 3/04.

⁵¹² Colville, *Fringes*, 267; Sheppard, *London*, 336; WSC 2, 370–72; Gilbert, *Second World War*, 132.

ние и, дернув за веревку, вытаскивали детонатор. В обычных обстоятельствах обезвреженную бомбу отвезли бы на грузовике на болота Хакни, чтобы там взорвать. Но о каких обычных обстоятельствах могла идти речь, если сотни неразорвавшихся бомб лежали на крышах, в подвалах, на железнодорожных путях. 800-фунтовая бомба упала перед входом в собор Святого Павла и глубоко ушла в землю. В течение нескольких часов ее осторожно вытаскивали, затем отвезли на болота и взорвали; на месте взрыва осталась воронка шириной 100 футов. Одна бомба спустилась на парашюте на железнодорожный мост Хангерфорд, соединяющий берега Темзы. Она не взорвалась, но прилипла к рельсам. Геринг душил Великобританию всеми мыслимыми и немыслимыми способами⁵¹³.

Неразорвавшиеся немецкие (и британские) бомбы составляли почти 20 процентов, но они отрезали большие участки железнодорожных путей, железнодорожные узлы, блокировали дороги и аэропорты, как и бомбы, оснащенные взрывателем с временной задержкой; в неделю сбрасывалось 3 тысячи тех и других. Они создавали столько проблем, что Черчилль приказал военному министру и министру снабжения в срочном порядке решить вопрос с обезвреживанием неразорвавшихся бомб. Со свойственной ему привычкой вникать в детали он сказал Энтони Идену, что узнал об американском буре для рытья траншей, с помощью которого можно вырыть траншею, на которую несколько человек вручную потратят два-три дня, всего за несколько часов. «Думаю, вам следует обсудить вопрос относительно заказа этих приспособлений для групп по обезвреживанию бомб. Суть дела в том, чтобы как можно быстрее достать и обезвредить бомбу»⁵¹⁴.

Однако добраться до неразорвавшейся бомбы было только первым шагом к обезвреживанию и уничтожению, который зачастую оказывался смертельным. Немецкие инженеры оснащали бомбы разными типами взрывателей, в том числе взрывателями-ловушками. Ловушки предназначались для того, чтобы вызвать срабатывание взрывателя от последующих внешних воздействий после падения авиабомбы. Обычно ловушками снабжались взрыватели замедленного действия, чтобы затруднить их обезвреживание. Срабатывать ловушки могли от самых разнообразных внешних воздействий: от сотрясения авиабомбы, при плавном изменении первоначального положения, при попытке вывернуть или извлечь взрыватель. Это, сказал Черчилль, «самое эффективное средство во время войны вследствие создаваемой временной неопределенности». Команды по обезвреживанию бомб знали, что если, приложив ухо к корпусу бомбы они услышали характерный звук таймера, у них оставалось менее пятнадцати секунд, чтобы найти укрытие. Самые мощные бомбы не оставляли никаких шансов на успешный исход. Позже Черчилль написал: «В сочинениях о наших трудных временах мы склонны злоупотреблять словом «самоотверженные». Его следует оставить для команд по обезвреживанию бомб»⁵¹⁵.

Несмотря на просьбы Клементины быть с сотрудниками помягче, Черчилль продолжал ворчать и злиться на подчиненных, вел себя бесцеремонно и часто придирался по мелочам. Как-то ночью Колвилл сообщил Черчиллю о двух неразорвавшихся бомбах на плац-параде Конной гвардии. «Они причинят нам ущерб, когда взорвутся?» – спросил лежавший в постели Черчилль. «Нет, – ответил Колвилл. «Если это всего лишь ваше мнение, то оно ничего не стоит. Вы никогда не видели, как взрывается неразорвавшаяся бомба. Меня интересует официальное сообщение». Он уделял внимание каждой мелочи. Как-то Черчилль заметил, что от флага на адмиралтействе остались одни лохмотья. Он написал первому лорду: «Уверен, вы можете заменить флаг над адмиралтейством. На меня производит гнетущее впечатление, когда

---

⁵¹³ Ziegler, *London at War*, 119–20.

⁵¹⁴ WSC 2, 360–61.

⁵¹⁵ WSC 2, 360–61.

я вижу этот потрепанный лоскут ткани каждое утро». Он жаловался на задержки, когда их не было, в последнюю минуту менял тщательно подготовленные планы и постоянно требовал от перегруженных работой сотрудников обеспечения личных удобств. Стуки во время укрепления «номера 10» приводили к вспышкам ярости. Его выводили из себя многие звуки. Бренчание колокольчика на шее коровы сводило его с ума. Во время пикников на природе секретари боялись, что может появиться корова, а еще хуже – стадо коров с колокольчиками, когда Стрик собирается с мыслями. Если кому-то приходило в голову засвистеть в его присутствии, незамедлительно следовала столь бурная реакция, что помощники терялись в догадках, что творится у него в голове. Он издал приказ, запрещающий членам правительства свистеть в коридорах. Когда он слышал свист, прогуливаясь по парку Сент-Джеймс, идя по Уайтхоллу, или в любом другом месте, в любое время, он останавливал нарушителя – даже если это был маленький мальчик – и требовал немедленно прекратить свистеть. Его ненависть к свисту, сказал Черчилль, единственное, что у них общее с Гитлером⁵¹⁶.

Когда после приказа Черчилля прекратить стучать рабочие возобновили прерванную работу по установке защитных барьеров на Уайтхолле, премьер-министр чуть не лишился чувств. Его буйное поведение, написал Колвилл, можно объяснить катастрофами в Норвегии и Дюнкерке, потерями кораблей в Атлантике, угрозой вторжения. Но иногда, когда его сотрудники, особенно после получения неутешительной информации разведслужб, ожидали гневную вспышку, Черчилль удивлял их своим спокойствием. Исмей вспоминал августовское совещание, на котором обсуждалась роль флота метрополии в случае вторжения. Главнокомандующий флотом метрополии, адмирал Чарльз Форбс, сказал, что в случае вторжения его самые большие корабли не будут действовать к югу от Уэльса. Англия находилась в критическом положении, и ожидалось, что предложение спасти флот, проиграв войну, конечно, вызовет возмущение Черчилля. Исмей, слегка озадаченный заявлением Форбса, ожидал неизбежного взрыва. Его не последовало. Черчилль молча выслушал адмирала. Затем, глядя поверх очков со снисходительной улыбкой, он заявил, что никогда не замечал, чтобы Королевский флот обговаривал что-то заранее, потому что знает, что флот, когда начнутся боевые действия, не испытает ни секунды сомнений и предпримет все возможные усилия, если этого потребует ситуация, а она, конечно, потребует, если немцы переправятся через Канал⁵¹⁷.

Если от советов камердинеров и телохранителей можно было отмахнуться, не вдаваясь в объяснения, то советы высших должностных лиц требовалось по крайней мере обсуждать, проявляя здравомыслие, хотя конечный результат обычно был одним и тем же: Черчилль добивался своего. Октябрьский разговор с генералом Аланом Бруком свернул на тему о местопребывании генерала Перси Клегхорна Стенли Хобарта, танкового гения, ведущего себя непредсказуемо, чьи услуги были не востребованы. Хобо, как называли Хобарта танкисты, вышел в отставку и служил капралом в Родной гвардии. Брук считал, вспоминал Колвилл, что Хобарт слишком сумасбродный, чтобы призывать его из запаса, но Черчилль, цитируя генерала Вольфа, размахивавшего мечом, стоя на стуле перед премьер-министром Питом, заявил: «Вы не можете ожидать, что гений будет следовать общепринятым правилам поведения». Спустя несколько дней Черчилль встретился с Хобартом, который произвел на него хорошее впечатление. Черчилль потребовал, чтобы генерал Дилл, начальник имперского Генерального штаба, предоставил Хобарту командование танковой дивизией на этой неделе, если не в тот же день. «Запомните, – сказал Черчилль Диллу, – не только хорошие мальчики помогают выигрывать войны, но также подхалимы и подлецы». Дилл подчинился приказу, но возразил, что Хобарт «нетерпелив, вспыльчив, импульсивен, нетерпим и склонен принимать желаемое за действительное».

---

⁵¹⁶ WM/Cecily («Chips») Gemmell, 7/10/80; Thompson, *Assignment: Churchill*, 183; Colville, *Fringes*, 243; WM/John Colville, 10/14/80.

⁵¹⁷ Ismay, *Memoirs*, 188–89.

тельное». Характеристика устроила Черчилля. Хобарт получил дивизию, фактически две. Спустя три года «игрушки» Хобарта – огнеметные танки «крокодилы» и танки-заградители, очищавшие дорогу от мин, – одними из первых бронемашин высалятся на побережье Нормандии. К тому времени Хобарт был уже посвящен в рыцари за услуги, оказанные короне⁵¹⁸.

В конце октября, пишет Колвилл, когда вторжение уже не казалось неминуемым, Черчилль частично изменил свое поведение. После вспышек, которые еще частенько случались, следовали не явные извинения, а щедрая оценка положительных качеств, таким образом потерпевшая сторона уходила, не утратив достоинства. Самые свирепые эпитеты он оставлял для врага. «Я не испытывал ненависти к немцам во время последней войны, – сказал он Исмею, – но теперь я ненавижу их, как... ухвертку». Во время завтрака в Чекерсе он сказал, что «живой гунн – война в перспективе». Парашютные мины, отметил Колвилл, подвигли его на такое высказывание: «Становится все меньше и меньше доброжелательности к немцам». Однако его ненависть к немцам в целом несколько смягчалась, когда речь шла об отдельном солдате, моряке или летчике. Когда сэр Хью Даудинг выступил за стрельбу по немецким летчикам, прыгающим с парашютом, Черчилль не согласился, сказав, что летчики, прыгающие с парашютом, «как матросы, тонущие в море»⁵¹⁹.

Его было легко довести до слез. Черчилль мог заплакать при виде старого лондонца, бродящего среди дымящихся развалин своего дома; во время просмотра фильмов; из-за успехов – и неудач – его детей; во время крещения, когда пел хор. Хороший политик может использовать подобную чувствительность для дела, а он был опытным политиком. Ни один лидер на мировой сцене в то время не отваживался так часто вытирать слезы. А Черчилль мог. Простые горожане и пэры рассматривали проявление эмоций как доказательство глубины силы характера Черчилля, а не его слабости. Его правительство, единое и решительное, изменило прошлую политику. Каждое его слово, каждая слеза, каждый сердитый взгляд в ту страшную осень воспринимались как искренность Черчилля, для которого не существовало иной политики, кроме политики выживания.

В октябре Черчилль согласился возглавить Консервативную партию. Чемберлен, у которого обнаружили рак, в начале октября ушел из правительства, оставив тори без лидера. Черчиллю предложили занять пост лидера партии. Он согласился занять этот пост, как ни отговаривала его Клементина, правильно предсказавшая, что муж лишится большинства избирателей, которые видят в нем «выразителя мнения страны, вне зависимости от партийной принадлежности». Но если не он, то кто? Такого человека не было. Лидером мог быть или Черчилль, или какая-то столь незначительная личность, которая оставалась бы в тени Черчилля, потому что он уже был лидером – партии, Великобритании, империи. К тому же в свое время его отец, лорд Рэндольф, стремился занять этот пост, но потерпел неудачу. Черчилль, возможно, дав согласие занять этот пост, думал скорее об отце, чем о политических последствиях. Учитывая его сложные отношения с тори на протяжении многих лет, у него появлялась возможность взять верх над бывшими противниками. Всего год назад, в письме Клементины, он критиковал этих «грязных тори, которым хотелось бы изгнать меня из партии», потому что он имел смелость выступить против миротворцев⁵²⁰.

Мэри написала, что у отца с матерью были споры по этому вопросу. В конечном счете он занял пост. Колвилл не придавал особого значения решению Черчилля стать лидером тори. Он написал в дневнике: «Премьер-министр пошел на собрание Консервативной партии, чтобы принять руководство партией». Черчилль, занимая чисто политический пост, попытался в

---

⁵¹⁸ Colville, *Fringes*, 262, 275; GILBERT 6, 862; ChP 20/13.

⁵¹⁹ Colville, *Fringes*, 264, 280–81.

⁵²⁰ GILBERT 6, 835.

приветственном слове не касаться политики, умный ход, обреченный на неудачу, поскольку рядом не было посторонних, которые могли бы оценить тонкости ораторского искусства. Он возглавил партию, объяснил Черчилль своим товарищам по партии, чтобы сохранить «величие Великобритании, империи и определенную историей нашу островную жизнь... Консервативная партия не позволит никакой другой партии одержать над ней верх в том, что касается жертвы партийных интересов и партийных чувств». Это был его единственный политический просчет, допущенный в ту осень, который спустя почти пять лет привел к роковым последствиям⁵²¹.

Северное море и Ла-Манш были верными союзниками Англии. Летние туманы и легкие бризы уступили место «экваториальным штормам» и в том случае, если они будут частыми и достаточно сильными, заставят немцев, как считал Черчилль, отложить вторжение, оставив десантные баржи во французских портах. Старик был того же мнения, что британские моряки, которые на протяжении веков считали, что штормовая сезонная погода связана с периодом равноденствия. К счастью для Черчилля, древние мифы не ошибались в отношении погоды на Ла-Манше. Но ночное небо не давало надежды на передышку. К концу октября несколько снизились потери гражданского населения во время ночных налетов и значительно уменьшилось количество неразорвавшихся бомб. Черчилль спросил Исмея, связано ли это с тем, что «противник перестал их сбрасывать, или с улучшением нашего способа обезвреживания и уничтожения бомб». И с тем и с другим, последовал ответ. Немецкие бомбардировщики появлялись каждую ночь, но уменьшилось количество налетов. Люфтваффе сами выдохлись. Черчилль, имея в виду Гитлера и его воздушное наступление, заявил, что «человеческие силы не беспредельны»⁵²².

London Can Take It («Лондон выстоит!»), британский пропагандистский фильм, дал возможность американцам увидеть, как мужественно ведут себя лондонцы в своем сожженном городе. К концу ноября фильм шел в 12 тысячах американских кинотеатрах. Чарльз Линдберг – германофил, англофоб и изоляционист – из своего поместья на Лонг-Айленде высказал мнение, что подобные героические картины не повод для того, чтобы поддерживать Великобританию в борьбе, а уж тем более вступать в нее. Джо Кеннеди в том же месяце посоветовал голливудским продюсерам не делать подобных фильмов, поскольку они могут вызвать недовольство Гитлера. В конце октября и в ноябре люфтваффе бомбили другие британские города – Бирмингем, Бристоль, Шеффилд, Манчестер, Ковентри, Оксфорд, Саутгемптон и его портовые сооружения. Опрос общественного мнения, проведенный в ноябре Институтом Гэллага, выявил, что всего 13 процентов лондонцев при звуке сирены прятались в убежище, в то время как 16 тысяч человек теперь жили в метро и под железнодорожными мостами⁵²³.

27 октября Черчилль сообщил Рузвельту о серьезных финансовых проблемах и угрозе, нависшей над империей. Черчилль объяснил президенту, что только «сильнейшая концентрация наших флотилий» может отразить атаки подводных лодок и воздушные удары у западных подходов – «наш единственный оставшийся путь к выживанию». Однако, чтобы сконцентрировать эсминцы на западных подходах, флот метрополии должен был сократить свое присутствие в Северном море или сократить количество эсминцев вдоль южного побережья Англии или в обоих местах. Запасы продовольствия истощаются, потери судов вызывают серьезные опасения, поскольку в последнюю неделю октября потери достигли почти 160 тысяч тонн, цифра, которая годом раньше считалась бы катастрофической месячной потерей. Черчилль объяснил Рузвельту, что для защиты Родного острова требуется много американской техники и что

---

⁵²¹ Soames, *Clementine*, 394; Colville, *Fringes*, 259; GILBERT 6, 837.

⁵²² WCS 2, 299, 355; GILBERT 6, 886.

⁵²³ Thompson, 1940, 221–24; Ziegler, *London at War*, 240.

война, вероятно, охватит в 1941 году большие территории, включая Грецию и Турцию, подрывая и без того шаткое положение Великобритании в Восточном Средиземноморье. Свою телеграмму он закончил словами: «Дело мира в ваших руках»⁵²⁴.

Прогноз Черчилля относительно Греции оказался совершенно верным, а вот со временем он ошибся. На следующий день, 28 октября, Муссолини, не посоветовшись с Гитлером, отдал приказ одиннадцати дивизиям, включая элитную Альпийскую дивизию, вторгнуться в Грецию с территории Албании. В численном отношении итальянцы во много раз превосходили греков, имели танки, которых не было у греков, и артиллерийские орудия. Но, пишет историк Джон Киган, Муссолини оснастил свою армию «новой дорогостоящей техникой» в ущерб боевой готовности, в особенности пехоты. Кроме того, для достижения победы солдатам Муссолини не хватало кое-чего крайне важного: мотивации. Они не знали, чем руководствуется в своих действиях дуче⁵²⁵.

А все дело было в том, что Муссолини очень не любил греков и стремился утвердить влияние Италии на Балканах. Кроме того, он страстно желал показать Гитлеру, что Германия не единственная великая держава в Европе. Зять Муссолини, граф Чиано, написал в дневнике в ноябре 1939 года: «Для Муссолини невыносима сама мысль о Гитлере, ведущем войну, а тем более выигрывающем ее». Вторжение в Грецию покажет Гитлеру, что он, дуче, не *fantoccini* (марионетка). Помимо прочего, из этого можно было извлечь дополнительную выгоду – оккупация Греции обеспечит безопасные базы в непосредственной близости от британских объектов в Восточном Средиземноморье. Вторжение в Египет не принесло ожидаемых результатов: Муссолини не удалось захватить важнейшие трофеи – Александрию, Каир и Суэц. Для захвата трофеев его флот должен был вступить в полномасштабную битву с Королевским флотом. Французский флот был нейтрализован, и итальянский и британский Средиземноморские флоты были примерно равны. Итальянцы имели преимущество в подводных лодках и крупных боевых кораблях, британцы – в авианосцах, которых не было у Муссолини. Но если Муссолини стремился избежать решающей морской битвы, то Черчилль, в духе Нельсона, *приветствовал* бой. У Муссолини, казалось, были все основания надеяться на успех на море и, тем более, на суше.

В Западной пустыне итальянцы в численном отношении почти втрое превосходили британские войска под командованием Уэйвелла, и 180-тысячная итальянская армия стояла на полуострове Африканский Рог⁵²⁶.

Но превосходство в численном отношении на суше не имело никакого значения без превосходства на море. Муссолини должен был попытаться вытеснить британцев из Средиземноморья при поддержке своих военно-воздушных сил и люфтваффе. Но дуче принял самое необдуманное решение, имевшее губительные последствия (после решения присоединиться к Гитлеру). Он решил побережь свой флот и перебросить сухопутные войска в Грецию, где греки позволили итальянцам до изнеможения штурмовать горные цитадели. Гитлер узнал о наступлении Муссолини, когда ехал в бронированном поезде во Флоренцию на встречу с дуче. Поезд подошел к платформе, и Гитлер вышел из вагона на красную ковровую дорожку. Муссолини шагнул ему навстречу и объявил: «Фюрер, мы на марше! Сегодня на рассвете победоносные итальянские войска перешли греко-албанскую границу». После того как они пожали руки, первыми словами Гитлера, произнесенными спокойным тоном, были: «Последствия будут катастрофические»⁵²⁷.

---

⁵²⁴ C&R-TCC, 1:81.

⁵²⁵ John Keegan, *The Second World War* (London, 1989), 144–46.

⁵²⁶ GILBERT 6, 874–75, 877; Keegan, *Second World War*, 144–46; Cv/2, 1016.

⁵²⁷ Richard Collier, *Duce!* (New York, 1971), 179–80.

Черчилль узнал о вторжении Муссолини в Грецию утром 28 октября, когда Колвилл доложил, что итальянцы бомбили Афины. «Тогда мы должны бомбить Рим», – ответил Черчилль. Через несколько часов военный кабинет санкционировал бомбардировку Рима, не затрагивая Ватикан. «Мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы пострадал папа римский», – сказал Черчилль Колвиллу, – у него много влиятельных друзей». Хью Далтон, зная об удручающей неточности бомбометания британских бомбардировщиков, выразил надежду, что папа не пострадает. «Мне бы хотелось посоветовать старику спуститься в убежище и оставаться там в течение недели», – ответил Черчилль. Папа, возможно, имел влиятельных друзей, но Черчилль не был одним из них. Через несколько дней итальянская армия узнала, что у нее нет друзей – ни на небесах, ни на земле. Муссолини ввел в действие резервы, тем самым увеличив количество дивизий до пятнадцати, но чуть больше чем через четыре недели греки отбросили превосходящие силы итальянцев обратно в Албанию, откуда они пришли⁵²⁸.

У греков был друг: Черчилль. И у них были гарантии Великобритании: обещание оказать военную помощь в случае угрозы греческому суверенитету, данное Чемберленом в 1939 году. Теперь, когда Великобритания находилась в столь тяжелом положении, эти обещания ничего не стоили. Но только не для Черчилля. На карту поставлено выживание Греции. И хотя на карту поставлено и выживание Великобритании, но есть весьма убедительная причина для того, чтобы сдержать обещание: честь. Великобритания подвела чехов. Она не могла подвести греков. «Мы окажем вам всяческую помощь, какая только в наших силах. Мы будем сражаться против общего врага и разделим общую победу», – сказал Черчилль греческому премьер-министру Иоаннису Метаксасу, который сначала отказался из страха вызвать гнев Гитлера. У Черчилля, чтобы выполнить обещания, не было иного выбора как перебросить часть сил с Ближнего Востока в Грецию и на Крит. Остальные остались в Египте, чтобы дать отпор итальянцам, с сентября стоявшим лагерем в Сиди-Баррани⁵²⁹.

Это решение не принимало в расчет основополагающий принцип войны: не разбивать силы на части, если при этом возрастает вероятность уничтожения всех частей по отдельности. В своем дневнике Иден назвал переброску части сил из Египта в Грецию «стратегической недальновидностью». Иден, прибывший в Каир в середине октября, чтобы оценить наступательные возможности, 1 ноября телеграфировал Черчиллю: «Мы не можем отправлять из имеющихся ближневосточных ресурсов достаточное воздушное и сухопутное подкрепление, которое оказало бы решающее влияние на ход борьбы в Греции». Ответ Черчилля пришел на следующий день: «Сейчас ситуация в Греции имеет первостепенное значение. Нам хорошо известно о наших незначительных ресурсах». Все три командующих на Ближнем Востоке – генерал Уэйвелл, адмирал Каннингем и главный маршал авиации сэр Артур Лонгмор – разделяли мнение Идена. Черчилль не разделял. Уэйвелл и генерал Дилл поделились сомнениями, но не стали сообщать о них Черчиллю, который считал Уэйвелла и Дилла пессимистами и отнес бы их сомнения за счет присущего им консерватизма. Однако их положение обязывало сообщать Черчиллю все, и плохое и хорошее, вне зависимости от его реакции. Они решили перестраховаться, после того как Черчилль ясно дал понять, что недоволен их мнением по разным вопросам⁵³⁰.

Накануне Дня Всех Святых Черчилль рано ушел спать; у него заболел желудок, и доктор Уилсон прописал ему касторовое масло, но 1 ноября он чувствовал себя хорошо и был в прекрасном расположении духа. В форме Королевских ВВС он отправился с инспекцией в Нортхолт, где базировалась эскадрилья «Харрикейнов», чьим почетным коммодором он был. Черчилль сказал Колвиллу, пока они ехали на базу, что его очень раздражают итальянцы –

---

⁵²⁸ Colville, *Fringes*, 276; Keegan, *Second World War*, 145.

⁵²⁹ Colville, *Fringes*, 276; Keegan, *Second World War*, 145.

⁵³⁰ Collier, *War in the Desert*; GILBERT 6, 883–85.

несколько итальянских летчиков были сбиты над Лондоном и взяты в плен – и он планирует регулярно бомбить Рим, как только сможет перебросить бомбардировщики «Веллингтон» на Мальту. Колвилл выразил надежду, что Колизею не будет причинен ущерб, на что Черчилль ответил, что не будет ничего страшного, если Колизей потеряет еще несколько кирпичей. Он процитировал строки из байроновской поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда»:

«Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо,
Но рухни Колизей – и рухнет Рим...»⁵³¹

Он никак не мог успокоиться и продолжал ругать итальянцев, которые имели наглость «направить бомбардировщики, чтобы бомбить нас». Он выразил сожаление, что не учил греческий язык, сокрушался, что Итон и Харроу не направляют летчиков-истребителей в Королевские ВВС, и предсказал сокрушительную победу Рузвельта на выборах. Он также предсказал вступление Америки в войну. Свой монолог Черчилль перемежал пением куплетов из песни *Under the Spreading Chestnut Tree* («Под раскидистым каштаном»). Он говорил, как ему нравится шмен-де-фер и какое удовольствие он испытывает за игровыми столами на Ривьере. «Я бы сейчас с удовольствием поужинал в Монте-Карло, – сказал он, – а затем пошел играть в азартные игры»⁵³².

Достаточно скоро он будет играть в азартные игры в Средиземноморье, в ливийской пустыне, в Греции, в небе над Мальтой, на Крите и в бухтах Таранто, где базировалась гордость итальянского флота. Черчилль собирался испытать удачу одновременно на нескольких фронтах. Он должен был знать, что, для того чтобы была какая-то надежда на успех, требуются неограниченные ресурсы, которых у него не было. Понимая это, он с мая неоднократно обращался к Рузвельту с просьбами о помощи. Накануне вторжения Муссолини в Грецию он в очередной раз сообщал о плачевном положении с ресурсами. Его озабоченность состоянием дел с ресурсами выразилась в резком ответе однокашнику по Харроу, Лео Эмери, Государственному секретарю по делам Индии, который предложил направить подкрепление Уэйвеллу. «Очень сожалею, – ответил ему Черчилль, – что приходится использовать такие выражения, как «азартная игра», в случае, когда требуется принимать необходимые меры предосторожности для жизни этой страны против намного превосходящих военно-воздушных сил». Он напомнил Эмери, что в Египет уже прибыли более 70 тысяч солдат и еще 53 тысячи должны прибыть к концу года. «Очень легко рассуждать, когда не нужно принимать во внимание ресурсы, транспорт, время и расстояние»⁵³³.

Несмотря на пренебрежительный тон письма Эмери, несмотря на понимание, что, со стратегической точки зрения, Египет – и только Египет – рука, которую следует разыгрывать, он собирался разыгрывать обе руки – и Египет, и Грецию. Иден был направлен на Ближний Восток, в первую очередь, для того, чтобы понять, какие преимущества даст наступательная операция в Египте, – заставить Уэйвелла развернуть свою армию, получившую подкрепление, на запад, чтобы предвосхитить наступление итальянцев до появления на сцене немцев. Уэйвелл занял оборонительную позицию, но для Черчилля не существовало оборонительных позиций. Он отправил из Англии 70 тысяч солдат не для того, чтобы они просто сидели и ждали итальянцев. Он отправил их сражаться с итальянцами, и на британских условиях. Черчилль без особого уважения относился к итальянскому солдату. Он сказал Колвиллу, что «итальянцев сложнее поймать, чем убить». Черчилль понимал, что пустыня в Северной Африке была

---

⁵³¹ Перевод В. Левика.

⁵³² Colville, *Fringes*, 283–84.

⁵³³ ChP 20/13.

тем местом, где следует решительно обойтись с итальянцами, и сосредоточил там силы. Затем планы изменились – в тот день, когда дуче вторгся в Грецию. Черчилль объяснил свое решение помочь Греции довоенным обещанием, данным Великобританией Греции, но на это решение в значительной степени повлияла его ненависть к Муссолини и итальянскому солдату. Он считал, что может победить дуче в любом сражении, где угодно, в любое время, так почему бы не в двух сражениях одновременно? Таким образом, спустя несколько дней после вторжения Муссолини в Грецию Черчилль предупредил Дилла: «Не забывайте – сделать максимум возможного для Греции»⁵³⁴.

За два дня до начала Греческого крестового похода Муссолини, Черчилль, намереваясь вступить в бой с итальянцами в пустыне, телеграфировал короткие инструкции Идену относительно Каира и отъезда в Хартум: «Перед отъездом вы должны тщательно изучить с генералами возможности предвосхитить [итальянское] наступление... Их планы по отражению наступления путем оборонительного боя и нанесения контрудара кажутся мне отличными, но что будет, если враг не рискнет переходить в наступление до появления немцев? Ответ не отправляйте, но глубоко изучите вопрос и обсудите его по возвращении». В своих воспоминаниях Черчилль пишет, что ясно высказал свое мнение в записке Идену от 26 октября относительно того, что «любая крупномасштабная операция по предотвращению наступления в Западной пустыне будет иметь мою сильную поддержку». Однако в его воспоминаниях ничего не говорится о четких указаниях, которые он дал Идену, также содержащихся в записке от 26 октября, о необходимости хранить молчание относительно планов в Западной пустыне до возвращения в Лондон. Черчилль, скорее всего перепутав события тех недель, пишет: «Во время предыдущих совещаний и бесед Идена с генералом Уэйвеллом, а также с генералом Вильсоном он спрашивал, какие действия предполагаются, если итальянское наступление не развернется. Под строгим секретом ему сообщили, что разрабатывается план нападения на итальянцев в Западной пустыне вместо того, чтобы ожидать, когда они сами начнут свое наступление против Мерса-Матрухи. Ни он, ни Уэйвелл не сообщали об этом плане ни мне, ни начальникам штабов. Генерал Уэйвелл просил военного министра не посылать никаких телеграмм на этот счет, а сообщить об этом нам устно по возвращении домой»⁵³⁵.

Очень хорошо, но отсутствие информации из Каира является следствием указаний Черчилля Идену, данных в телеграмме от 26 октября. Черчилль, похоже, писал эти страницы воспоминаний, позволяя себе то, что Марк Твен называл «натяжками». С другой стороны, он часто говорил, что «история будет снисходительной ко мне, потому что я сам напишу ее». На самом деле, когда Иден в Каире ознакомился с планами Уэйвелла, Черчилль, памятуя о выполнении политических обязательств перед Грецией, но не имея необходимой информации для принятия взвешенного решения, направил ресурсы в Грецию и на Крит. Он приказал отправить в Грецию три эскадрильи бомбардировщиков «Бленхейм» и два батальона на Крит, а следом, по возможности, 4 тысячи, чтобы освободить греческую дивизию на Крите для сражения дома против итальянцев. Телеграммы летали туда и сюда между Лондоном и Каиром. Иден выражал озабоченность, как и Уэйвелл, Каннингем и Лонгмор. Каннингем волновался, что отсутствие противолодочной защиты в бухте Суда делает это место опасным для его кораблей. Черчилль считал, что военным кораблям надлежит искать опасность. Лонгмор, со своей стороны, опасался, что без зенитной поддержки и земляных насыпей его «Бленхеймы» будут подвергаться опасности во время стоянки на аэродромах Греции и Крита. Уэйвеллу требовалось подкрепление в Египет (и для запланированного наступления в пустыне, о котором Черчилль еще не знал). Посол в Египте, сэр Майлс Лэмпсон телеграфировал Идену, что переброска войск в Грецию «полное сумасшествие»; Черчилль отчитал его за эти слова. 3 ноября

---

⁵³⁴ Colville, *Fringes*, 224.

⁵³⁵ Cv/2, 1001.

Черчилль написал Идену: «Греция, энергично сопротивляясь с разумной помощью из Египта и Англии, может обуздать захватчика... Верю, что вы уясните ситуацию, отказавшись от негативной и пассивной политики, и воспользуетесь возможностью, предоставленной нам. «Безопасность прежде всего» – прямой путь к поражению в войне. Пришлите мне свои самые первые предложения». Вот тогда Иден написал в дневнике: «Похоже, Греции теперь придается первостепенное значение. Стратегическая недалёковидность»⁵³⁶. Иден, вернувшись в Лондон, 8 ноября наконец рассказал Черчиллю о планах Уйэвелла за обедом с устрицами и шампанским. Это был наступательный и, вполне возможно, блестящий план. В конце сентября 10-я армия Грациани, фактически не встречая сопротивления во время недельного марша на восток с территории Ливии, остановилась в Сиди-Баррани. Британцы не досаждали, и Грациани не знал, что делать дальше. Уйэвелл ожидал, что он попытается пройти 75 миль до конечного пункта на железнодорожной ветке Мерса-Матрух, а оттуда последние 145 миль до Александрии (вот почему Уйэвелл был против отправки войск в Грецию и на Крит). Вместо этого итальянцы расположились в нескольких больших лагерях по широкой дуге от моря у Сиди-Баррани до Бир-Софафи. В лагерях итальянские офицеры жили в таких комфортных условиях, словно специально для них был выпущен гид Мишлена⁵³⁷.

Ординарцы расстилали на столах льняные скатерти ручной работы, для сервировки стола использовали тонкий фарфор; застилали кровати шелковыми простынями. Для солдат имелись значительные запасы пасты в ярких синих коробках и консервированные помидоры. Жизнь в лагерях протекала спокойно и безмятежно. Если бы итальянцы провели рекогносцировку, то узнали бы, что между правым флангом противника в Софафи и ближайшим лагерем был разрыв шириной 15 миль. Они этого не знали. А Уйэвелл знал. Уйэвелл и генерал Генри Мейтленд Джамбо Вильсон, командующий британскими войсками в Египте, считали, что могут незаметно провести войска и танки в эту брешь между лагерями и ударить сзади. Позже Черчилль написал, что «мурлыкал от удовольствия, как шесть котов», слушая подробности операции под кодовым названием «Компас», которая должна была начаться в первых числах декабря⁵³⁸.

Ночью 2 ноября небо над Лондоном, не считая аэростатов заграждения и лучей прожекторов, пронзающих темноту, было пустым. Немецкие бомбардировщики не появились. Это была первая спокойная ночь с 7 сентября. Начиная с 10 июля немецкие потери в Великобритании составили 1300 самолетов и 2400 человек летного и технического состава. Недопустимые потери для Гитлера не только потому, что люфтваффе не победили Великобританию, но и потому, что потеря каждого самолета над Великобританией означала, что стало меньше на одного опытного летчика и экипажа для последней, решающей битвы, битвы не на западе, над Лондоном, а на востоке. В июле Гитлер принял решение напасть на Россию; 4 ноября он сказал генерал-лейтенанту Гальдеру: «Россия остается главной проблемой в Европе. Должно быть сделано все, чтобы быть готовым окончательно решить проблему». Кое-кто из высшего командования предполагал, что немецкие войска двинутся через Дарданеллы и Босфор, оттуда через нейтральную Турцию к Сирии, находившуюся под контролем Виши, далее на восток к иракским месторождениям нефти или на юг к Суэцу, чтобы там объединиться с Муссолини, если только он атакует превосходящие в численном отношении силы британцев на своем фронте. В случае успеха Великобритания была бы изгнана из Средиземноморья и Британская империя

---

⁵³⁶ GILBERT 6, 885, 905; WSC 2, 536—43; Eden, *Reckoning*, 195.

⁵³⁷ Мишлен Андре – французский инженер и промышленник, выпускник Высшей школы искусств и ремесел, соучредитель компании по производству шин Michelin и создатель «Красного гида Мишлен». Первый гид был выпущен в 1900 году; представлял собой список различных мест, которые бы могли пригодиться путешественнику: отели, ремонтные мастерские, закусочные, платные автомобильные стоянки. В 1920 году в гид добавили рейтинг ресторанов.

⁵³⁸ Collier, *War in the Desert*, 21–22; WSC 2, 543.

разрезана на две изолированные части. Эта стратегия требовалась в том случае, если у Гитлера было намерение сокрушить Англию. Но он сказал Гальдеру: «Мы можем войти в проливы только после поражения России»⁵³⁹.

В тот день, когда Гитлер смотрел на восток, взгляд Черчилля был обращен на запад, прикован к морским путям в Атлантике, где с начала войны британский торговый флот потерял свое пятисотое судно, доведя потери до 2 миллионов тонн с лишним, что составляло более 10 процентов довоенного флота. В ноябре, впервые за войну, в Великобританию было доставлено менее миллиона тонн продовольствия; согласно данным министерства внутренних дел, требовалось ежемесячно импортировать по крайней мере 1,2 миллиона тонн продовольствия. Победа над «Хейнкелями» в небе над Лондоном не будет иметь никакого значения, если Великобритания будет страдать от голода из-за немецких подводных лодок. Тремя месяцами ранее Черчилль заявил в записке своим военачальникам: «Один военно-морской флот не может выиграть войну. Одержат победу только с помощью военно-воздушных сил. Поэтому наши основные усилия должны быть направлены на завоевание господства в воздухе. Истребительная авиация может защитить нас, но обеспечить победу может лишь бомбардировочная авиация. Следовательно, мы должны развивать именно тот вид авиации, который способен уничтожить промышленность Германии и научные учреждения, от которых зависит военный потенциал противника. Это вынудит его держаться на почтительном расстоянии от нашего острова. Никакого другого пути для ликвидации колоссальной военной мощи Германии в настоящее время нет». Он хотел, чтобы на Германию сбрасывалось как можно больше бомб и как можно чаще. «На Германию сбрасывается ничтожно мало бомб», – написал он Порталу и Синклеру. Однако реалии заставили Черчилля придавать больше значения западным подходам, чем изливать месть на Берлин. Ситуация с поставками настолько критическая, сообщил он Комитету обороны, что «использование военно-морских и авиационных баз в Ирландии значительно упростит наши проблемы, но было бы неразумно оказывать давление на Ирландию, пока ситуация не стала смертельной». Ирландский нейтралитет, если бы ситуация стала «смертельной», не стоил бы и ломаного гроша⁵⁴⁰.

Все это Черчилль рассматривал 4 ноября, накануне президентских выборов в Соединенных Штатах. Колвилл предсказывал упорную борьбу. Черчилль – уверенную победу ФДР (так часто называли Франклина Делано Рузвельта). Черчилль оказался прав. Рузвельт значительно обогнал своего соперника Уэнделла Льюиса Уилки, набрав почти 55 процентов голосов избирателей и получив 449 голосов выборщиков против всего 82 голосов у Уилки. Черчилль отправил Рузвельту поздравительную телеграмму: «Я считал, что мне, как иностранцу, не подобало выражать мнение относительно американской политики, пока еще не закончились выборы, но теперь я думаю, вы не будете возражать, если я скажу, что молился о вашем успехе и искренне радуюсь ему. Это не значит, что я стремлюсь к чему-то большему, чем неограниченное, справедливое, свободное воздействие вашего ума на мировые проблемы, что сейчас стоят перед нами, решая которые обе наши страны должны выполнить свой долг. Мы вступаем в новый мрачный этап войны, которая, видимо, станет затяжной и будет все расширяться, и я надеюсь, что смогу обмениваться с вами мыслями с полным доверием и доброй волей, которые возникли между нами с тех пор, как я возглавил военно-морское министерство в начале войны. Назревают события, которые не забудутся до тех пор, пока хоть в каком-то уголке земного шара люди будут говорить на английском языке. Выражая свое удовлетворение по поводу того, что народ Соединенных Штатов снова возложил на вас великое бремя, я должен выразить уверенность в том, что свет, которым мы руководствуемся, благополучно приведет нас в гавань»⁵⁴¹.

---

⁵³⁹ Gilbert, *Second World War*, 137.

⁵⁴⁰ Cv/2, 1022–23.

⁵⁴¹ C&R-TCC, 1:81.

Рузвельт не ответил. Возможно, тон Черчилля показался Рузвельту излишне самонадеянным; может, он хотел напомнить Черчиллю, что тот находится в положении просителя, а может, просто забыл ответить. Спустя три недели Черчилль попросил лорда Лотиана «аккуратно поинтересоваться, получил ли президент мою телеграмму, которой я поздравил его с переизбранием». Эти недели, проведенные в ожидании сигнала – любого сигнала – из Америки, принесли массу разнообразных новостей, самые желанные из которых пришли 12 ноября, когда Черчиллю сообщили, что в ночь с 11 на 12 ноября британские летчики морской авиации уничтожили большую часть итальянского флота в Таранто⁵⁴².

Налет на Таранто, как удар, нанесенный, когда противник его не ждет, был столь неожиданным, столь удивительным по исполнению и результатам, что о каких-то ответных действиях не шло и речи. Британцы сделали невозможное: они торпедировали вражеский флот в гавани, имевшей незначительную глубину. Кроме того, это был первый в истории боевых действий удар палубной авиации по военно-морской базе. Разносчик газет ухватил суть налета, как это может сделать только уличный пострел: «Укокошили итальянский флот. Не будет больше макарон». Таранто, прятавшийся в пятке «итальянского сапога», был идеальным портом для вылазки в Центральное Средиземноморье, если адмирал действительно хотел совершить вылазку, чтобы вступить в борьбу. Но адмирал Доменико Каваньяри, начальник штаба военно-морского флота Италии, не испытывал подобного желания; он предпочел сохранить свой флот, а не бросать его в бой. Итак, в ночь с 11 на 12 ноября среди итальянских судов, стоявших в Таранто, были шесть линкоров и два крейсера. Британцы вели успешные действия против подводных лодок и эсминцев Муссолини, но тем не менее до этой ночи центральная часть Средиземного моря принадлежала итальянцам⁵⁴³.

К утру 12 ноября море от Гибралтара до Александрии опять стало британским. Воздушные силы Королевского военно-морского флота достигли успеха с помощью всего двадцати одного торпедоносца-бомбардировщика «Фэйри Свордфиш» – биплан с металлическим силовым каркасом, обтянутым полотняной обшивкой, максимальная скорость которого составляла всего 138 миль в час. Несмотря на то что эти самолеты устарели, они все еще могли причинить ущерб, если враг спал, а итальянцы крепко спали. «Свордфиши» стартовали с новейшего авианосца королевского военно-морского флота «Illustrious», с расстояния приблизительно 170 миль. Они летели низко, всего в 20 футах над водой, двумя группами, и их путь отмечали световые бомбы, сбрасываемые с летящих впереди самолетов. Когда «свордфиши» улетели, три из шести итальянских линкоров сидели на грунте; они выбыли из строя на шесть месяцев. Серьезный удар для итальянцев и лучшая новость осени для Черчилля. «Результат решительно изменит весь баланс морской мощи на Средиземном море. Он также окажет воздействие на общую ситуацию на морях по всему земному шару». «Сегодня у нас есть немного сахара для птиц», – пошутил Черчилль, направляясь в палату общин, где объявил, что «счел своим долгом немедленно довести эту замечательную новость до членов палаты». Он заявил, что «результат [операции] решительно изменит весь баланс морской мощи на Средиземном море. Он также окажет воздействие на общую ситуацию на морях по всему земному шару». Строго говоря, Черчилль был прав. Пройдет чуть более года, и урок Таранто, принятый к сведению или не принятый, окажет влияние на баланс военно-морских сил во всем мире. Такеси Наито, морской атташе при японском посольстве в Берлине, настолько серьезно воспринял этот налет, что полетел в Таранто, чтобы оценить размеры ущерба⁵⁴⁴.

---

⁵⁴² Cv/2, 1147.

⁵⁴³ Panter-Downes, *War Notes*, 116 («*Eyetalian fleet...*»).

⁵⁴⁴ Panter-Downes, *War Notes*, 114; Cv/2, 1089 («*sugar for the birds*»); WSHCC, 6309.

Посол Джозеф Кеннеди подал в отставку 6 ноября; Невилл Чемберлен умер 9 ноября; война застигла их врасплох и разбила мечты обоих. Кеннеди к тому времени уже вернулся в Соединенные Штаты и приводил в бешенство Рузвельта своими публичными высказываниями: он выступал с резкой критикой в адрес Англии, против вмешательства Соединенных Штатов и даже против Элеоноры Рузвельт. Рузвельт испытал несколько неприятных моментов, когда приехавший в выходные в Гайд-парк (родовое поместье Рузвельтов) Кеннеди разглагольствовал о несправедливости вашингтонских бюрократов. Когда он закончил, Рузвельт попросил его на минуту выйти из комнаты и, позвав Элеонору, сказал: «Я больше не желаю видеть этого сукина сына». Черчилль в своих воспоминаниях даже не упоминает об уходе Кеннеди⁵⁴⁵.

Другое дело уход Чемберлена. Четыре месяца назад у него диагностировали рак кишечника. Чемберлен оставался в правительстве до начала октября, когда после тяжелой операции окончательно слег в постель. Он умер в полной уверенности, что Великобритания, оказавшаяся в этом положении в значительной степени из-за него и его правительства, под руководством Черчилля способна одержать победу. Черчилль, с разрешения короля Георга, до последних дней жизни Чемберлена присылал ему самые последние разведывательные данные, поступок, свидетельствующий не только о великодушии, но и о проницательности, поскольку никаких политических дивидендов от избиения миротворцев было уже не получить. Великодушие приносило больше дивидендов. Кроме того, каждая немецкая бомба, сброшенная на Великобританию, категорически опровергала политику прежнего правительства. Черчилль, введя в правительство Чемберлена и лорда Галифакса, дал понять, что пришло время покончить с взаимными обвинениями. Он понимал, как понимал Линкольн во время национального кризиса, что намного предпочтительнее иметь людей, которые на все говорят «нет», – поскольку необходимость сохранения видимости национального единства исключает любое несогласие, – чем не иметь их и позволить свободно причинять вред.

Миротворцы, не смирившиеся с новым в политической жизни, едва ли могли причинить много вреда. Герцог Виндзорский был предан забвению на Багамах. Сэр Джон Рейт был отправлен в министерство транспорта, где и застрел. Галифакс служил в министерстве иностранных дел, к удовольствию Черчилля. И время Чемберлена истекло, который, что делает ему честь, отказался от своих убеждений в отношении политики умиротворения, когда покинул «номер 10». Немецкие бомбы не дали возможности его парламентским коллегам похвалить его, когда он последний раз пришел в палату общин, членом которой являлся на протяжении долгих лет – тем, кто в конечном счете не будет проклинать его. Здание парламента, расположенное на берегу Темзы, подвергалось таким ожесточенным бомбежкам, что заседания палаты общин пришлось проводить в административном здании англиканской церкви в Вестминстере. Там 12 ноября Черчилль произнес речь по случаю смерти Чемберлена, впечатляющую и в значительной степени искреннюю. Чемберлена, сказал он собравшимся членам палаты, отличала «любовь к миру, труд для мира, борьба за мир, поиск мира, не считаясь с опасностью и с потерей популярности». История, сказал он, «с ее мерцающей свечой», восстанавливает события прошедших лет и докажет «честность и искренность его действий» во время «величайшего мирового кризиса», когда «именно на судьбу Невилла Чемберлена выпала доля быть опровергнутым событиями, быть разочарованным в надеждах и быть обманутым порочным человеком»⁵⁴⁶.

Политика умиротворения Чемберлена привела к тому, что с тех пор «миротворец» стало почти таким же страшным обвинением в британской и американской политике, как «предатель». Черчилль в своей речи попытался объяснить позицию Чемберлена, чтобы предотвратить неизбежные обвинения в его адрес. Благородный жест. Однако перед выступлением он

---

⁵⁴⁵ Ronald Kessler, *The Sins of the Father* (New York, 1996), 230.

⁵⁴⁶ WSCHCS, 6307.

показал текст речи Клементине, которая назвала его «очень хорошим». На это Уинстон ответил: «Это, конечно, так, но я мог сделать и наоборот». Похороны прошли 14 ноября в мрачном Вестминстерском аббатстве, с его холодными каменными стенами, которые за прошедшие семь веков из-за оседавшей на них сажи приобрели цвет запекшейся крови. Внутри было холодно; в результате немецких бомбардировок аббатство лишилось многих оконных витражей. Черчилль и члены военного кабинета поддерживали концы покрывала. Колвилл отметил, что взгляды некоторых выражали презрение и скуку. Черчилль плакал. Место похорон держалось в секрете, и членам парламента сообщили о нем за два дня до похорон, чтобы свести риск бомбардировки места сбора большого количества влиятельных лиц, занимавших высокое положение в государстве, к минимуму⁵⁴⁷.

На той неделе Черчилль с лордом Лотианом (прибывшим из Вашингтона) работали над предложениями Рузвельту относительно американской помощи без каких-либо условий. Черчилль одобрил телеграмму Лотиана Рузвельту, в которой были подробно изложены потребности Великобритании, включая оказание помощи в защите трех ирландских портов⁵⁴⁸ (при необходимости), помощь в защите Сингапура и, конечно, поставки продовольствия и вооружения. Телеграмма, по мнению Колвилла, «была предназначена для того, чтобы дать почувствовать Р. [Рузвельту], что если мы потерпим поражение, то за это будет отвечать Америка»⁵⁴⁹.

Во второй половине дня 14-го, в четверг, Черчилль с Джоном Мартином готовились провести выходные в Дитчли, более безопасном месте, чем Чекерс в лунные ночи. Выехать собирались в четверг, а не, как обычно, в пятницу, поскольку Черчилль должен был тайно встретиться там с Лотианом, чтобы продолжить обсуждение вопросов, связанных с обеспечением поставок из Америки. Черчилль уже собирался уезжать, когда Мартину принесли срочное запечатанное письмо для премьер-министра, которое он тут же передал адресату⁵⁵⁰.

В письме содержалась новейшая информация о налете люфтваффе, о котором военному кабинету стало известно за несколько дней. Информация основывалась на сведениях, добытых у взятых в плен немецких летчиков и подтвержденных расшифровками «Ультра». Немцы, педантичные во всем, включая кодовые названия, окрестили операцию *Mondscheinsonate* («Лунная соната»). Пока британцам не было точно известно, где и когда будет совершено нападение, хотя во время допросов пленные летчики называли в качестве целей Лондон и Бирмингем. В министерстве авиации считали, что, скорее всего, немцы начнут операцию где-то между 15 и 20 ноября – самый пик полнолуния. Письмо, которое Мартин вручил Черчиллю, содержало последнюю оценку места и времени, сделанную министерством авиации: Лондон, этой ночью⁵⁵¹.

К тому времени волшебники из министерства авиации, разобравшись с немецким лучом, наводящим на цель (система *Knickebein*), столкнулись с новым, намного более сложным немецким навигационным лучом, обеспечивающим точность ночного бомбометания, о которой Королевские военно-воздушные силы могли только мечтать. Система, получившая кодовое

---

⁵⁴⁷ Colville, *Fringes*, 294—95.

⁵⁴⁸ Черчилль, обеспокоенный непреклонной позицией ирландцев в отношении использования британцами трех ирландских морских баз, предложил военному кабинету прекратить субсидировать сельскохозяйственные продукты и не подвергать риску британские суда и британских моряков, доставляющих продовольствие в Ирландию. Согласно договору 1922 года, в составлении которого принимал участие Черчилль, британцы получили право использовать базы, но в 1939 году правительство Чемберлена, с поразительным отсутствием предвидения надвигающейся войны, отказалось от своих прав. 13 декабря Черчилль сообщил Рузвельту относительно новой позиции, занятой им по Ирландии. Великобритания, написал он Рузвельту, больше не будет помогать ирландцам, в то время как «де Валера вполне устраивает сидеть и смотреть, как нас душат» (C&R-TCC, 1:112—13). (*Примеч. авт.*)

⁵⁴⁹ Colville, *Fringes*, 292.

⁵⁵⁰ WM/John Martin, 10/23/80.

⁵⁵¹ Cv/2, 1096; WM/John Martin, 10/23/80.

название X-Great («X-аппарат»), состояла из нескольких лучей Лоренца, один из которых был основным лучом радионаведения, а другие, излучаемые поперек основного луча, пересекали его над местами, отмеченными на навигационных картах, что давало летчику возможность определить свое точное местоположение. Эта система была объединена с «таймером», который автоматически сбрасывал бомбы в месте пересечения основного и вторичного лучей. Самолеты сбрасывали на цель бомбы с исключительной для того времени точностью в условиях плохой видимости и в ночное время. Но если что-то шло не так, то бомбы, предназначавшиеся для промышленных и военных объектов, поражали больницы, школы, жилые дома, церкви и убежища. В случае безупречного функционирования система причиняла ущерб производству Великобритании, в противном случае – подрывала моральный дух.

Сложность и дороговизна радионавигационной аппаратуры не позволили оснастить ею весь немецкий воздушный флот; этой системой оснастили самолеты Kampfgruppe 100 (100-я бомбардировочная группа). Kampfgruppe 100, сбрасывая зажигательные боеприпасы точно на цели, стала глазами следующих за ней эскадрилий люфтваффе. В 1940 году, узнав, что Германия может бомбить в ночное время, практически в любую погоду, в лунную и безлунную ночь, британские летчики-истребители, летавшие вслепую после захода солнца, впали в уныние. Зенитные орудия, грохот которых действовал успокаивающе на мирных жителей, не причиняли особого беспокойства немцам – потери Геринга в ночное время составляли менее 10 процентов. После наступления темноты защита Великобритании оставляла желать лучшего. Позже Черчилль вспоминал, что для него одним из самых черных дней за всю войну был день, когда он осознал роль немецкого луча. Он назвал его «невидимым прожектором». Спустя несколько лет он сделает попытку принизить его важность: «Немецкие летчики следовали за лучом, как германский народ следовал за фюрером. У них просто не было ничего другого, за чем они могли бы следовать». Но в 1940 году не удалось избежать ни луча, ни Гитлера. Свет извращенной науки сиял над Лондоном, над всей Англией⁵⁵².

И неспециалисты, и лидеры считали навигационные лучи, используемые с такой целью и приводящие к такому потрясающему эффекту, футуристическими темными силами, воздушными проводниками смерти, невероятно жестокими и губительными. Британский правящий класс состоял в основном из викторианцев, которые к тому времени, когда Маркони передал первые радиосигналы через океан, уже закончили университеты. Черчиллю было 29 лет, когда братья Райт совершили первый полет. Для британцев электрификация была сравнительно новой роскошью, центральное отопление пока оставалось мечтой, а все связанное с полетами – тайной. Радио поражало не содержанием передач, а тем, что человеческие голоса удивительным образом передавались по воздуху. «Я не перестаю удивляться, слушая голос человека из Вашингтона, словно он находится рядом, в моей комнате», – написал Гарольд Николсон, прослушав выступление Рузвельта. Люфтваффе заменили удивление страхом⁵⁵³.

«Специалисты» объяснили Молли Пэнтер-Доунес, что зенитные орудия, прожекторы и истребители решат проблему с немецкими ночными налетами. Одна из мер, предложенных специалистами, которая понравилась Черчиллю, заключалась в том, чтобы сбрасывать песок на немецкие самолеты, дабы засорить их двигатели. Идею не претворили в жизнь. Кое-кто из лондонских журналистов болтал, что найдено решение (не подлежащее разглашению) относительно ночных налетов. Не было ничего подобного. Реальное решение, когда оно будет найдено, написала Пэнтер-Доунес, развеет «мечту о некоей уэллсовской или жюль-верновской машине, которая путем нажатия одной кнопки перехватит и сожмет налетчиков»⁵⁵⁴.

---

⁵⁵² WSC 2, 383–85.

⁵⁵³ TWY, 139; Panter-Downes, *War Notes*, 117.

⁵⁵⁴ Panter-Downes, *War Notes*, 117.

Решение на самом деле было просто фантастическим и действительно связанным с нажатием кнопки: в 1941 году «Бофайтеры» оборудовали поисково-прицельными радарами (AI Mk IV). К концу осени британцы уже успешно справлялись с немецкой системой X-Great. Но 14 ноября эффективное противодействие, названное Bromide, еще находилось в стадии разработки. В ночь первого полнолуния после осеннего равноденствия пострадает британский город, но это будет не Лондон⁵⁵⁵.

Черчилль дочитал письмо, которое передал ему Мартин, когда подъехал к Гайд-парку. Премьер-министр, уверенный в том, что луч наведен на Лондон, приказал разворачиваться и возвращаться в подземный военный кабинет (бункер). Он отправил машинисток из «номера 10» в глубокие убежища в Доллис-Хилл. Джон Пек и Колвилл были отправлены в убежище на Даун-стрит, где они угощались икрой, старым бренди и гаванскими сигарами и крепко спали. Черчилль, меривший шагами подземные помещения в ожидании налета, проявлял нетерпение. Он поднялся на крышу министерства авиации, чтобы не пропустить момент появления немецких самолетов⁵⁵⁶.

Но самолеты так и не появились. Они направлялись к Ковентри, где разворачивалась операция «Лунная соната». Более четырехсот бомбардировщиков «Хейнкель-111», возглавляемые тринадцатью самолетами наведения из 100-й авиагруппы, взяли курс на центральные графства Великобритании. За более чем десять часов непрерывной бомбардировки на город было сброшено более 600 тонн зажигательных и фугасных бомб и парашютных мин. Немцы потеряли только один самолет, то ли из-за непредвиденного случая или ошибки пилота, а может, благодаря удачному выстрелу зенитной батареи. Ранее много зенитных орудий из Ковентри переправили в Лондон. Когда немецкие бомбардировщики подлетали к Ковентри, командование истребительной авиации подняло в воздух сто «Харрикейнов», чтобы встретить противника. Они ни разу не попали в цель⁵⁵⁷.

К утру Ковентри был разрушен. Полностью выведены из строя газоснабжение, водопровод и железная дорога. Пожарные, не в состоянии что-то сделать, просто стояли и смотрели, как пожары уничтожили почти 100 акров в центре города. Погибло более пятисот человек. Серьезно пострадали авиационные заводы, разбросанные Бивербруком в городе и за его пределами, хитрый план, который, однако, не сумел учесть новую логику люфтваффе: обеспечить уничтожение конкретного объекта, уничтожая все вокруг. Одним из первых был разрушен собор Святого Михаила. Пережившие налет люди, оставшись без воды, утоляли жажду виски и пивом. Гражданские власти, оглядев мрачную толпу, испугались бунта и ввели комендантский час. Они напрасно беспокоились: жители Ковентри были слишком травмированы, чтобы поднимать бунт. Когда в город приехал король Георг, многие горожане, после перенесенного потрясения, не признали в высоком незнакомце своего короля⁵⁵⁸.

Берлин объявил, что Ковентри выбыл из войны, и пообещал, что в скором времени другие города будут подвергнуты разрушительной бомбардировке с воздуха. Однако машиностроительное производство Ковентри, разрушенное на две трети, было восстановлено в течение нескольких недель. Черчилль, как и немцы, ошибся в одном. Он сказал де Голлю, что кровавая бойня в Ковентри, несомненно, поднимет «волну негодования» среди американцев и приблизит их к войне. На самом деле трагедия в Ковентри довела американцев до слез, но не приблизила не то что к войне, а даже к подготовке к войне.

Вскоре после воздушного налета маршал авиации сэра Филип Жубер почувствовал непреодолимое желание заставить замолчать прессу, что решение относительно немецких ночных

---

⁵⁵⁵ WSC 2, 384—85; Winston Churchill, *Thoughts and Adventures* (New York, 1991), 198—99.

⁵⁵⁶ WM/John Martin, 10/23/80; Colville, *Fringes*, 295; John Colville, *The Churchills* (London, 1981), 635.

⁵⁵⁷ Thompson, 1940, 227.

⁵⁵⁸ Public Record Office documents AIR2/5238 and AIR20/2419 indicate that Churchill and the War Cabinet did not know which city would be the target on November 15.

налетов почти найдено, словно руины Ковентри не разубедили оптимистов. В течение ноября и в декабре мощным ударам подверглись Бирмингем, Саутгемптон, Оксфорд и Кентербери. В некоторых случаях жертвы превысили жертвы Ковентри, но правительство не сообщало данные о потерях. Однако борьба не была односторонней; бомбардировка Берлина 14-го и 16-го числа привела к гибели более трехсот мирных жителей. Бомбардировщики достигали цели, как предсказывал Болдуин. Несколькими месяцами ранее Черчилль сказал Бивербруку, что единственный «верный путь к победе» – наступательные операции военно-воздушных сил. Он все еще верил в это. Но в конце 1940 года едва ли кого-то удовлетворяло состояние защитных мер против ночных налетчиков. Легкость, с какой огромное количество немецких бомбардировщиков долетают до целей, свидетельствует, сказал Черчилль, «о полном провале всех наших систем»⁵⁵⁹.

Молли Пэнтер-Доунес считала Ковентри возмездием за налет Королевских военно-воздушных сил 8 ноября на Мюнхен, объект, не имевший стратегического значения, но столь важный для нацистов, город, в котором 8 ноября 1923 года произошел путч – неудачная попытка захвата государственной власти Гитлером. По мнению Колвилла, налет на Ковентри был ответом на британский успех в Таранто 11 ноября. Они оба ошибались. Ковентри, Мюнхен, Лондон, Берлин и Таранто были частью жестокого поединка – удар, ответный удар, еще удар.

После Ковентри Черчилль приказал Порталу составить план «по возможности самой разрушительной бомбовой атаки на выбранный немецкий город». В начале декабря Портал в общих чертах изложил свои предложения, которые спустя несколько дней были одобрены на закрытом заседании военного кабинета; план получил кодовое название Abigail («Абигейл»). Среди задач: «Мы должны в основном делать упор на пожары и выбрать тесно застроенный город, в котором воронки от бомб на улицах будут препятствовать работе пожарных и «поскольку мы хотим оказать влияние на моральный дух противника, мы должны попытаться разрушить большую часть города, поэтому выбранный город не должен быть слишком большим». Среди рассматриваемых городов были Мангейм, Франкфурт и Гамбург. Протокол заседания военного кабинета заканчивался рекомендацией не объявлять, что «это нападение делается в отместку за немецкие нападения на Ковентри... и не придавать ему впоследствии особой огласки». Гамбург, второй по величине город Германии, был исключен как слишком большой. В качестве объекта военный кабинет выбрал Мангейм. Удар был нанесен 16 декабря. Последствия были незначительные, погибло примерно тридцать человек, но это было только начало. В 1941 году, сказал Черчилль Колвиллу, наша задача, подвергнуть бомбардировке «каждый немецкий уголок Европы»⁵⁶⁰.

В последний день ноября Черчилль отмечал свой шестьдесят шестой день рождения в Чекерсе в компании Клементины, детей, Бивербрука, Брекена и американской писательницы Вирджинии Коулз. Старик, как обычно, диктовал огромное количество записок в адрес министров, адмиралов и генералов. Как получилось, спрашивал он адмирала Паунда, что, имея больше американских эсминцев, количество пригодных к эксплуатации судов «уменьшилось с 84 до 77?». Он потребовал модернизировать процесс производства цемента, и не только потому, что цемент требовался для строительства убежищ, но и потому, что ему понравилась идея относительно огромных плавучих бетонных оружейных платформ. Он задал вопрос министру, почему солдатам запрещено «покупать дешевые овощи в районах, где они расквартированы». И разрешил «звонить в церковные колокола на Рождество, поскольку отступила угроза вторжения», и надо объяснить людям, добавил он, что колокола звонят, приглашая на службу, а не предупреждают о вторжении⁵⁶¹.

---

⁵⁵⁹ Colville, *Fringes*, 297.

⁵⁶⁰ Cv/2, 1186, 1217—18; WM/Jock Colville, 10/14/80.

⁵⁶¹ Cv/3, 1163.

На следующий день, в субботу, 1 декабря, семья отправилась в приходскую церковь Эллесборо, расположенную рядом с Чекерсом, где крестили «маленького Уинстона». Прихожане остались после заутрени, чтобы посмотреть церемонию, и стали свидетелями слез, текущих по щекам Черчилля. «Бедное дитя, – прошептал кто-то рядом с Вирджинией Коулз, – родиться в таком мире, как этот»⁵⁶².

Гарольд Николсон, в середине лета решивший, что им с женой Витой осталось жить всего три недели, потребовал, чтобы жена пообещала ему, что будет носить с собой обычное шило. Однако тогда же он написал в дневнике: «Я думаю, что почти наверняка американцы вступят в войну в ноябре и, если мы сумеем продержаться до этого времени, все будет хорошо». Колвилл тоже возлагал надежды на ноябрь. «Если мы продержимся до ноября, то выиграем войну», – написал он 14 июня в дневнике⁵⁶³.

Наступило 1 декабря. Ноябрь закончился. Они ошиблись в своих расчетах.

Погибло еще более 4600 мирных жителей. Всего к этому дню в результате налетов погибло более 18 тысяч британцев, в том числе 2 тысячи детей. Однако, несмотря на растущие потери, «было понятно, что остров будет держаться до конца», написал Черчилль, «пока не наступит зима с ее обычными штормами»⁵⁶⁴.

Война всегда зависела от времени года. Зимой окапывались и ждали весенних дождей, за которыми наступало жаркое лето. Когда высыхали дороги, армии могли опять перейти в наступление и продолжать заниматься убийством. Немецкое вторжение было, естественно, отложено до весны, но современные самолеты летали в любую погоду. Современная война, или, по крайней мере, та ее часть, которая велась в небе, была всепогодным делом, и немецкие бомбы, падавшие сверху – и убивавшие британцев, – убедительно доказывали, что наверху не зависят от метеорологических условий на земле. На высоте 26 тысяч футов всегда было ясно.

Любая помощь, оказанная Англии и Черчиллю непогодой в трудную минуту, компенсировалась растущими проблемами в Атлантике. Немецкие подводные лодки, топившие британские торговые суда быстрее, чем можно было заложить новые суда, пытались перекрыть западные подходы. В сентябре потери судов составляли 250 тысяч тонн, в октябре – более 300 тысяч тонн, почти 376 тысяч тонн в ноябре и 60 тысяч тонн за первую неделю декабря. Один конвой, шедший из Северной Америки на восток, потерял двадцать одно судно из тридцати. Экипажи подводных лодок называли эти месяцы *Die Gluckliche Zeit* (счастливое время). С июня единственной помощью, прибывшей из Америки для участия в сражениях в Атлантике, были пятьдесят устаревших эсминцев, которые оказались скорее обузой, чем находкой. В декабре, обедая с Иденом, Черчилль сказал, что от нескольких американских эсминцев «мало пользы», «они плохо построены». Позже в том же месяце он потребовал, чтобы адмиралтейство представило отчет о состоянии эсминцев, у которых «много дефектов», а потому от них «мало пользы». Эсминцы, были построены в основном в начале 1920-х, и их требовалось модернизировать, прежде чем спускать на воду. Американские эсминцы из-за отсутствия полубака получили название «гладкопалубные»; они не могли стрелять из носовых орудий в бурном море и при максимальной скорости хода. Наличие этих недостатков не сулило ничего хорошего в случае использования их в качестве кораблей эскорта в суровых условиях Северной Атлантики. Они были созданы для обеспечения береговой обороны, объяснил Черчилль Рузвельту, до эпохи пикирующих бомбардировщиков. Как корабли охранения в Северном море они будут «очень уязвимыми» целями для «Штук»⁵⁶⁵.

---

⁵⁶² Soames, *Clementine*, 395.

⁵⁶³ Colville, *Fringes*, 167; TWY, 96–97.

⁵⁶⁴ WSC 2, 576; GILBERT 6, 939.

⁵⁶⁵ David Miller, *U-Boats* (New York, 2000), 126; C&R-TCC, 1:112; Premier (Prime Minister) Papers, Public Record Office, Kew, 3/462/2; Cv/2, 1233.

В любом случае к концу года удалось полностью переоборудовать и подготовить к плаванию всего девять эсминцев. Остальные американские эсминцы, постепенно заходившие в британские порты, были в плачевном состоянии и нуждались в переоборудовании. Один, переименованный в эсинец его величества Льюис, настолько проржавел, что в апреле 1941 года все еще находился в ремонте, когда немецкая бомба вывела его из строя (не из боевых действий, поскольку он так и не успел принять в них участие) до 1942 года. Еще один находился в еще более плачевном состоянии, и его пришлось разобрать на запасные части. В период с мая по декабрь 1940 года Черчилль написал по крайней мере тридцать семь записок и писем своим сотрудникам и Рузвельту по поводу эсминцев и их удручающего состояния⁵⁶⁶.

Но американцы обещали Черчиллю не только эсминцы. Современные винтовки, бомбардировщики В-17 и боеприпасы возглавляли список, составленный Черчиллем. «Что насчет наших 20 торпедных катеров, 5 патрульных бомбардировщиков, 150–200 самолетов и 250 тысяч винтовок?» – допытывался Черчилль у Галифакса. «Куй железо, пока горячо», – поучал он Галифакса. Сэр Александр Кадоган по приказу Черчилля позвонил послу Лотиану и задал тот же вопрос: «Как дела с «другими дезидератами», обещанными нам?» Лотиан ответил Кадогану, что генеральный прокурор США отложил отправку торпедных катеров по крайней мере до января 1941 года и только один В-17 готов к вылету в Великобританию⁵⁶⁷.

Черчиллю все это надоело, и он поведал Хью Далтону, что испытывает желание сказать Рузвельту: «Если вы хотите наблюдать за нашей борьбой за ваши свободы, то должны за это платить». Профессор, всегда готовый привести статистические данные, подлил масло в огонь: «Мы используем от одной трети до половины наших национальных усилий в борьбе с нацизмом». До сих пор вклад американцев – оплаченный – составлял «примерно одну двадцатую их национальных усилий». Американцы, напомнил Линдемэн с бухгалтерской точки зрения, передают давно списанные эсминцы. За эти пятьдесят ржавых ведер Англия расплатилась правом использовать британские военно-морские базы, расположенные от Ньюфаундленда до Британской Гвианы, базами, которые американские военные корабли используют для защиты... Америки⁵⁶⁸.

Черчилль обменял части Британской империи на устаревшие корабли. Базы в Атлантике были первым взносом Великобритании в передаче глобального превосходства Америке. В то время никто, включая Черчилля, полностью не отдавал себе в этом отчета. Выступая в парламенте, Черчилль попытался представить эту сделку как щедрый дар со стороны Британии: «Несколько месяцев назад мы пришли к выводу, что интересы Соединенных Штатов и Британской империи требуют, чтобы США имели средства морской и воздушной защиты Западного полушария... мы решили, без каких-либо просьб со стороны США, сообщить правительству Соединенных Штатов о том, что мы были бы рады предоставить им в пользование военные базы и аэродромы в наших трансатлантических владениях, в местах, которые они будут считать для себя нужными... и, конечно, речь не идет о передаче суверенитета...»⁵⁶⁹

На самом деле, британский суверенитет, выраженный в пенсах, шиллингах и золотых соверенах, стремительно таял. С начала войны Великобритания заплатила Соединенным Штатам наличными почти 4,5 миллиарда долларов (что соответствует примерно 160 миллиардам долларов в 2012 году) за продовольствие и материальные средства. Оставшиеся запасы золота и легкорезализуемые американские ценные бумаги составляли в общей сложности менее 2 миллиардов долларов, сумма, накопленная с начала войны, главным образом за счет экспорта керамики, шотландского виски и южноафриканского золота. На неотложные нужды требовалось

---

⁵⁶⁶ Roger Chesneau, *Conway's All the World's Fighting Ships, 1922–1946* (London, 1980) (HM S Lewes).

⁵⁶⁷ Cv/2, 780, 844–45.

⁵⁶⁸ Cv/2, 1246.

⁵⁶⁹ Shirer, *Rise and Fall*, 810–11; WCSHCS, 6269.

вдвое больше средств; в мирное время такое положение не обязательно оказалось бы катастрофическим, но американцы поставили условие – оплата наличными и без доставки. Великобритания отчаянно нуждалась в наличных деньгах для покупки материальных средств и в большем количестве судов для их доставки. «Это время было отмечено острой нехваткой долларов», – вспоминал Черчилль. Лорд Лотиан оценил положение, когда с предельной, несвойственной дипломатам откровенностью сказал вашингтонским репортерам: «Итак, ребята, Британия обанкротилась». Рузвельт предложил отправить в Кейптаун крейсер, чтобы забрать и привезти в Соединенные Штаты британское золото в слитках на сумму 20 миллионов долларов в качестве аванса за предоставленные услуги, предложение сродни тому, как если бы военнослужащий, не принимавший непосредственного участия в бою, снимал сапоги и часы с умирающего солдата⁵⁷⁰.

Результатом совещаний по вопросам поставок и финансов, которые Черчилль с Лотианом провели в выходные дни в середине ноября, стало длинное письмо Черчилля Рузвельту. Письмо от 7 декабря, содержавшее девятнадцать пунктов, Черчилль назвал «самым важным из всех когда-либо написанных мной». Суть письма сводилась к двум моментам: господство на море, Британия проигрывала сражение; и деньги, которых у Британии почти не было⁵⁷¹.

Письмо было деловым и откровенным, в нем не было даже тени намека на просьбы и заискивания, как в предыдущих посланиях. Черчилль был вежлив, но тверд. Он подробно остановился на «смертельной опасности», состоящей в неуклонном сокращении тоннажа торгового флота. «Если сокращение тоннажа будет и дальше идти такими же темпами, то это приведет к роковым последствиям... Фактически у нас остался единственный путь на Британские острова – это северные подступы, на которые противник сейчас бросает все больше подводных лодок и самолетов дальнего действия, простирая свои действия все дальше». Для того чтобы устранить эту угрозу, он попросил «в качестве дара, займа или поставок передать значительное количество американских военных кораблей, и прежде всего эсминцев, уже находящихся в Атлантическом океане»⁵⁷².

В письме он выразил беспокойство относительно поведения ирландцев по вопросу предоставления баз «на южном и западном побережьях Эйре⁵⁷³ для наших флотилий и, что еще более важно, для авиации, действующей к западу от Эйре в Атлантике». «Мы не можем вынудить народ Северной Ирландии против его воли выйти из состава Соединенного Королевства и присоединиться к Южной Ирландии. Но я не сомневаюсь, что если правительство Эйре проявит в период этого кризиса солидарность с демократическими странами мира, говорящими на английском языке, то можно было бы создать совет обороны всей Ирландии, в результате чего после войны в той или иной форме возникло бы единство всего острова».

Это должно было хорошо сработать в Америке, с учетом того, что значительная часть электората Рузвельта состояла из американцев ирландского происхождения, но посеять панику в Белфасте. Черчилль, более озабоченный чувствами американцев, чем ольстерцев, трижды направлял министра здравоохранения Малькольма Макдональда в Дублин к премьер-министру Имону де Валера с предложением об объединении Ирландии, если де Валера присоединится к Великобритании в борьбе против Германии. В 1938 году Макдональд, являясь Государственным секретарем по делам колоний и по делам доминионов, заключил торговое соглашение с Ирландией. Черчилль не принимал во внимание соглашение, но решил, что Макдональд именно тот англичанин, который найдет общий язык с ирландцами. Он ошибался. Де

---

⁵⁷⁰ WSC 2, 556–58; C&R-TCC, 1:102–9.

⁵⁷¹ WSC 2, 558.

⁵⁷² C&R-TCC, 1:107–8.

⁵⁷³ Эйре – в 1937–1949 годах – официальное название Ирландии.

Валера трижды отвергал предложения Макдональда, заявляя, что Черчилль может не выполнить обещание⁵⁷⁴.

В письме Рузвельту Черчилль поднял вопрос о возможности захвата Японией нефтяных месторождений в Голландской Ост-Индии. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, он только сказал, что, «по имеющимся сведениям, японцы готовят пять отборных дивизий для возможного использования в качестве заморского экспедиционного корпуса. А у нас на Дальнем Востоке сейчас нет сил, способных справиться с таким положением, если оно возникнет». И наконец, перейдя к вопросу о финансах, Черчилль дал волю своим чувствам. «Чем быстрее и больше вы сможете посылать нам вооружения и судов, тем скорее будут исчерпаны наши долларовые кредиты. Они и без того, как вам известно, сильно истощены в результате платежей, которые мы уже произвели... Близится момент, когда мы больше не сможем платить наличными за суда и другие поставки... я полагаю, вы согласитесь, что было бы в принципе неверно и невыгодно для обеих сторон, если бы в разгар этой борьбы Великобритания лишилась всех своих активов и оказалась раздетой до нитки после того, как победа будет завоевана нашей кровью». Заканчивая письмо, Черчилль выразил надежду, что Рузвельт расценит «это письмо не как призыв о помощи, а как сообщение о минимальных мерах, которые необходимо принять для достижения общей цели»⁵⁷⁵.

Рузвельту было над чем подумать. Он получил письмо Черчилля, когда, находясь в двухнедельном отпуске, совершал плавание на крейсере Тускалуза в Карибском море. «Великий друг, – как пишет Черчилль в своих воспоминаниях, – вновь и вновь перечитывал это письмо, сидя в одиночестве в своем кресле на палубе, и в течение двух дней казалось, что он не принял никакого определенного решения.

Он был сосредоточен и молча размышлял». Черчилль ясно дал понять в письме: Великобритания потерпит поражение, Соединенные Штаты останутся в одиночестве и не готовыми к войне, изоляционисты склоняют их к смертельно опасному нейтралитету, что может привести к примирению с Гитлером⁵⁷⁶.

Рузвельту, чтобы избежать таких последствий, требовалось найти способ помочь американскому ставленнику до того, как он обанкротится. Он обдумывал возможное решение проблемы в течение нескольких месяцев под давлением Гарольда Икеса, который в августовском письме объяснил президенту, что, если «Великобритания падет», это плохо отразится на Америке, которая не послала эсминцы, чтобы предотвратить вторжение. «Мне кажется, – добавил Икес, – что мы, американцы, подобны домовладельцу, который отказывается дать или продать огнетушитель, чтобы выручить соседа, дом которого объят пламенем, и ветер дует в его сторону». Ко времени возвращения в Вашингтон Рузвельт понял, что нашел законный способ оказать помощь Великобритании: федеральный закон позволял отдавать в аренду собственность армии, если в ней не нуждалось государство. 17 декабря Рузвельт сообщил журналистам, не вдаваясь в подробности, свой план оказания помощи Великобритании. Для наглядности он привел пример (вариант примера, приведенного Икесом): «Представьте себе, что загорелся дом моего соседа, а у меня есть садовый шланг длиной 400–500 футов. Если он возьмет мой шланг и подсоединит к своему насосу, то я смогу помочь ему потушить пожар. Каковы мои действия? Я не говорю ему: «Сосед, этот шланг обошелся мне в 15 долларов, ты должен заплатить за него 15 долларов». Нет! Мне не нужны эти 15 долларов, я хочу, чтобы он вернул мне шланг после того, как потушит пожар». «Господин президент, – сказал один из журналистов, – прежде чем одолжить соседу шланг, вы должны его купить». Для выполнения британских заказов американским заводам придется работать во вторую и третью смены; Америка не сможет

---

⁵⁷⁴ C&R-TCC, 1:107—8; WM/Malcolm MacDonald, 1980.

⁵⁷⁵ C&R-TCC, 1:107—8.

⁵⁷⁶ WSC 2, 567—69.

помочь Великобритании, работая в одну смену. Журналист был абсолютно прав. В своем рассказе Рузвельт не стал упоминать тот факт, что сосед нуждался не только в шланге, но и в пожарных⁵⁷⁷.

12 декабря в Вашингтоне внезапно скончался лорд Лотиан, игравший столь важную роль в отношениях между Великобританией и Соединенными Штатами. Лотиан, последователь учения «Христианская наука», отказался от медицинской помощи, когда почувствовал недомогание. «Возмутительно, что Лотиан не позволил вызвать врача!» – воскликнул Черчилль. Смерть Лотиана создала политический вакуум в Вашингтоне в самый неподходящий момент. Черчилль должен был назначить нового посла, и быстро. Для этой работы подошел бы Ллойд Джордж, но только, сказал Черчилль Колвиллу, «если я смогу ему доверять». В противном случае, добавил Черчилль, «я всегда могу его уволить». Но в ранге посла бывший премьер-министр попадает под начало Галифакса, который, утверждал Колвилл, «будет препятствием с точки зрения Л. Д.». Если же Галифакс отправится в Вашингтон, то в ссылке окажется еще один бывший миротворец. Черчилль остановил свой выбор на Галифаксе. Позже он написал: «Его высокое положение везде пользовалось уважением, но в то же время результаты его деятельности в предвоенные годы и то, как развивались события, привели к тому, что он был подвергнут осуждению и даже испытал враждебность со стороны Лейбористской партии нашей национальной коалиции». Черчилль сказал Колвиллу, что, если Галифакс останется в Великобритании, ему «никогда не удастся исправить свою репутацию миротворца» и что у него «нет будущего в этой стране». Если Соединенные Штаты не вступят в войну, сказал Черчилль, самое большее, на что может надеяться Великобритания, – это на невыгодный со всех точек зрения мир и что у него, Галифакса, «есть великолепное будущее в Америке», если ему удастся вовлечь в войну Соединенные Штаты⁵⁷⁸.

В последние недели месяца, когда Рузвельт обдумывал свою стратегию в конгрессе, Черчиллю ничего не оставалось, как наблюдать за горящим Лондоном и размышлять над двумя вопросами: что именно собираются делать американцы и когда? куда собирается двигаться Гитлер и когда? В течение многих месяцев Испания и Гибралтар вызывали серьезную тревогу. «Ультра» недавно разгадала немецкую операцию под кодовым названием *Felix* («Феликс»), но об операции ничего, кроме названия, не было известно. Черчилль считал, что операция «Феликс» предполагает нанесение удара по Ирландии или Испании. Наиболее вероятно, сказал он Колвиллу, что по Испании, поскольку именно туда он и пошел бы, будь он Гитлером. Именно туда стремится Гитлер, но Франко, находящийся у власти во многом благодаря поддержке Гитлера и Муссолини, возражает. Если Гибралтар будет захвачен, сказал Франко Гитлеру, то испанскими войсками, а не немецко-испанской коалицией⁵⁷⁹.

На самом деле генералиссимус не собирался нападать на Гибралтар. Британцы позволяли доставлять продовольствие испанцам только потому, что Испания сохраняла нейтралитет. Франко понимал, что стоит ему обеспечить немцам доступ к Гибралтару, как Лондон путем блокады заставит Испанию умирать от голода. Поэтому, несмотря на долг перед Гитлером, Франко решил, что лучше предвосхитить призыв Гитлера к оружию. Лучшее всего, считал он, не принимать участие в войне. В конце ноября Черчилль телеграммой предупредил Рузвельта о возможности потерять Гибралтар и посоветовал Рузвельту предложить Франко «поставки продовольствия месяц за месяцем до тех пор, пока испанцы не вступают в войну». Потеря Гибралтара, сказал Черчилль Рузвельту, «станет тяжелой добавкой к нашему и без того серьезному положению на море»⁵⁸⁰.

---

⁵⁷⁷ GILBERT 6, 694.

⁵⁷⁸ Colville, *Fringes*, 309, 321; WSC 2, 570.

⁵⁷⁹ Colville, *Fringes*, 314.

⁵⁸⁰ C&R-TCC, 1:86.

Если Гибралтар будет захвачен, то весь британский Средиземноморский флот окажется в ловушке, но только в том случае, если будет захвачен и Суэцкий канал. Франко, коварный, мысливший глобальными категориями, сказал фюреру, что если Германия захватит Суэцкий канал, тогда Испания захватит Гибралтар. Немецкий гроссад-мирал Редер уже давно понял важность Суэцкого канала для Лондона и в сентябре пытался убедить Гитлера следовать той же стратегии. Захват Гибралтара и Суэца, доказывал Редер, откроет пути на Ближний Восток, и тогда «едва ли будет так уж необходимо атаковать Россию с севера». Черчилль не знал, что 13 декабря Гитлер отменил операцию «Феликс» и что 18 декабря подписал директиву, которая начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы сокрушить Советскую Россию в ходе скоротечной кампании до окончания войны против Великобритании». К 15 мая требовалось закончить всю подготовку к операции под кодовым названием «Барбаросса»⁵⁸¹.

Позже Черчилль написал, что, когда в мае 1940 года немцы сосредоточились на французской и бельгийской границах и затем хлынули через них, он понял, что «нам предстояло узнать, что такое тотальная война». Действительно, тотальная война пришла во Францию и велась в Атлантике и в небе над Англией. Но в декабре 1940 года в большей части континентальной Европы – и в Маньчжурии, и в Сомали – мир при посредничестве штыка был намного страшнее тотальной войны.

Сталин, который в прошлом году вместе с Гитлером участвовал в уничтожении Польши, переваривал балтийские, финские и румынские территориальные захваты. В декабре министр иностранных дел Молотов, пользовавшийся наибольшим доверием Сталина, вернулся из Берлина после переговоров с Риббентропом относительно того, как лучше поделить трофеи, включая скелет Британской империи. Черчилль назвал Молотова человеком «выдающихся способностей и хладнокровно беспощадным», чья невероятная живучесть в большевистском мире лжи, оскорблений, интриг и постоянной угрозы «личной ликвидации» способствовала тому, чтобы стать «агентом и орудием» такого лидера, как Сталин. Но Гитлер был еще большим лгуном и более безжалостным, более хладнокровным интриганом, чем Сталин и Молотов. Хотя в декабре Гитлер направил армии на запад, его взгляд был уже обращен на восток⁵⁸².

На Дальнем Востоке пошел десятый год, как японцы захватили Маньчжурию, поработив население под идеей паназиатского единства. «Япония ест Китай как артишок, лист за листом», – написал Черчилль в 1937 году. Теперь шел четвертый год китайско-японской войны на границе между националистическими войсками китайского генерала Чан Кайши и армиями японского генерала Хидэки Тодзио. 400-тысячные коммунистические силы Мао Цзэдуна заставляли императора дорого платить за китайскую недвижимость. Премьер-министр Японии, принц Фумимаро Коноэ, придерживавшийся умеренных взглядов, пытался утихомирить милитаристскую партию Тодзио, делавшую ставку на грубую силу при завоевании империи. Если бы верх одержал Коноэ, то большая часть Тихоокеанского региона могла бы жить в мире и спокойствии. Если бы сильнее оказался Тодзио, то пантхоокеанской войны было бы не избежать, хотя Черчилль считал, что Япония дважды подумает, прежде чем связываться с державой столь же могущественной, как Великобритания⁵⁸³.

27 сентября в Берлине Германия, Япония и Италия подписали Трехсторонний пакт, согласно которому обязались оказывать взаимную помощь, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в войне. Тем самым ось противопоставила себя остальной части мира.

---

⁵⁸¹ WSC 2, 530.

⁵⁸² WSC 3, 568–69.

⁵⁸³ Winston S. Churchill, *Step by Step, 1936–1939* (New York, 1959), 137.

Позже Черчилль написал, что пакт «открывал более широкие горизонты», но представлял для него загадку относительно Бирманской дороги – 700 миль извилистой дороги от Лашио, бирманского города в 400 милях к северу от Рангуна, до Куньмина в провинции Юньнань на юго-западе Китая имели жизненно важное значение для националистической армии Чан Кайши. Британцы закрыли дорогу в августе, написал Алек Кадоган, в соответствии с соглашением между Англией и Японией о необходимости «специальных усилий для установления прочного мира на Дальнем Востоке». Япония не предпринимала усилий, ни специальных, ни каких-либо других, потому что действовала с позиции силы. Японские императорские армия и военно-морской флот, получавшие основную часть топлива из Америки – 7 тысяч баррелей нефти в год, – могли двинуться куда пожелают, чтобы привести свои угрозы в действие. Спустя почти три месяца, в октябре, Бирманскую дорогу вновь открыли, но возник вопрос: как на это отреагирует Япония? Если Токио ответит силой, то что сделают Италия и Германия? Нападут на Англию (снова)? И что сделает Америка?⁵⁸⁴

Держа в памяти эти вопросы и не имея в достаточном количестве боевых средств, чтобы отговорить японцев от необдуманных действий, Черчилль обратился к Рузвельту с предложением послать военную эскадру – «чем больше, тем лучше» – в Сингапур для предотвращения военных действий со стороны Японии. То, что демонстрация американской морской силы может спровоцировать японцев на решительные ответные действия против американцев, безусловно приходило в голову Черчиллю, понимавшему истинный смысл Трехстороннего пакта. *Держава, которая в настоящее время не участвует в войне*, являлась ключевой идеей пакта, разоблачавшей его как откровенную попытку оси предвосхитить вмешательство единственной импортирующей страны, еще не находившейся в состоянии войны: Соединенных Штатов. Черчилль рассчитывал, что американский флот, пересекающий японские морские пути в Малайю и Индонезию, может стать причиной того, что Соединенные Штаты вступят в войну. Американский флот не пошел в Сингапур⁵⁸⁵.

Весь год у Соединенных Штатов не было настроения решать сложные проблемы, подбрасываемые Черчиллем. Командующий военно-морскими силами адмирал Гарольд Старк (Бетти) не хотел отправлять свои корабли, находившиеся в безопасности в Пёрл-Харборе, в Сингапурский пролив для оказания помощи империи Черчилля. Но даже если бы захотел, то Америка еще была не готова к противоборству с Японией. Соединенные Штаты все еще боролись за выход из кризиса, наполовину осознавая, что приближается буря, и наполовину готовые, чтобы встретить ее. Америка пребывала в состоянии блаженного мира, на горизонте появился отблеск возрожденного экономического процветания. Если бы этот мир был нарушен, то никакое трехстороннее соглашение оси не могло помешать Америке вступить в войну, и при этом просьбы Черчилля не могли заставить Америку вступить в войну, если этот мир не был нарушен. Нельзя сказать, что Америку совсем не интересовали события в мире или, по крайней мере, в Европе. В 1940 году речь Рузвельта «кинжал в спину» собрала наибольшее количество слушателей. Миллионы италоамериканцев все еще считали дуче настоящим парнем. Американцы знали старую Европу, откуда приехали их родители, но Тихий океан – это совсем другая история. Для большинства американцев десятки островов – Гуам, Коррегидор, Уэйк, Мидуэй, Гуадалканал – были неизвестной землей. Только в последние недели 1941 года они – и большинство британцев – узнают, где находится Пёрл-Харбор⁵⁸⁶.

Америка понемногу перевооружалась. С целью усиления глобального присутствия военно-морской флот США (160 тысяч офицеров и матросов, меньше итальянского и германского флотов) заказал восемь новых авианосцев. Срок сдачи – 1945 год. Армия, слабая, 500-

---

⁵⁸⁴ WSC 2, 497, 523; Dilks, *Diaries*, 329.

⁵⁸⁵ C&R-TCC, 1:74.

⁵⁸⁶ *Time Capsule 1940: A History of the Year Condensed from the Pages of Time*, edited by Henry R. Luce (New York, 1968).

тысячная (включая Национальную гвардию), проводила полевые испытания нового транспортного средства общего назначения (General Purpose vehicle, GP). Кандидат от Республиканской партии на президентских выборах Уэнделл Уилки, а не изоляционист Роберт Тафт выступил против Рузвельта, дав понять миру, что ни одна американская политическая партия полностью не закопала голову в песок изоляционизма. Рузвельт утвердил законопроект о призыве в армию в мирное время; 800 тысяч человек были призваны в армию сроком на один год. Опустив слово «проект», когда объявлял о законе, Рузвельт назвал его возрождением «старого американского обычая трехсотлетней давности проводить смотр». Если верить его заявлению, что американские парни не будут отправлены за океан на войну, то возникает вопрос: где будут служить 800 тысяч человек, призванных в армию?⁵⁸⁷

С мая Черчилль безуспешно настаивал, приставал, просил Рузвельта присоединиться к нему в борьбе за выживание Великобритании. Его официальные письма Рузвельту, заполненные фактами и цифрами относительно британских потерь в воздухе и на море, производства оружия и финансов, за исключением длинного письма от 7 декабря, по тону были подобны письмам, которые девятилетний Уинстон писал из школы Сент-Джордж, ища одобрения матери и отца. В детстве Черчиллю казалось, что его отец «владел ключом от всего или почти от всего, имеющего ценность». В 1940 году этот ключ был у Рузвельта⁵⁸⁸.

Черчилль добился властных высот только для того, чтобы сверху обозревать страну, оказавшуюся в критическом положении. Он был защитником королевства, которое, вполне возможно, в скором времени могло оказаться беззащитным. Победы Королевских военно-воздушных сил – ограниченные и без гарантии, что будут продолжаться, – давали ничтожную надежду на будущую победу. Позже Черчилль напишет об этих месяцах, что «это было время, когда в равной мере было хорошо и жить и умереть». В те декабрьские дни прогноз Черчилля, ставшего свидетелем гибели Франции, мог как осуществиться, так и нет; в середине июня, во время последнего полета из Франции, Черчилль, повернувшись к Иسمею, спросил: «Вы осознаете, что нам, вероятно, осталось жить максимум три месяца?» Эти три месяца превратились в шесть, но при отсутствии союзника они просто явились отсрочкой смертной казни. Звездный час Британии уступил дорогу ее самым длинным ночам. Немцы не вторглись с моря, но, когда в апреле – мае Канал успокоится, когда сирень объявит о наступлении весны – и *Hitlerwetter*, – немцы, конечно, придут. Но Черчилль верил, что если немцы и появятся, то непременно потерпят неудачу⁵⁸⁹.

6 декабря из североафриканской пустыни пришло известие, что британская имперская армия на марше и, в отличие от британского экспедиционного корпуса в июне, продвигается вперед. Сразу после полуночи началась операция «Компас», – план Уэйвелла по выдворению итальянцев из Западного Египта, – когда британские войска, танки и грузовики покинули Мерса-Матрух и двинулись на запад, к лагерям итальянцев в Сиди-Баррани, находившемся в 75 милях и двух днях пути от Мерса-Матруха, города на берегу лазурного моря, который был оживленным портом и центром по ловле губок еще до основания греками Кирены (находился на территории современной Ливии). Отсюда приблизительно в 500 году до н. э. персидские войска Камбиса II вышли в пустыню на поиски оазиса Сива, и это была первая остановка на древнем караванном пути в Судан. Камбис со всей своей армией бесследно исчез где-то в пустыне, может, в большом «песчаном море» на юго-западе, может, во впадине Катара, огромной, безводной впадине, дно которой покрыто песком и солончаками, одной из самых ужасных географических особенностей планеты. В 331 году до н. э. Александр Великий, тоже в поисках

---

⁵⁸⁷ *Time Capsule 1940*.

⁵⁸⁸ C&R-TCC, 1:65–66; Churchill, *Early Life*, 33 (from Manchester, *The Last Lion*, vol. 1, and Cowles, *Churchill*).

⁵⁸⁹ Celia Sandys, *Chasing Churchill* (New York, 2005), 138; Shirer, *Rise and Fall*, 782–83.

оазиса Сива, прошел маршрутом Камбиса. Когда македонский царь пришел в оазис, оракул храма бога Амона в Сиве признал его новым фараоном Египта. Александр покинул оазис с верой в свою судьбу и завоевал мир. Спустя три века в Мерса-Матрухе (тогда он назывался Параитонион) любили проводить время божественная Клеопатра и ее возлюбленный Антоний.

Мерса-Матрух был связан с Александрией одноколейной железной дорогой, тянувшейся вдоль побережья рядом с дорогой, по которой шел Александр Великий. У британцев не было проблем с обеспечением поставок, но линии поставок итальянцев отстояли за сотни миль; это было их слабым местом. Согласно плану операции британский полевой командир, генерал-лейтенант Ричард О'Коннор переместил свои силы Западной пустыни – 30 тысяч человек, шестьсот пулеметов «Брен» и множество легких и тяжелых танков – из Мерса-Матруха в Сиди-Баррани, незаметно для противника. По обычаю сарацинов, тысячу лет назад понявших необходимость жить и умирать по законам пустыни, вдоль маршрута были спрятаны цистерны с топливом и водой для танков и солдат О'Коннора. Согласно плану О'Коннора, подойдя к стоянке итальянцев, его армия и танки должны были незаметно зайти с тыла к разрыву между лагерями Нибейва и Бир-Софари. Затем О'Коннор намеревался бросить свои танки и пехоту прямо на открытые фланги и атаковать с тыла – смелый маневр, учитывая, что в численном отношении итальянцы почти втрое превосходили силы О'Коннора.

Практика показывает, что для успеха атакующих сил их численность в месте атаки должна как минимум втрое превосходить силы соперника. Кроме того, к западу от Сиди-Баррани находились еще почти 150-тысячные итальянские войска. Исходя из этого 30-тысячная армия О'Коннора не имела практически никаких шансов на успех. О'Коннор планировал нанести одновременно удары с тыла и фронта. Его армия вполне могла занять место в военной истории рядом с 7-м кавалерийским полком Джорджа А. Кастера (битва при Литтл-Бигхорне, 1876 год), легкой кавалерийской бригадой (Балаклавское сражение, 1854 год) и частями АНЗАКа⁵⁹⁰ в Галлиполи (1915 год)⁵⁹¹.

Еще одним врагом О'Коннора было расстояние. Как только он покинул Мерса-Матрух, с каждой милей он отдалялся от линий поставки. Большую часть территории Ливии занимает пустыня, за исключением узкой полосы вдоль побережья, где единственная дорога петляет от Бардии на востоке до Триполи на западе. Море песка и слоистого камня, бездорожье, местность, лишенная растительности, каких-либо особенностей ландшафта. Итальянцы в Ливии не испытывали проблем с поставками благодаря безопасным морским линиям снабжения между Италией и Ливией. Армия О'Коннора оказалась одна в пустыне, настоящее экспедиционное подразделение, полностью оторванное от всего, что поддерживало его.

Уэйвелл и О'Коннор знали, как воевать в пустыне, в то время как итальянцы знали, очевидно, только то, как располагаться лагерем в пустыне. Британцы понимали, что мобильность является ключом к успеху в войне в пустыне. В этой войне уничтожение сил противника намного важнее, чем сохранение территории, – удерживать территорию в пустыне все равно что удерживать участок воды в открытом океане. Ближайшая цель Уэйвелла состояла не в том, чтобы армия О'Коннора пересекла песчаные моря Ливии, а просто разбить итальянцев в Сиди-Баррани и, если дело пойдет хорошо, продвинуться на 25 миль на запад. И для того чтобы осуществить задуманное, требовались: хитрость, огромная удача, внезапность нападения и враг, не имеющий особого желания сражаться.

Они получили все, что требовалось. В течение ночи с 8 на 9 декабря пехота О'Коннора при поддержке танков «Матильда» проложила путь между лагерями Нибейва и Бир-Софари.

---

⁵⁹⁰ АНЗАК – Австралийский и Новозеландский армейский корпус. В 1915 году корпус был расформирован, но термин остался и во время Второй мировой войны использовался для обозначения австралийских и новозеландских подразделений на всех театрах и во всех операциях. (*Примеч. авт.*)

⁵⁹¹ Celia Sandys, *Chasing Churchill* (New York, 2005), 138; Shirer, *Rise and Fall*, 782–83.

Итальянский летчик заметил британцев и немедленно доложил о «внушительном количестве единиц бронетехники», но ему приказали представить отчет в письменном виде. Если он и представил письменный отчет, то на него то ли не обратили внимания, то ли не прочли. В два часа ночи 9 декабря войска О'Коннора обошли с тыла лагерь в Нибейве.

Это была настоящая имперская армия, состоявшая из англичан, индусов, сикхов, ольстерцев, горцев и новозеландцев. Два полка «Матильд» были готовы поддержать пехоту – для этого и создавались эти 26-тонные чудовища. «Матильды», отличавшиеся мощным для своего времени бронированием, обстреливали из 40-миллиметровых QF 2 pounder пушек (двухфунтовки) легкие итальянские танки, прикрывая имперскую пехоту. После завтрака, состоявшего из бекона, горячего чая и глотка рома на дорожку, солдаты О'Коннора оживились. Со стороны итальянских лагерей ветер принес запах свежесваренного кофе и горячих булочек⁵⁹².

Британцы прервали их завтрак. Волынщики горцев Кэмерона сыграли сигнал к атаке; вопли воинов долетели до Нибейвы вместе с первыми выстрелами «Матильд». Танки двинулись вперед, за ними наступали горцы; под лучами утреннего солнца ослепительно блестя их штыки. Итальянцы яростно защищались с помощью пулеметов и гранат; генерал Пьетро Маллетти выскочил из палатки, начал стрелять и тут же был убит. Двадцать легких итальянских танков были превращены в груды дымящегося металла британскими «Матильдами», которые неуклонно двигались вперед и безжалостно давили итальянцев своими гусеницами. Менее чем за три часа все закончилось: лагерь был уничтожен, более 2 тысяч человек взято в плен. В 10 милях к северу ждали еще два лагеря. 1-й полк королевских фузилеров наступал на позиции итальянцев, гоня перед собой футбольный мяч. В итальянских лагерях выбросили белые флаги. В одном из лагерей британцы нашли пятьсот итальянцев, построенных в шеренги; перед строем стоял бригадный генерал, ожидавший какого-нибудь британского офицера, чтобы сдаться.

В течение двух дней танки и солдаты О'Коннора двигались вперед. 12 декабря были уничтожены все укрепления и, после обстрела «Матильдами» и крейсерами королевского флота, взят Сиди-Баррани. Успех был столь ошеломляющим и неожиданным; взятые в плен – 39 тысяч человек – превосходили в численном отношении победителей. Один британский командир батальона сообщил, что захватил «5 акров офицеров и 200 акров рядовых». Черчилль, в восторге от первых докладов, сослался на борьбу греков с итальянцами, когда сказал Колвиллу: «Что ж, нам не пришлось прибегать к помощи генерала Папагоса». Черчилль позвонил королю: «Мои скромные поздравления, сэр, с большой британской победой, большой имперской победой». «Впервые с начала войны мы смогли с полным основанием использовать слово «победа»⁵⁹³.

О'Коннор продолжал двигаться на запад, к Бук-Буку, где, согласно первоначальному плану, следовало прекратить наступление. Уэйвелл в Каире получил сообщение: «Мы достигли второго Б в Бук-Буке». О'Коннор наступал, беря в плен все больше и больше итальянцев. Муссолини был в ярости. «Пять генералов взяты в плен и один убит», – сказал он Чиано⁵⁹⁴.

Перед началом операции «Компас» Черчилль сказал Диллу, что Уэйвеллу следует действовать осмотрительнее и «не бросать в бой все имеющиеся силы». За неделю с начала операции Уэйвелл, – застенчивый, косноязычный Уэйвелл – которого всего несколькими месяцами ранее Черчилль считал несколько «глуповатым», превратился в героя. Черчилль узнал, что Уэйвелл написал две книги; не зная ни названий, ни темы, он приказал Колвиллу найти эти книги. Выяснилось, что молчаливый Уэйвелл был поэтом, историком, биографом и воином. В 1928 году он написал «Палестинские кампании» и только что издал свою последнюю работу

---

⁵⁹² Collier, *War in the Desert*, 26–33.

⁵⁹³ Collier, *War in the Desert*, 27–28; Colville, *Fringes*, 308–9.

⁵⁹⁴ Collier, *War in the Desert*, 29.

«Алленби», в которой рассказал, как фельдмаршал виконт Алленби⁵⁹⁵ во время Первой мировой войны сделал в Палестине то, что не удалось сделать ни одному британскому генералу в ту войну: полностью уничтожить противника при минимальных потерях со своей стороны.

Уэйвелл служил под началом Алленби на Ближнем Востоке и разделял точку зрения главнокомандующего: доверяйте подчиненным, давайте им четкие приказы и позволяйте им выполнять их. Демонстрируйте там, где это требуется, храбрость, моральную и физическую, но не из любви к опасности, а для того, чтобы выполнить тяжелую работу⁵⁹⁶.

16 декабря О'Коннор пересек ливийскую границу. Черчилль телеграфировал Уэйвеллу: «Теперь ваша цель измотать итальянскую армию и насколько возможно очистить от нее африканское побережье». Его телеграмма Уэйвеллу от 18 декабря звучала следующим образом: «Евангелие от Матфея, глава 7, стих 7» («Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»). Черчилль рисковал всем, отправляя солдат и танки из Великобритании в Египет, когда вторжение казалось неизбежным. Он рисковал и пока побеждал⁵⁹⁷.

К концу года налеты становились все ожесточеннее. 8 декабря бомба попала в здание палаты общин. На следующий день Генри (Чипс) Ченнон⁵⁹⁸ увидел Черчилля, бродящего по развалинам.

«Неожиданно я столкнулся с Уинстоном Черчиллем, одетым в пальто с меховым воротником и курящим сигару... «Это ужасно», – заметил он... и я увидел, что он очень взволнован, поскольку любит Вестминстер». Ченнон, разглядывая дымящиеся руины древнего здания, заметил: «Хорошее попадание». Черчилль проворчал в ответ: «Здесь Кромвель подписал смертный приговор королю Карлу». Вечером Ченнон написал, что «почувствовал историческое значение этой сцены – Уинстон, оглядывающий давно предсказанное им разрушение места, которое он любил»⁵⁹⁹.

В период с сентября до конца декабря Лондон перенес более 450 налетов; иногда в минуту сбрасывалось сто бомб. 29 декабря столица перенесла самый тяжелый налет. Это был воскресный день, наиболее предпочтительный для бомбардировки промышленных районов, когда склады с горючими материалами закрыты на выходные и нет дежурных, чтобы бороться с пожаром. Все было на стороне налетчиков. Резко упал уровень воды в Темзе; облачность была высокой, туман – тяжелым. 100-я бомбардировочная группа (K-group 100) поднялась в воздух с авиабазы в Бретани в 17:30 по местному времени и взяла курс на Лондон, на собор Святого Павла. За самолетами наведения следовали более двухсот бомбардировщиков с авиабаз, расположенных в Северной Франции. Налет продолжался всего два часа, но бомбардировщики сделали свое дело. Первый раз 100-я группа промахнулась на тысячу ярдов, сбросив бомбы на южный берег Темзы, рядом с Elephant and Castle. Остальные бомбардировщики сбросили бомбы точно на цель, Сити (финансовый квартал Лондона), так что в итоге пожары бушевали вдоль обоих берегов Темзы. Горела даже река⁶⁰⁰.

---

⁵⁹⁵ В «Харперской энциклопедии военной истории» Р.Э. и Т.Н. Депои говорится: «Действия Алленби в этой кампании [Палестинской] действительно выше всяких похвал. Четверть века спустя его достижения в пустыне превзойдет лучший тактик Второй мировой войны Э. Роммель». Заслуги британского главнокомандующего были оценены по достоинству. Эдмунд Генри Алленби был произведен в фельдмаршалы, ему был пожалован титул виконта и 50 тысяч фунтов стерлингов. В военной истории Алленби считается самым выдающимся английским полководцем Первой мировой войны.

⁵⁹⁶ GILBERT 6, 935; Colville, *Fringes*, 309; Mark Mayo Boatner, *The Biographical Dictionary of World War II* (New York, 1999), 602.

⁵⁹⁷ GILBERT 6, 935; Collier, *War in the Desert*, 29.

⁵⁹⁸ Ченнон (1897–1958), американец по рождению, в 1935 году был избран членом британского парламента от Консервативной партии. Согласно Джоку Колвиллу, сэр Генри был «первой знаменитостью лондонского *safe's society*, другом леди Кунард и Р.О. Батлера. Его произведения отличались утонченностью и остроумием. (Примеч. авт.)

⁵⁹⁹ Cv/2, 1204.

⁶⁰⁰ Mosley, *Battle of Britain*, 149.

Эдвард Р. Марроу начал передачу с крыши Би-би-си со слов: «Сегодня вечером бомбардировщики Германского рейха нанесли удар по Лондону, причинив наибольшую боль, поскольку удар пришелся по сердцу города. Собор Святого Павла, построенный сэром Кристофером Реном, с его огромным куполом, возвышающимся над столицей империи, продолжает гореть, пока я говорю с вами». Но собор Святого Павла, окутанный отвратительным черным дымом, не горел. По словам Марроу, нескольким пожарным, забравшимся под крышу собора, удалось справиться с зажигательными бомбами⁶⁰¹.

В других районах дела обстояли хуже. Немцы сбрасывали «хлебные корзины Молотова» – ротативно-рассеивающие авиационные бомбы (РРАБ)⁶⁰².

Была разрушена ратуша и восемь церквей Рена. Улица издателей и книготорговцев Патерностер-Роу была уничтожена полностью, сгорело около 5 миллионов книг. Среди утраченных, невозместимых сокровищ был указ Вильгельма Завоевателя о предоставлении Лондону свободы. В Ист-Энде вспыхнуло более тысячи пожаров, когда градом посыпались зажигательные бомбы. Пожары не утихали в течение двух дней. «Бедный старый Лондон, – написал Гарольд Николсон, – поденщица среди столиц, и, когда ее зубы начали выпадать, она действительно выглядит больной». На следующий день, когда Черчилль с Клементиной осматривали разрушенные районы, к ним подошла старая женщина и спросила, когда закончится война. «Когда мы их разобьем», – ответил Черчилль⁶⁰³.

Когда утром 30 декабря в Лондоне бушевали пожары, американцы, собравшись у радиоприемников, слушали, как Франклин Рузвельт в своих «Беседах у камина» рассказывает о положении в мире. Он подчеркнул необходимость охранять Атлантику, «где нашими соседями были и остаются англичане. На этот счет у нас с ними не было ни письменного договора, ни «устного соглашения». Однако мы верили, что сможем уладить все разногласия мирным путем, по-соседски, и это было подтверждено историей. В результате в течение более века Западное полушарие не знало агрессии ни со стороны Европы, ни со стороны Азии». И в конечном итоге, заявил Рузвельт, «ничто не ослабит нашей решимости помогать Великобритании». Зная, что многие избиратели родом из Ирландии и Италии, и им может не понравиться, что Америка собирается помогать Великобритании, Рузвельт сказал, что Ирландия и Италия – первая нейтральная, вторая «вынужденно ставшая сообщницей нацистов» – рано или поздно будут поработаны нацистской Германией. «В Азии великую оборону держит китайский народ – он ведет войну против японцев». Затем, как бы утверждая, что этим «сказано достаточно», он добавил: «В Тихом океане находится наш флот». Опасность исходит из Европы, где британцы сражаются в одиночку, и им необходимо оказать материальную поддержку. «По мере того как будут производиться самолеты, корабли, пушки и снаряды, правительство, исходя из рекомендаций своих военных экспертов, сможет определять, как их лучше всего использовать, чтобы обеспечить оборону нашего полушария. Вопрос о том, какую часть вооружений послать за границу, а какую оставить дома, мы должны решать исходя из общих военных потребностей. Соединенные Штаты должны стать военным арсеналом для всей мировой демократии. Для нас это неотложная и важная задача. Мы должны взяться за дело так же решительно и споро, с таким же патриотизмом и самопожертвованием, как если бы сами были в состоянии войны. Мы предложили британцам большую материальную помощь и в будущем сделаем в этом направлении

---

⁶⁰¹ Leonard Mosley, *Marshall: Hero for Our Times* (New York, 1982), 150–51.

⁶⁰² Зимой 1939/40 года советская авиация бомбила «белофиннов» РРАБ трех модификаций: РРАБ-3 массой до 250 кг, РРАБ-2 – до 500 кг, РРАБ-1 – до 1 т. За счет хвостового оперения бомба вращалась при падении, центробежной силой разбрасывая малые бомбы – фугасные, осколочные, зажигательные. Министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов в одном из своих радиовыступлений заявил, что советские бомбардировщики не сбрасывают бомбы, а доставляют продовольствие голодающим финнам. Финны немедленно стали называть советскую кассетную авиационную бомбу РРАБ «хлебной корзиной Молотова» или «хлебницами Молотова».

⁶⁰³ *НУТ*, 12/30/41; *TWY*, 132; *Klingaman, 1941*, 16.

еще намного больше. Никакие преграды не заставят нас от этого отказаться... Их сила растет. Это сила людей, которые ценят свободу больше собственной жизни»⁶⁰⁴.

Фразу «арсенал для всей мировой демократии» долго помнили по обе стороны океана. Это были дерзкие слова, обнадеживающие и многообещающие, но как быть с британской неспособностью платить за помощь? «Никакие преграды не заставят нас от этого отказаться». Но разве отсутствие у Британии наличных денег не являлось такой преградой? В последний день года Черчилль в телеграмме Рузвельту дал оценку «всего, что вы сказали вчера... особенно планов по оказанию нам помощи, без которой гитлеризм не может быть искоренен из Европы и Азии». Он опустил фразу, которая была в проекте телеграммы: «Запомните, господин президент, мы не знаем, что вы имеете в виду или, точнее, что Соединенные Штаты собираются делать, и мы боремся за наши жизни»⁶⁰⁵.

Черчилль и британцы дожили до конца года, который Черчилль назвал «самым прекрасным, как и самым ужасным, годом в нашей длинной английской и британской истории». Этот год, как он написал позже, превзошел год испанской Армады, кампаний Мальборо, побед Нельсона над Наполеоном, даже всей Первой мировой войны. В течение 1940 года «наш небольшой древний остров... оказался способным вынести всю тяжесть и удары судьбы мира... В одиночестве, но при поддержке всего самого великодушного, что есть в человечестве, мы дали отпор тирану на вершине его триумфа»⁶⁰⁶.

Он и его соотечественники, действительно не отступив и не дрогнув, бросили вызов тирану. Но пока не победили его.

Они сражались в новом 1941 году. В одиночку.

---

⁶⁰⁴ FDR broadcast, 12/29/40, Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum.

⁶⁰⁵ FDR broadcast, 12/29/40, Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum; Colville, *Fringes*, 321; C&R-TCC, 1:122 23.

⁶⁰⁶ WSC 2, 628—29.

Глава 2

Пороги 1941 год

Вскоре после полуночи 1 января 1941 года Черчилль телеграфировал Франклину Рузвельту: «В этот момент, когда Новый год начинается в шторм, я чувствую, что мой долг от имени британского правительства, да и всей Британской империи, сказать Вам, господин президент, насколько сильно наше чувство благодарности и восхищения незабываемым заявлением, с которым Вы обратились в последнее воскресенье года к американцам и свободолюбивым народам на всех континентах». Он вновь поборол желание напомнить президенту, что он и британцы понятия не имеют, что именно собирается делать Америка, как и когда. Он не знал подробностей относительно билля о ленд-лизе, который будет внесен в палату представителей США, и, конечно, не мог знать содержания билля, когда он вышел из сената, *если он вообще выходил из сената*. Когда билль начал свой путь через конгресс, то делал это на условиях Вашингтона, а не Черчилля. Если бы на это потребовалось слишком много времени, то Великобритания обанкротилась бы, довольно печальное обстоятельство для величайшей империи в истории, а теперь с вермахтом, готовым пересечь Канал, к тому же и фатальное. Тем не менее в последний день старого года Черчилль, по мнению Колвилла, был в хорошем расположении духа. Телеграмма Рузвельту выявила это хорошее настроение, приняв форму праздничных приветствий, в которых он обошел молчанием очевидную истину, которую не мог выразить открыто: если 1940 год окажется последним мирным годом для Америки, то, может, 1941 год окажется первым годом надежды для Великобритании⁶⁰⁷.

Хотя Черчилль заявлял, что у него «одна-единственная неизменная цель» – уничтожить Гитлера, те, кто работал с ним, часто не имели понятия, как он собирается достигнуть ее. «Его беспокойный ум», написал лорд Ноэль Аннан, который в 1941 году, будучи молодым человеком, работал в военном министерстве, «рождал одну идею за другой». Каждое утро, приходя на работу, Аннан задавался вопросом: «Интересно, какого кролика на этот раз вытащат из шляпы». Может, это будет «план Черчилля по высадке в Бордо или на Шпицбергене, Сардинии, в Северной Африке, на оконечности Суматры? Только Черчиллю было известно, в чем состояла цель этих экспедиций и как они могли избежать уничтожения превосходящими силами противника». Картами были чистые холсты, которые он усеивал булавками, и на которых рисовал стрелки – *свои* стрелки – в разных направлениях к желанным блестящим победам в неких отдаленных местах⁶⁰⁸.

Побежденные континентальные государственные деятели, члены королевских семей и голландское, бельгийское и польское правительства в изгнании встречали Новый год в лондонских клубах, отелях и частных домах. Король Албании Зогу жил в отеле «Риц». Норвежский король Хокон обедал в ресторане отеля «Кларидж», где вечером в меню появлялись мясо, рыба и фрукты, недоступные большинству лондонцев. Королева Нидерландов Вильгельмина жила в «Кларидже» и, бродя по коридорам в шерстяном халате, останавливала незнакомых людей, чтобы узнать последние новости. Чехословацкий президент в изгнании Эдуард Бенеш поселился в столице империи, которая двумя годами ранее предала его, создал правительство Чехословакии в изгнании и возглавил его в ранге президента. Когда осенью король Румынии Кароль II, Король-плейбой, искал убежище, министерство иностранных дел отказало ему на том основании, что он содержал любовницу. Черчилль немедленно отреагировал, отпра-

---

⁶⁰⁷ C&R-TCC, 1:120; John Colville, *The Fringes of Power: 10 Downing Street Diaries 1939–1955* (New York, 1985), 326–27.

⁶⁰⁸ WSC 3, 540; Noel Annan, «How Wrong Was Churchill?» *New York Review of Books*, 4/8/93.

вив записку в министерство иностранных дел: «Да, у него есть любовница... но с каких пор нравственный облик является помехой для предоставления убежища?» Кароль получил разрешение отправиться на Бермуды. Его несовершеннолетний сын, Михай, вступил на престол, остался в Румынии и ждал подходящего момента, чтобы расправиться с диктатором Ионом Антонеску. Ожидание было долгим. Короли Греции и Югославии появились позже весной, после вторжения вермахта в их королевства. Король греков Георг II поселился в «Кларидже». Петр, семнадцатилетний король Югославии, любил смотреть американские вестерны с балконов кинотеатров в Вест-Энде⁶⁰⁹.

Польский премьер-министр в изгнании Владислав Сикорский большую часть времени проводил в Шотландии, где была расквартирована 20-тысячная польская армия. В то время как поляки проходили обучение в Шотландии, «свободные французы» томились в ожидании на юге Англии. Шарль де Голль – многие на Уайтхолле называли его «этот упрямец де Голль» – с июня 1940 года засел в своей убогой штаб-квартире. Хотя в октябре он создал «государство» «Свободной Франции» в Бразавиле, Французская Экваториальная Африка, на самом деле, чтобы добраться до французских колоний в Азии и Северной Африке, ему было достаточно просто подойти к старым картам, висевшим на стенах его кабинета. Де Голль, Вильгельмина, Бенеш, Сикорский – все побежденные лидеры – мечтали о том дне, когда они победителями вернутся на родину. И Лондон должен был стать командным центром Свободного мира⁶¹⁰.

Более 600 тысяч детей из английских городов были эвакуированы в сельскую местность, но за границу их больше не отправляли. Они до конца оставались в Англии. Копию Великой хартии вольностей отправили в Вашингтон, но по распоряжению Черчилля британские произведения искусства остались в стране. «Спрячьте их в подвалах. Ни одно не должно пропасть. Мы должны победить», – заявил он. Теперь Лондон стал последней цитаделью для искусства империи, для высородных беженцев с континента и простых людей, которые прибывали в город в течение двух лет, последней остановкой для многих из них, включая Черчилля⁶¹¹.

Томас С. Элиот, ответственный за пожарную безопасность в издательстве «Фабер», где он работал редактором, в пяти словах отразил суть тяжелых испытаний, выпавших на долю народа: «История – ныне и Англия»⁶¹².

1 января Черчилль, возмущенный желанием Рузвельта утянуть в Америку оставшееся в Южной Африке британское золото, сказал Колвиллу, что любовь Америки к совершению удачных сделок может помешать ей стать добрым самаритянином, а это обернется фатальными последствиями для Великобритании. Он написал, а затем удалил из телеграммы, отправленной в канун Нового года, слова, отражавшие его недовольство политикой Рузвельта: «Я с удовольствием распоряжусь о погрузке золота на военные корабли, которые Вы сможете отправить в Кейптаун... Однако я считаю, что не должен забывать о своих обязанностях в отношении народа Британской империи, если, без малейших признаков, свидетельствующих о том, что наша судьба решается в Вашингтоне, мне придется расстаться с этим последним запасом, на который мы могли бы в течение нескольких месяцев покупать продовольствие». Так можно было сказать только другу. Рузвельт и Черчилль продолжали обмениваться телеграммами, хотя еще официально не оформили партнерство⁶¹³.

---

⁶⁰⁹ William K. Klingaman, *1941: Our Lives in a World on the Edge* (New York, 1989), 24, 92–93; ChP 20/36; ChP 20/21.

⁶¹⁰ Klingaman, *1941*, 24–25; ChP 20/36; ChP 20/21.

⁶¹¹ Colville, *Fringes*, 145.

⁶¹² Из поэмы «Литтл Гиддинг», написанной Элиотом в 1942 году. Литтл Гиддинг – небольшая англиканская община, основанная Николасом Ферраром в 1625 году в графстве Хантингдоншир. Оплот англиканства и роялизма во время гражданской войны 1641–1649 годов, общину трижды посещал король Карл I. Деревню, появившуюся на ее месте, в 1936 году посетил поэт.

⁶¹³ C&R-TCC, 1:121–22; Colville, *Fringes*, 327.

В последние часы первого дня Нового года Черчилль поднялся на крышу министерства иностранных дел вместе с новым министром иностранных дел Энтони Иденом. По мнению Колвилла, Иден был «тщеславным и временами истеричным». П.Дж. Григг, преемник Идена в военном министерстве, считал его «полным бараклом». Черчилль думал иначе и имел большие виды на Идена. Иден был бы рад остаться в военном министерстве после смерти лорда Лотинана и назначения Галифакса послом в Соединенные Штаты, но внял требованию Черчилля занять более высокую должность. Позже Иден вспоминал, что когда Черчилль предложил ему эту должность, то сказал, что «не повторит ошибку Ллойд Джорджа, оставшись на посту после войны, и преемник должен быть моим человеком». Спустя много лет все именно так и произошло⁶¹⁴.

Иден происходил из аристократической английской семьи. Со стороны отца в его роду был Роберт Иден, последний британский колониальный губернатор Мэриленда. Со стороны матери – семья Калверт и лорд Балтимор (рисунок его фамильного герба украшает флаг штата Мэриленд). Жена Идена упоминала Томаса Бекета в качестве дальнего родственника. В Первую мировую войну Иден был награжден Военным крестом и в 20 лет стал самым молодым начальником штаба бригады в английской армии. В Оксфорде он изучал русский, персидский и несколько арабских и китайских диалектов. Когда в конце 1935 года Болдуин сделал молодого военного героя и приобретающего влияние тори министром иностранных дел, Черчилль в письме Клементине написал: «Думаю, теперь ты увидишь легковесность Идена». Но Иден, не согласный с политикой умиротворения, в 1938 году ушел в отставку, чем вызвал уважение Черчилля. Черчилль готовил Идена в качестве своего преемника, поощрял и награждал; он научил его тому, что, возможно, не мог дать Идену собственный отец⁶¹⁵.

Итак, со своим будущим преемником Черчилль в ту ночь поднялся на крышу министерства иностранных дел. Воздух был пропитан запахом едкого дыма от десятков тлеющих пожаров. Над головой плыли рваные облака; шел холодный, мелкий дождь. Внизу раскинулся Лондон, погруженный в темноту более темную, чем во времена норманнов, когда скудный свет факелов из пропитанной смолой пакли отражался в Темзе и освещал Лондонский мост, указывая паломникам дорогу домой. Пристально вглядываясь в высокое, спокойное небо, изредка озарявшееся вспышками от выстрелов зенитных орудий, Черчилль и Иден задавались вопросом: что принесет новый год? Весь мир задавался тем же вопросом, хотя ответ был очевиден: он принесет бурю.

Некоторые в эти темные часы почувствовали грядущие возможности. Недавно повышенный в чине генерал-лейтенант Бернард Лоу Монтгомери, пятидесятитрехлетний кадровый солдат, командовавший союзным арьергардом при эвакуации из Дюнкерка, сын англиканского священника, верил в светлое будущее. Он командовал 5-м армейским корпусом, сменив на этом посту генерала Клода Окинлека, упрямого ольстерца, который, будучи командующим союзными войсками в Норвегии, просил и не получил тактической поддержки с воздуха, был вынужден предпринять наступление и потерпел фиаско. Он ушел в полной уверенности, что войска, не имея достаточной поддержки, не могут вести бой. Окинлек, открыто возмущавшийся тем, что солдат бросают в бой без необходимой поддержки, главное, без непосредственной авиационной поддержки, заработал репутацию чрезмерно осторожного человека и неприязненное отношение со стороны Уайтхолла. В результате он был переведен в Индию, где начинал свою военную карьеру и научился бегло говорить почти на всех диалектах Индийского субконтинента. Предполагалось, что противник не будет использовать в своих интересах

---

⁶¹⁴ John Colville, *The Churchillians* (London, 1981), 162; Colville, *Fringes*, 653; Anthony Eden, Earl of Avon, *The Reckoning: The Memoirs of Anthony Eden* (New York, 1965), 168, 215.

⁶¹⁵ Lewis Broad, *Anthony Eden, The Chronicle of a Career* (New York, 1955), 4–8; Eden, *The Reckoning*, 435; W&C-TPL, 408.

осторожность Окинлека, теперь в должности главнокомандующего войсками. Монтгомери не ладил с Окинлеком и приветствовал его перевод в Индию. Монти, как называли Монтгомери солдаты, считал, что у него отличные шансы на продвижение по службе, но его точку зрения не разделяли некоторые его начальники, считавшие его напыщенным и злобным, даже подлым. Он был вдовцом; четыре года назад жена умерла у него на руках от инфекции, вызванной укусом насекомого. В день похорон Монтгомери опоздал в штаб на совещание. «Господа, – сказал он подчиненным, – прошу простить мне минуту слабости». С тех пор он посвятил свою жизнь армии. «Неуживчивый характер» Монтгомери и его готовность применить газ в случае появления немцев произвели впечатление на Черчилля⁶¹⁶.

Впечатление на Черчилля произвел и сорокалетний герой Королевского флота капитан Луис (Дики) Маунтбеттен – правнук королевы Виктории, троюродный брат Георга V и двоюродный брат детей русского царя Николая II – был награжден орденом «За выдающиеся заслуги», когда в 1940 году сумел привести свой эсминец Kelly, торпедированный немецким торпедным катером, из Северного моря в порт. Черчилль продиктовал поздравительное письмо, а на копии приписал: «Я едва знаю его». Вскоре ситуация изменилась, поскольку Черчилль знал отца Маунтбеттена, принца Людвиг фон Баттенберга, который в 1914 году, будучи первым морским лордом, работал с Черчиллем; он привел британский военно-морской флот в состояние готовности к войне. Наградой за службу стал вынужденный досрочный уход в отставку на волне германофобии, захлестнувшей Великобританию. Тогда Черчилль смолчал. Теперь, возможно, чтобы искупить свое молчание, или потому, что не мог отказать герою, тем более аристократу, Черчилль живо интересовался Маунтбеттеном, который был бесстрашным и дерзким. И удачливым: на протяжении четырнадцати месяцев его торпедировали, бомбили, обстреливали; его эсминец столкнулся с другим кораблем и прошел над плавучей миной. В начале нового года Маунтбеттен командовал эскадрой эсминцев в Средиземноморье, где такие небольшие военные корабли, как Kelly, терялись с пугающей регулярностью. Командование столь уязвимым кораблем, как и его манера ведения морских сражений, не оставляли шансов на достаточно долгую жизнь, которая позволила бы добиться продвижения по службе⁶¹⁷.

Немного не дожил до Нового года Френсис Скотт Фицджеральд, а следом за ним в Женеве в начале января умер Джеймс Джойс. Вирджиния Вульф, давно страдавшая от приступов тяжелой депрессии, последовала за ними, наложив на себя руки. Немецкие бомбы разрушили ее лондонский дом. Доверяя свои мысли дневнику, Вульф написала: «Я думаю, мы живем без будущего. Так странно, прижавшись носами к закрытой двери». Глядя из окна на холмы, шпили и старые каменные стены Суссекса, она вспоминала печальные строки Уолтера де ла Мара: «Взгляд твой последний на все вещи прекрасные» – и в конце марта надела пальто, наполнила карманы камнями и утопилась в реке Оуз⁶¹⁸.

Большинство британцев – и в первую очередь Черчилль – видели будущее и были готовы бороться и умереть за него. Той зимой они поддались необъяснимым взрывам примитивных эмоций. «Давай еще!» – кричали в азарте лондонцы во время одного из налетов в начале января, бегая, словно безумцы, по улицам и «расправляясь» с зажигательными бомбами. Малькольм Маггеридж поймал себя на том, что наслаждается «звуком, видом и запахом этих разрушений... лицами свидетелей, причудливо освещенных огнем... казалось, будто поистине сбывается Книга Откровения Иоанна Богослова». Черчилль был един с лондонцами и Маггериджем. Каждая ночь, освещенная пламенем, давала еще одну прекрасную возможность жить

---

⁶¹⁶ Martin Gilbert, *Churchill's War Leadership* (New York, 2004), 72; Mark Mayo Boatner, *The Biographical Dictionary of World War II* (New York, 1999), 18–19, 372–73; Colville, *Churchillians*, 156–57.

⁶¹⁷ ChP 2/416; Colville, *Fringes*, 326; Boatner, *Biographical Dictionary*, 380.

⁶¹⁸ Klingaman, *1941*, 90–91.

или умереть, сделать шаг к тому дню, когда он сможет ознакомить Германию со своей версией справедливости⁶¹⁹.

Для многих молодых американцев, которые задавались вопросом, не окажутся ли они в числе этих 800 тысяч рузвельтовских призывников, необходимых для его «смотра», с наступлением нового года ситуацию прояснили местные призывные комиссии. Армия получила всех призывников; к призывникам в военно-морской флот и морскую пехоту предъявляются более высокие требования, чем к призывникам в армии, так что в случае вступления в войну Америка будет иметь некомплект матросов и солдат морской пехоты. В общем, почти миллион молодых американцев отправился в учебный лагерь, но пока еще не на войну. Те американцы, которые выбрали военную карьеру, обдумывали свои шансы на продвижение по службе. Дуайт Эйзенхауэр, пятидесятилетний подполковник армии США, до конца 1939 года служил в Маниле начальником штаба генерала Дугласа Макартура, командующего войсками США на Филиппинах. 1 января он был назначен начальником штаба 3-й дивизии. Эйзенхауэр сказал своему старому другу Джорджу Паттону-младшему, что способен командовать полком, но не питает особых надежд на то, что когда-нибудь достигнет более высокого положения. Фамилия Эйзенхауэр появилась в списке из восемнадцати офицеров, способных командовать дивизией, составленном для генерала армии Джорджа Маршалла; Эйзенхауэр шел под номером восемнадцать⁶²⁰.

Хотя в 1939 году Рузвельт приказал начальнику штаба армии Джорджу Маршаллу укрепить и усилить американские вооруженные силы к началу 1941 года, армия США занимала всего лишь семнадцатое место в мире; она была достаточно мощной, чтобы в случае необходимости справиться с Канадой или Мексикой, но недостаточно мощной для вермахта.

В Новый год французов мало интересовали последние новости из Лондона, Америки и любого места между ними. Мир, который французы знали и любили, исчез в июне прошлого года. В любом случае нацистские оккупанты были уверены, что французы почти ничего не знают о том, что происходит в мире. Погода была ужасной; стояли сильные морозы. На Ривьере сильный ветер принес холод и снег. Снежные заносы отрезали Марсель от остальной части Южной Франции. В Париже удлинились очереди за бесплатным питанием, и нехватка угля для каминов подписала приговор деревьям в городских парках. Парижанам оставалось только смотреть, как немецкие солдаты крадут продовольствие, прибывающее из Америки, Марокко и с юга Франции. Французы потерпели поражение и понимали, что в будущем их ждут только страдания, голод и рабство. 1 января Петен сказал соотечественникам, что в обозримом будущем «мы будем голодать». У старого маршала была, как и у всех остальных, продовольственная карточка. Он был побежденным⁶²¹.

А Шарль де Голль, находившийся в Лондоне, не был. Он постиг нерушимую силу мечты. 1 января де Голль обратился к народу Франции с просьбой оставаться в течение часа в закрытом помещении, символический, но впечатляющий протест, чтобы оставить пустыми улицы. Большинство французов никогда не слышали о де Голле до 18 июня прошлого года, когда, выступая из студии Би-би-си, этот второстепенный генерал объявил себя блюстителем и защитником чести Франции. Он сказал французам: «Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно потухнуть и не потухнет».

Он был католиком правого толка; его ораторские навыки оставляли желать лучшего, однако превосходили его политические навыки. Он не принадлежал ни одной партии; он при-

---

⁶¹⁹ Klingaman, 1941, 92; WM/Malcolm Muggeridge, 11/25/80.

⁶²⁰ Dwight D. Eisenhower, *Crusade in Europe* (New York, 1948), 9; Carlos D'Este, *Patton: A Genius for War* (New York, 1995), 390—91.

⁶²¹ Klingaman, 1941, 43.

надлежал Франции, точнее, был *выдуманным лицом* Франции, а учитывая изгнание, его присутствие было духовным. Плакаты с изображениями Черчилля, Гитлера, Муссолини, Сталина и Рузвельта висели на стенах в их странах, но правительство Виши уничтожило во Франции все изображения де Голля. Вишистские пропагандисты изображали его маленьким, толстым, уродливым неудачником. Французы не представляли, как он выглядит на самом деле; они знали только его голос, пробивающийся через помехи в эфире – как немцы ни старались, но им не удалось до конца заглушить Би-би-си. Когда Наполеону было столько лет, сколько в 1941 году де Голлю, его жизнь почти подошла к концу; миф, окружавший его, сложился. Де Голль только начинал. Он призывал к сопротивлению, и в ночной темноте вспыхнула искра. В воспоминаниях он пишет: «Я чувствовал, что заканчиваю одну жизнь... В сорок девять лет я вступил в неизвестность, как человек, которому судьба указывала необычный путь». Черчилль придавал огромное значение тому, что делал де Голль, который наполнял французов волей к борьбе, внушал им необходимость бороться. Черчилль делал почти то же самое с британцами, погружая слушателей в туманы и мифы английской истории, в душу Англии. Но разница была, и серьезная. Британцы видели и общались со своим Винни. Де Голль, несмотря на то что французы не представляли себе, как он выглядит, завоевал их сердца. Черчилль признал это; Франклин Рузвельт – нет⁶²².

Берлин встретил 1 января в мрачном настроении. Несколькими месяцами ранее вермахт прорвал линию Мажино. Угольные печи, койки и продовольствие, достаточное, чтобы кормить 250 тысяч человек в течение года, были отправлены с линии Мажино в немецкие бомбоубежища, где граждане, основываясь на заверениях своих лидеров, предположили, что добытое нечестным путем будет пылиться в силу ненужности. Но теперь Берлин подвергался бомбардировкам королевских ВВС, и пыль заполнила бомбоубежища, проникая с улиц, на которых горели дома берлинцев⁶²³.

Берлинцы заполняли бомбоубежища, но евреям вход был запрещен, фактически им был запрещен вход во все берлинские подвалы. Евреи испытывали свою судьбу на улице. Берлинцы были подавлены кровавым урожаем гитлеровских авантур и растущим осознанием того, что их жизнь при нацистах не имеет ничего общего с жизнью, которой они когда-то жили и надеялись жить дальше. Тиргартен, безлюдный, темный, молчаливый, был усеян воронками от бомб. В новогоднем обращении Гитлер подверг резкой критике «этого преступника» Черчилля, который в течение трех месяцев по ночам бомбит немецкие города «и – берлинцам это хорошо известно – его основная цель – больницы». Гитлер пообещал, что ответит на «преступления Черчилля», и заверил немцев, что «война будет вестись до конца, пока все преступники, ответственные за свои деяния, не будут уничтожены». Он добавил, что «согласно желанию поджигателей войны – демократов, и их еврейских союзников, эта война должна продолжиться. Представители рушащегося мира надеются, что в 1941 году они смогут добиться того, чего не добились в прошлом. Мы готовы... Год 1941 принесет нам окончательную, величайшую победу в нашей истории». Уильям Л. Ширер покидал Европу, в которой провел пятнадцать лет жизни, оказавшиеся «счастливыми – лично для меня, и для всех народов Европы», эти годы «были полны смысла и вселяли надежду, пока не пришли эта война, и нацистская зараза, и ненависть, и ложь, и политический бандитизм, и убийства, и резня, и невероятная нетерпимость, и страдания, и голод, и холод, и грохотание бомб, разносящих людей в домах на куски, грохотание бомб, разрушающих человеческие надежды и достоинство»⁶²⁴.

---

⁶²² Charles de Gaulle, *The Complete War Memoirs of Charles de Gaulle* (New York, 1964), 84.

⁶²³ Klingaman, 1941, 44.

⁶²⁴ Klingaman, 1941, 48; Brian Gardner, *Churchill in Power: As Seen by His Contemporaries* (Boston, 1970), 96; Charles Eade, ed., *Churchill by His Contemporaries* (New York, 1954), 140; William L. Shirer, *Berlin Diary (The Journal of a Foreign Correspondent 1934–1941)* (New York, 1941), 481.

Берлинцы, как и лондонцы, нашли способ, чтобы выразить свое презрительное отношение к происходящему. Немецкий военный марш *Wir fahren, wir fahren, wir fahren gegen Engeland* («Мы идем, идем, идем против Англии»), который прошлым летом бесконечно передавали по радио, когда британский экспедиционный корпус попал в окружение в Дюнкерке, был изменен: «*Wir fahren, wir fahren, wir fahren, schon seit Jahren, mit langen weissen Haaren, gegen Engeland*» (Мы маршируем, маршируем, маршируем; мы маршируем в течение многих лет; наши волосы поседел с течением времени, мы продолжаем идти в поход против Англии). Ширер приводит анекдот, который ходил по Берлину: «Самолет, в котором летят Гитлер, Геринг и Геббельс, терпит крушение. Все трое погибли. Кто спасся? Ответ: немецкий народ». Ширер, в отличие от Уайтхолла, понявший психологию нацистов, предсказал, что «Британия не выиграет эту войну, уморив голодом немецкий народ», поскольку «Гитлер, который никогда не был сентиментальным по отношению к негерманцам, позаботится, чтобы умер от голода каждый из 100 миллионов человек на оккупированной территории, прежде чем хоть один немец умрет. В этом мир может быть уверен»⁶²⁵.

За исключением бесчисленных народов, населявших Британскую империю, Черчилль сам был не особо сентиментален по отношению к небританцам, и в частности, к французам, после капитуляции Франции. В новогоднем обращении Петен объявил французам, что проблемы с продовольствием на юге Франции связаны с британской блокадой. Он не сказал соотечественникам, что поставки продовольствия из Соединенных Штатов во Французское Марокко, предназначенные для оккупированной Франции, немцы – с согласия Виши – отправляют в Германию. Помутнение рассудка у Петена привело в бешенство Черчилля, который выразил свое недовольство Рузвельту. Когда спустя несколько недель Государственный секретарь США Корделл Халл выразил протест в связи с длительной британской блокадой Виши, Черчилль с возмущением сказал Галифаксу: «Не могу поверить, что правительство Соединенных Штатов хочет, чтобы мы просто ничего не делали и продолжали войну, беспрепятственно пропуская в Германию все эти грузы, не только продовольствие, но и резину и другие материалы военного назначения». Он высказал Рузвельту свое отношение по этому вопросу в присущей ему манере: «К примеру, есть французское судно... с 3 тысячами тонн резины на борту, которая, конечно, предназначена не для изготовления сосок на детские бутылочки». Все боеприпасы и материалы, объяснил он Рузвельту, «идут прямо в Германию и Италию». По мнению Черчилля, если для того, чтобы не допустить поступления в Германию материалов военного назначения, потребуется отрезать пути поставки продовольствия во Францию, то так тому и быть. Суда, необходимые для снабжения Великобритании, не могут заниматься доставкой продовольствия во Францию, сказал он Рузвельту, тем более что Черчилль не хотел, чтобы британцам, «помимо тяжелых бомбежек, которые, вероятно, скоро возобновятся, пришлось затянуть пояса и лишиться немногих оставшихся удобств, считая, что я не прилагаю максимум усилий против врага». Если британская блокада означает, что французы должны голодать, чтобы британцы могли жить, так на то и война⁶²⁶.

Подводная блокада Великобритании привела к существенному исчезновению всех продуктов с полок кладовых. Все, включая кабинет, перешли на половинную норму довольствия (все, кроме важных персон, обедавших в ресторанах отелей «Кларидж», «Савой», «Риц» и других оставшихся целыми после бомбежек отелей). Городские жители, у которых были друзья в сельской местности, могли достать несколько яиц в месяц. Алек Кадоган был счастлив, когда купил десяток молодых курочек, но потом они перестали нестись. Индейки были в дефиците и дорогие. В неделю на одного человека приходилось менее фунта мяса с костями. Для страны, в которой на протяжении веков день начинался с бараньей отбивной и заканчивался куском

---

⁶²⁵ George F. Kennan, *Memoirs: 1925–1950* (New York, 1967), 130; Klingaman, 1941, 18; Shirer, *Berlin Diary*, 448–49, 459.

⁶²⁶ C&R-TCC, 1:147; CAB 65/18 (to Halifax).

жареного мяса, пудингом с говядиной и пирогом с почками, это было сродни катастрофе. Мало того что исчезли мясо и яйца, так исчезли и повара, дворецкие и судомойки в богатых и состоятельных семьях. Когда повара и прачки пошли работать на военные заводы, на кухнях и в прачечных Вест-Энда и в богатых загородных домах образовался дефицит прислуги. Молли Пантер-Доунес отметила заметный рост газетных объявлений, которые приносили в газеты «страдающие дамы», разыскивающие слуг, которым обещали, что они найдут «счастливую семью, огромную зарплату и безопасное место, где гарантированно ничего не будут знать о бомбежках». Слуги меньше занимались делами по дому, а больше починкой; летом 1941 года была введена система купонов на одежду, так что независимо от возможностей покупателя купить одежду за деньги не представлялось возможным. Каждый предмет одежды получил определенное количество «баллов» (к примеру, женское платье – 5 баллов, мужские брюки – 6); в год один человек мог купить одежду на сумму 48 баллов. Женщины до конца войны донашивали выходные платья. Замшевые заплатки на локтях мужских пиджаков делались теперь исключительно из практических соображений⁶²⁷.

У жителей Ист-Энда, стоявших на социальной лестнице даже ниже тех, кто обслуживал богатых, не было необходимости беспокоиться о дефиците одежды и говядины; они в любом случае не могли себе это позволить. Бедные ели Blitz soup, вязкую консервированную массу, навязанную министерством продовольствия, использовали в еду яичный порошок. Добропорядочным британским гражданам объяснили, что наблюдается дефицит требухи, а кур нет. В мясных магазинах появилась конина. Для ее покупки купоны не требовались, но она плохо продавалась. Как мусульмане отказываются употреблять в пищу свинину, так и британцы избегали употреблять в пищу конину⁶²⁸.

Но из розничной продажи исчезло не только свежее мясо. В магазинах не стало шелковых чулок; большинству были не по карману табачные изделия; лезвия для бритвы стали дефицитом; из магазинов исчезли ершики для чистки – женщины приспособились использовать их в качестве бигуди. После того как бомбы попали в газовый завод, начались проблемы с приготовлением чая. Требовался почти час, чтобы вскипятить воду. А вот проблема с жаркой мяса в отсутствие газа решилась сама собой, поскольку не было самого мяса. Вырисовывалась проблема, связанная с дефицитом угля, если поставки из Уэльса, с угольных шахт, в Лондон не увеличатся с существующих 250 до 410 тысяч тонн в неделю; по мнению Черчилля, ситуация сложная для понимания, учитывая затишье в блице и хорошее состояние железных дорог. При этом, согласно статистическим данным, британцы остались человечными и милосердными: почти 20 тысяч котов и кошек были спасены из разбомбленных зданий⁶²⁹.

Согласно проведенным опросам, вдвое снизился процент разводов; сохранился уровень рождаемости, и популярность имени Уинстон для новорожденных мальчиков возросла более чем втрое⁶³⁰.

Как ни странно, но, учитывая скудный рацион питания и отсутствие центрального отопления, сократились случаи пневмонии и дифтерии. Снизился уровень преступности, что, по мнению Черчилля, было странно, учитывая широкие возможности для грабежа – «гнусного» преступления, с его точки зрения. В некоторых случаях можно было найти оправдание содеянному. Черчилль сказал министру внутренних дел Герберту Моррисону, что приговор – пять лет каторжных работ, вынесенный шести пожарным, пойманным на краже виски из горящего паба, не идет ни в какое сравнение «с приговорами – три и шесть месяцев, вынесенными за

---

⁶²⁷ Mollie Panter-Downes, *London War Notes, 1939–1945* (London, 1972), 122—23, 139—40; Klingaman, 1941, 14.

⁶²⁸ Klingaman, 1941, 89–90.

⁶²⁹ Klingaman, 1941, 89–90.

⁶³⁰ Среди тех, кто выбрал это имя, была молодая пара из Ливерпуля, Альфред и Джулия Леннон, которые назвали своего сына, родившегося 9 октября 1940 года во время налета немецкой авиации на Ливерпуль, Джон Уинстон Леннон. (Примеч. авт.)

кражу драгоценностей». Пожарные, в конце концов, взяли виски для «собственного употребления», а не для личного обогащения. Старика бесил тупой бюрократический подход к делу. Когда лондонца оштрафовали на 100 фунтов за то, что он «без разрешения» расправился с бомбой замедленного действия, Черчилль пришел в ярость. За что, спросил он Моррисона, оштрафовали этого человека? За то, что он спас свой дом. И приказал «наградить героя медалью Георга»⁶³¹.

И когда, по всей видимости, «сумасшедшей женщине» присудили пять лет каторжных работ за сказанные ею слова, что «Гитлер хороший правитель и как человек лучше мистера Черчилля», Черчилль сказал Моррисону, что это «слишком суровый приговор»⁶³².

2 января Гарольд Николсон, прогуливаясь по Старому Лондону – все еще тлеющему после налета 29 декабря, – заметил небольшие группы угрюмых людей, стоявших у развалин. Он услышал, как те бормочут, что надо отомстить, чем сильнее и раньше, тем лучше. «Мы боремся с дьяволом, – написал вечером того дня Николсон, – и я не вижу, почему мы не должны бороться как дьяволы, чтобы они могли это увидеть». Во время прогулок он отметил едва различимый, но явно возросший скептицизм. Когда в ноябре во всех газетах было опубликовано известие о налете на Таранто, – на аэрофотоснимках были видны поврежденные итальянские корабли, – оно было встречено скептически, особенно представителями низшего социально-экономического класса, считавшими фотографии фальшивкой. Долгожданное известие, что греки нанесли поражение итальянцам в Албании, представлялось разносчиками газет как доказательство плачевного состояния британских вооруженных сил, поскольку разбитые греками итальянцы нанесли поражение англичанам в Британском Сомалиленде. Жители Ист-Энда сочли бессмысленными недавние победы, одержанные британцами над итальянцами в Северной Африке. Настоящий враг, Гитлер, продолжал бродить по Европе, спокойно и безнаказанно⁶³³.

Лондонская беднота была настроена скептически, тем не менее социалистам не удалось разжечь в Силвертауне, Степни и трущобах Ист-Энда революционные пожары. Жители Ист-Энда сохраняли преданность общему делу, даже когда горели и рушились дома, в которых они снимали жалкие квартиры. Теперь большинство людей предпочитали оставаться дома во время бомбежек, с презрением относясь к андерсоновским убежищам, которые, по словам социалистов, «не могли защитить петуха от дождя». Убежища Андерсона, по крайней мере, не представляли угрозы для здоровья, в отличие от импровизированных убежищ под железнодорожными мостами. Констебль, посетивший такое убежище, сначала услышал, а затем увидел его: «Первое, что я услышал, был глухой гул, словно там находились животные, которые стонали и кричали. И затем... невероятное зловоние, поразившее меня. Сильнее, чем запах трупов, резкий, тяжелый и такой мерзкий, что меня вытошнило. Я видел обращенные ко мне лица, освещенные фонарями и свечами. Это напоминало картину ада». Кокни было отказано даже в том, чтобы получить удовлетворение от чтения в газетах о своем бедственном положении. Министр информации Дафф Купер запретил печатать сообщения о количестве жертв и местах, куда попали бомбы. Рабочие, которые узнавали новости из коммунистической, паникерской газеты *Daily Worker*, уже не могли это делать после 21 января 1941 года, когда министерство внутренних дел без предъявления обвинений закрыло редакцию газеты. Однако в газетных некрологах содержались подкаски, в них сообщалось о «внезапных» смертях жертв бомбар-

---

⁶³¹ Медаль Георга – гражданская награда второго уровня в Великобритании и Британском Содружестве. Учреждена 24 сентября 1940 года королем Георгом VI во время «лондонского блища».

⁶³² Klingaman, 1941, 90; GILBERT 6, 895; ChP 20/36.

⁶³³ TWY, 136–37.

дировки. Если в некрологах говорилось о множестве «внезапных» смертей в каком-то районе, не вызывало сомнений, что этот район подвергся сильной бомбардировке⁶³⁴.

Уничтожение жалких трущоб Ист-Энда и Саутворка, Манчестера, Бирмингема и других промышленных районов вызывало ироническую реакцию жителей этих районов. Немцы избавили Великобританию от трущоб, сделали работу, которую правительство избегало делать в течение сорока лет. Лишившиеся домов лондонцы ждали в среднем пять месяцев, чтобы получить приемлемое жилье. Черчилль вкратце изложил Колвиллу план по оказанию помощи домовладельцам – до 1000 фунтов стерлингов (по курсу 2012 года около 55 тысяч долларов), и парламенту предстояло выполнить обещание. Черчилль приказал новоиспеченному министру труда Джону Рейту (до этого занимавшему должность министра транспорта) энергичнее продолжать работу по восстановлению разбомбленных районов. При этом Черчилль сказал Эдварду Бриджесу, секретарю кабинета министров, что «мы не должны позволить этим будущим послевоенным проблемам отнять силы, которые понадобятся, возможно, в течение нескольких лет для ведения войны». Кокни придется ждать десятилетие новых домов, бесперебойных поставок электроэнергии, угля, газа, воды и бензина. Ожидание качественной одежды и свежих, разнообразных продуктов затянется на десять лет. В начале 1941 года единственными товарами, регулярно поставляемыми британцам, были немецкие бомбы⁶³⁵.

В своих воспоминаниях Черчилль сравнил 1940 год со «стрельбой в водопаде» и назвал начало 1941 года «борьбой в порогах». В январе 1941 года единственная надежда – ленд-лиз – обсуждалась на далеком берегу. Черчилль и Англия сражались в одиночку, о чем премьер-министр ясно дал понять, сформулировав тему своих воспоминаний о 1940 годе следующим образом: «Тема данного тома: как британский народ удерживал крепость в одиночестве до тех пор, пока те, которые до этого были наполовину слепы, не стали наполовину подготовленными».

В исторической памяти американцев 1941 год начался 7 декабря. Для Черчилля и Великобритании на самом деле весь год шла длительная и тяжелейшая борьба в порогах. Да, Великобритания сражалась при полной поддержке доминионов, а с учетом того, что четверть населения земли проживало в Британской империи, заявление, что Англия сражалась в одиночку, может выглядеть поспешным. Но в значительной степени это было именно так. Канада в результате отправила в Великобританию 90 тысяч летчиков; они сыграли важную роль в бомбардировке Германии. Но первая канадская эскадрилья бомбардировщиков приняла участие в боях только в середине 1941 года. Три канадские пехотные дивизии и две бронетанковые дивизии были готовы к бою, но разбросаны по империи, включая дивизию в Великобритании и батальон в Гонконге. Австралия предоставила четыре пехотные дивизии. В течение года по мере возрастания угрозы нападения японцев энтузиазм Канберры по поводу войны в Европе ослабевал. Новая Зеландия за два года направила за границу 50 тысяч солдат и 10 тысяч летчиков, но в начале 1941 года в боевой готовности находился только новозеландский корпус генерал-лейтенанта Бернарда Фрейберга. Южная Африка предоставила три дивизии, но только для базирования в Африке, где Эрмин Роммель в течение года серьезно измотал их. В начале 1941 года направленные доминионами войска, вместе с британскими войсками, в численном отношении значительно превосходили силы оси. После падения Франции Гитлер *демобилиз*овал сорок дивизий, значительно больше, чем все вооруженные силы доминионов. Даже в конце 1941 года, после того как в течение месяцев шел спешный призыв на военную службу, силы Британской империи – девяносто девять дивизий – в численном отношении уступали

---

⁶³⁴ Leonard Mosley, *Battle of Britain* (New York, 1980), 136–37.

⁶³⁵ TWY, 136–37; ChP 20/36.

вермахту. В начале 1941 года почти все гитлеровские войска находились в пределах 600 миль от Лондона⁶³⁶.

Перспективы британцев в Средиземноморье и на Балканах, в случае появления на сцене немцев, выглядели сомнительными. В первых числах января больше 150 бомбардировщиков и истребителей люфтваффе базировались на Сицилии, всего в 100 милях и тридцати минутах лета от Мальты. Такая сила представляла угрозу для Средиземноморья от Французской Ривьеры до Северной Африки. Британцы могли противопоставить этой силе всего пятнадцать потрепанных «Харрикейнов», находившихся на Мальте, важнейшей части владений в Центральном Средиземноморье. Осажденная Мальта была окружена минными полями и итальянскими подводными лодками с моря и немецкой и итальянской авиацией с воздуха. Остров был Англией в миниатюре – изолированный и израненный, – но с двумя важными отличиями: немцы и итальянцы, а не Королевские ВВС господствовали в воздухе над Мальтой, и итальянский, а не Королевский флот окружал остров. Агрессивная стратегия, какой она была с прошлого лета, требовала захвата острова итало-германскими силами – флотом Муссолини и гитлеровскими парашютистами.

Грозные немецкие войска были отправлены на Балканы. В середине января почти 500 тысяч немецких солдат – по заявлению Берлина, «туристы», взявшие с собой танки и артиллерию – заняли позиции на румынском берегу Дуная, снова, как во времена Римской империи, граница отделила цивилизованный мир от варваров. Это была награда Румынии за присоединение к оси, решение, продиктованное по большей части необходимостью. Уступив в 1940 году требованию Сталина относительно возврата Бессарабии и Северной Буковины и требованию Гитлера относительно возврата Северной Трансильвании Венгрии, румынскому диктатору, генералу Иону Антонеску, ничего не оставалось, как присоединиться к Гитлеру, чтобы сохранить то, что осталось от Румынии. Сталину не пришлось в голову, что из 500 тысяч немецких солдат только около 20 тысяч нужны для обеспечения суверенитета Румынии. На другом берегу Дуная находились Югославия и Болгария. Болгария, по сути, была доиндустриальной страной. Ее лидеры и народ жили с уверенностью, что рано или поздно Гитлер или Сталин нарушит нейтралитет Болгарии. Куда бы Гитлер ни собирался направиться, ему требовалось пройти через Болгарию. Но дороги в Болгарии были в плохом состоянии, а железные дороги не предназначены для переброски современной армии. В отличие от Болгарии железная дорога связывала Югославию с Грецией, Венгрией, Румынией и Австрией. Гитлер нуждался в Югославии; Черчилль нуждался в Югославии. Гитлер мог захватить Болгарию; Черчилль не мог защитить ее. Черчилль сделал вывод, что немецкие «туристы» направляются на Балканы, к порогу Средиземноморья, это «поворот судьбы»⁶³⁷.

Германское военно-морское командование, понимая, о чем думает Черчилль, подготовили осенью документ, в котором говорилось о том, что «борьба за африканские территории» является «основной стратегической целью германских военных действий... Она имеет решающее значения для исхода войны». Плохо управляемые итальянцы не могли одержать победу, сражаясь в одиночку, что подтвердили унижение от греков, потери в Таранто и борьба против О'Коннора в пустыне. Редер предупреждал, что если ось не оккупирует вишистскую Северо-Западную Африку (Марокко, Тунис, Алжир), то это в свое время сделают Черчилль и голлисты с помощью промышленных мощностей Америки. По этой причине германское военно-морское командование пришло к выводу, что Германия должна оккупировать Северо-Западную Африку. Британцам повезло, что Гитлер был сухопутным воином, который редко (за исключением того, что касалось подводного флота) прислушивался к советам своих компетентных адмиралов. Гитлер, глядя в сторону России, согласился только на полумеры – направить само-

---

⁶³⁶ WSC 3, 4.

⁶³⁷ WSC 3, 4.

леты на Сицилию и войска в Румынию – в ожидании некоего будущего набега на Балканы, скорее всего в Грецию, чтобы помочь своему незадачливому союзнику⁶³⁸.

Черчилль в общих чертах обрисовал средиземноморскую стратегию в длинном меморандуме, адресованном Исмею и Комитету начальников штабов. Он видел три основные задачи, обратные тем, что видело германское военно-морское командование. Британцы должны удерживать то, что имеют от Суэца до Гибралтара; вступить в бой и разгромить итальянский флот и выдворить итальянскую армию из Африки (что делает О'Коннор, захвативший накануне Бардию); не пускать немцев в Средиземноморье. В отличие от Гитлера, издававшего директивы, являвшиеся приказами, простыми и понятными, не допускавшими иного толкования, Черчилль обдумывал, проверял и обращался за советом к своим военачальникам. «Основной и важнейшей задачей наших операций за границей в первые месяцы 1941 года, – написал он, – должен быть скорейший разгром итальянских вооруженных сил в Северо-Восточной Африке». Тобрук должен стать базой, с которой можно будет руководить ливийскими операциями. Необходимо очистить Восточную Африку от итальянцев. Это обеспечит безопасность Суэцкого канала и юго-восточного побережья Средиземного моря.

В Западном Средиземноморье существовала возможность, что Франко откажется предоставить Гитлеру беспрепятственный проход к Гибралтару, и тогда Гитлер может попытаться прорваться в Испанию через неоккупированную Францию в нарушение июньских условий перемирия. Черчилль считал, что в этом случае «правительство Виши может переехать в Северную Африку и возобновить войну оттуда или уполномочит сделать это генерала Вейгана». Черчилль предложил Петену и Вейгану помощь Великобритании, если они примут такое решение. Это была несбыточная мечта. Лидеры Виши считали, что Германия выиграет войну; на самом деле они *хотели*, чтобы Германия выиграла войну. Как Вейган в Марокко ненавидел де Голля, так и де Голль ненавидел Вейгана и яростно ненавидел фашиствующего государственного деятеля Пьера Лаваля. Французы придавали больше значения личным чувствам, чем чувству национальной чести. В июне прошлого года Вейган и Петен упустили возможность сражаться за честь Франции. Они прекратили борьбу, но перед заключительным актом предательства пытались вытянуть последние резервы Королевских ВВС. С каждым месяцем Черчилль все больше разочаровывался во французах. Однажды он сказал Колвиллу, а в другой раз гостям во время завтрака, что передай Британия «эти самолеты Франции... война, возможно, была бы проиграна»⁶³⁹.

Он не получил бы помощи в Западном Средиземноморье от вишистской Франции. А поскольку сотрудничество Лаваля с нацистами стало еще более очевидным, Черчилль сказал Колвиллу, что сожалеет об отсутствии Шарлотты Корде⁶⁴⁰.

Для защиты Восточного Средиземноморья он предложил объединить силы Югославии, Греции и Турции. По сути, надеялся убедить Балканские страны, что связку пшеничных стеблей сломать труднее, чем один стебель. Пришло время перебросить часть сил Уэйвелла из пустыни в Грецию, не только для того, чтобы помочь грекам, но и для того, чтобы поддержать югославов и турок. «Возможно, позиция Югославии определится в связи с помощью, которую мы оказываем Греции», – написал Черчилль, как и позиция Турции. Он предложил помериться силами с Гитлером. Но греки поняли, что самый надежный способ спровоцировать Гитлера – призвать британские войска вступить в бой. Генерал Александр Папагос отбросил итальянцев в Албанию, и ситуация казалась многообещающей, но греки голодали. Зима, а не итальянская армия ослабила решимость греков. Муссолини мог усилить свои албанские легионы, а премьер-министр Метаксас не мог. Он отчаянно нуждался в ресурсах – танках, противотанковых

---

⁶³⁸ William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany* (New York, 1960), 813, 816.

⁶³⁹ WM/Jock Colville, 10/14/80; Cv/3, 39, 973.

⁶⁴⁰ Colville, *Fringes*, 419.

орудиях, винтовках, самолетах, боеприпасах, продовольствии и одежде. Метаксас обратился за помощью к Соединенным Штатам, но конгресс только приступил к обсуждению билля о ленд-лизе, и Соединенные Штаты будут в первую очередь оказывать помощь Великобритании. Без помощи Метаксас не мог сокрушить итальянцев, тем более что полмиллиона немцев расположились на румынском берегу Дуная⁶⁴¹.

Черчилль оценил ситуацию в регионе и сделал вывод, что если немцы придут на помощь дуче в Грецию – через Румынию к Черному морю, а затем в Болгарию, – то Турция вступит в войну. «Если позиция Югославии останется твердой и ей не будут угрожать, если греки захватят Валону и укрепятся в Албании, если Турция станет нашим активным союзником, то, возможно, позиция России изменится в благоприятную для нас сторону. Всякому ясно, с какими неприятностями, если не со смертельной опасностью, должно быть связано для России продвижение германских войск к Черному морю или через Болгарию к Эгейскому морю. Только страх будет удерживать Россию от вступления в войну, и возможно, что сильный фронт союзников на Балканах наряду с растущим престижем английской армии, военно-морского и военно-воздушного флотов отчасти умерят этот страх». Британское присутствие, возможно, убедит Сталина объединиться с Великобританией, «однако мы не должны на это рассчитывать». Правильно. С учетом гитлеровских армий, расположившихся в Румынии, все эти черчиллевские «если» были маловероятны. Провокации Гитлера произвели столь ошеломляющее впечатление на югославское правительство, что оно даже отказалось в марте встретиться с Иденом, который прибыл в Грецию с просьбой принять предложение Черчилля об объединении усилий в борьбе с Гитлером. Метаксас продолжал отбиваться вежливым «нет» на предложение Черчилля об оказании военной помощи вплоть до своей внезапной смерти в конце января, оставив генералу Александру Папагосу, герою сражения с итальянцами, обдумывать предложения Черчилля, которые он в конечном итоге принял в начале марта. Турки, со своей стороны, вообще не собирались откликаться на предложение Черчилля. С одной стороны у них был Гитлер, с другой – давний враг, Россия, а в их армии не было ни одного танка. На самом деле Энтони Иден хотел, чтобы Турция осталась нейтральной по той простой причине, что Великобритания не могла обеспечить военную защиту Анкаре, если бы турки присоединились к Британии⁶⁴².

Черчилль закончил меморандум прогнозом, повторив то, что сказал Колвиллу и в палате летом прошлого года: «Не приходится сомневаться, что Гитлеру больше, чем когда бы то ни было, необходимо сокрушить Англию или уморить ее голодом. Ни большая кампания в восточной части Европы, ни поражение России, ни захват Украины и продвижение от Черного до Каспийского моря не дадут ему – вместе или в отдельности – победоносного мира, если в это время силы английского военно-воздушного флота будут постоянно возрастать за его спиной и ему придется держать в узде целый континент с его голодным, озлобленным населением». Но британские военно-воздушные силы еще не были достаточно сильны, чтобы существенно изменить ситуацию. Это могли сделать армии и хорошо вооруженные союзники. Но у Черчилля не было армий, и он не имел союзников. Но даже если бы имел и создал единый балканский фронт, то не смог бы, в отличие от Гитлера, обеспечить своих друзей современным оружием. На самом деле у Черчилля ни для кого не было оружия, ни устаревшего, ни нового. У Великобритании, в условиях подводной блокады, с тающими на глазах наличными средствами не было иного выбора, как держаться до конца на острове и в Средиземноморье⁶⁴³.

---

⁶⁴¹ Cv/3, 43.

⁶⁴² Cv/3, 44; Eden, *The Reckoning*, 270–72.

⁶⁴³ Kennan, *Memoirs*; Cv/3, 44.

Поток черчиллевских меморандумов, многие из которых касались самых обычных, житейских вопросов, превратился в реку; некоторые его подчиненные настаивали на том, что в реку, вышедшую из берегов. Начальник имперского Генерального штаба сэр Джон Дилл, обедая как-то вечером с сэром Джоном Рейтом, который до войны был сторонником Чемберлена, сказал, что только «одна из десяти записок Черчилля является полезной – иногда даже очень». Министры впустую тратят огромное количество времени, сказал Дилл, на «глупые записки премьер-министра». Действительно, в некоторых черчиллевских записках рассматривают вопросы, которые обычно не имеют отношения к Величайшим историческим личностям, но Черчилль не был бы Черчиллем без этих записок. Он любил размышлять о тонкостях ведения войны, а затем писать записки, которые заставили Дилла в разговоре с Рейтом высказать язвительное замечание в адрес премьер-министра⁶⁴⁴.

Среди интересовавших Черчилля вопросов был вопрос о том, на какой стадии находится разработка 4000-фунтовой бомбы, поскольку он хотел как можно скорее сбросить на рейх эту смертоносную бомбу. Захваченный идеей сбросить зажигательные бомбы на Шварцвальд, чтобы сжечь дотла все деревья, он предложил Королевским ВВС провести проверку оборудования в Ньеппе, где из-за засухи выгорел подлесок. Его вниманием завладела операция Razzle («Суматоха»), нацеленная на уничтожение зерновых культур в Германии, хотя большая часть сельскохозяйственных площадей находилась на востоке Германии, вне досягаемости Королевских ВВС. Он добивался от министра информации Даффа Купера более честного подхода к новостям, чтобы британцы могли верить тому, что читают в газетах и слушают по Би-би-си. Он настоял на том, чтобы пресса не сообщала о количестве жертв среди гражданского населения, объясняя это тем, что подобная информация может отрицательно сказаться на моральном духе пограничных войск, в которых, по его мнению, служили в основном британцы. Что касается продовольственной проблемы, то в одной из записок он сокрушался по поводу яичного кризиса, а в другой предложил решение: «На заднем дворе много отходов, которыми можно кормить домашнюю птицу и, следовательно, сохранять зерно». Он не забыл и сельскохозяйственных животных: «Следует отдать должное разведению кроликов... Они в основном питаются травой... так почему бы не разводить их в неволе?» Он пометил записку о кроликах «Действие в этот день». Он считал, что намного важнее накормить британцев, чем купить оружие, и требовал ввозить необходимое количество продовольствия «для поддержания оставшихся сил народа, даже если это несколько замедлит» наращивание военной мощи. Временами сквозь его холодность пробивалась жалость. Когда министр спросил, как лучше помочь тысячам бездомных, бродящим по Лондону, Черчилль предложил отправить их подальше от Лондона, где не будет воздушных налетов⁶⁴⁵.

Прочитав отчет генерала, который приказал, чтобы каждый солдат в его дивизии регулярно совершал семимильную пробежку, Черчилль написал записку следующего содержания:

«Правда, что в этой дивизии все от генералов до рядовых совершают семимильный бег по пересеченной местности? Полковник и генерал не должны изнурять себя, пытаясь соревноваться с молодыми парнями в беге по пересеченной местности... Что за генерал в этой дивизии и пробегает ли он сам эти 7 миль? Если да, то он, возможно, намного полезнее на футбольном поле, чем во время войны. Бегал ли Наполеон семимильный кросс в Аустерлице?.. По моему опыту... офицеры, имеющие высокие спортивные разряды, обычно не слишком успешны в достижении высоких званий»⁶⁴⁶.

Записки Черчилля, сказал Дилл Рейту, наводят на мысль, что он «зачастую не способен оценить и понять главные проблемы». На самом деле Дилл и Рейт были не способны оценить

---

⁶⁴⁴ Cv/3, 165.

⁶⁴⁵ Cv/3, 430; Colville, *Fringes*, 209 (Operation Razzle).

⁶⁴⁶ Cv/3, 173.

талант Черчилля схватывать суть всех проблем, не только очевидных для всех, но и очевидных только для него. Дилл ничего не ответил, когда Рейт спросил, не считает ли он, что Черчилль «сделал больше вреда, чем пользы, – то есть доставил больше неприятностей и огорчений тем, кто руководит войной». Рейт принял молчание Дилла за согласие. «Я уверен, – написал Рейт в дневнике, – что он [Дилл] сказал бы еще резче, чем я»⁶⁴⁷.

То, что не видели Дилл и Рейт, но видел Черчилль, и было «главным вопросом»: победа над гитлеризмом. Что касается его записок, оказывающих пагубное воздействие на «тех, кто руководит войной», то Рейт позволил пристрастному гневу взять верх над логикой. Войной руководил Черчилль. При этом он пытался создать образ безжалостного главнокомандующего, извергая громы и молнии, частично в надежде вселить страх в сердца немцев – в чем он потерпел неудачу, – но в основном чтобы поднять моральный дух соотечественников. В этом он преуспел. Марджери Аллингем, британская писательница, автор детективных романов, написала американской подруге: «Господин Черчилль – настоящий бульдог, воплощение британской агрессивности и живое олицетворение истинного британца в борьбе, не останавливающегося ни перед чем. Он никогда не отпустит. Он так создан, что не может дышать, если отпустит. После боя он поползет, неузнаваемый, в крови, счастливый, сжимая в зубах сердце врага».

Посадив Черчилля в седло, написала она, «британский конь получил хозяина, который, он знал, будет намного безжалостнее, чем кто-либо в Европе»⁶⁴⁸.

Французские моряки в Оране испытали черчиллевскую жестокость. Сотни тысяч немцев – в Дрездене, Гамбурге и Берлине – скоро оценят точность высказываний Аллингем. Через два года 40 тысяч немцев погибнет в результате трех ночных налетов Королевских военно-воздушных сил на Гамбург – такое количество британцев погибло в первый год бомбардировок люфтваффе. Черчиллю не доставляли удовольствия подобные методы ведения войны, но он считал, что для ведения войны необходима ярость. Его воспитание и почитание британской конституции гарантировали уважительные отношения с парламентом и начальниками штабов, отношения, которые исключали, в известной степени, односторонние действия, в которых бы присутствовала некая доля кровожадности, безрассудства или диктаторства. Однако, как он продемонстрировал в случае с Ораном, время от времени он вел себя так, словно существовало только его мнение. Он не был диктатором, но даже если был, то в начале 1941 года у него не проявлялись диктаторские наклонности. Он сказал Диллу: «Я сильно сомневаюсь в нашей способности воевать с немцами в любом месте на Европейском материке»⁶⁴⁹.

Черчилль – не знавший наверняка о планируемом Гитлером предательстве Сталина – мог только предполагать, что немцы и русские договорились между собой относительно принятия более действенных мер в части обмена важными материальными средствами, чем Великобритания и Америка. Фактически за четыре месяца, прошедшие с тех пор, как Рузвельт согласился передать пятьдесят американских истребителей, только несколько были готовы к бою, и все они были переданы в обмен на территорию, принадлежавшую Великобритании. Американские материальные средства убили не слишком много немцев. И приветственные и вдохновляющие речи Рузвельта убили не больше немцев, чем речи Черчилля. Прошлогодний британский финансовый кризис не пошел на спад; с каждым днем положение ухудшалось. Росли потери в кораблях и судах. Американские заводы производили башни и танковые двигатели – а вместе с ними уменьшались денежные резервы Великобритании, – но все это будет напрасно, если груз не дойдет до Великобритании. Перед наступлением нового года Черчилль, Иден, Бивербрук и министр финансов Кингсли Вуд встретились, чтобы обсудить важный вопрос, связанный с поставками, – цену, затребованную американцами. По слухам из лондонского посольства,

---

⁶⁴⁷ Cv/3, 165.

⁶⁴⁸ Margery Allingham, *The Oaken Heart* (London, 1991), 169–89.

⁶⁴⁹ ChP 20/36; WM/Lord Butler, 1980; WM/Viscount Antony Head, 1980.

американцы были готовы «умыть руки», если Великобритания не потратит более 250 миллионов долларов – половину оставшихся денежных резервов – на «программу Б», производство оружия и боеприпасов в количестве достаточном, чтобы полностью вооружить десять дивизий, что потребуется не раньше 1942 года. Британцев намного больше интересовала «программа А», производство авиационных двигателей, танков и патрульных судов, в которых они отчаянно нуждались. В ходе встречи было решено сказать американцам, что если они будут настаивать на первоочередности «программы Б», то британцы откажутся от обеих программ⁶⁵⁰.

В середине декабря Черчилль дал волю своему негодованию в телеграмме Рузвельту: «Если вы собираетесь «умыть руки», то есть не дать нам ничего, если мы не сможем заплатить... мы, конечно, не сдадимся», и, хотя Великобритания может жить, она «не в состоянии уничтожить нацистскую тиранию и дать вам время, которое требуется для перевооружения». Это письмо он тоже не отправил⁶⁵¹.

Черчилль, в знак благодарности, назвал свои воспоминания о 1941 году «Великий союз»⁶⁵².

Возможно, более подходящим названием, учитывая скромный, хотя и увеличивающийся поток материальных средств, поступающих из Америки, было бы «Великое состояние ожидания». Черчиллю в Лондоне был необходим американец, человек, занимающий высокое положение, человек, которому он мог бы доверять, человек, который бы понял, что действительно поставлено на карту. Рузвельту нужен был посредник в Лондоне, кто-то, чьим советам он мог доверять, человек, который мог проверить заявления Джо Кеннеди относительно упадка морального духа британцев, человек, который мог оценить, является ли Черчилль пьяницей, и понять, как он относится к Рузвельту. Они оба нуждались в человеке, который бы в силу своих способностей установил между ними контакт. В первую неделю января в Лондоне не было такого американца.

Но он был на пути в Лондон. Франклин Рузвельт отправил в Лондон человека, который производил впечатление среднего американца Джо. Это был Гарри Гопкинс, сын золотоискателя и коммивояжера из Айовы. Но Гопкинс не был средним американцем; он был самым доверенным советником Рузвельта, одинаково презираемым теми, кто ненавидел Рузвельта, и теми, кто любил президента, но, согласно биографу Гопкинса, Роберту Эммету Шервуду, «айовец сочетал в себе черты Макиавелли, Свенгали и Распутина». Гопкинс прибыл в Великобританию 9 января на гидросамолете. Министерство иностранных дел сочло его визит столь несущественным, что Черчиллю даже не передали телеграмму, извещавшую о его прибытии. Когда Черчилль узнал, что скоро в Лондон прибудет некий Гарри Гопкинс, он спросил: «Что за Гарри?» Но после того как Брэнден Брекен сообщил ему об особых отношениях между Гопкинсом и Рузвельтом, Черчилль, оценив значимость посетителя, приказал расстелить красные ковровые дорожки, если они уцелели после блице⁶⁵³.

Одеваясь к обеду 6 января, в день, когда он написал длинный меморандум Исмею, Черчилль рассказал Колвиллу о «Ледисмите и о том, почему он всегда вспоминает 6 января». В тот же день утром он отправил короткое сообщение генералу сэру Яну Гамильтону, другу со времен службы в Индии: «Вспомнил тебя и Вэггон-Хилл⁶⁵⁴, когда 6 января принесло изве-

---

⁶⁵⁰ Eden, *The Reckoning*, 203—4.

⁶⁵¹ C&R-TCC, 1:115.

⁶⁵² Выбрать «Великий союз» в качестве названия третьего тома военных воспоминаний очень по-черчиллевски: он выражает благодарность американцам за помощь в военное время и одновременно проводит сравнение между своим руководством войной и своего знаменитого предка, Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо, чей «Великий союз» разбил франко-баварскую армию при Бленгейме в 1704 году во время Войны за испанское наследство. (Примеч. авт.)

⁶⁵³ Robert E. Sherwood, *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History* (New York, 1948), 1, 14, 15, 234.

⁶⁵⁴ Waggon Hill – бурское правописание. (Примеч. авт.)

ствие о боевом подвиге». В послании Гамильтону Черчилль пишет, что два месяца, которые он провел в Южной Африке в должности лейтенанта легкой кавалерии во время второй Англо-бурской войны, когда британцы прорвали бурскую осаду Ледисмита, стали «одним из самых счастливых воспоминаний». Гамильтон командовал бригадой конной пехоты, удерживавшей жизненно важный холм южнее Ледисмита, Вэггон-Хилл.

Рано утром 6 января 1900 года буры пошли в атаку на позиции Гамильтона. Эта часть позиции была слабо укреплена, и поражает, как Ян Гамильтон мог оставить ее в подобном виде. Но Гамильтон не сдавал позиций, сплотил войска и в течение шестнадцати часов, пока гроза не возвестила о победе, удерживал гряды; если бы ее не удержали, город наверняка тоже не устоял и история могла пойти совсем иначе. Британские войска прорвали осаду Ледисмита, и Черчилль, вечно спешащий, первым из легкой кавалерии въехал в освобожденный город⁶⁵⁵.

На Вэггон-Хилл сражались люди XIX века в условиях XIX века. Для разведки и корректировки артиллерийского огня использовались воздушные шары. Из орудийных окопов раздавался грохот нарезных орудий. Сообщения передавали с помощью гелиографов. Оружие и все происходящее на поле боя было знакомо ветеранам сражений при Энтитеме, Колд-Харборе и Балаклав⁶⁵⁶.

Однако Вэггон-Хилл считается одним из первых сражений XX века, не только в силу временного фактора, но и потому, что использовались пулеметы с водяным охлаждением, обложенные мешками с песком огневые точки и ряды стальной проржавевшей колючей проволоки, на которой висели тела молодых англичан и буров. В тот день вместе с ними умерла эпоха, на которую пришелся период их возмужания. Спустя четыре десятилетия об их сражении давно забыли, кроме тех немногих, еще живущих, кто сражался вместе с ними, и тех, кто, подобно Уинстону Черчиллю, жалел, что их нет рядом.

Боевой подвиг, о котором написал Черчилль Гамильтону, – взятие Бардии – незначительная операция против итальянцев на ливийском побережье, которая не шла ни в какое сравнение с операцией по снятию осады с Ледисмита. Когда Черчилль рассказывал невероятные истории Колвиллу, Франклин Рузвельт готовился выступить с посланием «О положении страны» перед членами конгресса США, тем самым давая Черчиллю еще одну причину вспоминать 6 января. В 14:03 по восточному стандартному времени Рузвельт начал свое выступление. В течение пятнадцати минут в выражениях, которые, несомненно, вдохновили Черчилля и привели в бешенство Гитлера и изоляционистов, он пообещал поддержку странам, борющимся против оси, и более того: «Я также буду просить нынешний конгресс утвердить полномочия и ассигнования, достаточные для производства дополнительного вооружения и боеприпасов различных видов для передачи тем государствам, которые находятся в состоянии настоящей войны с государствами-агрессорами. Сегодня наша наиболее полезная и важная роль состоит в том, чтобы служить как их, так и нашим собственным арсеналом. Они не нуждаются в живой силе, но им для обороны нужно оружие стоимостью в миллиарды долларов. Настает время, когда они не смогут оплатить его полностью наличными. Мы не можем сказать им и не скажем, что им следует капитулировать по причине их неспособности заплатить за оружие, которое, как мы знаем, им необходимо. Я не рекомендую выделять им заем в долларах, которыми они будут расплачиваться за оружие, заем, который надо будет возвращать в долларах. Я рекомендую, чтобы мы создали для этих государств возможность продолжать получать военное имущество

---

⁶⁵⁵ Arthur Conan Doyle, *The Great Boer War* (Charlestown, SC, 2006); Colville, *Fringes*, 330; Cv/3, 29.

⁶⁵⁶ Сражение при Энтитеме – сражение в ходе Гражданской войны в США 17 сентября 1862 года между федеральной армией (командующий Джордж Макклеллан) и армией конфедерации (командующий Роберт Ли). Самое кровопролитное однодневное сражение в американской истории. Сражение при Колд-Харборе – одно из последних сражений Гражданской войны в Америке 31 мая – 12 июня 1864 года между федеральной армией Улисса Гранта и армией конфедерации под командованием генерала Ли. Вошло в историю как одно из самых кровавых сражений той войны. Балаклавское сражение – 13 октября 1854 года. Одно из сражений Крымской войны 1853–1856 годов между союзными силами Великобритании, Франции и Турции с одной стороны и русскими войсками – с другой.

в Соединенных Штатах, включив их заказы в наши собственные программы. И практически все их военное имущество может, если настанет такое время, оказаться полезным для нашей собственной обороны. Прислушиваясь к советам влиятельных военных и военно-морских экспертов, решая, что именно представляется наилучшим для нашей собственной безопасности, мы свободны решать, какая часть произведенного имущества должна быть оставлена здесь и какая часть направлена нашим зарубежным друзьям, своим решительным и героическим сопротивлением предоставляющим нам время для подготовки нашей собственной обороны. То, что мы посылаем за рубеж, должно быть оплачено, причем оплачено в разумные сроки после завершения военных действий, оплачено аналогичным имуществом или же, по нашему выбору, различными товарами, которые они могут произвести и в которых мы нуждаемся. Давайте скажем этим демократическим странам: «Мы, американцы, жизненно заинтересованы в защите вашей свободы. Мы предлагаем вам нашу энергию, наши ресурсы и нашу организационную мощь для придания вам силы в восстановлении и сохранении свободного мира. Мы будем направлять вам во все возрастающем количестве корабли, самолеты, танки, пушки. В этом заключаются наша цель и наши обязательства»⁶⁵⁷.

Так и было. Американские крейсера не отправлялись в Кейптаун, чтобы вывезти оттуда британское золото. Рузвельт хотел принять участие в качестве черчиллевского секунданта в этой дуэли. В Грецию, Китай и в первую очередь в Великобританию отправились танки, одежда, продовольствие, оружие, боеприпасы и топливо на сумму в несколько миллиардов долларов. Сырая нефть, по цене приблизительно 1,15 доллара за баррель; автоматы Томпсона, примерно по 200 долларов; недавно прошедшие испытания полутонные разведывательные джипы – порядка 800 долларов за машину, и новые бомбардировщики В-17 по цене 276 тысяч долларов за каждый – эти американские поставки действительно имели большое значение⁶⁵⁸.

Президентские слова – будучи реализованы конгрессом – облегчали острейшую финансовую проблему: отсрочка платежей за поставки давала Черчиллю выигрыш во времени. Но речь шла не просто о выигрыше времени для Великобритании. Рузвельт говорил о будущем Америки, которое будет иметь глубокие последствия для Черчилля и Британской империи. Свою речь, вошедшую в историю как речь о «четырех свободах», он закончил ссылкой на четыре основополагающих нравственных закона. Его речь была демонстрацией американского благородства и идеалов американской демократии. В ней не упоминалось о Черчилле и, за исключением двух ссылок на британский военно-морской флот, о Британской империи. Тем, кто, возможно, искал моральное основание для оказания помощи странам, выступающим против Японии и Германии, тем, кто спрашивал, к чему подобная щедрость, Рузвельт предложил свои «четыре свободы»:

«В будущем, которое стремимся сделать безопасным, мы надеемся создать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих свободах.

Первая – это свобода слова и высказываний – повсюду в мире.

Вторая – это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает, – повсюду в мире.

Третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, – повсюду в мире.

Четвертая – это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – повсюду в мире.

---

⁶⁵⁷ Franklin D. Roosevelt Presidential Library and Museum, 1/6/41.

⁶⁵⁸ H.L. Mencken, *The American Language, Supplement Two* (New York, 1962), 784–85 (derivation of «Jeep»).

Свобода означает господство прав человека повсюду. Наша поддержка предназначена тем, кто борется за завоевание этих прав и их сохранение. Наша сила заключается в единстве наших целей.

Осуществление этой великой концепции может продолжаться бесконечно, вплоть до достижения победы».

Франклин Рузвельт открыл внушительную дверь, которую Америка не будет и не сможет закрыть. Он не стал сразу делать резких движений. Они с Америкой еще были не готовы. Но он объявил о своем намерении переделать мир по американскому образу и подобию. «Наша поддержка предназначена тем, кто борется за завоевание этих прав и их сохранение» – четкое заявление, не признающее морального релятивизма. Обычно Рузвельт одобрял создание коалиций, но в данном случае сделал исключение для распространения свободы в одностороннем порядке.

Он объяснил, что диктаторам не будет места в этом новом мировом порядке. Он определил, что эти четыре свободы будут «повсюду в мире». Тем не менее он обещал поддержать Грецию, которой правил диктатор, и Китай, во главе с коррумпированным Чан Кайши. А как насчет демократических, либеральных империй типа Британской? Это Рузвельт обошел молчанием. В мире Черчилля «империя» и «свобода» были равноценными понятиями, если речь шла о Британской империи. Но не так было в мире Рузвельта, как, к огромному ужасу, узнал Черчилль в ближайшие месяцы и годы. Рузвельт объявил о своем намерении поддержать тех, кто получит и сохранит права: «Наша поддержка предназначена тем, кто борется за завоевание этих прав и их сохранение». Но в Британской империи такие права предоставляло правительство его величества. В Британской империи некоторые из тех, кто стремился обрести эти права, – Луис Бота, Майкл Коллинз, Махатма Ганди⁶⁵⁹ – считались террористами.

Реакцию на речь Рузвельта можно было предвидеть. Влиятельная немецкая газета *Deutsche Allgemeine Zeitung* назвала ее «эксцентричными аргументами в пользу проигранного дела». *Chicago Tribune* заняла почти такую же позицию, мрачно заявив, что билль о ленд-лизе – «это законопроект разрушения Американской республики. Это инструкция по установлению неограниченной диктатуры, наделенной властью распоряжаться имуществом и жизнями американцев, постоянно вести войны и вступать в альянсы».

Ожидание Черчилля почти закончилось. Он еще не читал закон о ленд-лизе, но уже достаточно слышал, чтобы 9 января выразить свою благодарность Рузвельту в речи по случаю отъезда лорда Галифакса в Вашингтон в качестве нового посла его величества: «Я приветствую как счастливое событие тот факт, что в нынешний момент жесточайшего международного кризиса во главе Американской республики стоит знаменитый государственный деятель, обладающий многолетним опытом правительственной и административной деятельности, в чьем сердце горит пламя сопротивления агрессии и угнетению, чьи симпатии и характер делают его искренним и несомненным защитником справедливости, свободы и жертв зла, где бы они ни находились»⁶⁶⁰.

Обещания Вашингтона затмили отъезд Галифакса. Но Черчилль нашел много добрых слов для раскаявшегося миротворца: авторитетный и деликатный человек, в компании которого находится одно удовольствие, и большая честь заслужить его дружбу. Эдвард Галифакс, сказал Черчилль, «никогда не уклонялся от исполнения своих обязанностей». Новая должность, по мнению Галифакса, не сулила ему особых перспектив. Он сказал Алеку Кадогану о своем ощущении, что премьер-министр пытается избавиться от него. Надо было не

---

⁶⁵⁹ Бота Луис – бурский военный и политический деятель; Коллинз Майкл – ирландский революционер, политический и военный деятель; Ганди Махатма – один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании.

⁶⁶⁰ WSCHCS, 6328.

иметь сердца, чтобы сказать Галифаксу, что он прав и что он, Кадоган, считает его назначение «серьезной ошибкой». А что касемо чувств Галифакса к американцам, то он написал Стэнли Болдуину, что ему «никогда не нравились американцы, за исключением отдельных личностей. Я всегда считал их ужасными». Тем не менее Галифакс с готовностью приступил к новым обязанностям и действовал умело и дипломатично⁶⁶¹.

В речи по случаю отъезда Галифакса Черчилль не допустил ни одной ошибки. Он не обращался напрямую к президенту, но на следующий день за завтраком близкий друг и советник американского президента Гарри Гопкинс, только что прибывший в Лондон, услышал от Черчилля много добрых слов в адрес Рузвельта, ластивых слов, которые, несомненно, явились неожиданностью для Гопкинса. Он все сделал правильно, поскольку понял, что Гопкинс не является обычным гостем.

Прежде чем новые партнеры могли перейти к вопросам финансирования британской войны, Черчиллю предстояло завоевать Гопкинса, а Рузвельту – вести политическую борьбу. Рузвельт знал, что ни один критик не может утверждать, что закон о ленд-лизе подразумевает участие американских солдат в войне, которую ведет Великобритания. Ленд-лиз только поможет гарантировать получение Великобританией изготовленной в Америке продукции, но не американских солдат. Он хотел подтолкнуть Америку довольно близко к борьбе Черчилля, но не настолько близко, чтобы вступить в нее. Последняя война и последовавший за ней убогий мир (многие американцы относились к ним как к подачкам старушке Европе) были свежи в памяти Рузвельта. Он не был патриотом Европы и действительно верил, что европейские сферы влияния неуклонно ведут к войнам в Европе. Он понимал, что если хочет присоединиться к делу Черчилля, то должен четко сформулировать новые принципы – четыре свободы, – на которых можно базировать предложенную политику. Рузвельт действительно считал, что поражение Англии ставит под угрозу Америку, то есть угрожает ее интересам. Многие в конгрессе были не согласны с его мнением. Но у президента и конгресса было достаточно времени, чтобы решить проблему. Никто не мог заставить Америку торопиться.

Закон о ленд-лизе «порадовал» Черчилля, написал Колвилл в дневнике 11 января, добавив, что, по мнению Черчилля, ленд-лиз является, «по сути, открытым объявлением войны» или, «по меньшей мере, открытым вызовом Германии, чтобы она объявила войну, если посмеет». Однако премьер-министру были также хорошо известны настроения министра финансов Кингсли Вуда, который сказал Колвиллу 10 января: «С учетом этого законопроекта [ленд-лиз] нам будет намного труднее противостоять стремлению американцев лишить нас всего, чем мы владеем, в оплату за то, что мы хотим получить»⁶⁶².

Закон о ленд-лизе пробивал себе дорогу через палату представителей и сенат США, и Черчилль понимал, что должен скрывать разочарование медлительностью американцев, и заставлял молчать своих коллег, которые были против сдачи в аренду Америке баз в Вест-Индии, считая это своего рода «капитуляцией». Черчилль знал, что плачевное состояние американских эсминцев и удар по национальной гордости из-за утраты баз в Вест-Индии в конечном счете не имеют особого значения. Истинное значение ленд-лиза, за что он был необычайно признателен, в том, что он на шаг приблизил Америку к войне. Ленд-лиз появился не потому, что Черчилль так успешно просил о помощи или перехитрил Франклина Рузвельта, – он этого не делал, – а потому, что Рузвельт, несмотря на огромный политический риск и серьезные раз-

---

⁶⁶¹ WCHCS, 6328; *Times*, 1/10/41; David Dilks, ed., *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945* (New York, 1972), 342; Cv/2, 1268.

⁶⁶² Colville, *Fringes*, 332.

ногласия, считал, что в интересах Америки помочь Великобритании, и полагал, что его соотечественники готовы вместе с ним пойти на этот шаг⁶⁶³.

Рузвельт понимал, что, отстаивая ленд-лиз, он должен избегать заявлений, направленных на изоляционизм, что ему следует больше сосредоточиться на моральном аспекте войны, чем на оружии, необходимом Черчиллю, поскольку без согласия народа оружие никогда не будет производиться в достаточном количестве. Подталкивая Америку к войне или, по крайней мере, подготавливая к войне, он не мог заходить слишком далеко. Рузвельт поставил в трудное положение президента Гарвардского университета Джеймса Конанта, заставив свидетельствовать в поддержку ленд-лиза перед конгрессом и убедив его в необходимости принятия закона, поскольку в противном случае Америка рискует подвергнуться нападению, если Великобритания потерпит поражение.

Изоляционисты не соглашались с его доводами. Хотя они не были против оказания Великобритании незначительной помощи, по мнению Конанта, они хотели иметь гарантию, что принятие закона о ленд-лизе «не станет первым шагом на пути вступления Америки в войну». Они бы не получили гарантий даже в том случае, если бы Рузвельт был расположен дать их, а он не был расположен, сказал Рузвельт Конанту. Рузвельту удалось обезвредить изоляционистов, которые не могли позволить себе выказать слабость при защите, как не могли критиковать не требующие доказательств «четыре свободы». Они знали своих соотечественников. В 1941 году Америка не слишком интересовалась побежденной истиной и абсолютным злом. В 1930-х годах Америка отгородилась от европейских проблем, поскольку, как утверждали изоляционисты, опасность грозила извне⁶⁶⁴.

Тяжелое положение Великобритании не слишком волновало изоляционистов, поскольку они видели в Великобритании все то, с чем боролась Америка: глубокие классовые различия, имперская элита, ставшая богатой за счет колоний. Может ли это королевство, этот уединенный остров, эта Англия, называться демократической страной? Такие вопросы поднимались в ходе дебатов в конгрессе. Изоляционисты были настроены крайне решительно. По мнению членов американской изоляционистской группы «Америка превыше всего», Рузвельт попался на крючок обещания Черчилля *никогда* не вступать в переговоры с Гитлером об окончании войны⁶⁶⁵.

Для многих американцев, и не только для членов изоляционистской группы, это была все та же старая Европа, повторение прошлого, когда Америка вступила в войну, а ей даже не вернули огромные кредиты, которые она предоставила союзникам для победы над кайзером. Все это понимал Черчилль. Он в достаточной степени уважал американцев, чтобы не вступать в дебаты. Вместо того чтобы пытаться воодушевить американцев, как он делал это со своими соотечественниками в 1940 году, Черчилль собирался вдохновить Гопкинса.

Черчилль знал, что его народ готов терпеть бомбардировки, но только до тех пор, пока верит в нечто большее, чем предстоящие ответные бомбардировки немецких городов. Британцы жаждали одержать полную победу над гитлеровскими армиями. И хотя он должен был обеспечить эту победу, местные жители всегда приветствовали его, когда он появлялся в районах, подвергшихся бомбардировке. Лондонцы, устанавливая на гудах разбитых кирпичей маленькие флажки Великобритании, заявляли Черчиллю, что полны решимости бороться до конца.

В тот год он посетил все основные промышленные города и порты Англии, Шотландии и Уэльса. Ему нравилось заскакивать на аэродромы, в казармы, на позиции зенитной артиллерии

---

⁶⁶³ John Rupert Colville, *Footprints in Time* (London, 1976), 153.

⁶⁶⁴ James Conant, *My Several Lives: Memoirs of a Social Inventor* (Boston, 1970), 229—31.

⁶⁶⁵ Conant, *My Several Lives*, 231.

и береговой обороны и произносить тосты за защитников, желательно под виски. Если проходивший мимо рабочий протягивал ему руку, когда он шел по Сент-Джеймс-стрит в направлении Уайтхолла, Черчилль пожимал ее. Он понимал, что людям необходимо видеть и слышать его. Он понимал, как важны для лондонцев фотографии, сделанные во время его посещений районов, подвергшихся разрушительным бомбардировкам, фотографии, глядя на которые каждый из них будет чувствовать так, словно их Винни приходил к нему домой⁶⁶⁶.

Он обладал удивительным умением выбирать время и место, чтобы запечатлеть на пленке символический момент, как в случае с его посещением весной палаты общин после ночной бомбардировки здания палаты общин. У него в глазах стояли слезы, когда, глядя на разрушенное здание, он пообещал, ровным, но напряженным голосом, что восстановит палату. Однако стоило появиться фотографу, как его поведение изменилось. Фотография запечатлела сцену, поставленную Черчиллем. Он снят в профиль на фоне разрушенного зала заседаний правительства, окутанного облаком пыли. Первое, что бросается в глаза, не разрушение, а упрямо выдвинутый вперед подбородок Черчилля. Его пристальный взгляд на подобных фотографиях всегда устремлен либо на потрясенную жертву бомбардировки, либо ввысь, на некоего невидимого врага, возможно, к высшей силе, хотя он мало верил в высшие силы. На всех фотографиях у него внимательный и оценивающий взгляд, словно он собирается изобразить увиденное на полотне. И невозмутимый, будто мысленно он одновременно и с жертвой бомбежки – будь то старая женщина, или разрушенное здание, – и где-то далеко. Это тяжелый взгляд обиженного человека, который полон решимости восстановить справедливость.

Посещение разбомбленной улицы, несколько слов, удачно принятая поза под вспышку или щелчок затвора фотокамеры, поза уверенного, невозмутимого человека – это все, что Черчилль мог предложить британцам во время затянувшегося блица. Он, конечно, не мог сообщить им данные о диспозиции морских и сухопутных сил, но мог сказать, что разделит с ними горе и страдания. И он говорил им: «Я ничего не обещаю и не гарантирую, за исключением того, что мы сделаем все от нас зависящее». И он ожидал, что они тоже сделают все возможное. Гарольд Николсон написал в дневнике: «Черчилль не пытается ободрить нас пустыми обещаниями». Черчилль знал своих соотечественников. Когда есть выбор – сообщить хорошие, но неверные новости или суровую правду, – он выбирал последнее, заявляя, что англичанам «она придется по вкусу»⁶⁶⁷.

Бродя по городу, Черчилль, как и Николсон, слышал, как лондонцы шепотом грозятся отомстить врагу. В Берлине Тиргартен, отгороженный веревкой, усеивали воронки от бомб, которых становилось все больше и больше. Но Черчилль прекрасно понимал, что ущерб, причиненный британскими бомбардировщиками, измеряется уничтоженными станками и топливными складами. С сентября немцы сбросили на Великобританию намного больше бомб, чем Королевские ВВС на Германию. Но даже если бы они сравнялись по тоннажу сброшенных бомб, то точность попадания в цель Королевских ВВС не выдерживала никакой критики. Как и цена, заплаченная летными экипажами за столь неэффективные действия. В небе над Германией погибло больше летчиков Королевских ВВС, чем на земле погибло жителей Берлина. Очередное свидетельство неэффективности Королевской авиации приняло форму сообщения, пришедшего в последний день 1940 года из британского посольства в Будапеште. Американский военно-морской атташе в Берлине заявил, что британские воздушные налеты на Берлин причинили «незначительный ущерб». Черчилль нашел, что это сообщение самое неприятное из множества подобных «печальных известий». Вопрос точности бомбометания, сказал он сотрудникам, «вызывает у меня серьезное беспокойство». И все же, хотя налеты Королевских

---

⁶⁶⁶ WM/Sir Robert Boothby, 10/16/80 («cool and yella»).

⁶⁶⁷ TWY, 114; WSHCS, 6529.

ВВС не причиняли особого ущерба промышленному производству Германии, они поднимали моральный дух англичан компромисс, на который был вынужден согласиться Черчилль⁶⁶⁸.

Со сборочных конвейеров сходили четырехмоторные бомбардировщики «Стирлинги» и «Галифаксы»; их бомбовая нагрузка составляла почти 7 тонн, в несколько раз превосходя бомбовую нагрузку бомбардировщиков люфтваффе «Дорнье» и «Хейнкелей». Тяжелые бомбардировщики «Авро-Ланкастеры» (готовые к летным испытаниям), максимальный боезапас которых составлял 10 тонн, несли, помимо десятков 30-фунтовых фосфорных бомб (еще не производились в достаточном количестве) и сотен зажигательных бомб, 4000-фунтовую бомбу (поступила на испытания осенью 1940 года). По мнению Профессора, атаки таких бомбардировщиков, основной целью которых были промышленные объекты Германии, имели важный побочный эффект: они должны были сломить моральный дух немцев. Гитлер, даже если он выйдет к Индии и Суэцкому каналу, проиграет войну, считал Черчилль, если Германия будет разрушена. В течение года Черчилль рассказывал друзьям и членам семьи, что он собирается сделать с немецкими городами; в выступлениях по радио он рассказывал это Гитлеру и немецкому народу. Черчилль предупреждал их: «Вы лезете вон из кожи, и мы приложим все силы. Возможно, скоро наша очередь; возможно, уже сейчас. Мы живем в страшную эру человеческой истории, но мы верим, что есть справедливость. Немцы должны перенести те же мучения на своей родине, какие они дважды за нашу жизнь причиняли своим соседям и всему миру»⁶⁶⁹.

В Германии не многие принимали его всерьез. Гитлер с издевкой называл его «известным военным корреспондентом». Не секрет, что Черчилль любил похвастаться, и он с нетерпением ждал тот день, когда его «Ланкастеры» – сотни «Ланкастеров» – покажут всем, и в первую очередь Гитлеру, что это были не пустые угрозы. Черчилль настаивал на увеличении производства газовых авиабомб, необходимых для «нанесения ответного удара». Количество газовых авиабомб – 7 тысяч – указывает на то, что Черчилль отводил им стратегическую, а не тактическую роль⁶⁷⁰.

Гитлер считал Черчилля препятствием к заключению мирного договора и обещал «сбрасывать 100 бомб» в ответ на каждую британскую бомбу до тех пор, пока Великобритания не избавится от «этого преступника и его методов». Фюрер назвал выступление Черчилля перед англичанами «проявлением паралитической болезни или бредом алкоголика». Черчилль, слушая граммофонные записи напыщенных речей Гитлера, получал удовольствие; он запрещал удалять приветственные крики поклонявшихся фюреру фашистских орд. Черчилль любил, расхаживая в халате по кабинету, повторять места, в которых Гитлер говорит о нем. Если бы Гитлер лучше разбирался в британцах, знал об их упорстве, то понял, что Черчилль и парламент будут стоять до конца. В разгар блица палата общин 341 голосом против 4 голосов отклонила предложение независимой Лейбористской партии относительно переговоров о перемирии. Учитывая традиционно сложные отношения между политическими партиями, это было удивительное заявление о намерении бороться и поддерживать Черчилля⁶⁷¹.

Однако многие, и в их числе Джок Колвилл (который приходил в ужас при одной мысли о победе нацистов), считали, что перспективы, которые даст компромиссный мир, предпочтительнее перспективы «измученной войной и экономическими проблемами Западной Европы; уничтожения наследия веков в искусстве и культуре; ухудшения здоровья нации от недоедания, нервного истощения и эпидемий; извлечения выгоды Россией и Соединенными Штатами из нашего бедственного положения; и, в конце концов, компромисс или пиррова победа». Такой

⁶⁶⁸ TWY, 136—37; Mosley, *Battle of Britain*; Cv/3, 825; Cv/2, 1314.

⁶⁶⁹ WSHCC, 6451.

⁶⁷⁰ Shirer, *Rise and Fall*, 779; Cv/2, 1243.

⁶⁷¹ Eade, *Churchill*, 141.

сценарий был предложен военным историком и стратегом Бэзилем Лидделом Гартом, который считал, что Гитлер, имея в виду судьбу Наполеона и оскорбительность условий Версальского договора, будет воевать даже при условии разрушения Германии и всей Европы. Черчилль заявил, что эта «теория устарела и он [Гитлер], похоже, скорее готов для психиатрической лечебницы, чем для серьезных действий», Любопытно, что Черчилль в течение долгого времени был сторонником другой теории Лиддела Гарта – всегда атаковать более слабого из двух противников⁶⁷².

Что касается непосредственной угрозы со стороны Германии и решающего сражения, то, изучив в начале января расшифровки «Ультра», Черчилль пришел к выводу, что зимой вторжения не будет и весной, вероятно, тоже. Выяснилось, что немецкие войска с северного побережья Франции и Бельгии двинулись на юг и, следовательно, уменьшилась вероятность вторжения. Черчилль решил не делиться своими выводами с американцами, опасаясь, что это может ослабить усилия США по обеспечению поставок Великобритании. Кое-кто из военных советников Черчилля, ознакомившись с этой расшифровкой «энигмы», не согласился с его мнением и настаивали на неизбежности вторжения. Черчилль поощрял их стремление готовиться к подобной возможности – готовить больше танков, больше артиллерии, больше канонерских лодок, больше пехотных дивизий. Его только устраивало наращивание военной мощи, поскольку с июня прошлого года он намеревался использовать силы в другом месте. Черчилль, как министр обороны, объяснил военному кабинету, что опять хочет усилить Уэйвелла на Ближнем Востоке, направив ему войска и танки из Великобритании. Черчилль обладал искусством убеждения, но не диктаторскими полномочиями; военный кабинет должен был одобрить наращивание сил на Ближнем Востоке, а руководство сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами стремилось удержать войска на острове. Черчилль настаивал на боевых действиях в Северной Африке, кроме того, он хотел заманить Гитлера в Северную Африку. Черчилль сказал Колвиллу, что «не видит, как вторжение [в Англию] может оказаться успешным, и теперь, просыпаясь утром... чувствует себя так, словно выпил бутылку шампанского и рад, что наступил новый день». Поскольку немцы, похоже, не собирались появляться в пределах его видимости, высадившись на британское побережье, Черчилль убеждал, что надо сражаться с итальянцами до тех пор, пока Гитлер не придет им на помощь. Тогда он сможет сражаться с немцами⁶⁷³.

Той зимой Черчилль ограничился на Европейском континенте несколькими неточными бомбардировками и множеством высказываний в адрес Гитлера. Он обращался с просьбами к Рузвельту. Писал огромное количество записок, посещал заседания военного кабинета, держал короля в курсе дел, ждал помощь из Америки и наступление лучшей погоды для бомбардировки. Метеоусловия имели как положительные, так и отрицательные последствия. Одни и те же штормы не позволяли как немецким ночным налетчикам подниматься в воздух, так и британским бомбардировщикам. В первые недели нового года стояла мерзкая погода. Континент от Москвы, где столбик термометра упал до 25 градусов по Цельсию, до дуврского побережья был во власти снега, дождя со снегом и сильного мороза. Снежные бури обрушились на Южную Францию, а оттуда двинулись на северо-запад через Бретань, затем, перебравшись через Канал, в Великобританию и в Атлантику, где обрушились на союзнические конвои. В Центральной Франции наблюдалась самая сильная метель за пятьдесят лет, в Венгрии – самая холодная зима более чем за сто лет. Голодающие испанцы теперь замерзали. В Бельгии на человека в день приходилось меньше 2 унций⁶⁷⁴ мяса. В Варшаве от сыпного тифа умирали дети;

---

⁶⁷² Colville, *Fringes*, 305.

⁶⁷³ Walter H. Thompson, *Assignment: Churchill* (New York, 1953), 220; WSC 3, 5; Colville, *Fringes*, 341.

⁶⁷⁴ В английской системе мер веса 1 унция = 28,349 г. (Примеч. ред.)

в городе не было хлеба, потому что Сталин с Гитлером поделили между собой весь польский урожай пшеницы.

К концу января количество жертв среди гражданского населения Великобритании с начала блица достигло 30 тысяч человек, половина общих потерь Великобритании с начала войны. Было уничтожено почти 500 тысяч жилых помещений и домов. С конца сентября немцы потеряли около 600 самолетов и экипажей, менее 2 процентов самолетовылетов. Но, несмотря на относительно незначительные потери, немцам не удалось многого добиться. По крайней мере, им не удалось причинить серьезный ущерб британской авиапромышленности⁶⁷⁵.

Воздушный блиц 1941 года, позже написал Черчилль, делится на три стадии. Первая стадия – январское затишье. Лондонцы называли относительно чистое небо «затишьем в блице». Затишье только усиливало тревогу, заставляя гадать, где и когда люфтваффе нанесут следующий удар; в эти недели, позже написал Черчилль, мы пытались «заглянуть в будущее и оценить наши испытания». Он попросил командование военно-воздушных сил, Бивербрука и руководителей разведки определить, связано ли временное затишье исключительно с ненастной погодой, или у немцев истощились силы для нанесения ударов с воздуха, или, что самое неприятное, это связано с более зловещими планами, осуществление которых намечено на весну. Черчилль потребовал предоставить ему полную информацию обо всем, что касалось немецких пилотов, двигателей, подготовки, самолетов и бомб. Профессор, получив информацию из разных ведомств, оценил статистические данные относительно немецких сил, которые со временем становились все более противоречивыми. Когда Черчилль созвал совещание в Чекерсе, чтобы прояснить ситуацию, никто не понимал, что хочет знать премьер-министр⁶⁷⁶.

Ясно было только одно: Макс Бивербрук решит любую проблему, связанную с авиацией. У Бивербрука было лицо горгульи, канадский акцент и абсолютная преданность Черчиллю. У него была астма, и он продолжал угрожать уходом в отставку, когда что-то вывело его из равновесия, а это случалось часто. Черчилль отказывался принимать его отставку. Крестовый поход Бивербрука в министерстве авиационной промышленности в середине 1940 года с целью увеличения производства истребителей, по мнению главного маршала авиации Жубера, «посеял панику», но, «несомненно, он сделал самолет, который выиграл битву за Британию». К началу 1941 года значительно увеличилось количество эскадрилий бомбардировщиков и истребителей Королевских ВВС, но воздушный флот люфтваффе в численном отношении намного превосходил 3 тысячи готовых к бою британских самолетов. Разрыв сокращался исключительно благодаря Максусу.

Всех британцев удивляло чистое небо, и они, конечно, были уверены, что это затишье перед бурей. Разве раньше перед тем, как Гитлер наносил удар, не устанавливалось затишье на несколько дней или недель? Молли Пэнтер-Доунес заметила, что лондонцы, похоже, наслаждались «последними неделями относительного покоя перед приближающимся хаосом». Ожидалась химическая война. Но что именно имелось в виду под *химической* войной? Эпидемии, чума и другие невообразимые болезни, причиной которых станет фантастическое оружие? Распространился слух, что завоеватели заставят английских женщин рожать немецких детей, а английских мужчин подвергнут стерилизации. (Правда была намного страшнее. Летом прошлого года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер составил *Sonderfahndungsliste GB*, «Специальный поисковый список по Великобритании». Шесть батальонов *Einsatzgruppen* – эсэсовские охотники-убийцы – должны были разместиться в шести самых крупных британских городах, чтобы обеспечить поимку и отправку в Германию в качестве рабов всех здоровых англичан призывного возраста.)⁶⁷⁷

---

⁶⁷⁵ Walter H. Thompson, *Assignment: Churchill* (New York, 1953), 220; WSC 3, 5; Colville, *Fringes*, 341.

⁶⁷⁶ WSC 3, 38.

⁶⁷⁷ Panter-Downes, *War Notes*, 134.

Паранойя проникла в официальные круги. Сэр Джон Андерсон, лорд – председатель совета, оказывал давление на беженцев из Европы, включая евреев, которые сбежали от нацистов, не захватив с собой документы⁶⁷⁸.

Сотни людей задержали и присоединили к тысячам других неангличан, которые с лета томились в лагерях. Артур Кестлер, раскаявшийся бывший коммунист, который прибыл в Великобританию без надлежащих документов, был упрятан в тюрьму Пентонвиль; он провел за решеткой почти два месяца, и за это время был опубликован его роман *Darkness at Noon* («Слепящая тьма»). «Это было ужасное время, – вспоминал актер Пол Хенрейд. – Мы подпрыгивали от каждого звонка в дверь... мы жили в постоянном страхе. Когда придет наш черед?» Однако большинство задержанных – за исключением ярых фашистов, таких как Освальд Мосли, – были освобождены в ближайшие месяцы. Страх Хенрейда стал бы еще сильнее, если бы он знал, что Гимmlеру были известны имена тех, кто сбежал в Англию; их фамилии были в *Sonderfahndungsliste GB*. Их требовалось найти и убить. Страх и паранойя охватили Ирландию после того, как немецкие самолеты в начале января сбросили свой груз на ирландские фермы. Однотонная парашютная бомба залетела в еврейский квартал Дублина и попала в синагогу; Геббельс заявил, что это сделали британцы, чтобы опорочить Германию в глазах ирландцев⁶⁷⁹.

Страх англичан породил бдительность, и это устраивало Черчилля. В начале года его самая неотложная проблема состояла не в том, чтобы не позволить немцам высадиться в Англии, – он не верил, что они предпримут вторжение. Наиважнейшей проблемой являлась проблема доставки продовольствия и боеприпасов. С октября прошлого года подводные лодки на западных подступах потопили более 150 британских судов, в среднем 70 тысяч тонн в неделю. Отвратительная январская погода способствовала уменьшению потерь, но в начале февраля, когда Геринг в отпуске наслаждался своими игрушечными поездками⁶⁸⁰ и ворованными предметами искусства, адмирал Редер попросил Гитлера усилить подводный флот адмирала Дёница за счет нескольких десятков из примерно двухсот геринговских четырехмоторных дальних многоцелевых бомбардировщиков «Фокке-Вульф-200».

Крейсерская скорость гордости геринговского воздушного флота составляла 220 миль в час, бомбовая нагрузка – до 4400 фунтов, и он имел дальность полета, позволявшую ему вылететь из Норвегии, облететь Британские острова и приземлиться в оккупированной Франции. Бомбардировщики, утверждал Редер, могут служить в качестве разведчиков и поражать суда, прокладывая путь в порты. Гитлер удовлетворил просьбу, и результат сказался незамедлительно. В феврале немецкие подводные лодки потопили британские корабли общим водоизмещением 320 тысяч тонн, включая 86 тысяч потопленных немецкими самолетами. Потери в судах были настолько велики, и столь незначительным было прикрытие портов с воздуха, особенно в ночное время, что предлагалось посадить в кабины истребителей кошек. Идея состояла в том, чтобы летчики Королевских ВВС (получавшие дополнительные порции моркови для улучшения зрения) стреляли в том направлении, куда смотрят кошки, которые ночью видят намного лучше людей. Если у кого-то была идея получше, то было самое время предложить ее, поскольку Великобритания, учитывая потери в судах и разрушенные порты, чувствовала себя

---

⁶⁷⁸ С 1933 года министерство внутренних дел Великобритании предоставило иммиграционный статус 200 тысячам евреев из Европы, в то время как США приняли 160 тысяч евреев. См. *Clarke P. The Last Thousand Days of the British Empire*. New York: Bloomsbury Press, 2008. P. 409. (Примеч. авт.)

⁶⁷⁹ Klingaman, 1941, 88.

⁶⁸⁰ В имении Геринга Каринхолл нашлось место не только «трофейным» произведениям искусства со всей Европы, но и любимым игрушкам рейхсмаршала, макетам железных дорог. Первый макет был устроен на чердаке между 1933 и 1938 годами. Однако движущимися составами дело не ограничилось. Геринг и тут задействовал авиацию. К потолочным балкам крепились самолеты, которые могли сбрасывать деревянные бомбы на проходящие внизу составы. Управление ими осуществлялось с общего пульта, бомбы крепились посредством электромагнитов. Но, главное, был смоделирован горный ландшафт вокруг стенда, откуда поезда обстреливала игрушечная артиллерия.

как никогда изолированной. «Смертельная угроза нашему существованию терзает мне душу, – написал Черчилль. – Судьба 1941 года будет решаться на море»⁶⁸¹.

Черчилль не знал, что у Дёница всего двадцать две подводные лодки во французских портах на Атлантике и что он может одновременно отправить в море порядка дюжины лодок. Эти месяцы давали немецкому военно-морскому флоту наилучшую возможность выжать жизнь из Великобритании, но у Дёница для этого не хватало лодок. Однако он достаточно близко подошел к тому, чтобы править морями, и, когда сообщение об очередной гибели судна достигло Черчилля, он раздраженно перебил Колвилла (который назвал сообщение тревожным): «Тревожное? Ужасное. Если так будет продолжаться, нам придет конец»⁶⁸².

Сейчас вспышка Черчилля может показаться преувеличенной, но не тогда. В ближайшие месяцы в битве за Атлантику решалась судьба Великобритании. Немецкие подводные лодки охотились на британские корабли, которые находились вне зоны действия британских воздушных патрулей. Не имея достаточного количества кораблей для перевозки продовольствия и оружия, Черчилль оказался перед тяжелым выбором: продовольствие или оружие. Если Франклин Рузвельт не расширит американскую зону патрулирования в Восточной Атлантике, то британские потери будут возрастать. Рузвельт, к разочарованию Черчилля, отказался подвергать свой флот дополнительным опасностям.

Плававшие на поверхности стальные монстры наводили ужас не меньший, чем подводные лодки. Линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц», проходившие последние испытания в Балтийском море, вырисовывались в качестве двух фюреровских весенних орудий разрушения. Водоизмещением почти 42 тысячи тонн каждый, линкоры имели восемь 15-дюймовых орудий, приводились в действие тремя турбинами Blohm & Voss и дюжиной паровых котлов Wagner, имели мощность 138 тысяч лошадиных сил и скорость хода 30 узлов. Точность их оптических приборов наведения намного превосходила точность британских оптических приборов, и они могли обогнать и обстрелять любой британский линкор. Но в начале 1941 года Черчилль ничего не знал о «Бисмарке»; местонахождение этих кораблей держалось в секрете. Позже Черчилль написал, что «Гитлер не мог бы эффективнее использовать два своих линкора, чем держать их в состоянии полной боевой готовности в Балтийском море, с тем чтобы время от времени просачивались слухи о предстоящем в ближайшее время рейде. Это вынуждало нас сосредоточить в Скапа-Флоу или поблизости от него фактически все новые корабли, которыми мы располагали, и давало ему преимущество в том смысле, что за ним оставался выбор момента для действий, причем он был бы избавлен от напряжения, связанного с необходимостью быть постоянно наготове. Так как корабли должны время от времени проходить текущий ремонт, мы фактически не имели возможности сохранять за собой достаточное превосходство. Любая серьезная авария полностью лишила нас этой возможности». Торговые суда союзников (британские, голландские, норвежские и канадские) ходили в сопровождении столь незначительных эскортных и настолько регулярно подвергались атакам, что команды не убирали спасательные шлюпки, чтобы ими можно было воспользоваться в любой момент»⁶⁸³.

Вот таким тяжелым было положение на море и в воздухе в первые два месяца 1941 года. С мая прошлого года условия жизни на Европейском континенте, от Польши до Франции, только ухудшались. В будущем – если бы Черчиллю удалось втянуть в войну Соединенные Штаты – там должны были состояться решающие сражения. Но до тех пор Черчилль мог только изредка с помощью выступлений по радио пытаться поднять моральный дух поработанных европейцев, как он это делал в 1940 году в отношении соотечественников.

---

⁶⁸¹ Klingaman, 1941, 127; *Time*, 3/14/41, 25; WSC 3, 112, 122.

⁶⁸² Colville, *Fringes*, 358.

⁶⁸³ Roger Chesneau, *Conway's All the World's Fighting Ships, 1922–1946* (London, 1980), 244; WSC 3, 122.

Безнадежная задача. Гитлер похоронил надежды всех тех, кого завоевал. Гитлер владел западной половиной Европы, Сталин – восточной половиной. Они были партнерами. Сталин был верным и надежным спутником рейха с тех пор, как Гитлер двинулся на запад, сокрушая империалистические демократии. Сталин обязался поставить в Германию в наступающем году тонны зерна и нефти. Гитлер, в свою очередь, обещал увеличить поставки стали и средств производства в Россию. Срок первой поставки немецкой стали – середина 1941 года.

В новогоднем поздравлении Муссолини Гитлер, в частности, написал относительно России: «Я не предвижу какой-либо инициативы русских против нас, пока жив Сталин, а мы сами не являемся жертвами каких-либо серьезных неудач... Я хотел бы добавить к этим общим соображениям, что в настоящее время у нас очень хорошие отношения с СССР». Немецкая разведка не могла обнаружить и намек на какие-либо советские «инициативы» против Германии, поскольку они даже не рассматривались. Советы думали только о расширении торговли с Германией и увеличении влияния в Восточной Европе, хотя советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов в ходе ноябрьских переговоров с Риббентропом проявил жадность и несговорчивость. Молотов потребовал увеличения влияния СССР на Балканах. Он потребовал вывода немецких войск из Финляндии и признания Германией того факта, что Болгария входит в сферу влияния СССР. Он также потребовал, чтобы Гитлер обнародовал все свои планы, имеющие отношение к Балканам и Греции⁶⁸⁴.

Эти наглые требования привели Гитлера в бешенство, поскольку ему была необходима свобода действий в регионе, особенно в Болгарии, чтобы защитить свой южный фланг от ожидаемых британских действий в Греции, и по другой важной причине, которую он, конечно, не раскрывал Сталину. В июле прошлого года он сказал командующим, что весной собирается напасть на Россию. Вот почему Болгария приобрела важное стратегическое значение. Она не только защищала немецкий южный фланг от британцев, в случае их высадки в Греции, но и прикрывала южный фланг фронта от Сталина. Для того чтобы отвлечь Сталина от Центральной Европы, Гитлер соблазнял Сталина заманчивыми перспективами для России при дележе расчлененной Британской империи, предлагая присоединиться к Трехстороннему пакту в качестве четвертого партнера. Однако Англия продолжала вести борьбу, и Гитлер пока не мог предъявить труп Британской империи.

Сталин хотел разделить с Гитлером господство в Центральной и Восточной Европе. Черчилль считал, что Гитлер никогда не собирался делиться властью, и в июне прошлого года пытался убедить в этом Сталина. Гитлер ясно дал понять в *Mein Kampf*, что судьба Германии – на Востоке. «Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России. В этом случае мы должны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов». Он написал, что «правители современной России – это запятнавшие себя кровью низкие преступники». Гитлер всегда считал, что германскому народу для своего существования необходимо *Lebensraum*, жизненное пространство на востоке, то есть в России. Вот почему в середине 1940 года он приказал главному командованию сухопутных войск (ОКХ) приступить к планированию операции по вторжению в Россию и в декабре одобрил план ОКХ (план «Барбаросса»), согласно которому в середине мая Германия должна была напасть на СССР и предполагалось, что через пять месяцев, до наступления зимы, она будет праздновать победу⁶⁸⁵.

Логика предательства по отношению к Сталину была понятна только Гитлеру и некоторым – но далеко не всем – из его ближайшего окружения. Черчилль, как и летом прошлого года, попытался установить со Сталиным такую же связь, как с Рузвельтом, но потерпел неудачу.

---

⁶⁸⁴ Laurence Thompson, *1940* (New York, 1966), 234–35; Ian Kershaw, *Hitler: 1936–1945 Nemesis* (New York, 2000), 334; WSC 3, 12–13.

⁶⁸⁵ Shirer, *Rise and Fall*, 806; Kershaw, *Hitler*, 342–44; Adolf Hitler, *Mein Kampf*, edited by John Chamberlain et al. (New York, 1939), 959–61.

Сталин не верил предупреждениям из Лондона, считая, что Черчилль просто хочет разжечь ссору между Россией и ее хорошим другом Германией. В любом случае у Черчилля не было точной информации, подтверждающей его подозрения. Не было ее и у американцев в начале года. Американский дипломат Джордж Кеннан позже написал, что «мы, американские дипломаты в Берлине, не сразу поняли, что, согласно логике Гитлера, невозможность захватить Британию неизбежно означает необходимость вторжения в Россию». На это намекали источники Уильяма Л. Ширера в Берлине, но Ширер, вместе с остальной частью мира, предположил, что сначала Гитлер должен завоевать Англию. В конце 1940 года Ширер поведал свои размышления о перспективах Гитлера в развязывании войны с Америкой или Россией: «Я твердо убежден, что он действительно рассматривает [эти варианты] и если он победит в Европе и Африке то в конце концов начнет войну, если мы не будем готовы отказаться от нашего образа жизни». После победы в Европе, написал Ширер, Гитлер «нападет на Россию, вероятно, прежде чем займется Северной и Южной Америкой». Тем не менее «гитлеровская Германия никогда не будет господствовать в Европе, пока держится Великобритания»⁶⁸⁶.

Черчилль придерживался того же мнения. Но он понимал, что Гитлер, чтобы сокрушить русских, мог создать новые тяжелые бомбардировщики и, возможно, даже ракетное оружие. Он мог построить корабли, подводные лодки и современные десантные суда. И тогда фюрер может повернуть свои армии на запад, в направлении Великобритании. Черчилль готовил британцев к такой возможности и готовил свои армии. Теперь ход был за Гитлером. Если он появится в Англии весной, то Черчилль и его армии, усиливающиеся с каждой неделей, будут готовы. Если Гитлер не появится в Англии, то придет день – возможно, через пару лет, – когда Черчилль придет в Европу. Такой был план. Но Черчилль столкнулся с множеством неизвестных.

Он понял, что Гитлер возьмет курс на восток, но отсутствие контринтуитивного мышления и точной разведывательной информации не позволяло ему понять искаженную гитлеровскую логику. Ему оставалось только ждать.

Черчилль не мог, кроме как в воздухе, напрямую вступить в бой с Гитлером, но мог сделать это косвенно. Летом прошлого года он одобрил предложение по финансированию и вооружению тех среди завоеванных народов, кто был достаточно смел, чтобы восстать против нацистских тюремщиков, оказывать сопротивление любым способом и с помощью любого оружия. Он подбадривал тех, кто был слишком боязлив, чтобы нанести удар по врагу; многие прислушивались к его словам, и со временем многие вступали в борьбу. Во время Битвы за Британию он приказал Исмею «подготовить ряд операций, проводимых специально обученными войсками типа охотников, способных создать атмосферу террора вдоль занятого противником европейского побережья, в основном проводя политику безжалостного уничтожения и немедленного исчезновения», чтобы «мы могли нанести внезапный удар... истребить и захватить в плен гарнизон гуннов и удерживать этот район вплоть до завершения всей подготовки к осаде или захвату штурмом, а затем уйти... оставив за собой гору немецких трупов». Это было грязное, но необходимое дело⁶⁸⁷.

В это же время Хью Далтон, глава военно-экономического министерства, занимавшегося, в числе прочего, скрытой «черной» пропагандой (обман и дезинформация), убедил в необходимости «организовать на оккупированных территориях движения, сравнимые с шинфейнерами в Ирландии, китайскими партизанами, борющимися против Японии, испанскими повстанцами... в период кампании Веллингтона или, и это следует признать, нацистскими организациями, созданными почти во всех странах». Социалист Хью Далтон назвал предложенную организацию «демократическим интернационалом». Организации предстояло «использовать

---

⁶⁸⁶ Shirer, *Berlin Diary*, 459—65.

⁶⁸⁷ Colville, *Fringes*, 148—49.

самые разнообразные методы, включая военный и промышленный саботаж, волнения и забастовки среди рабочих, постоянную пропаганду, террористические акты, направленные против предателей и немецких лидеров, бойкоты и бунты». Далтон считал, что эта организация должна быть «полностью независимой», не должна подчиняться обычным ведомственным правилам и контролю, даже со стороны военного министерства. Мало того, что это специальное подразделение должно было действовать самостоятельно, без надзора со стороны какого-либо министерства, но, по мнению Далтона, успех ее будущих действий зависел от «фанатичного энтузиазма»⁶⁸⁸.

Черчилль горячо поддержал план Далтона. Если фанатизм необходим в борьбе с гитлеризмом, то пусть начнется хаос. Если это не окажется эффективным, то Далтон и его друзья-социалисты возьмут вину на себя. В июле 1940 года Черчилль пригласил Далтона присоединиться к нему и его «обычным вечерним гостям» – Профессору и Брекену, – чтобы довести план до ума. За обедом премьер-министр предложил Далтону, главе военно-экономического министерства, которое Черчилль называл «министерством неджентльменских военных действий», возглавить «новое орудие войны», отдел специальных операций (SOE – Special Operations Executive). По окончании встречи Черчилль напутствовал Далтона словами: «А теперь подожгите Европу»⁶⁸⁹.

Хотя эта фраза долго цитировалась в качестве доказательства намерения Черчилля разбить Гитлера, биограф Далтона, Бен Пимлотт, отмечает печальную иронию этих слов, учитывая явную военную слабость Великобритании в то время. Многие из окружения Черчилля не разделяли энтузиазм Далтона. Министерство иностранных дел стремилось избежать скандалов в Европе, а не разжигать их; обман друзей и нейтралов мог когда-нибудь привести к нежелательным последствиям. И вскоре после назначения министром информации Брэнден Брекен, давний политический противник Далтона, развернул свою кампанию неджентльменских слухов, направленных на SOE и Далтона. Брекен стремился дискредитировать SOE, чтобы объединить «черную» пропаганду SOE с «белой» (в основном правдивой) пропагандой министерства информации. Это была просто обычная борьба за сферы влияния. Ходили самые невероятные слухи. В определенных кругах говорили, что SOE «кишит психами, коммунистами и гомосексуалистами». Т.Э. Лоуренс, шептали на Уайтхолле, одобрил бы этот «культ тесной дружбы с крестьянскими партизанами»⁶⁹⁰.

Генерал Окинлек и маршал авиации Портал пожаловались Черчиллю, что SOE, в отличие от разведки, «мошеннический, не несущий ответственности за свои действия, коррумпированный» отдел. Однако, каким бы неподобающим ни казался отдел таким благородным господам, как Окинлек и Портал, Черчилль был готов на все, если речь шла о кровавых убийцах-нацистах. Далтон разместил свой секретный отдел на Бейкер-стрит⁶⁹¹.

Далтоновские саботажники, бойцы Сопротивления и члены их семей платили страшную цену, когда попадали в руки нацистов. На Уайтхолл ежедневно поступали сообщения о репрессиях нацистов против тех, кто бросил им вызов. Когда польские патриоты убили этнического немца, гестапо схватило сто шестьдесят заложников и семнадцать расстреляло. Наказание за пение польского государственного гимна – смерть. Наказанием для двух норвежских членов профсоюза, у которых хватило духа публично высказать мнение об условиях труда, стала смерть. Восемнадцать голландских бойцов Сопротивления пели свой государственный гимн, когда их вели на казнь. Чтобы дать понять голландцам, что они не забыты, британские бомбардировщики сбросили сотни фунтов чая в пакетиках с запиской: «Привет из Свободной

---

⁶⁸⁸ Ben Pimlott, *Hugh Dalton* (London, 1985), 296.

⁶⁸⁹ Colville, *Fringes*, 196; Hugh Dalton, *Memoirs 1931–1945: The Fateful Years* (London, 1957), 365–67.

⁶⁹⁰ Pimlott, *Hugh Dalton*, 301.

⁶⁹¹ Pimlott, *Hugh Dalton*, 312.

Голландской Индии. Не падайте духом. Голландия возродится». С созданием SOE Черчилль придумал более действенный способ помочь голландцам – и всем европейцам, – чем сбрасывать пакетики с чаем. За четыре следующих года SOE забросил в Европу около пятисот агентов, в том числе шестьдесят женщин (тринадцать из которых были схвачены гестапо, подвергнуты пыткам и убиты). Если женщины могли заниматься шпионажем и при необходимости убивать, то Черчилль хотел, чтобы они там шпионили и убивали. Агенты SOE, отправленные с благословения Черчилля на оккупированные территории обучать местных жителей, устраивать массовые беспорядки, шпионить и убивать, говоря современным языком, увеличили боевые возможности. Британцам, конечно, ничего не было известно о деятельности SOE⁶⁹².

Отношения Черчилля с британцами основывались на доверии; он просил их верить в него. В течение 1941 года он не мог много дать своим соотечественникам, разве что вдохновляющие речи, мрачные позы и знаменитый жест V – символ победы. «V кампания» началась в январе, когда Виктор де Лавеле, бельгийский беженец и руководитель бельгийского сектора Би-би-си, призвал бельгийцев, писавших на стенах и тротуарах «RAF» (Королевские военно-воздушные силы), писать букву V – в знак демонстративного неповиновения. Знак завоевал популярность. На французском языке он означал Victorie (победа); на фламандском (один из трех государственных языков Бельгии) – Vrijheid (свобода); на нидерландском – Vryheid (свобода); на сербском – Vitestvo (героизм); на чешском – Vitezstoi (победа). Но нацисты, с предсказуемым высокомерием и поразительной глупостью, тоже использовали этот символ. Берлинское радио поставило в заслугу Германии эту кампанию, отметив, что V появляется во всех европейских странах, куда пришли немцы. На самом деле, пытаясь подстроить V под себя, нацисты сами загнали себя в угол: немецким солдатам оставалось только улыбаться и отдавать честь, когда бельгийцы, голландцы или французы показывали этот жест. В июле «полковник Бриттон» (помощник редактора Дуглас Ритчи) передал по Би-би-си сообщение от Черчилля европейцам оккупированных стран: «Поднимайте два пальца в знак победы как члены огромной армии. Делайте это и в темное время суток, и днем». Всякий раз, когда Черчилль поднимал в знак победы два пальца, щелкали затворы фотоаппаратов. Он использовал этот жест до конца дней в тяжелые моменты для страны и лично для него⁶⁹³.

К досаде сотрудников, Черчилль, зажав сигару между указательным и средним пальцами, часто поднимал руку в победном жесте ладонью к лицу – британский вариант американского поднятого среднего пальца, – вместо того чтобы развернуть руку ладонью наружу. Но как бы он ни повернул руку в победном жесте, толпа выла от восторга, поскольку премьер-министр велел Гитлеру убираться прочь. Настолько сильной была связь, что, потеряй Черчилль голос, хватило бы двух его поднятых пальцев. Радиостанция Би-би-си стала начинать свои трансляции на оккупированную Европу и остальную часть мира первыми тактами Пятой симфонии Бетховена, поскольку первые четыре ноты соответствуют в азбуке Морзе букве V – точка, точка, точка, тире. Полковник Бриттон призвал жителей оккупированной Европы выстукивать знак на бокалах и кофейных чашках, каждый раз, когда в помещение входят немцы. Немцы не могли предпринимать никаких ответных действий, поскольку утверждали, что сами развернули эту кампанию⁶⁹⁴.

Совершая поездку по Америке в 1940 году, Дафф Купер обнаружил, что большинство американцев, с которыми он встречался, имеют ошибочное представление о Великобрита-

---

⁶⁹² Martin Gilbert, *The Second World War: A Complete History* (London, 1989), 161.

⁶⁹³ Klingaman, *1941*, 47; *NYT*, 7/21/41.

⁶⁹⁴ Colville, *Fringes*, 441.

нии. Американцы считали, что доминионы по-прежнему остаются колониями Великобритании, примерно как тринадцать колоний⁶⁹⁵.

Практически каждый встреченный Купером американец считал, что в войне между индустриями и мусульманами виноват Лондон и что британцы должны уйти из Индии. Купер пришел к мнению, что Великобритания проигрывает не только войну в Европе, но и пропагандистскую войну в Америке. Черчилль думал, что знает американцев. Он написал много газетных очерков, сборник эссе и три крупных произведения – биографию своего предка герцога Мальборо, историю Первой мировой войны и невероятно захватывающую книгу о своей юности *My Early Life* («Мои ранние годы»). В 1939 году он издал сборник эссе *Step by Step* («Шаг за шагом»), в котором объяснил, как в течение 1930-х годов Европа пришла к войне. Но большинство американцев не читали книг иностранных политиков, чтобы составить свое мнение или согласиться с мнением автора. В конце 1920-х, приезжая в Америку с лекциями, Черчилль собирал трехпятитысячную аудиторию, значительное количество, особенно в то время, когда большинство американцев мало интересовали события, происходящие за океаном (впрочем, Черчилль тоже в то время не ставил задачу предупреждать человечество об опасности тоталитаризма; он хотел продать свои книги и статьи)⁶⁹⁶.

Американская пресса в течение двух десятилетий отмечала стиль Черчилля, остроумие и литературные способности, а в апреле 1923 года его портрет появился на обложке журнала *Time*. В конце 1930-х Черчилля, изгоя в своей партии, много слушали в Америке, и часто его слова оказывались пророческими. В 1938 году в статье в *Saturday Evening Post* он призывал к созданию Соединенных Штатов Европы. И конечно, он предсказал ужасы, которые ждут Европу. Однако вплоть до декабря 1941 года большинство американцев, согласно опросам общественного мнения, проводимым Институтом Гэллага, не интересовались ни событиями, происходившими в дальних странах, ни предсказаниями Уинстона Черчилля относительно наступления нового Средневековья. В 1941 году Чарльз Линдберг выступал на стадионах, куда стекались сотни тысяч людей, чтобы послушать его изоляционистские речи, и всегда начинали свистеть, когда Линди (так друзья называли Линдберга) упоминал имя Черчилля. Американцы поняли простую истину: если Америка вступит в войну, их сыновья будут воевать и десятки тысяч погибнут.

Черчилль, может, и был наполовину американцем, но он был настоящим англичанином, к тому же английским аристократом. Одеваться ему помогали слуги. Он носил массивные карманные часы *Breguet*⁶⁹⁷ – называл их «луковицей» – на тяжелой золотой цепочке, тянувшейся по жилету, что придавало ему вид папаша Уорбакса⁶⁹⁸, и это в то время, когда большинство американцев не могли позволить себе ни жилет, ни золотые часы, ни золотую цепь для часов.

Черчилль нуждался в поддержке рабочего класса Америки, но его слабым местом было его прошлое. До 1940 года американцы видели в Черчилле не блестящего политика, а человека, от которого можно ожидать чего угодно, импульсивного, остроумного, иногда точного в предсказаниях, но в конечном счете ненадежного. «Большая часть ранней его карьеры напоминала игру «Змеи и лестницы», – вспоминал А.Дж. П. Тейлор, – и в тех случаях, когда он поднимался по лестнице, он, казалось, находил повод ползти вниз». Он вдохновлял Великобританию с тех пор, как стал премьер-министром, но Великобритания по-прежнему балансировала на краю

---

⁶⁹⁵ Тринадцать колоний – это британские колонии в Северной Америке, которые в 1776 году подписали Декларацию независимости и официально объявили о непризнании власти Великобритании, что привело к созданию Соединенных Штатов Америки и Войне за независимость США.

⁶⁹⁶ Duff Cooper, *Old Men Forget* (London, 1954), 270–71.

⁶⁹⁷ Среди известных исторических личностей, носивших часы *Breguet*, были Вашингтон, Веллингтон, Наполеон, Мария-Антуанетта. (Примеч. авт.)

⁶⁹⁸ Папаша Уорбакс – персонаж комикса Гарольда Грея *Little Orphan Annie* («Маленькая сиротка Энни»).

пропасти. Учитывая его неоднозначное прошлое, он мог оказаться человеком, от толчка которого она свалится в пропасть⁶⁹⁹.

Журнал *Time* в первом январском номере за 1941 год назвал Черчилля, ранее считавшегося ненадежным, «Человеком года» за 1940 год. Черчилль, объявили редакторы, обладает, как Ленин и Гитлер, ораторским талантом. С помощью слова эти три гиганта изменили ход истории, двое в плохую сторону, а один, Черчилль, в хорошую, и он одержал победу в этой борьбе: «Он [Черчилль] дал соотечественникам то, что обещал: кровь, тяжелый труд, пот, слезы и еще одно – невероятное мужество». Некоторые читатели написали письма, в которых выразили удивление. Черчилль – человек года? Почему не Гитлер? Гитлер мог претендовать на звание «Человек года» не из-за чудовищности преступлений, совершаемых им с 1939 года, а потому, что Гитлер, по мнению многих американцев, восстановил Германию. Рейхсфюрер построил сеть автобанов, которую американцы взяли за образец при строительстве сети автотрасс в Америке. Теперь он весьма энергично разрушал старый порядок. Автор письма из Нью-Джерси написал: «Если Англия победит... мир утратит возможность, чтобы им управлял самый умный человек со времен Моисея». Хотя сравнение Гитлера с библейским пророком, освободившим евреев от тирании, сейчас звучит как жуткая ирония, многие американцы не считали Гитлера – и всю Германию – врагом. И они задавались вопросом, заслуживают ли Великобритания и Черчилль их помощи и не находятся ли они на грани поражения, когда любая помощь придет слишком поздно⁷⁰⁰.

Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, Рузвельт отправил в Лондон Гарри Гопкинса. Он прибыл в Лондон 9 января в сопровождении Брэндена Брекена, который встретил его в городе Пул, расположенном на южном побережье Англии. Гопкинс зашел в свое посольство, расположенное на площади Гросвенор (Grosvenor Square), чтобы узнать последние новости, а затем пошел в *Claridge's*. Черчилль отправил Брекена встречать Гопкинса по вполне понятным причинам. Брекен был другом Черчилля и посредником на протяжении почти двух десятилетий. Он, как и Черчилль, был оптимистом, но без перепадов настроения и депрессий. Когда Старик впадал в хандру, Брекен мог вытащить друга из этого состояния. К тому же он был министром информации и обладал самым широким спектром знаний. Если Брекен присутствовал на совещании, написал Колвилл, то «не было необходимости в справочной литературе». Через несколько часов после прибытия Гопкинса Брекен назвал Гопкинса «самым важным гостем, когда-либо посещавшим остров». Чрезмерная оценка значимости Гопкинса, учитывая свойственную Брекену восторженность, кажется предсказуемой, однако к его мнению прислушались, и в первую очередь Черчилль⁷⁰¹.

---

⁶⁹⁹ WM/A.J.P. Taylor, 1980.

⁷⁰⁰ Gardner, *Churchill in Power*, 108; *Time*, 1/6/41.

⁷⁰¹ Colville, *Fringes*, 331–33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.